

~~841.518.122~~
м 89

КӨМӨЛ ЖҮНІСТЕГІ

ВЕЛИКИЙ СЫН
СТЕПЫ
ЕДИТЕ

Ж.А. С. 111. 111

Ж. 89

КӘМЕЛ ЖҮНІСТЕГІ

ВЕЛИКИЙ СЫН СТЕПИ ЕДИГЕ

АЛМАТЫ
2020

УДК 821.512.122

ББК 84(5Каз)

Ж 89

*Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности
сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация
казахстанского культурного наследия
и повышение эффективности реализации архивного дела»,
по подпрограмме «Приобретение, издание и распространение
социально-важных видов литературы»
Комитета языковой политики
Министерства культуры и спорта Республики Казахстан*

Жұністігі К.

Ж89 Великий сын степи Едиге / Кәмел Жұністігі. Перевод с казахского Данияра Рашиди. - Алматы: ТОО РПИК «Дәуір», 2020.-280 с.

ISBN 978-601 -217-687-2

Роман посвящен легендарному казахскому батыру Едиге, ставшему из рядового воина Улу-бием - правителем Золотой Орды.

Герои книги Амир Тимур, Токтамыс, Жалаладдин, князь Витовт, Дмитрий - исторические личности, проживавшие во времена Золотой Орды. Такое легендарное событие, как сражение на реке Ворскле между войском Великого княжества Литовского и его русскими, польскими и немецкими союзниками, с одной стороны, и народным ополчением Золотой Орды во главе с Едиге - с другой, впервые реалистически описано автором романа.

Легендарный Едиге-батыр там, где вершится судьба Золотой Орды, где над мечтой народа сгущаются грозные тучи.

УДК 821.512.122

ББК 84(5Каз)

ISBN 978-601-217-687-2

© ТОО РПИК «Дәуір», 2020

21984

ЕДИГЕ

I

Смутное время

Вставший, по своему обыкновению, с первыми лучами солнца Кутлукция долго любовался окрестностями, наслаждаясь свежим утренним ветерком, веявшим с гор Каратау. Озеро Кызылколь, расположенное около Кумкента, тихо дышало, мелкие волны словно гоняли друг друга, изредка из воды выпрыгивали рыбешки. Облако, заночевавшее на вершине старого Каратау, с восходом солнца окружило макушку горы белой чалмой и постепенно стало исчезать.

Кутлукция был акимом этого кента, небольшого городка. Нукеры хана Тайкожи, гостившего здесь со вчерашнего дня, еще не встали. Тайкожа-хан и Кутлукция искренне дружили уже очень давно, и хан всегда держался с ним на равных. Тайкожа любил время от времени останавливаться в этом кенте, находившемся во владении Кутлукция. Он приезжал поделиться со своим другом переживаниями, камнем лежавшими на его душе, теми событиями, которые не мог пережить в одиночку, и выложив все накопленное за это время, как бы чувствовал облегчение.

Один из привязанных коней оборвал петлю, почувствовал свободу и, обнюхав помет другого коня, ударил копытами, показывая свой дикий нрав. Второй тоже, изо всех сил отпрыгнув назад, оборвал узечку и, громко заржав, стал передними ногами бить по воздуху. Оба коня, развернувшись назад, столкнулись. Тихое утро было нарушено шумом этих животных, ржанием и ударами копыт.

Выбежавший, чтобы разнять лошадей, мальчик оказался сыном Кутлукция Едиге. Его окрику «Ай, шу! Шу!» и размахиванию палкой возбудившиеся жеребцы не подчинились. «Как бы взбешенные жеребцы не растоптали сына», - подумал Кутлукция. Переживая за сына, сделал несколько шагов и остановился, заду-

мавшись: - «Да, хоть он еще и мал, но проворлив, пусть мужает, увидев и такое».

- Ей, ты куда смотришь? - раздался гневный голос десятника нукеров хана.

- Я что ли? - укутавшийся в тулуп сонный охранник высунул голову.

- Богом проклятый... Доверился тебе... Если даже всех коней угонят, ты даже не шевельнулся бы, посмотри на себя!

От крепкого подзатыльника десятника охранник упал лицом вниз и, глотнув пыли, закашлялся.

Одного из озлобленных жеребцов поймал за петлю десятник. Маленький Едиге тоже не отставал, как ни пыхтел жеребец, не отпускал веревку и, подчинив второго коня, повел за собой.

- Брат, дай мне немного поскакать.

- Нет, братишка, если хан увидит, нам несдобровать.

Кутлукия, по обычаям степняков, с трех лет обучал Едиге верховой езде. С тех пор прошло вот уже шесть-семь лет. «О, Аллах, благодарен тебе!» В это лето он увидел, как Едиге обучал одичавшего молодого коня. Если ему дать этого необузданного жеребца, он за полчаса уже справился бы с ним, сделав из него смиренного коня. Но жизнь - это необузданное время и его просто так не подчинишь. Не единожды гром будет греметь над головой, и свирепый ветер перемен будет скидывать в неизведанный овраг. Выйти, найти свою дорогу и не сбиться с пути - требует сильную волю. Воля - это стальной стержень, который выковывается с младенчества. Да и этого недостаточно. Чтобы в кромешной тьме суметь найти слабый свет, нужны знания, нужно учиться различным наукам. И в этом Едиге никому не уступает. Закончив аптиек, осилив Коран, изучая Мухтасар, взялся за Абжад. Учителя медресе не раз говорили Кутлукию, что Едиге, если продолжит обучение, освоит все науки.

Издалека показалась поднимающаяся пыль, постепенно растлалась по степи. Кутлукия, приставив ладонь ко лбу, пристально всмотрелся и покачал головой:

- К добру бы.

Кумкент - небольшой городок на торговом пути. На юге от него - Баба Ата, к северу Созак. Караван мимо Кумкента не проходит. Через Кумкент караван по реке Сарысу идет по великой степи Сары-Арка. Город не имеет сильного укрепления, огорожен невысокими стенами.

Кутлукия как градоначальник посвятил себя охране благополучной жизни мирных горожан. Распри, вражда, недоверие, заро-

дившиеся в округе, доходя до Кумкента, быстро угасали как пожар после дождя. Некоторые считали это благословением святого Баба Тукти Шашты Азиза, могила которого находится близ города, другие - умением вести дела и благородством Кутлукии. Поток людей, идущих поклониться святому Шашты Азизу, не прекращался. Рассказы людей, переночевавших у могилы святого и почувствовавших на себе его благотворное влияние, - это уже сама по себе целая легенда. Раз ты человек, то у каждого есть своя проблема, все ждут чего-то от Бога. Может, поэтому те, кто приезжает в Кумкент, меняются, становятся добрее.

Покоривший многие народы и земли Амир Тимур и то не показал враждебность и силу. Несколько лет тому назад прибыл гонец от Амира Тимура. Амир, оказывается, как и все, любит охоту с собаками и беркутами. Амир услышал от кого-то, что у правителя Кутлукии есть очень хваткий беркут, и изъявил желание приобрести его. Но у Кутлукии не было такой птицы. Чтобы не осталось сомнений у гонца Амира, он показал ему все, обошел даже дома друзей. Беркут, о котором слышал Амир, оказался птицей с горы Ортау в Сары-Арке. Только беркутов с горы Ортау держал Джучи-хан. Кутлукия, подчеркивая свое дружественное отношение к Амиру, через гонца обещал в течение двух-трех месяцев исполнить его желание. Посланник Кутлукии в горы Ортау в середине лета привез двух белоголовых птенцов. Амир Тимур жигита, привезшего птенцов, тоже не с отпустил пустыми руками, передал большие подарки Кутлукие. С того времени этот край пребывает в тишине и безопасности. Нет врага, кроме волка, бежавшего от людей, не видно верхового с пикой и недобрыми помыслами.

- О, Аллах, дай мир и покой народу.

Среди пыли показалось что-то черное. Черное... пегое или какого цвета пока не различишь. Поднимая за собой столб пыли, мчится во весь опор. Если охотник, то впереди не видно бегущего от него зверя, если сам бежит, сзади также не видно преследователя. Кто это? Скачет ни на что не глядя. Постепенно начал собираться народ.

- Е... ей...й, - голос издалека еле слышно.

- Это не просто кто-то праздно шатающийся.

- И коня он совсем не жалеет. День такой, просто обжигает все живое.

- Эх, к добру бы это,- старый Есе-би тяжело вздохнул.

- Вроде нет у нас врага, наступающего на наши земли,- десятник нукер удивился.

Да и Кутлукция не слышал, что наступает какой-то враг. Как градоначальник он узнавал все новости от всех проезжавших мимо, особенно купцов, которые объезжают тридевять земель и знают очень много, постоянно расспрашивал о соседних народах, об их помыслах. Сарбазы Амира Тимура в эти края, к богатой Арке, не направлялись. У Амира, кажется, даже не было мысли подчинить себе бескрайние степи Сары-Арки и его народ, владеющий несчетным количеством скота и добра. Наоборот, каждый год он направляет свой караван к Аргын-Найман, Керей-Уак, Алшын-Тама. За торговлю тысячами табунов скота перегоняет к себе и, кажется, этим доволен. Тогда кто это? Что за гонец?

Гонец, только близко подъехав к стенам города, потянул повод своего черного коня. Скрипнув, открылись ворота. В этой нестерпимой жаре надевший на голову норковую шапку жигит, гарцуя на коне, остановился на центральной площади.

- Уа, народ, слушайте! Слушайте! - крикнул он во весь голос.

- Что говорит он?

- Говорит «Слушайте».

Собравшиеся, заметив изнуренный вид жигита-гонца, предложили большую чарку кумыса. Жигит, страдая от невыносимой жажды, одним глотком выпив кумыс и вытерев ладонью губы, наконец облегченно вздохнул.

- Да этот, оказывается, душу чуть не отдал, - засмеялся десятник.

- Народ, Урус-хан собирает войско. Собирайтесь вокруг превеликого Урус-хана. Это приказ хана. Если кто откажется, кары не миновать.

- О, да с кем он воевать собрался?

Сидевший на низеньком стульчике старый Есе-би, погладив блестящую седую бороду, покачал головой.

- Что он сказал? Урус-хан герой из героев? - десятник усмехнулся.

- Когда он был предводителем войск, какого врага одолел?

- Никому не желаю кары хана. И городские и степные жители приказа хана не слушаются. Кто против, тому не жить. Урус-хан - елик.

- С кем он воевать собрался? - удивленно спросил один из стариков.

- А, о чем спросил?

- С кем он воюет?

- С кем? - гонец хана, как будто теперь вспомнив, снял дорожную шапку, повертев на пальце, снова надел ее, будто желая по-

казать: «Вот видите, приближенные хана могут приобрести такие вещи». Невысказанную гордость гонца понял и Кутлукия и другие.

- Урус-хан намерен стать властителем Сарая.

- А? - переспросил десятник, не поверивший своим ушам.

- Сараем... - старый Есе-би, удивленно обернувшись, посмотрел на окружающих и тяжело вздохнул. - Тогда... Неужели мы будем громить свое гнездо?! - его дрожащий голос был еле слышен.

- Да да, Урус-хан теперь намерен объявить свое величие всему миру.

- Сынок, как тебя зовут-то? - спросил старик, повернув к нему шлову.

- Тебе-то зачем это?

- Народ хочет знать имя гонца хана.

- Ну, тогда можно. Кенженом зовут меня.

- Так-то другое.

- Ну, народ, собирайтесь. Те, кто идут в войска хана, через неделю должны прибыть к его Орде. На хорошем коне и должны быть вооружены всеми пятью видами оружия. Провизию тоже надо иметь с собой.

- Хорошая одежда у этого жигита, - у Андасына, друга Едиге, заблестели глаза.

- Снаружи блеск, а внутри как? - неодобрительно высказался Едиге.

- Он же говорит, что приказ хана.

- Нет, не знаю. Надо спросить у старших. В тех книгах, которые я читал, такого ничего не было. Как зовут хана? Урус, или Орыс?

- Этого я тоже не понял, - Андасын погладил макушку.

- Да ну его! Нам все равно.

Собравшиеся тихо беседовали между собой, а старики с тревогой перед неизвестностью, поглаживая бороды, начали расходиться. По обычаю Кутлукия обустроил гонца Урус-хана Кенжена, обеспечив всем необходимым, а его коня поставил в конюшню. В душе Кутлукии была печаль и тревога. Не было врага - нашли и не издалека, а среди своих братьев. Чему радоваться?

Кого из себя представляет этот гонец, Тайкожа-хан хорошо знал. Кутлукия заметил промелькнувшую в лице Тайкожи тревогу. Тайкожа по сравнению с Урусом младший хан. Тот считается старшим. По обычаю Тайкожа должен слушаться Уруса.

- Ну? - спросил Тайкожа-хан, обращаясь к другу.

- Да, - Кутлукия вздохнул. - Осталось теперь меж собой воевать. На востоке - шуршут, на западе - орыс. Нынешние ханы

всё норовят бодаться меж собой, а враг, как бешеная баба, открыто начал показывать злой оскал.

А что может сделать хан Тайкожа, владеющий небольшою территорией, он тоже не скрывал недовольства, поглаживая седую бороду, тяжело дышал.

- Что же задумал Урус-хан?

- Сарай захватить хочет.

- Это же взаимная вражда, распад. А что дальше?..

- А дальше... Приказывает присоединиться к его войску. Если что не так, то все будете наказаны, устрашает гонец хана. Через неделю мы должны быть около Урус-хана. Жалеть он никого не собирается.

На следующий день посланник Урус-хана Кенжен ускакал. Он не просто покинул их, он спрашивал каждого, кто собирается в отряд войска, спрашивал каждый раз, нервируя старших и Кутлукию. Город, который сторонился всех бед и войн, который старался решать всё мирным путем, теперь был встревожен этим заявлением Урус-хана.

- Устроим собрание жителей города и только потом решим, что будем делать, - сказал Кутлукия и таким двусмысленным ответом проводил посланника Кенжена.

Хан Тайкожа тоже был очень взолнован. Имея небольшое владение, которое мало кого интересовало, он старался избегать всех этих интриг и разборок в борьбе за престол. Теперь же все эти развивающиеся события затягивали его в эту кашу. «Что же делать, как себя повести» - эти вопросы очень сильно мучили его. Он, конечно, не раз сталкивался с Урус-ханом, но не был особенно близок с ним. Синяя Орда находилась во владении потомков Ишена. Хан Шожетай, овладев этой ордой, никогда не стремился завоевать улусы других. После смерти Шожетай-хана его трон занял Урус-хан. Тогда-то и заглянул к нему Тайкожа с поздравлениями.

Прошло совсем немного времени, а слухи об Урус-хане уже разлетелись повсюду. Все говорили, Урус-хан не хотел поддерживать мирную жизнь, как его отец. Он считал, если в руках есть сила, то другие должны склониться перед ним, таким образом он начал завоевывать улусы других мелких правителей. Он слышал, что следующая его цель - это Сарай, столица Алтын-Орды. Но по древним установлениям правителем Алтын-Орды могли быть только потомки Бату-хана. Нарушить эту традицию означало только одно - безмерное кровопролитие. Но если он откажет Урус-хану, то неизвестно, как сложится потом его судьба.

Долго раздумывал Тайкожа-хан, не найдя решения и услышав, что Кутлукия отказывается от участия в этой бесчестной войне, тоже молча согласился с ним. Найдутся еще противники действиям Урус-хана, не останется же он один, успокоил он себя.

Прошлой ночью Тайкожа-хан не сомкнул глаз. Теперь, сидя на коне, он еще раз заглянул в прошлое. Вспомнил, как Урус-хан, после того как занял трон, провел совет с небольшим количеством людей. И то был он проведен не по старым традициям. Те люди, что при хане Шожетае сидели на почетном месте, в этом совете не участвовали. Всегда участвующих муфтия, занимавшего место от хана справа, и секретаря тоже не было. Они же считались самыми доверенными лицами хана, теперь они стали посторонними, а их места заняли другие. Новоиспеченные принимали слова хана беспрекословно, словно Коран, и не отняв и не добавив ничего нового, оказались подцакивающими господами. Какой это тогда совет? Как они будут решать, что правильно, а что нет?

Те высокопоставленные, кто проводил свою жизнь, охраняя хана, участвовал во многих событиях, завоевая его доверие, теперь отстранены. Очень часто какие-то незнакомые лица поднимаются наверх. Отстраненные пока живы. Чем все это кончится, никому неизвестно. Подумав об этом, хан Тайкожа, попросив милость у Аллаха, поскакал быстрее.

Внезапно поднявший столько пыли в степи, нарушивший тихую и мирную жизнь гонец Урус-хана Кенжен нарушил покой и Кутлукии. Он не мог сомкнуть глаз. Не находя себе места, то ворячаясь, то бродя в задумчивости по дому, провел он бессонную ночь. Думы никак не отпускали, хоть из дому беги. О чем думает его народ? Как можно избавиться от бед, обрушившихся на головы этих людей. Проходя мимо, закутал Едиге, сбросившего во сне одеяло. Понюхал лобик сына и лег рядом. О, Аллах, как далеко до рассвета! В обычные дни с радостью смыкавшиеся ресницы теперь никак не сомкнутся, а сон, как испуганный воробей, упорхнул куда-то. Устал, но мысли бодры. Мысли, бежавшие друг за другом, как волны, ударившись о берег, рассыпались и не на шутку расстроивали покой.

Поневоле снова встал. Начал обходить ночных дозорных. Хотя перевалило за полночь, они тоже бодрствовали. В мирные дни дозорные после полуночи, сменив друг друга, дремали, а сегодня и этого нет.

- Этот посланник нарушил наш покой, - сказал один из молодых.

- Ничто не заменит тихую жизнь.
- Эх, этому сейчас уже не бывать.
- Как я слышал, эти ханы сейчас борются за трон и поэтому воюют, - сказал молодой дозорный.
- А ты что только об этом узнал? - усмехнулся над ним другой.
- Им трон, а нам...
- С кем мы собираемся воевать? Сарай ведь главный город Алтын-Орды, мы что собираемся рушить свое гнездо, себя что ли?! Кто бы нам это объяснил.

Это не первый поход Урус-хана. Два года назад, наспех собрав войско, тоже хотел завоевать мирный, беспечный город Сарай. Но жители города встали на его защиту и, как отец, наказывающий сына за шалость, как следует отхлестав войско Урус-хана, выгнали их туда, откуда они пришли. Но тогда Урус-хан не собирал войска, тревожа весь народ. Кутлукция, услышав мнение дозорных, еще раз убедился в правильности своего решения.

Быстро проглотив свой завтрак, Едиге с тревогой посматривал на отца. Кутлукция, поняв, что его сына мучает какой-то вопрос, отодвинул завтрак, протер руки и слегка кашлянул.

- Отец!
- Ау, сынок?
- Вчера я слышал, гонец Урус-хана звал людей к захвату Сарая, что будет дальше?

- Да, сынок, такое дело назревает, - Кутлукция был доволен, что маленький Едиге интересуется такими делами, его прозорливости.

- Сынок, не будет лишним знать некоторые вещи. Алтын-Орда огромное государство. И мы тоже часть этого государства. Теперь наступило такое время, когда решается вопрос, быть или не быть Алтын-Орде. Расположившееся от Алтая на востоке, до Карпат на западе государство охватили внутренние раздоры. На западе вообще стало неспокойно. Но не оставить же совсем эти западные земли, ведь степи между Едилем и Дунаем - это земли кыпчаков, где они родились, где проводили столетиями свои праздники, где находятся могилы их отцов и прадедов. Наши исконные земли. На севере от них русские княжества, столетиями воевавшие меж собой, не ведавшие благу жизнь. Алтын-Орда примирила их и сделала одним народом, теперь же в благодарность они нас начали терзать. В те дни, когда Алтын-Орда была великой и могучей, близкие и дальние страны не спорили с ней, старались найти общий язык и жить в согласии. Быть гражданином Алтын-Орды - это честь и гордость. Русские в лесу, жители благодатного Крыма и горцы Кавказа хвалились, что они алтынординцы.

- Во оно как! - глаза Едиге блеснули от гордости. Рассказ отца Едиге слушал молча, подавшись вперед. Но постепенно выпрямился, расправив плечи.

- Это время прошло. Из-за внутренних раздоров ослабевшая Алтын-Орда похожа на человека, исхудавшего от болезней. Зато вчерашние враги, те, кто были слабыми, усиливаются. Когда-то за русских мы заступались, теперь они в этом почти не нуждаются. Наоборот, они в союзе с западными странами, с нашими врагами, хотят завладеть богатством Алтын-Орды и, если представится случай, погосподствовать над нами.

- Вы сказали, Алтын-Орда похожа на больного человека, но разве нет лечения от хвори? Отец, надо же найти лекаря, есть же среди народа человек, способный исцелить эту болезнь.

- Дай Бог, чтобы так и было, сынок, - Кутлукия с удивлением и восхищением посмотрел на сына, глаза которого блеснули, как огонь в очаге.

- Дай Аллах!

- Да сбудется,- сказал Едиге вслед за отцом.

- Вот, сынок, теперь ты должен знать это. Алтын-Орда сейчас перестала осаждать и обуздывать тех, кто выступает против нее. В этом ее слабость. Иногда, как в прежние времена, голос поднимает, но не более. Жадность ханов и их жажда престола и богатства, творимые ими бесчинства, пустое бахвальство - все это ведет к гибели Алтын-Орды. У них не осталось хороших мыслей и твердой цели. В такой ситуации внутреннее гниение не уменьшается, а, наоборот, растет. Поэтому мы постепенно теряем то, что имеем.

- Как это так? - спросил Едиге напористо.

Кутлукия пристально посмотрел на сына. Что это - детское любопытство, или с детства читая много книг, его сын хочет познать окружающий мир? Слушает с большим вниманием. Раз так, пусть зреет.

Нет конца в борьбе за престол. Из-за бесконечных братоубийств ханов почти не осталось прямых потомков Бату-хана. Кто из них жив, никто не знает. Алтын-Ордой, можно сказать, правил Ак-сопы, теперь правит Хусаин-сопы. Поднялась Кок-Орда, ты вчера видел его гонца, правителя Урус-хана. В Крыму купцы Генуи и Венеции хозяйничают, постепенно отделяются. Вчера дрожавшие перед Алтын-Ордой поляки захватили земли Волынского княжества, принадлежащие Орде, и как бы говорят: «Что ты мне сделаешь?». Литовский князь Олгерт около речки Коку разогнал войско Орды во главе с Кажыбаем, Куттыбаем и захватил Подолье.

В тех местах баскаки Орды испокон веков собирали дань. Теперь в эти края люди Орды шагнуть не могут. А после Олгерт присвоил себе Чернигов, Стародуб, Рылск.

- Да, совершенно отбили от рук, - Едиге невольно сжал кулаки.

- Да, сынок, - Кутлукия, мучительно вздохнув, кивнул головой, - когда-то простиравшаяся граница Орды по Карпатам теперь довольствуется Днепровскими порогами.

- Туф!- Едиге, недовольно ерзая на стуле, еще пристальнее смотрел на отца.

- Это еще не то, вскормленные нами русские теперь на нас же и нападают. Разбойники Новгорода ордынских купцов в Булгаре и на Каме ограбили до нитки. Какие страны позволяют грабить торговцев? А у них разбойники гуляют без наказания.

- Они переходят все границы!

- Да, сынок, это свидетельство ослабления Орды. После этого князь Новгорода преследовал правителя булгар Асана и в следующем году, потеснив ордынцев на реке Суре, построил свою крепость Курмыш.

Взволнованный от услышанного, Едиге погрыз ногти и вдруг, как бы желая освободиться от тяжелых видений прошлого, встряхнув головой, вопросительно посмотрел на отца. Отец, наставник сына, Кутлукия тоже внимательно следил за каждым мигом колебаний в душе сына.

- Тогда как же при таких ханах, как была создана великая Алтын-Орда?

- Тогда времена были другие. Можно сказать, основателем Алтын-Орды был сын Чингиза, Джучи. Сын его Бату подчинил себе Русь, Мордову, чувашей, удмуртов, поляки, немцы, римляне, вся Европа дрожала перед ним. Многие из них без боя готовы были признать его власть. Народ до сегодняшнего дня зовет Бату своим ханом. В далекие времена, почти тысячу лет назад жил хан Едил. Вот он, подчинив весь запад, в столице Римской империи гарцевал на коне. По его стопам, говорят, пошел Бату-хан. В старых писаниях все это есть.

- Где можно прочитать это?

- Сынок, я видел это в библиотеках Бухары. Очень много сведений сохранилось в библиотеках Багдада, Дамаска, Египта. Если наступят спокойные времена, ты тоже прочтешь эти книги.

- Как сложилось время после Бату-хана? - спросил Едиге.

- При хане Берке Алтын-Орда возвысилась. Берке-хан сам принял мусульманскую религию и призывал народ к исламу. Ис-

ламская религия тесно объединила народ вокруг Алтын-Орды. Для учета государственного дохода и расходов впервые был проведен пересчет населения. Чтобы держать в смирении русских князей, бросающихся друг на друга, как злые петухи, были назначены баскаки. Теперь не только драться меж собой, князья и другие лица без разрешения баскаков не могли даже жениться. Была усилена внутренняя безопасность Орды, организовано прямое подчинение центральной власти.

- Во как! - восхищено радовался Едиге. - Наверное, так и продолжалось.

- Да, - сказал Кутлукция. - Такой порядок при Узбек-хане еще больше утвердился. Узбек-хан в государственное управление привлек умных и знающих людей. Любой вопрос решался после тщательного взвешивания. Для этого был создан совет при хане. Членов совета выбирал сам хан среди людей начитанных, имеющих большой жизненный опыт, умеющих открыто высказать свое мнение. Пока члены совета полностью не выскажутся, хан свое мнение держал при себе и только потом предлагал к обсуждению.

- Как так? Это чтобы члены совета не тянули решение вопроса каждый в свою сторону, как кому выгодно? - спросил Едиге.

- Это был такой порядок, последнее слово хана принималось как окончательное решение совета. Кроме совета хана, еще четыре вида власти имели своего амира. Каждый из них был визирем. Чтобы беспрекословно выполнялись решения центральной власти, ликвидированы улусы и были созданы аймаки. Главу аймака хан назначал сам. Руководителем аймака мог стать бывший глава улуса. Если он не оправдывал доверие хана и народа и его дела на этом поприще не шли, то его снимали и назначали другого потомка из рода бывших властителей этого улуса. В акимате аймака для правосудия назначали кази, делами религии аймака занимался муфтий, были таможенная, налоговая службы, секретарь собрания, разведка, служба правопорядка.

Кутлукция долго рассказывал, объяснял и наблюдал, какой след оставляет в душе молодого Едиге его рассказ. Нет, не надоел, наоборот, лицо блестит румянцем, и горячее желание знаний выступает, ожидая продолжения рассказа. Кутлукция мысленно благодарил Бога за то, что он дал ему такого сына.

- Отец, почему не дали войска Урус-хану, может, он тоже стал бы таким знаменитым. Или вы в соре с ним? - спросил Едиге.

- Нет, сынок, ссоры нет между нами. Моя душа против задуманного Урус-ханом. Сарай - столица Алтын-Орды. Теперешние

ханы, правители Орды, тоже недотепы. Но Орду и Сарай защищает Батыр Мамай. Он не хан и ханом не будет. По старым традициям ханами становятся только потомки Чингизхана. Мамай не принадлежит к сословию торе.

- Тогда в чем превосходство Мамае?

- Сынок, я же рассказывал, как вскормленные нами, защищенные и сохраненные от уничтожения внешним врагом и междоусобиц русские теперь бросаются на нас. Создавая разбойничьи отряды, которые нападают на дальние от центра наши аулы, грабят торговцев. Вот Мамай защищает эти аулы и громит разбойников, а тех русских князей, которые не хотят подчиняться, ставит на место. Нижегородский князь, сын Константина Митрий так хотел стать великим князем, а Мамай показал ему, кто хозяин, дал великое княжество другому Митрию, сыну Ивана. А тот Митрий, потеряв рассудок, подался в бег.

- Вот оно как? - удивился Едиге.

- Молод еще, много событий произошло, о которых ты и не слышал. Мамай снова отправился в сторону Москвы, чтобы усмирить тех князей, которые опять вздумали устраивать беспорядки. Пользуясь этим, Урус-хан хочет захватить Сарай. Ну, подумай сам, Мамай для сохранения целостности Алтын-Орды пошел сражаться с врагом, а Урус-хан, как вор, пользуясь моментом, помогая врагам, собрался ударить Мамае с тыла. Если помогу ему в таком деле, кто я после этого?

- Да, тогда вы ... тогда все мы, - Едиге поправился, - тогда мы окажем большую услугу врагам Алтын-Орды. Вот почему наши горожане не поддерживают эту войну.

Показавшийся в дверях служащий объявил, что знатные люди города уже собрались во дворце. Поседевший Кутлукция, прочитав молитву, поправив головной убор, направился к двери. Едиге долго глядел ему вслед, радуясь, что у него есть такой отец. Его удивляло, как может знать его отец о происходящих событиях в далеком западе. Неужели он был там? Часто бывают в этом доме гости с разных, даже самых далеких, аймаков. Многие из них делились своими новостями и просили совета у отца. О Мамае он и раньше слышал от отца, но тогда он не объяснял, как сегодня, расставляя все по своим местам. Теперь он всё понял. Кого из себя представляет возгордившийся Урус-хан, помогающий врагам Орды. Увидеть бы его! Вчера старейший из горожан Есе-би неодобрительно покачал головой на слова гонца хана. До сих пор Есе-би сохраняет удивительную ясность ума, в делах он прозорлив и мудр.

Наступила середина лета. Издалека, со стороны орды Урус-хана, поступали разные вести. Сказывали, будто Урус-хан разграбил Сарай, но, то ли он не смог усидеть на троне, то ли его изгнали, теперь он ни с чем возвратился в свои владения. Позже степная молва одно за другим вещала о недобрых событиях. Обвинив других в своем незавидном положении, начал наказывать их, в том числе особо знатных, приближенных людей своего отца. Дошло и до Тайкожа-хана. Захватив его аул, разграбил его и сжег дотла, а сам Тайкожа-хан был убит. Сын его Токтамыс едва спасся бегством. После этих вестей знатные люди Кумкента с опаской ждали грядущих событий. Кутлукия рассказывал сыну Едиге обо всем и как бы готовил к нежелательным последствиям.

- Сын мой, неустойчиво наше время. Труден путь истины. На любое праведное дело всегда готова обрушиться дубина несправедливости. Если страшится тирании и деспотизма власть имущих, молчаливо сносит подлость и коварство, встает на колени ради сохранения собственной жизни, то этим миром будет править зло и несправедливость. Убийством Тайкожа-хана Урус-хан дал нам всем понять, что свой топор палача он готов занести над любым, кого посчитает виновным. Когда-нибудь в любой момент он может оказаться и в Кумкенте. Ты должен знать это.

Едиге хорошо понял предостережение отца. Тянулись дни, недели, месяцы, прошел год. Следующий год как бы проходит. Все тревоги, похоже, остались позади. Люди, перестав с тревогой озиаться по сторонам, начали вести прежнюю спокойную, мирную жизнь. От Урус-хана никаких вестей не было. И тут как гром среди ясного неба: муэдзин, поднявшийся на минарет для призыва к утреннему намазу, увидел войско, окружившее город, трижды позвал народ словами «Аллаху Акбар» и поднял тревогу. Но, оказалось, кто-то уже открыл ворота города. Читавший намаз Кутлукия даже не успел поднять свое оружие. Какие-то люди с озверевшими глазами скрутили ему руки и повели куда-то. Кинувшегося на помощь Едиге ударили по голове чем-то тяжелым, и он потерял сознание. В таком состоянии его и притащили на центральную площадь города. Когда пришел в себя, узнал, что палачи Урус-хана убили отца и многих знатных людей. Теперь он разбирался с только что пойманными людьми, кого-то отпускал, кого-то казнил. Сам Урус-хан сидел на возвышенном месте площади. По его велению некоторых зверски били, непонравившихся тащили к виселице. Раздевшиеся до пояса палачи по дороге к виселице секли несчастных плетью, а тех, кого велели выпороть, били поочередно кнутом,

смоченным в соленой воде. У Едиге вздрогнуло сердце: «что ждет меня». Вспомнил, как отец учил «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Один из палачей схватил его за руки. Вдруг услышал голос.

- О, мой хан! - еле поднявшись с земли старый Есе-би, накрыв грудь ярко-белой бородой, спотыкаясь, идет наперерез.

- О хан, кто знает, сегодня или завтра я предстану перед Аллахом. Уважь мой возраст и послушай меня. Едиге еще не исполнилось и пятнадцати лет, нет у него вины перед тобой. Кто был виноват, те наказаны. Этот мальчик ведь прямой потомок святого Шашты Азиза. В глазах этого мальчика есть притягивающий свет, уступи мне его.

Есе-би успел накрыть своим шапаном мальчика. Не ожидавший ничего подобного, Урус-хан растерялся. Шумевший народ тоже вдруг затих, все присели, склонив головы перед ханом. Урус-хану ничего не оставалось, как взмахнуть платком в знак освобождения мальчика.

Хан три дня праздновал свою победу. Похоронив своих близких, жители Кумкента три дня скорбили. На третий день людьми Урус-хана за городом был пойман Балташык.

Балташык возвращался со стороны Улытау, где жила родня его жены, он не знал о событиях в Кумкенте. На коне, не спешившись, поздоровался с неизвестными людьми, как вдруг те внезапно накинули на его шею петлю и, набросившись со всех сторон, повалили на землю, он даже не успел вытащить саблю. «Накажем его в Орде», - подумал Урус-хан и увел с собой.

По пути Урус-хан со своими людьми заночевал в степи. Никому не доверявший хан повелел, чтобы Балташык находился перед его глазами и приказал положить его рядом. Вскоре все уже спали. Крепко связанные сзади руки Балташыка занемели. Несмотря на страшную боль, он вот уже полночи пытался освободить руки. Когда наконец немного ослабела веревка, уже начало рассветать, неясные черно-серые очертания предметов постепенно стали обретать цвет и форму.

Вокруг было тихо, все спали в предрассветном сне. Всю ночь во весь голос распевавший дозорный тоже задремал, опираясь на копье. Вот уже наступил рассвет. Высвободив руки, Балташык вдруг услышал злобное шипение. Повернув голову, он увидел большую змею. Слегка раскачиваясь, змея подняла голову и нависла над головой спящего Урус-хана. Блеснувший кинжал отсек голову змеи, хвост которой ударил по шее Урус-хана. Сонный хан,

сильно испугавшись, закричал во весь голос. Перепуганные охранники хана разом вскочили. Утренний покой был нарушен звуком вынутых сабель, звоном копий и переполошенными голосами. Хан только теперь увидел убитую змею длиною с кушак. Рядом с отрезанной головой лежит кинжал.

- Что это? - спросил еще не пришедший в себя Урус-хан.

- Змея, - Балташык не сдвинулся с места.

- Да, - сказал хан. - Кто же убил ее?

Хан оглядел своих воинов. Они все молча стояли потупив взгляды, никто из них не мог и слова вымолвить. Хан посмотрел на Балташыка - руки были свободны, веревок нет.

- Ты, что ли?

- Да.

- Кинжал, - хан вопросительно посмотрел вниз.

- Тоже мой.

- А почему ты защитил меня? - Хан не скрывал своего удивления.

- А что, мало перебили ханы друг друга. Что, теперь осталось, чтобы их еще и степные змеи и мыши съедали? Мы - люди и поэтому должны жить и умирать по-людски...

- Ты спас мою жизнь. Хотя я враг, но ты защитил. Что хочешь? Все отдам, проси!

- Дай свободу.

- Даю. Но ты мне станешь советником. У тебя совесть чистая.

- Неправильному делу не подчинюсь, здравому делу мой совет готов.

Балташык застал Едиге у Есе-би. Старый мудрец степи, Есе-би, не смог перенести тех страшных событий и слег. Увидев вошедшего, еле поднял голову с постели и заплакал. «Думал ли я когда-нибудь, что увижу такое на склоне своих лет?!», - сокрушался старый би. Дом наполнился людьми, кто-то успокаивал, кто-то делился постигшими их бедами. Едиге в объятиях брата Балташыка горько плакал.

- Сынок, в мире ничто не вечно. Потерял отца, но вернулся твой брат, цел и невредим, спасибо Всевышнему и за это. Не горюй, возьми себя в руки, - сказал Есе-би.

На следующий день Едиге с братом Балташыком посетили могилу отца, могильный холмик еще даже не успел высохнуть. Плечи Балташыка слегка вздрагивали, потом он взял небольшую горсть земли и, усердно размяв-раскрошив, бросилша могилу отца. Все присели, один из пришедших прочитал молитву, и народ -собрал-

ся вставать, в этот момент Едиге начал читать «Аяталь-Курси» и некоторые суры из Корана. Посетители молча слушали. Перед глазами Едиге стоял отец, читающий намаз, и он тоже с большим усердием, вникая в тонкости, читал суры по бухарским канонам, прилежно протягивая голос. Молитва постепенно стала проникать в души сидевших. Народ, переживший такие страшные дни, заново погрузился в тяжелые воспоминания, и люди вместе молились, опустив головы, просили милости у Всевышнего.

Едиге впервые читал молитву перед людьми. Читал особенным задушевым, издревле хранившимся мотивом, просил от Аллаха милости за всех погибших. Народ остался доволен, люди говорили: «Пусть Бог примет твою просьбу». Балташык не ожидал от Едиге такой искренности и отзывчивости, он считал его еще подростком. «Да, он вырос», - подумал он про себя и поблагодарил Бога. Остался доволен тем, что Едиге овладел канонами ислама и что у него чистая душа. Народ поспешил домой.

- Я немного побуду здесь, - сказал Едиге брату Балташыку.

Долго простоял он над могилой отца. Говорят, всем городом отца хоронили, с большими почестями, но Едиге мало что помнил из этого, все прошло как во сне. Любил его отец, гордился его тягой к знаниям, его верховой ездой, трюками на коне. Нет его теперь. Еще острее ощутил потерю самого близкого человека, свою незащищенность. Мать покинула этот мир давным-давно, он ее почти не помнил.

- Надо возвращаться, - сказал Едиге сам себе. Место отца, предвидевшего многое, освещавшего жизнь со всех сторон, указывавшего правильный путь, теперь опустело. Некому отомстить за отца, за безвинных людей этого города, наказанных ханом. У народа нет сил противостоять против непомерных злых сил Урус-хана. «Что теперь делать?»

Взяв не успевшую засохнуть горсть земли, прочитав молитву, рассеял над могилой отца и, никуда не сворачивая, направился к дому Балташыка, стоявшему чуть в стороне от городка. Входящего в дом Едиге жена брата Кунай встретила очень ласково, расцеловала в щеки.

- Что я могу сказать? Аллах поможет. Целый день смотрю на дверь в ожидании, когда придешь. Ты же свой здесь, родной нам, теперь я твоя мать, - сказала жена брата.

Кунай, проявляя материнскую заботу, ласково объясняя все, накрывала стол. Кунай - вторая жена брата. Та, первая жена, не родив детей, ушла из жизни. От Кунай тоже нет детей. Отец Кутлу-

кии шнорил, что брат Балташык переживает за это, мечтает о наследнике, как ему хочется взять на руки младенца, прижать к себе, понюхать, поцеловать его.

- Подрос уже, мой цветок. Плакала, просила Всевышнего, чтобы хоть ты остался и живых. Чего еще просить кроме тебя, единственного жеребенки среди двух домов. Кто же еще будет просить за тебя, где бы ты ни находился. Вот увидела тебя, моя душа спокойна, мир полон жизни.

За столом, паливая чай, придвигая все самое вкусное и сладкое к нему, они поделилась своими внутренними переживаниями. Не скрывала, что принимает Едиге как дар судьбы. Изредка поглядывая на Едиге, отворачивалась, чтобы незаметно вытереть платком глаза.

- Ожидать возвращения сына, радоваться его приходу, приласкав его теплом своей души, нет большего счастья в мире, - говорила Кунай, не скрывая свои переживания и радость.

К концу обеда пришел друг Едиге Андасын. Он доводился братом Кунай. Они от одного отца, но разных матерей. Вскочившего с места Едиге Андасын обнял, прижав к груди. Соболезнуя другу, переживал за него и безмерно обрадовался, увидев Едиге.

- Как ты? - голос Андасына дрогнул, долго он не мог отпустить Едиге.

- Садись же, поешь с нами, - услышав голос Кунай, он пришел в себя, выпустил Едиге из объятий, сел рядом.

Кунай не стала вмешиваться в их беседу, и приготовив все необходимое для еды, еще раз вскипятив самовар, ушла по своим делам. Андасын поделился с Едиге последними новостями, тем, что слышал от людей, что он видел своими глазами. Он удивился, как Едиге, не показывая ни удивления, ни радости, спокойно воспринимает его рассказ.

- Как ты повзрослел за короткое время, - невольно сказал Андасын.

Он увидел, что у Едиге изменилось не только телосложение, но и произошло большое изменение в восприятии им окружающего мира. Едиге тоже остался доволен, Андасын стал более восприимчив, его волнуют происходящие события, он старается сделать соответствующие выводы из них.

- Ты тоже изменился, нет уже доверчивого ротозея. В тебе оставили большой след стихи Омара Хайяма или же позор и отчаяние, которые терпел твой народ в последние дни? - спросил Едиге своего друга.

В беседе с Андасыном Едиге решил поделиться с другом переживаниями, которые не давали ему покоя. Время удачное, они оказались одни. Эти мысли никак не покидают его.

- Простые люди, не знающие ничего, кроме своего тяжелого повседневного труда, если останутся без предводителя, похожи на караван без караванбаши. Найти бы того, кто им подскажет решение, поможет в трудные дни.

- Да, последние дни многому научили нас.

- В тот день среди избитых и опозоренных людей, кроме старца Есе-би, никто не поднял голову и не выступил перед кровожадным ханом. Это мучает меня, - Едиге опустил голову, отставил в сторону кесе.

С сухим кашлем вошел Балташык. Андасын встал, поздоровался и смутился, не решаясь опять сесть на почетное место, где сидел. Едиге и он одноклассники, улыбнувшись, Балташык предложил сесть.

- Садись! Там же твое место, - сказал он, а сам сел около жены. Кунай снова вскипятила самовар. - Горожане будто лишились разума, одно пустословие.

- Не дай Бог еще раз увидеть такого злодея, - промолвив это, Кунай растерянно посмотрела на Едиге: «как бы не ранить его душу этими воспоминаниями».

- От увиденного теряешься, от услышанного уши звенят. Ничем не поможешь, - Балташык, словно потерявший что-то, крутил головой в разные стороны, вертелся на месте.

- Да, - поддержала его Кунай.

- По возможности успокаивал людей. Мой брат Кутлукция, от старости слегший мудрец Есе-би всегда предчувствовали грядущую опасность, заранее предупреждали народ. Благодаря их мудрости, их умению вести диалог не только другие, даже Амир Тимур не вторгался в пределы Кумкента. Они с молодости объезжали другие земли и знакомились с людьми, знакомились с их жизнью, бытом, настроениями, желаниями. Так познавали мир. Они обдумывали все, находили выход в разных ситуациях. А эта постигшая их беда пришла от слепой, злой силы, не имеющей здравого смысла. Расшатала основы, разрушила святой очаг. «Разгромив их, овладеешь несметным богатством», - таким призывом обнадежил хан отупевших от безделья своих жигитов. Глупость и ограниченность на руку ханам и всем, кто имеет власть.

Балташык говорил с такой тоской, отчаянием и безысходностью в голосе, что это пугало Кунай.

- Успокойся, попей чаю, - сказала она потускневшим голосом, протягивая чашку.

- Что тут скажешь? - взяв у жены кесе, Балташык поставил на стол и дальше продолжил свои мысли, - Кто не боится Бога, не стесняется народа, тот не мусульманин. Они поглумились над народом, тех, кто не мог скрыться, заковали в цепи и считают это своей победой. Это разве правильно? Сам же простой люд пострадал от своей доверчивости, наивности и глупости. Простой народ, это их же родители, братья, сестры. Когда наконец наступит такое время, когда все люди поймут это?!

- Зачем мучаешь себя, успокойся же, - сказала Кунай.

- Э, я это говорю молодым людям. Сеющий зло Урус-хан тоже исчезнет, придет другой. Он хочет меня видеть своим советником, пойду, попробую. Может, кому смогу помочь, надо и в этом убедиться.

- Брат мой Кәтлукия говорил, что на Западе правителя называют королем, турки - султаном, русские - князем. Мы называем хан. Один правитель уходит, приходит следующий, но мир от этого не меняется. Только народ надеется на лучшее, говоря: «О, новый царь пришел». Где надежда, а где сама жизнь. Теперь уже нет, как раньше, ни благочестивых, ни блюстивших порядок ханов. У наших ханов одно на уме - как бы захватить трон, как бы уничтожить соперников. Есть ли в наше время достойный? Сидя в одиночестве, думаю об этом, найти решение не могу. Кто мне ответит на все вопросы. Нет конца вопросам, а от них исходят одно сомнение и подозрение.

Едиге как будто заново познал своего брата. «Откуда у него столько мыслей, и с кем он делится?». Думы Балташыка Андасын тоже слушал раскрыв рот. Он впервые увидел человека, беспокоящегося за свой народ, за грядущее его будущее. Учителя прилагают свои усилия каждый лишь по своему предмету, остальное их мало волнует. А тут у него все по-другому. По-видимому, он считает их уже взрослыми и теперь делится своими мыслями, тем, что он видел, тем, что тревожит душу. Кроме этого, он заметил, что Балташык хочет знать, доходят ли его мысли до них: «как мы сохраним свой народ, что ждет их в будущем»? Не может судить за Едиге, но до сих пор эти вопросы его не волновали. Читал свои стихи, находился в центре праздных мероприятий, гонялся за несбыточным. Этими рассказами Балташык словно разбудил его ото сна, призвал к неизведанному. Теперь они тоже по малости, осторожно начали делиться своими мыслями.

- Ну теперь мы поняли, ханы враждуют между собой. А народу что? Никак не поймем, в чем провинились знатные люди? - спросил Андасын.

- Вина их в том, что они благочестивые.

- Значит, быть достойным - тоже вина.

- Вина добропорядочного в том, что вокруг него собираются люди, они объединяют народ, от них исходит умиротворение. Они передают слова Аллаха, истину, предсказанную в Коране, они предворители истины, справедливости. У них нет чванства, злых помыслов, интриг. В наше время ханы правят, попирая старинный путь истины, проложенный нашими предками.

Ненасытность, жажда наживы овладели миром. Сущность нынешней борьбы - это кровопролитие за трон. Балташык тоже начитанный, много выдавший в своей жизни, очень зрелый мужчина. Послушаешь его и тоже начинаешь понимать веяние времени. Андасын знает, Балташык не раз ездил в Сарай, Кажытархан. Да и многие другие страны он посетил. Только не знает, делился ли с кем о своих поездках в эти чужие земли. Кажется, в его сегодняшней речи лежит замысел — «пусть молодые заранее познают неустойчивость этого мира». Да, сказал же, что в знании и в познании лежит путь в будущее людей.

Кумкент находится близко к столице большого государства Амир Тимура Самарканду, с другой стороны - к Сары-Арке с его бесчисленным скотом, богатством. Отсюда также удобно сообщаться с прекрасным Ульгау. Едиге слышал много рассказов прибывших людей из той степи. Много разных слухов ходит по степи с приходом в Синюю Орду Урус-хана, кто-то хвалит его, кто-то поносит на чем свет стоит. Едиге не верит ни тем и ни другим. Ищет истину посередине. Правильно говорит брат Балташык, не нужно кидать шапку от радости, что хан скончался и на трон сел новый, не таково нынешнее время. Но все равно не теряет надежду на будущее. Надо переждать это смутное время. Его только беспокоит вопрос, чем же занимаются люди, владеющие большими знаниями, и те, кто имеет большой жизненный опыт. Почему бы им не объединиться? Может, побоялись бы бездарные ханы и прекратили бы свои преступные деяния.

Однажды он поделился с Андасыном:

— Если объединятся жигиты, полные решимости и кипящей энергии, они бы открыли путь к прекрасной жизни. Куда деться народу в теперешнем состоянии при нынешней власти, как жить ему дальше?

- Не верю я, где эти молодцы-жигиты? Откуда возьмутся?
- Тогда как... - осекся Едиге.

Наступил последний день месяца Наурыз. Андасын обходил ряды городского базара, разглядывал разные безделушки, прислушивался к разным новостям. Последняя новость... Он сразу побежал к Едиге. В город приехал сказитель Сыпыра-жырау и, говорят, остановился в доме Балташыка. Оба поспешили домой. Народу было так много, что они не поместились бы в доме, и поэтому ковры расстелили прямо во дворе, на них расселись аксакалы, люди среднего возраста слушали стоя. Из кобыза Сыпыра-жырау льются незнакомые, но близкие сердцу старинные мелодии. Они так брали за душу, что иной раз дышать тяжело становилось. Через некоторое время Сыпыра-жырау, отложив кобыз, взял в руки домбру и запел. Мысли о будущем народа, тревоги и чаяния, владевшие его сознанием, прекрасным слогом сплетались в стихи. У Едиге перехватило дыхание, такого он раньше не слышал. То, о чем он только размышлял, сейчас звучало из уст жырау в виде мудрого сказания. Пережитые народом в прошлом и настоящем трудности Сыпыра-жырау передавал своей песнью-сказанием так, что у слушателей создавалось полное ощущение своего присутствия при этих событиях.

- Какой удивительный сказитель! - произнес кто-то спереди.
- Да, он настоящий жырышы.
- Вот это да!..

Слушатели не очень разбирались в хитроумной политике правителей, но им очень понравились слова поэта-жырышы о бедственном положении народа, о его чаяниях. Сыпыра-жырау метко, будто стрелой, пронзил тех, кто разрушил единство, мирную жизнь людей, досталось и Урус-хану за его злодеяния. Ну нет же справедливости и благородства, её заменили издевательства, бесконечные грабежи, подлость и обман, за которые никто не в ответе. Эти слова запали в сердца слушателей, и все слушали, потупив глаза.

- А ты запиши, - сказал Едиге своему другу.
- Неужели он не боится кары хана, его же меч висит над всеми головами? - спросил Андасын.
- В народе говорят: «голову можешь отрезать, но язык нет». По степным законам поэт эти слова может сказать и в присутствии хана. Это никто не может нарушить, - сказал один из слушателей, повернувшись к друзьям.

«...О хан, в издевательствах над единоверцами, кровными братьями, какой заветной цели ты достиг? Ты решил посмотреть, что

случится, если бесконечно обирать свой нищий смиренный народ? Но не забывай, что даже самый жалкий трус становится батыром, устав от собственного страха, и тогда уже его дубина будет играть над твоей головой. И не надейся в тот миг, что овлечешь его внимание лживыми обещаниями...» - продолжал петь Сыпыра-жырау.

«...Пока ханы, как дикие быки, яростно дерутся меж собой, единый некогда народ Орды разделен, жители лесов и болот, воспользовавшись этим, начали поднимать голову, осмелели.

Неужели вы ослепли и не видите, что враг не ваш народ и не хан соседнего аймака, враг у границ Алтын-Орды...»

- Да, если об этом говорить, то только так!

- Как будто слепому дал посох в руку.

- Словно душа моя открылась, и разум мой осветило лучом познания.

Выразив свое одобрение, люди утихли. Сыпыра-жырау пел то как степной вихрь, разметающий все на своем пути, то как освежающий ветерок в знойные дни, не мог найти себе покоя. Понял ли народ, о чем он хотел сказать, какой след смог оставить он в душах этих людей. Его взгляд пробежал над головами всех присутствующих. Едиге внимательно слушал, опустив голову. Ему показалось, как будто поэт-жырау, посадив всех перед собой, провел урок о жизни, о кознях правителей. Новостей и изменений не стоит ждать издали, не верь болтовне, дошедшей до тебя откуда-то, большая часть этих рассказов небылицы, сыновей надо приучать к достойному делу, к мужеству. Эти слова отражались в сознании Едиге. От взгляда жырау ничто не ускользнуло. Вдруг он заметил Едыге.

- Сынок, подожди-ка сюда. Я узнаю в тебе сына Кутлукии. Иди поближе. Вечный покой твоему отцу, пусть Бог оберегает тебя, - Сыпыра-жырау поцеловал Едиге в щеку.

Не только Едиге, но и народ был удивлен, как он узнал, ведь раньше он его не видел. Едиге почувствовал притяжение к его искусству, совершенство мысли вело его куда-то. Те нерешенные дела и события, не раз волновавшие его, теперь стали яснее, и он не раз говорил себе «вот оно как».

Днем и ночью не было отбоя от посетителей, Едиге тоже почти не отдыхал. Ему хотелось узнать все больше и больше о других народах, об их быте и сказаниях. Многое он понял, чего не достиг его ум, он переспрашивал. Сыпыра-жырау любил свой народ, его мечты недалеко отходят от народных желаний, и он критически оценивает все. Его тоже очень беспокоит это смутное время и то, чем все это кончится. Жырау учил молодого Едиге: «Умей распоз-

нать правое от неправого, сумей понять правильный ли путь ты выбрал, все устремления свои направь на то, чтобы принести пользу своему народу». Чем дальше он слушал жырау, тем больше он узнавал. «Тяжела жизнь, ноша твоя тоже будет не из легких, но как бы тяжело ни было, не сверни с пути истины, терпи». Эти наставления нашли место в сердце Едиге. Он сравнивал назидания Есе-би, брата Балташыка и Сыпыра-жырау. Они тоже много говорили о трудностях жизни. У Есе-би большой жизненный опыт и знания народных поверий, брата Балташыка волнует будущее народа. В лице же Сыпыра-жырау Едиге нашел и то и другое.

Наступило время прощания. Сыпыра-жырау долго не выпускал Едиге из своих объятий, хотел что-то сказать. Да, беспокоит его это смутное время, тревожит его неопределенность, судьба своего народа, сердце старика, пережившее многие события, плачет по-своему. Расстаться с таким человеком было трудно и Едиге. От жырау как бы исходило его последнее пожелание - «как вырастешь и полон будешь сил, заботиться о людях должен ты...».

Теперь Едиге не мог долго оставаться в доме, стал посещать близлежащие аулы, чаще начал общаться с родственниками. Видел, что каждого волнуют только личные дела, мыкаются, не живут, а просто существуют. Бывают обиды и ссоры между родственниками, но дальше сердитого взгляда старца не идет, быстро мирятся. Только женщины клеветают друг на друга, мужчины же умело скрывают свою неприязнь, не идут уже на открытую ссору. Кто твой хан, кто твоя ханша, народу все равно, лишь бы был покой, цел его скот, помаленьку обеспечить нужды своих детей, есть что пить и есть, этим и доволен. Надолго ли хватит этого удовлетворения, его не беспокоит, за это его голова не болит. Увиденным и своими выводами он поделился с другом Андасыном.

- Ну женил своего сына, выдал замуж дочь, вот радость. Неужели кончается жизнь на этом?

- Мы с тобой это поймем, когда женимся, детей заведем, - Андасын увернулся от прямого ответа.

- Как бы потом поздно не было, с такими радостями. Это я хотел тебе сказать.

- Ты что, против моей женитьбы?

- Нет, бери, бери. По две, по три... Я не против.

- Тогда что? - удивился Андасын.

- Говорят: «что с народом, то все праздник». Так ли оно? Хотел предупредить тебя об ошибочности таких установок.

- Но это же народная поговорка.

- А по-твоему как?

- Мне кажется, что ты меня ведешь куда-то, о чем мы ничего не слышали. Мы с тобой одногодки, сыновья одного времени. Что суждено нам, увидим вместе, - сказал Андасын.

Жизнь и быт Балташыка не отличались от жизни других горожан. Дела, хозяйство, пошатнувшиеся во время тех ужасных событий, стали понемногу входить в прежнее русло. Чтобы ввести в хозяйственные дела Едиге, Балташык всегда советовался с семьей даже по мелким вопросам. А Едиге с радостью старался помогать ему в повседневных делах. При этом личную свободу Едиге никто не ограничивал, чем он хочет, тем и занимается, нет никаких преград.

Событие, перевернувшее жизнь маленького городка, оставило большой след в душе Едиге, он никак не мог найти себе место, казалось, нет человека, на которого можно положиться, за кем можно пойти в дальнейшем. Такое состояние Едиге не могло остаться без внимания старшего брата.

- Братик, не захворал ли ты случайно? Какие-то мысли одолевают тебя? - спросил он.

- Да нет, все в порядке, - увернулся Едиге, но ответ, кажется, не удовлетворил Балташыка.

Примерно через неделю, проснувшись рано утром, Едиге увидел прислоненные к стене копьа, сабли и щиты. Каждого вида - по паре, для чего они были приготовлены, Едиге не мог понять. После завтрака мать Кунай послала мальчика за Андасыном. Когда пришел Андасын, слова Балташыка прозвучали как приказ.

- Вы уже выросли. В пятнадцать-шестнадцать лет человек становится гражданином, жигитом. Обязанность жигита - это защита своей страны, своего народа. С сегодняшнего дня вы должны по-настоящему учиться боевому искусству. Азам вы обучены. Вы должны эти три дня заниматься без перерыва, самостоятельно. Вот вам и оружие, - Балташык с этими словами раздал им копьа, сабли и щиты.

На три дня он оставил их одних, велел сражаться. Даже не узнавал, как обстоят их дела. Едиге хорошо был выучен конным состязаниям, но искусство поединка раньше казалось ему непосильным занятием. Полчаса бьются саблями, потом дают отдых ослабевшим рукам, после, взяв в руки копьа, бросаются друг на друга. Им кажется, что они пользуются теми методами, о которых слышали от других. Изредка Андасын останавливает, поднимая вылетевшую из рук саблю:

- Прошу не бей со всей силы.
- Ну тогда ты вот так увернись.
- Тогда у меня спина остается без защиты.
- Спину учись защищать щитом.

Через три дня Балташык решил их проверить. Дал им сабли и заставил драться до изнеможения. По прошествии некоторого времени остановил:

- Хватит! Ну, Едиге, отдохни немного, потом со мной будешь состязаться.

После двух-трех ударов Едиге лишился сабли. Быстро подняв ее с земли, опять бросился в атаку, но в этот раз сабля вылетела из рук через какие-то доли секунды. Лицо брата не выражало никаких чувств - ни усмешки, ни неудовольствия, лишь холодное спокойствие и беспристрастность. Остановил вновь поднявшего саблю Едиге:

- Старайся обезоружить противника. Для этого вот так, бей саблей, чуть поворачивай клинок, и противник теряет оружие. Видишь? Да, да, вот так.

- А как использовать силу? - спросил Андасын.

- Умение хорошо владеть оружием лучше, чем сила. Конечно, если противник обладает недюжинной силой, тогда надо использовать и силу, и умение. Но сила и тут не главное оружие. Сражение за полчаса не остановится, иной раз приходится весь день биться с врагом. Для этого надо силу беречь, с расчетом использовать её.

Потом показал, как правильно наносить самому и блокировать удар противника, чтобы не испортить, не затупить лезвие сабли, чтобы не сломать клинок, чтоб уберечь пальцы и кисть от удара клинка противника, чтобы уберечь от растяжений и разрывов связки и сухожилия запястья и руки.

Хоть и редко брат Балташык посещал их, но постепенно обучал секретам искусства владения оружием. После освоения сабельного боя научил, как защищаться щитом, а после искусству и тактике единоборства с копьем. Обучал ведению боя не только верхом, но и с пешими, разъяснял тонкости их отличия, показывал нюансы, учил защищать в бою коня. Однажды, наблюдая за боем ребят, сказал:

- Едиге, ты очень сильный, тебе надо научиться сражаться двумя саблями, - и вручил ему вторую саблю. Показал, как нужно владеть оружием в таких случаях, объяснил различия тактик и как можно достичь победы над противником, владеющим одной саблей и двумя. Брат рассказал, что в бою могут напасть несколько

человек. В таких ситуациях проще отбиться и избежать смерти, сражаясь двумя саблями, повесив легкий щит на плечо.

Они тренировались по пятнадцать часов в день, прерываясь только на еду, омовение, намаз и сон. Неустанно тренировались на рассвете, в полуденный зной, в сумерках, при свете звезд и луны. Прошел не один месяц, пока они овладели всеми известными Балташыку секретами владения оружием. И продолжали шлифовать свое умение, оттачивая движения рук, кистей, коленей (управление и маневрирование конем) и ног, добиваясь реакции своего тела всего лишь на намек движения противника.

В один из дней Балташык снова решил испытать, чему научился за это время его младший брат. Они долго бились, не уступая ни в чем друг другу. Сабли на солнце сверкали как молнии перед дождем. От звона и глухих ударов сабель заложило уши, ныли руки и плечи, но Едиге не потерял саблю. Брат Балташык использовал все свои уловки, но силы не покинули Едиге, словно он только вынул саблю из ножен.

- Ну вот, - сказал брат Балташык, - этим искусством в совершенстве владеешь. Теперь давайте берите щиты и бейтесь.

Балташыка срочно вызвал к себе Урус-хан. Перед отъездом он вручил им небольшой лук, сказав, чтобы они тренировались в стрельбе. Обычно брат быстро возвращался от хана, в этот раз его долго не было. Словно для того, чтоб каждый сам понял назначение и выбрал нужное для себя, Балташык, ничего не объясняя, перед отъездом оставил подросткам много стрел с разными наконечниками. Сказал только, что такие маленькие луки называют «жак». Мишенью для них служил мешок, туго набитый шерстью. Стреляли поочередно, с утра и до позднего вечера. Сначала стрелы уходили мимо, но в процессе непрерывных тренировок ребята постепенно начали осваивать особенности и этого дела - древко стрелы длинное, гибкое, поэтому от воздействия тетивы оно слегка изгибается, а уже потом, в полете, выпрямляется и потому дрожит, немного отклоняясь в сторону. А чем дальше цель, тем выше отклонение, еще на точность и дальность выстрела влияет ветер, его сила и направление относительно полета стрелы, при всем при этом еще надо учитывать скорость бега коня, его аллюр и ритм движения своего тела при этом аллюре. В один из таких дней возвратился и Балташык.

- Вот и этому научились. Когда натягиваете лук, смотрите, чтобы конец стрелы и наконечник находились на одном уровне.

- А почему наконечники стрел разные?

- Сейчас расскажу. Вот эти стрелы с самыми большими, тяжелыми, трехгранными или шиповидными наконечниками пробивают броню. Их используют, когда тяжелая, латная конница врага несется на твою легкую конницу, чтоб смять ее, рассеять, а затем зайти в тыл. Перед боем эти наконечники надо смазывать бараньим жиром, тогда они лучше пробивают латы. Вот эти плоские наконечники стрел предназначены для охоты на животных. А эти стрелы с раздвоенными наконечниками предназначены для поимки птиц. Соколы и беркуты гнездятся в недоступных вершинах скал, и их птенцов достать невозможно, в таких случаях их сбивают этими стрелами и потом ловят.

На следующий день брат дал им большой лук, примерно 125 - 130 сантиметров. Лук был составной, то есть был усилен роговыми пластинами и сухожилиями, натягивать его было очень трудно. Андасын дотемна так и не смог осилить его. С большим трудом кое-как удалось это Едиге. Очень было тяжело верхом на коне полностью его натянуть и на полном скаку попасть в мишень. Через несколько недель непрерывных тренировок, освоив и это, Едиге заслужил одобрительный взгляд брата Балташыка:

- Я не так много читал, как твой отец Кутлукия, но вот послушай, что в древности написали арабы о наших предках: «Тюрк очень метко стреляет по мишеням, диким животным, птицам, людям. Он стреляет, пуская лошадь во весь опор, назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпускает десять стрел прежде, чем хариджит (сектант, члены которой отличались своей воинственностью и непримиримостью) положит одну стрелу на тетиву. Он скачет на своей лошади, спускаясь с горы или в долине с большей скоростью, чем хариджит может скакать по ровной местности. У тюрка четыре глаза - два на лице, два на затылке». Вот и вы должны стать такими отважными и умелыми воинами, чтобы подобным же образом даже враги восхищались вашим умением и доблестью!

Недолго протянулась спокойная, мирная жизнь Едиге и брата. Слух о необыкновенно способном подростке дошел до хана. Ясаулам хана было поручено найти и доставить его хану. По наущению одних, по показаниям других ясаулы схватили его и повели к коновязи. Балташык не мог отпустить его одного, он же единственный продолжатель его рода. Поехал следом: кто знает, что задумал хан.

- Кто ты такой? - спросил хан у подростка, стоявшего перед ним.

- Не видишь, что ли? Человек я, - ответил Едиге, совершенно не смутившись.

Сидевшие около трона зашептались. Ответ паренька им показался слишком дерзким, как бы говорившим «зачем ты спрашиваешь, если все и сам знаешь». Хан грозно нахмурился.

- Как тебя зовут?

- Едиге.

- А, - хан задумался. Где-то он слышал это имя. - Как зовут отца?

- Отца моего звали Кутлукия.

Услышав имя Кутлукия, Урус-хан удивленно уставился на подростка. Невольно сдвинул шапку ко лбу, еще раз более внимательно с головы до ног осмотрел Едыге.

- Вот как... Значит, Кутлукия твой отец, - сказал хан сквозь зубы.

По приказу хана, с этого дня Едиге должен был оставаться вблизи его ставки-орды. Хан не хотел выпускать из виду подростка, у которого уже сейчас проявляется стремление к свободе, а знания удивляют окружающих. Такие среди народа быстро становятся знаменитыми, из них вырастают лидеры, поэтому таких лучше держать рядом с собой на поводке, их надо ломать хитростью и силой, заставить преклонить колени.

Забота и беспокойство за Едиге вынудили Балташыка тоже надолго переселиться к орде.

Кого только нет в орде хана. Кику-плешивой тоже здесь. Вот только что здесь делает Кику, никому неизвестно. Увидев его, Едиге невольно вспомнил давнюю ссору с ним. Дело было так. Ребята по вечерам всегда играли в асыки или боролись на лужайке. Игра была в разгаре. Меткий Едиге выиграл почти все асыки у других. В тот момент подошел старший по возрасту долговязый Кику. Еще в детстве от язв, покрывших его голову, клочками вылезли волосы, и теперь лысые участки кожи поблескивали на солнце. С тех самых пор дети дразнили его плешивым.

- Давай сыграем.

- Ты же старше, иди играй со сверстниками.

- Говорят, ты меткий. Вот хочу посмотреть, чего ты стоишь по сравнению со мной, - Кику с гордостью вздернул нос.

- Ну давай... - набычившийся Едиге расставил свои асыки.

У Кику оказалось шесть асыков. Быстро их проиграл и, сославшись на случайность, выпросил еще несколько асыков у других, снова проиграл. Тем временем дети перешли на лужайку, Кику, не собиравшийся уходить, пошел с ними. На лужайке дети начали бороться. И тут Едиге отличился, положил поочередно всех

своих сверстников на лопатки и, собрав одежду побежденных в одну кучу, сел поверх одежды.

- Вот, я сижу на ханском троне, - сказал он по правилам игры.

- Нет, ты еще не имеешь право на трон, - начал выступать Кикю.

- Трон мой.

- Нет не твой, давай бороться!

Начать бороться со старшим, который и выше, и сильнее. Едиге на решался. Но Кикю, засучив рукава, без предупреждения начал наступать. Отступить было некуда.

- Давай, давай, подходи! -раззадоривал Кикю.

- Не отступай, давай борись!- детвора подняла неистовый шум.

Едиге бросился вперед, пока Кикю собирался поймать его за пояс, он, ловко нырнув под ноги, резким движением опрокинул противника. Кикю лицом упал на землю. Дети еще больше зашумели, показывая на него пальцем, придумывали насмешливые клички, обзывали.

- Сирота, - зло зашипел Кикю.

- Что сказал?

- Эй, что ты сказал? - дети начали поднимать с земли камни. Испуганный Кикю дал стрекача.

И вот теперь тот самый Кикю встретился здесь. Повзрослел, растолстел. Отрастил жиденькую бородку. На налысо бритой голове красивая лисья шапка. Вид степенного, умного человека.

- Говорят, что ты все знаешь, все умеешь, - как ни старался Кикю сохранять важный вид, но, будучи по сути пустым, никчемным человеком, не удержался, начал хихикать.

Едиге давно прозвали маленьким би (судья), он находчив, остроумен, красноречив. Все это, наверное, судьба. Едиге, поочередно с другими детьми, пас скот Балташыка и близких соседей. Однажды, когда он пас скот, издалека услышал громкий спор двух человек. Вскоре они подошли, поздоровались.

- Эй, - сказал один второму, - в народе говорят «один из сорока встреченных - Кыдыр (святой, благодатель)», пока мы дойдем и найдем судью, время уйдет, пусть решит наш спор этот мальчик.

- Пусть будет так, - согласился второй.

- Ну, мальчик, сможешь решить наш спор?

- Если Аллах подскажет, отвечу.

- Это мерген (стрелок) Кокжалды, а я Жанбай. Площадь между двумя речками принадлежит мне. Звери, птицы тоже мои. Сегод-

ня утром я увидел белоснежного зайца, сидевшего на берегу озера Аккол. Пока ходил за луком со стрелами, Кокжалды подстрелил моего зайца. Заяц по праву мне принадлежит, а он не отдает. Рассуди нам это дело.

- Вы с какого расстояния стреляли? - выяснил Едиге и отмерил такое же расстояние. - Теперь будете ли согласны с моим решением?

- Согласны.

Едиге положил убитого зайца на спину лежащего быка и сказал Жанбаю:

- Теперь вы стреляйте. Надо попасть в ранее пораженное место. Если попадете, заяц ваш, убьете быка, будете в ответе.

Жанбай, не ожидавший такого, рассердился, но вынужден был подчиниться. Его стрела вошла точно в цель и он остался очень доволен. Но такое решение не удовлетворило Кокжалды, и оба, продолжая спорить, пошли к хану. Услышав, как решил спор мальчик, хан подтвердил его.

Признав его молодым бием, народ часто стал обращаться к нему. Как-то он с мальчишками сидел около речки и отдыхал. Приблизились двое спорщиков с уздечками. Который повыше был особенно возмущен:

- Эй вы, почему не здороваетесь с нами? Мы же старше вас!

- Нет, почтенный, мы старше, - ответил за всех Едиге.

- Как это так? - спросил сердито второй.

- Если сложить возраст всех мальчиков, мы будем старше вас.

Эти двое волей-неволей удивились находчивости Едиге и сказали, что возникший между ними спор решил он. Предмет спора - черный верблюд, которого они гнали перед собой.

- Верблюжонком потерял его, вот теперь нашел, узнал, - говорит старший.

- Нет, он верблюжонком моей верблюдицы, от моего бура (верблюду-самца), он наговаривает, - спорил второй.

- Если вам так важен этот верблюд, пригоните сюда верблюдицу, - сказал Едиге.

Обе самки, не обращая внимания на верблюда, спокойно продолжали жевать. Едиге приказал веревкой туго завязать ноги выше колен верблюда и крутить, от боли верблюд начал кричать и стонать. Самка старшего, издав материнский звук, бросилась на его защиту.

- Чья эта самка, того и черный верблюд, - сказал Едиге.

Такому решению не хотел подчиняться второй, дошли до хана. Услышав, какое было решение, хан сказал, что «лучшего решения спора никто не скажет», и верблюда вернули истинному хозяину.

Балташык был очень доволен тем, что Едиге становится известным человеком, его радости не было границ. «О, Боже, мы же происходим от Абу Бакир Сыздыка, последователя великого пророка, поддержи его. Он дитя народа, храни еш от различных злых наговоров, опасностей», - такой была его просьба после каждого намаза. Кунай тоже была готова душу отдать за сына.

В один прекрасный день сам Балташык привел четверых. Они тоже искали правду. Все четверо были похожи, как вылитые, отличались только одеждой. Оказалось, все четверо от одного отца и матери, дети одного гнезда. Эти четверо привели хромого бычка. Им всем достался этот хромоый бычок в наследство и теперь его никак не могут поделить между собой. Наконец решили так: старшему брату как старшему - голову, а остальные должны были довольствоваться ножками.

Хромоый бычок не мог далеко пастись. Но случилось так, что в один из жарких дней он забрел в огород на посевы соседского бая. Бычок не успел ничего испортить, но ненасытному богачу это было на руку и теперь он требовал за каждую ножку бычка чептыреста золотых монет. Эти четверо не могли между собой никак решить, кто же сколько должен платить.

- Раньше кому доставалась хромоый ножка? - спросил Едиге.

- Мне, - ответил самый младший.

- Ну тогда ты свободен от платежа. Бычок видел, куда идет и чем можно поживиться, поэтому раз голова досталась старшему брату, он должен двести монет, а остальные двое пусть платят двести монет.

Таким решением недовольны были трое. Пошли к хану. Тогда младший между слов сказал «нас раньше вас рассудили». Услышав решение Едиге, хан сказал: «Это верное решение».

Молва о справедливом и находчивом молодом би быстро распространилась среди людей. Знал ли Едиге тогда, что он на всю жизнь станет защитником справедливости, покровителем своего народа?

Среди жителей Орды с самого начала ему не понравился Манжур. Черный, крупный, пузатый, плечистый, с огромными мускулами, большой, словно котелок, головой, огромными, как у свирепого быка, ноздрями - от одного его вида холодело все внутри. Манжур тоже не проявлял к нему симпатии.

Прозвище его было - «черный сатана». Никто не видел его насытившимся в еде. Когда сидевшие с ним за одним столом, давно наевшись, уходили, он все еще сидел весь потный с жирными руками и ртом. Манжур был любимчиком Урус-хана. Не даст птице пролететь над ним. В прошлый раз один из ясаулов за то, что назвал его черным сатаной, был наказан ста ударами плетью.

- Меня все боятся, ты тоже бойся, - сказал Манжур угрюмо.

Едиге смолчал. Зачем спорить с ним? Рано с ним меряться силой. Но нутром почувствовал, что без драки не обойтись. Манжур быстро поднялся с насиженного места, при этом его мешкообразный живот подскочил вверх и опустился. Молодому Едиге он показался сказочным богатырем. Голова как почерневший котел, руки как ветви, оставшиеся после пожара, хмурые брови и глубоко посаженные глазки блестят как у голодного хорька.

- Ты, - высокомерно смотрел Манжур. - Ростом уж вышел... хо-хо.

- А ты...- Едиге хотел сравнить его с глупым животным, но удержался.

Манжур подошел поближе. Они пристально смотрели друг на друга.

- Говорят, что ты находчив. Вранье это. О чем ты мелешь? - спросил он хриплым голосом.

- Какое твое дело до этого?

-Хе! Гольтьба! Сирота...

Манжур еще не успел договорить, как Едиге, стремительно бросившись вперед, ударил его головой в висевший живот. Послышался какой-то глухой звук. Упавший на спину Манжур не мог подняться и ревел как бык. Попытался встать на четвереньки, но Едиге ударил его в висок. Черный сатана завалился набок, отплевался. В окровавленных глазах нет просьбы о прощении, наоборот, свирепый огонь. Опасаясь еще одного удара, лежит, скрежещет зубами, тело покрылось вонючим потом.

- Уходи отсюда, паренек, - сказал неизвестный старик, прижимая нос.

- Не задерживайся, - повторил еще кто-то.

За то, что в борьбе он победил всех своих сверстников, назвали Едыге «балуаном» (борец), Бог дал ему возможность говорить истину, за ним закрепилось слово «молодой би». Судьба привела его сюда, в орду Урус-хана, где торжествуют ложь, клевета и ненависть. В ставке хана человека, имеющего недюжинную силу или

глубокий ум, старались подчинить себе, чтобы он стал холоум, выполнял все, что ему прикажут, чтобы он не имел своего «я».

Едиге было не по себе. Не знал, как поступить дальше. Тут его догнал друг Андасын. Они никогда не разлучались, и только ему доверял Едиге. И в Орде тоже всегда были вместе.

- Эй, ты все еще здесь? Тебе надо немедленно бежать из Орды. Слухи о том, что ты сделал с Манжуром, дошли до хана, он приказал поймать и привести тебя, - сказал друг детства.

- В чем я провинился? Он же сам начал!

- Это не единственная вина твоя. Здесь в обнимку лежат зависть и ненависть, интриги и клевета. Почему этот сирота выше ростом, почему он имеет такую силу. Нет ни отца, ни матери, почему не ходит с жалким видом, смотря на всех просящим взглядом, у него не должно быть обиталища, должен есть то, что ему дадут и беспрекословно выполнять любую грязную работу. Сын Кутлукии должен терпеть все невзгоды. Ты что, не знаешь, ты же ответственный за своего отца?!

Уже осознавший всю опасность нависшей над ним угрозы, Едиге решил бежать, не заезжая домой. Тем более, что брата Балташыка хан отослал куда-то с каким-то поручением, а видеть следы Кунай было выше его сил, да и нельзя подвергать их опасности. Решил взять из стойла одного из лучших коней и быстро удалиться из Орды. Незаметно ускользнуть из юрточного городка непросто, юрты близко стоят друг к другу и вокруг полно народа. Только начал выбираться, как вдруг несколько дурачившихся между собой жигитов преградили ему путь. С первых же слов Едиге понял, что они знают его и, по возможности, не прочь оскорбить и поиздеваться. Схватили за уздечку коня.

- Слезай!

- Дай нам коня. Пешком пойдешь, зачем тебе конь?

Одно хорошо, что это не вооруженные ясаулы хана, а просто местные хулиганы-драчуны. Едиге того, кто схватил за уздечку и хотел стащить его с седла, огрел кнутом. У того лопнула на спине рубашка, показалась кровь.

- Он готов нас убить!

- Бей собаку! Бей!

На крик из дома выбежал усатый мужчина и, не разбираясь в сути дела, не спросив ничего, бросился на Едиге с копьём наперевес. Едиге пятками сильно ударил коня, взмывший конь опрокинул державшего за уздечку парня. Разгоряченный конь крутился,

взмывал вверх, никого не подпуская к себе. Едиге успел схватить одну из палок, стоявшую у стены, и ударил усатого мужчину, пытавшегося пронзить его копьем, усатый упал и конь перепрыгнул через него.

Чтобы замести следы от преследователей, он взял направление на запад и быстро поскакал, подхлестывая коня. Удалившись от Орды на должное расстояние, постепенно меняя направление, взял курс на Кумкент. По пути встретил родничок, вода из него почти не текла, раскопав, расчистив его, сам напился и коня напоил. Преследователей не было видно, Едиге надеялся, что они потеряли след. С часик отдохнув, пока конь тоже пощипал редкую у засо-хшего родника траву, опять тронулся дальше. Солнце закатилось куда-то за грань степи, наступила тихая степная ночь. Едиге слез с коня, расседлав и положив седло под голову, улегся. Недалеко пасется стреноженный конь. Над ним сияют бесчисленные звезды. Вот одна из них медленно катится куда-то. Был бы Андасын, сочинил бы стишок. Для поэта все прекрасно. А что ждет его в дальнейшем на пути? Ранним утром повеял прохладный ветерок, и он безмятежно заснул.

Солнечные лучи разбудили Едиге. За ночь конь тоже взбодрился, и Едиге дальше продолжил свой путь. К полудню показался одинокий всадник. У Едиге, кроме кнута, не было никакого оружия, опасно было ему встречаться с незнакомцами в степи, но он повернул коня навстречу всаднику. Тот, кто поздоровался, заинтересовался конем.

- Хороший у тебя конь,-сказал он.
- Да, хорош.
- Давай поменяемся.
- Скажи-ка, есть здесь недалеко аул? Сперва остановимся там, подкрепимся чем-нибудь.

У всадника хорошая сабля, нет сомнений, что он один из ясаулов хана. По всей вероятности не один раз обходил эти места этот ясаул, обошел несколько хребтов и прямо повел в неизвестный аул. Аул из трех юрт, отара баранов и табун лошадей мирно паслись неподалеку.

- Путники мы, издалека едем,- сказали они.

Услышав это, хозяин предложил курт с творогом, мясо, очень вкусный кумыз. Ясаул наелся и начал прежний разговор:

- Зачем тебе такой добрый конь, отдай мне. Я ясаул хана, такой конь достоин меня.

- Ага (брат), мы тоже не без надежды.

- Ну паренек, оказывается, слов не понимаешь, добром прошу, а нет - силой заберу.

- Попробуй. Меня зовут Едиге.

- Едиге... - ясаул еле проглотил кумыз. - Тебя повсюду ищет хан... - Сказав это, ясаул схватился за рукоять сабли. Едиге быстро перехватил руки ясаула, сильно сжал и начал выворачивать запястье. От боли пальцы ясаула медленно разжались, и сабля выпала изрук.

-Ой, рука...

- Теперь сабля моя. Учтите, вы меня не видели и я вас не знаю. Почтенный хозяин, вы тоже никому не говорите, что был у вас такой путник.

- Пусть будет так, никому не скажем.

- Пусти, - ясаул не смог прямо смотреть в лицо Едиге и отвернулся.

На третий день на горизонте показался Кумкент. Едиге не очень хотел заезжать в город, кто знает, что его ждет в стенах города. Да и если он пойдет к кому, тому не миновать кары хана. Зачем подвергать кого-то опасности, лучше самому найти свой путь. Надо, конечно, посетить могилу святого Баба Тукти Шашты Азиза. Он же его потомок. Прочтет молитву. А потом подумает о жизни. Грабителем не станет, а где все-таки добрый путь и каков он?

Могила родителей тоже здесь. По словам отца, его деды-прадеды по делам ислама часто ездили в Сары-Арку, надолго останавливались в прекрасном Улытау. Деды третьего, четвертого колена Абдурахман-кожа, Исламкия тоже ушли из жизни в тех местах, нашли вечный покой в Улутауских горах.

Посетив могилу святого Баба Тукти Шашты Азиза, Едыге долго читал молитву. Рядом тек, мерцая, серебристый родник, вода журчала, издавая певучие звуки. Едиге, раздевшись до пояса, искупался и почувствовал большое облегчение. Окинул взглядом хребты Каратау. Каратау... Долго ли он сможет скрываться в скалах и ущельях Каратау? Его душа ничего не желает кроме свободы. Не сможет он долго сидеть в одиночестве в пещерах. Также не сможет жить под властью кого-то и терпеть издевательства.

В раздумьях он не заметил всадника, который уже начал спешиваться.

- Оу, ты... неужели Едиге?

- Оу... - Едиге резко повернулся. По голосу узнал Маулимнияз, белая борода которого покрывала всю грудь. - Маке... Брат.

- Сынок, здоров ли ты?
- Да, да...
- Слышали обо всем. Живодеры Урус-хана были здесь, сильно распугав народ, только сегодня уехали. Что решил, как будешь жить дальше? - Маулимнияз погладил бороду.

- Пока не решил.
- Да, - старик тяжело вздохнул. - Когда моему отцу стало тяжело жить, брат Кутлукия его защитил, затем и мы подросли. Едиге, этот долг теперь я должен оплатить. С того времени, как узнал об этих событиях, я только об этом и думаю. Большие и малые ханы этих краев подчинены Урус-хану, и его слова для них приказ, они не смогут тебя приютить.

- Я тоже так думаю.
- Если примешь, есть одно предложение, - старик пристально посмотрел в глаза Едиге, - Амира Тимура все боятся, никто не захочет пойти против него. В свое время у него сложились дружественные отношения с Кутлукией. Съезди пока к нему, а дальше посмотрим.

- Примет ли он меня? - засомневался Едиге.
- Я пойду с тобой. Мы раньше встречались с ним, есть поговорка «встречающий всегда смущается».

Родителям и тем, кто похоронен в этих могилах, Едиге еще раз посвятил молитвы. Маулимнияз съездил домой, взял одежду, продукты и, навьючив все это на коней, они взяли направление на юг. По пути переходили через многие песчаные барханы, у встречавшихся в пути людей Маулимнияз расспрашивал об Амуре Тимуре, о его местонахождении. Много раз он менял направление пути.

- Ага (брат), почему изменили путь?
- Каждый раз узнаю о новом местонахождении Амира.
- Тогда как он...
- Он же не сарт, постоянно в городе не сидит. Объезжает свои земли, узнает о житье-бытье, любитесь степной красотой, большой любитель охоты. Увидишь, от рождения он особенный человек.

Амира Тимура они встретили внезапно, когда выходили из дремучего леса. Едиге сперва увидел человека, сидевшего на саврасом жеребце с длинной гривой до колен коня. Он ехал впереди всех. Остановились в нескольких шагах. Если у кого имеются хорошие качества, достойные человека, такого называют благородным человеком. Едиге не мог оторвать взгляд от незнакомца среднего возраста. «Крупный, рослый человек, кажется, имеет недюжинную силу», - подумал он. На благородном лице выступают

и воля, и стремление к познанию будущего. Игра всего этого поражает. В пронзительном взгляде его черных глаз есть и большое спокойствие.

Пришпорив коня, Маулимнияз хотел двинуться вперед, но его гнедой конь, внезапно испугавшись чего-то, прыгнул в сторону. Оказалось, притаившийся под саксаулом и ждавший удобного момента барс, глухо зарывчав, бросился на них. Амир Тимур успел заметить, что кинжал молодого человека, стоявшего перед ним, блеснул молнией. Кинжал глубоко вонзился в грудь зверя, который, по инерции отбросив лапами землю, сразу издох.

- Кто ты? - в жестком голосе Тимура слышалась и доброжелательность.

- Я ... - Едиге отчего-то остановился.

- Он сын Кутлукии, зовут Едиге.

- А Маулимнияз, теперь мне все понятно. О всех делах Урус-хана хорошо знаю. Жигит еще молод. Хотя он молод, я признал в нем растущего молодца, желающего мщения для врагов за их деяния, - Амир Тимур кивнул бородкой в сторону убитого зверя.

Один из нукеров вытащил кинжал из груди хищника, вытер его об шкуру, пальцем попробовал остроту и удивленно мотнул головой. Хотелось ему оставить его у себя, но побоялся Амира, с большим сожалением вернул Едиге.

- Да, Урус-хан стал нетерпим для народа, - продолжил Маулимнияз. - Одна беда от него.

- Да, беда, - Амир Тимур, повесив поводья на луку седла, сдвинул головной убор назад.

- Теперь некуда деваться народу. Один из тех, кто не мог терпеть его издевательства, это Едиге, хочу оставить его с вами, пусть научится добрым делам.

Амир Тимур не отводил взгляда от Едиге. У молодого парня особенное телосложение. Он увидел, что он твердо ступает по земле. Голову держит высоко, наверное, горделив. В его походке, в движениях, пронзительном спокойном взгляде чувствуется знатное происхождение. Нет, он не будет желать плохого для народа, но если кто осмелится враждовать, то ему несдобровать. Он не опрометчив, но с тем, кому доверяет, готов поделиться всем. Большой рост, широкие плечи и мускулистые руки свидетельствуют об огромной силе. Умные глаза блестят огнем.

Амиру Тимуру понравился парень.

- Пусть останется. Мы дружили с его отцом, - сказав это, он кивнул шловой Едиге и, пришпорив коня, поехал дальше.

Отец Токтамыса, Тайкожа, погиб от руки Урус-хана, поэтому он не мог оставаться в этой стране и бежал без оглядки. В момент прощания заплаканная мать в последний раз поцеловала сына, дала ему последние сбережения, немного золота и серебра и осталась, пожелав доброго пути и здоровья.

Он тоже хотел найти защиту у Амира Тимура. Понимал, от палачей Урус-хана его душу может спасти только он и, если Бог даст, может вернуть ему и трон отца. Когда-то люди пластами лежали перед его отцом Тайкожа, теперь же ни один из них не проводил его в дальний путь. Близкие и дальние родственники тоже молчат, только слезливый старый брат матери, прячась от посторонних глаз, сопровождает его. Да, при жизни Тайкожа-хана Токтамыс много раз проезжал в этих местах. Было очень много сопровождавших нукеров, впереди дозорный, сзади наблюдатель, не было нужды присматриваться к дороге, запоминать окрестности. Теперь он вынужден ехать в сопровождении старика. Он видит, что старик держит не прямой путь, часто, как заяц, бегущий от волка, бросается то в одну, то в другую сторону, избегает тех путей, по которым многие ездят, путая других и сам путаясь, наконец вывел в края, где господствовал великий Тимур.

- Ну вот, теперь я возвращаюсь.
- Неужели? - У Токтамыса будто душа оборвалась.
- Все дальнейшее будет зависеть только от тебя, какая помощь от меня? Не обессудь!

Токтамыс из внутреннего кармана пояса достал золотую монету и предложил старику.

- Что ты делаешь? Брось это.
- Нет, дядя, это единственный подарок от меня. Увидимся ли в этой жизни еще раз, никто не знает. Вспоминайте меня, читайте молитву за меня.
- Будь здоров, - дядя всхлипнул, потянув носом, протер платком лицо и повернул коня назад. Токтамысу хотелось, чтобы он еще раз оглянулся на него. Сколько ему осталось жить, время старика приближается к концу.

По слухам, среди людей, принявших около Амира Тимура, есть еще один родственник матери по имени Топан. Расспросив многих людей, нашел и его пристанище. Топана он когда-то, еще совсем ребенком, видел один раз, после связь с ним не поддерживали, даже лица не помнит. Топан, оказывается, далеко отошел от

традиций, где любой казах со словами: «Ассалаумагалейкум» заходит в любой дом. Его остановил жидкоусый слуга со словами: «Ака, ака... кто вам нужен? Разрешение... без этого нельзя». Постоянно кланяясь и лъстиво улыбаясь, он сам зашел за двери.

- К вам хочет зайти какой-то степняк, зовут Токтамыс, - сообщил он, а потом со словами: - Ну давайте заходите, - открыл дверь.

- Слышал обо всем, - дядя по материнской линии Топан, сделав вид, что теперь ничем помочь не может, кроме молитвы, поднял ладони к небу. - Да, такова наша жизнь. Пусть смерть Тайкожи будет последним горем, и в дальнейшем нас ждет только добро. Как поживает сестра?

Токтамысу дальше идти бышо некуда, он приехал просить приют у Амира Тимура, все это тот принял молча, когда услышал, что у него есть подарок для Амира, радости Топана не было предела. Токтамыс много слышал об Амуре, о его подвигах, страшился его. С помощью Топана он перешагнул порог дома Амира. Из тех ценностей, которые дала мать на прощание, самым дорогим было кольцо с крупным алмазом. Трон Амира Тимура был сделан очень удобным для отдыха, и тот сидел на нем, скрестив ноги. Токтамыс протянул руку с кольцом, Тимур, повертев, пристально осмотрел дорогое кольцо, но в лице его не проявилось ни восхищение, ни разочарование.

- Хорошо, что творится в соседней стране, мы знаем. На той стороне происходят неуместные, даже трагические события. Будь поэтому около нашего дворца, - сказал коротко Амир.

Проходили тихие, однообразные, беспечные дни. В Самарканд постоянно прибывают торговцы из далекой Индии, Китая, конечно же, не обходится без купцов Персии, Аравии, из Сарая Алтын-Орды. Караваны неустанно приходят и уходят. К такой жизни Токтамыс быстро привык. Он стал одним из нукеров Амира, изредка и то издалека видел его, близкого общения не было. Но он внимательно слушает всяческие сплетни и рассказы приближенных ко дворцу, запоминая то, что считал нужным для себя в будущем, анализировал, делал свои выводы.

Приближенные ко дворцу часто стали говорить, что правитель города Сауран с каждым годом все меньше собирает дани для казны, как растет его долг, так и растет недоверие к нему. Одни видели это в его неспособности как градоначальника. Другие говорили:

- Нет, он болен. Это последствия его болезни. - Каждый по своему был прав. Самое главное - Амир Тимур недоволен градоначальником, - сказали вдруг. Такое утверждение возникло недавно.

Токтамыс уже второй год проживает в Самарканде. Однажды он, как обычно, прохаживался около дворца и внезапно встретился с Амиром. Кланяясь, поздоровался.

- Хим! - Амир кашлянул и пару раз с задумчивым видом осмотрел его с головы до ног.

На следующий день, по приказу Амира Тимура, он стоял перед ним. Правитель, как и прежде, на том же троне сидит, скрестив ноги. Книгу, которую читал, отставил в сторону и опять пристально рассмотрелся:

- Какие вести с твоей родины? Небось, соскучился по ней? - в его спокойном, однотонном голосе чувствовался холодок. Своим пронзительным взглядом Амир будто читает его мысли.

- Не имею никаких вестей.

- А можешь ли ты править народом?

У Токтамыса сердце вздрогнуло, он пытливо посмотрел в лицо Амира. Если говорить правду, то какую окраину он хочет доверить ему? Может, он хочет помочь ему отомстить Урус-хану за содеянное? Не верится... Как бы ни было, все это неспроста. Все приближенные Сарая знают, неспроста что-либо говорит Амир. Тогда...

- Если доверите... - Токтамыс еле выговорил ответ.

- Наверное, слышал о смерти правителя города Саурана? С завтрашнего дня в твоих руках правление этим городом. Обустрой город, как следует, и поправь положение горожан.

- Будет сделано, правитель.

- Хим! - Амир о чем-то опять задумался. Не получив приказа о том, что прием закончен, Токтамыс тоже задержался.

- Край, оставленный твоему отцу по наследству, теперь присвоен Урус-ханом. Ты тоже мечтаешь о возврате этих земель.

Амир Тимур задел самое больное место Токтамыса. Там он родился, там же вырос, никому бы не отдал родные края. Почему он поднял эту тему? За истекшие годы Токтамыс хорошо усвоил правила и жизнь дворца. Он знает, Амир Тимур просто так ничего не скажет. Тогда что он хотел сказать?

- Деды, прадеды покоятся в той земле, - ответив, он прямо посмотрел в лицо Амира.

- Я под твоё управление даю целый город. Если сможешь, прогони Урус-хана с тех краев, - голос Амира в этот раз звучал тверже, будто он приказывает.

Амир дал ему сотню жигитов, с ними Токтамыс зашел в город Сауран. Он поставил перед собой твердую цель: хорошо узнать жизнь города, в чем его превосходство и в чем он нуждается. А

потом начал наказывать тех, кто, пользуясь болезнью бывшего градоначальника, пустил на самотек работу налоговой службы.

Стабильность жизни города, благополучие жителей зависит от торговли, доходов базара. Особое внимание он обратил на это, обустроив караван-сарай, куда издалека, с неизведанных краев, с большим трудом стекаются торговцы. Это дело оказалось выгодным. Приходили торговцы с благодарностью и ему тоже оказывали внимание, оставляли подарки. За короткое время нажил немного добра, и вид стал другим.

Нутром он чувствует, что среди жигитов сотни Амира Тимура есть глаза и уши правителя. Наладилась бойкая торговля в Сауране, город как бы ожил, на эти изменения со стороны Самарканда он не слышал ни благодарности, ни порицаний. Когда он взялся за укрепление города, начал заново возводить развалившиеся стены, до него донесли слова Амира: «Это очень хорошее дело. Если враг не сможет захватить город, остальное сложится».

В эти дни Токтамыс был удовлетворен, что он помимо своего степного воспитания усвоил и иную жизнь. Если бы он, считая себя потомком великих ханов, был горделив и самоуверен, в чужих краях, находясь среди незнакомых людей, не смог бы познать лучшие качества одних, хитрость и самолюбие других. Горожане часто общаются с людьми других стран, от них узнают многое, здесь, в городе, приобретают новые знания. Это двигает вперед. Но степное воспитание приучило его вольности, быстрому схватыванию всего нового, еш пониманию и осмыслению, непринужденности суждений, природной одаренности. Но все это, лучше всего, надо держать до поры до времени скрытно, считал он. Но от пронзительного взгляда Амира Тимура, от его предвидения будущего скрыть что-то было невозможно. Какими бы ни были эти приобретенные качества, он умеет использовать их по своему усмотрению.

Появившиеся вновь возможности Токтамыс решил использовать для своих конечных целей. Сперва удвоил численность своей сотни. Конечно, об этом узнает главный правитель, поэтому переживал, что скажет он. Однако до него дошли слова Тимура на этот счет: «Начало правильное».

Получив словесное одобрение своей инициативы, он продолжил и дальше увеличивать количество своего ясака. Наиболее способные из людей бывшей сотни стали во главе десятка или сотни. По возможности обеспечил их хорошим оружием. Пеших не было, все имели своих коней. Поставил перед собой цель, что надо неожиданно, когда Урус-хан будет наиболее беспечен, нанести ему

удар. Конечно, Урус-хан слышал о его бегстве к Амиру Тимуру, но он, наверно, не знает, что он правит городом, собирает войско для отмщения за отца и близких. Эти мысли окрыляли Токтамыса.

Он часто выводил свой ясак за город, проводил военные игры. В одну из безлунных ночей, под видом игры, он вывел войско из города и направился в сторону владений Урус-хана. Численность еш войска тогда уже перевалила за тысячу. Установил жесткий порядок, запрещал громко шворить, никто не должен был слышать звона ударившихся мечей и копий. С восходом солнца спрятались в саксаульном лесу, передохнули, затем, с наступлением темноты, двинулись дальше. Таким маневром незаметно близко подошли к орде Урус-хана.

Сражение началось внезапно. Увидевший чужой отряд чабан, оставив свой скот и громко крича, поскакал назад. Погнавшиеся за ним жигиты Токтамыса не вернулись. Как будто их земля проглотила. Войско Токтамыса быстро двинулось за погнавшимися. Вдруг выскочившие из оврага сухой речки с громким боевым кличем жигиты Урус-хана двинулись на них.

- Бей! Бей!

- Не жалей!

Началось ожесточенное сражение. Токтамыс не успел перестроить своих людей, десятки, сотни до такой степени перемешались, что командующие потеряли с ними связь, их уже никто не слушал.

- Вали! Вали его!

- Сильнее, сильнее ударь!

К скрежету и звону бьющихся палашей и сабель примыкают тяжелые голоса с уханием, стоны и предсмертные крики тяжело-раненых, громкое ржание испуганных и раненых коней, все это, соединяясь, наполнило все вокруг, как будто степь начала выть неземным голосом.

- Смотрите сюда!- сказал один из жигитов Токтамысу.

- Кто они?

Не успел он ответить, как выскочившие из-за невысоких сопочек войска ударили сбоку ясака Токтамыса и начали теснить их. Жигиты Токтамыса, не успев повернуться для сопротивления, пали под копытами новых врагов.

- Эх! - Токтамыс был в отчаянии.

- Что делать?

- Дай сигнал к отступлению. Отступаем с сопротивлением.

Услышав сигнал, войска Токтамыса, развернувшись, стали быстро отступать. Токтамыс видел, войско свое перестроить невозможно и тогда, собрав приближенных и оставив поле сражения, бежал в глухую степь. Войска Урус-хана преследовали разбежавшихся жигитов Токтамыса, с убитых сняли все, что можно, живых пленили. Начался пир победителей.

Он держал свои замыслы в тайне. Только теперь он понял, что Урус-хан все равно разгадал его тайну и предусмотрел путь его нападения и подготовил встречу. Теперь ничем не поможешь, остается только одно сожаление.

Токтамыс со своими приближенными людьми ушел от пошни цел и невредим, но куда теперь-то податься? Часто останавливался под видом отдыха для загнанных коней. Прошло несколько дней. Куда направить своего коня? В Сауран? Как встретят еш жители города Саурана?

Безвыходное положение привело его к воротам Самарканда, куда он заранее отправил одного из своих, чтобы уведомить градоначальника, и ворота перед ним открыли. С волнением дошел до дворца Амира Тимура. Здесь его ожидал приказ грозного полководца и правителя: «Пусть сегодня отдохнет, приму завтра».

На следующий день, направляясь ко дворцу Амира, он сильно переживал за свою судьбу. Кто знает, что задумал сильнейший мира Тимур. По вине его погибли сотни людей. Если снимет за это его голову, кто будет искать его, скитальца, потерявшего все. Вчера не захотел принять его, это тоже не к добру.

- Ну, давай пошли, - голос жигита, стоявшего у двери, прозвучал жестко, отчего у Токтамыса невольно задрожали колени.

- Уа, Аллах, помоги мне,- произнес он тихим голосом.

Амир Тимур принял его так же, как и в прежние времена. Чай, приготовленный поваром, он мирно пьет, не спеша наливая его только на дно пиалы. Вид очень спокойный, ничем не проявляет своего недовольства. Токтамыс опустился перед ним на одно колено. Постепенно тревога улеглась, сердце начало стучать спокойно.

- Уф, - Токтамыс сам не заметил, как вздохнул.

- Ну да, теперь остается только тяжело вздохнуть! - пробежала тень по лицу Амира. - Рассказывай.

Повелитель слушал не перебивая. Токтамыс рассказал все тонкости, не скрывая ничего. Сказал о том, что не учел возможностей врага, вздыхая признал, что недооценил Урус-хана. Амир молча слушал, не показывая ни своего сожаления, ни, тем более, одо-

бления, пил чай маленькими глоточками, слегка покачивая пиалу. Вдруг постучал по колену. Мгновенно зашел палач с вынутой из ножен саблей, Токтамыс испуганно подался назад.

- Повелитель... - голос его дрожал.

- Ты свободен, - сказал Амир, кивнув подбородком палачу.

- А, я... - Токтамыс все еще не мог прийти в себя, запнулся.

- Ты правильно сделал, что не пошел в Сауран. Кто знает, как встретит народ побежденного правителя. Многие потеряли своих сыновей, родственников. Несдобровать было тебе там. Теперь останешься во дворце. Ближе ко мне.

- Хоп! - Токтамыс легко встал с места. Думал, смерть настигла его, нет, Аллах помог ему. Говорят, Амир Тимур очень уважает потомков Чингизхана, кажется, так оно и есть. Вся власть сосредоточена в его руках, огромная сила, но, несмотря на это, он провозгласил потомка Чингизхана Хусейна главой государства, великим ханом. Если бы он не уважал род Торе (потомков Чингиза), Хусейн слетел бы с места от одного дуновения Амира. Вот он сам и в этот раз отделался испугом, избежал наказания, и это тоже говорит о некой тайне.

Амир причислил Токтамыса к приближенным людям. Кроме особо важных государственных секретов, он участвовал на всех заседаниях совета, где учитывались мнения участвующих. Такое положение сразу изменило отношение других к Токтамысу. Привыкшие окриком подчинять других, теперь они перед ним низко кланяются. Прошло лето. Амир опять призвал его к себе.

- Как дела? Доволен ли своим положением?

- Очень благодарен Вам.

- Не надоела однообразная жизнь во дворце? - Пронзительный задумчивый взгляд Амира холодком пробежал по всему телу Токтамыса.

Токтамыс не знал, что ответить, и растерялся. Что за слова? Неужели кто-то на него наговаривает, доносит все Амиру? Он же умел закрывать пасть всей ладонью. Как теперь ответить ему? Надоела или не надоела такая жизнь?

- Хорошо, - сказал Амир Тимур. — Хочу поручить тебе одно дело.

- Если окажете доверие.

- Потомку ханов быть правителем. Еще раз хочу тебе вручить бразды правления, - Амир Тимур изучающе смотрел на него. - Возможно ли найти в тебе огонек справедливости?

Сказав это, повернулся и хлопнул в ладоши.

- К вашим услугам, - зашел писарь правителя с бумагой и ручкой.

- Назначаю Токтамыса правителем Хорезма, подготовь приказ.

- Хоп, правитель.

- Думаю, что ты все-таки справишься с этой работой.

- Спасибо! - от радости вспыхнуло все лицо, и с этой радостью на лице Токтамыс быстро встал и низко поклонился.

- Хорезм когда-то принадлежал улусу Жошы. Непокойная жизнь у ханов тех краев, постоянные стычки, грызня между собой надоели народу. Был благодатный край, а из-за бесконечных грабежей пришел в упадок, пришлось взять под свое управление. Сейчас все спокойно, жизнь народа тоже наладилась, ежегодно платят налоги.

- Все свои силы приложу, чтобы оправдать ваше доверие.

- Хорезм - богатый край. Чего стоят только воды Дарии! Рыба Арала может кормить население круглый щд, - задумчивый взор Амира устремился вдаль. - Наступило бы такое мирное время, жить бы спокойно без опаски.

Сказав: «К услугам!», - еще раз зашел писарь, держа в руке чернильницу, с пером за ухом, посмотрев в сторону Токтамыса, мотнул головой и улыбнулся.

- Ну, давай, - глазами Амир Тимур быстро пробежал по листу и взял в руки золотой перстень. На перстне арабскими буквами было написано имя грозного полководца Амира Тимура. Он провел перстнем по смоченной в чернилах материи и, приложив к листу с приказом о назначении Токтамыса, немного нажал.

- Оба свободны.

Поочередно поклонившись, Токтамыс и писарь быстро удалились. Получив в правление Хорезм, Токтамыс думал только об одном - любой ценой отомстить Урус-хану. Хорезм не сравнить с Саураном, здесь возможностей больше и создать необходимое войско особого труда не составит. Через каких-то полгода он считал, что готов к любому сражению. Конечно, он знает, что Амир Тимур издали наблюдает за каждым его движением, но за это время он ни разу не спросил «к чему готовишься», значит, он одобряет его действия. Теперь он, не скрываясь, направился к хану Синей Орды Урусу. Не забыл направить ему весть «иду к тебе».

По правилам сражений на поединок напросился один из молодцов Токтамыса, к сожалению, конь на полном скаку споткнулся и упал, жигит остался под ним. Сотня, намереваясь спасти своего, бросилась вперед, вдруг войско Урус-хана посередине разде-

лилось, и присевшие на колено лучники до единого уложили всю сотню. В атаку кинулись все. Бой продолжался до позднего вечера. Войска Токтамыса опять начали отступать. Сражаясь среди них и тоже отступая, Токтамыс зашел в заросли высокого заросшего камыша. Чтобы лучше было прятаться от врагов, отпустил коня. В разгар сражения что-то сильно ударило в колено, но тогда не было времени и возможности обратить на это внимание. Теперь чем дальше продвигался в густом камыше, тем труднее стало передвигаться, пришлось волочить ногу. Наконец среди болотистой местности, найдя небольшой холмик, окруженный камышами, сел и осмотрел ногу. Оказалось, что острие копья, прорвав голенище сапога, вонзилось в колено. Сняв сапоги, оторвал кусок тряпки от пояса и обмотал кровотокающую рану.

Опять поражение. Внутри возникла пустота, его охватило непонятное отчаянное состояние, которое перешло в плач, только к кому он обращает свое жалобное всхлипывание - непонятно. Издалека еще слышатся громкие стоны и лязг сабель. Это остатки его войска, оказывающие последнее сопротивление. Токтамыс, заткнув рот рукавом, опять всхлипнул.

Темнота накрыла местность. Однако использовать непроглядную темноту для бегства тоже невозможно. Легко попасть в руки людей Урус-хана, шнырявших везде и всюду в поисках добычи. Теперь придется терпеть и отсиживаться здесь. Положив сапоги под голову, лег и не заметил, как уснул.

Вдруг чьи-то сильные руки, осторожно прикоснувшись, прижали его. Невозможно было разглядеть, кто это, незнакомец сам молчит. Вокруг непроглядная тьма. Этот великан плотно закрыл рот Токтамыса. Нет, это был не сон и он не мертвец, высоко на небе горят звезды. Издалека еще слышится лай собак, голоса ругающихся между собой женщин.

- Кто ты? - еле проговорил он.

Этот облаченный в чапан до колен незнакомец в ночной тьме показался ему сказочным великаном. Да, кажется, действительно великан, Токтамыс даже шевельнуться не может. Постепенно он стал привыкать к ночной темноте. Этот, кем бы он ни был, он не враг.

- Кто ты? - еще раз спросил он еле слышным голосом.

- Молчи, могут услышать, - незнакомец еще раз прикрыл ему рот.

Иногда с разных сторон долетали голоса стонущих от боли. Кто они? Приходя в себя, Токтамыс хотел встать, незнакомец, сильно нажав на плечо, заставил опять присесть.

- Надо же узнать, где враги.

- Враг рядом, хочешь, чтобы отрубили твою голову? - тихо сказал незнакомец сердито.

Стало светать. Токтамыс время от времени среди камышей видел силуэты каких-то всадников, гнавших пеших людей. Тут какая-то собака остановилась рядом. Послышался голос хозяина, настойчиво звавшего собаку, которая, повиляв хвостом, побежала на голос. Токтамыс только теперь разглядел, что лицо незнакомца закрыто. Какой-то долговязый. С самого начала голос показался знакомым. Кто же все-таки он? Кто бы ни был, человек с дружескими намерениями.

- Скажи-ка, кто же ты такой?

Незнакомец наклонился вплотную к лицу Токтамыса и открыл лицо:

- Узнаешь меня? Я Едиге.

- Едиге... - удивленный Токтамыс отпрянул назад. - Едиге...

- Да, я сын Кутлукия - Едиге.

- Ты тоже здесь? Как ты попал в это место?

- Это долгий разговор. Меня Амир Тимур направил для наблюдения за ходом сражения. Я один. Поздно прибыл на место сражения. Понял, что ничем теперь не могу помочь, и сел на вершине горы, дожидаясь окончания битвы.

- Вот как, - прозвучал недовольный голос Токтамыса.

- Потом решил найти тебя. С наступлением темноты начал поиск. Осмотрел многих погибших, оказал помощь тем, кто остался жив. Дальнейшая судьба их мне неизвестна, может, попали в плен. А тебя нашел по всхлипу, во сне или наяву ты всхлипывал.

Рядом еще проходили какие-то люди, как и прежде, один за другим перегонявшие скот. Черное небо начало светлеть, меньше стало звезд. Ветерок, дошедший из далеких степей, медленно раскачивал верхушки камышей. Наступило утро, а они все никак не могут уйти с этого места. Нескончаемый поток людей никак не прекращается. По обычаю степных жителей, в кармане Едиге всегда был курт (подсоленный сушеный творог). Нашупал пару штук курта. Увидев в руках Едиге курт, Токтамыс не смог оторвать от них глаз и от предложенного не отказался, быстро сунул его в рот.

Долго ждали наступления следующего вечера, пока не зашло солнце. Раненую ногу Токтамыса Едиге заново перевязал и на сильно надел сапог.

- Ну пошли, - сказал Едиге.

Сделав пару шагов, Токтамыс, сильно вздыхая, опять присел, разглядывая больное колено. У него затравленный вид, в глазах застыл страх: как бы его не оставил Едиге.

- Не дает наступать, - Токтамыс смотрел на Едиге с мольбой.

Взвалив Токтамыса на спину, пройдя через болото, Едиге вышел из камышей. Потом пристально и долго разглядывал все вокруг. Кажется, нет никого. Вокруг непроглядная тьма. Куда он может донести раненого Токтамыса на спине?

- Ты посиди здесь. Не издавай ни звука! Надо найти хоть какого коня, без этого нам не спастись. Кто знает, прячась хорошенько.

- Коня?.. - спросил Токтамыс недоверчиво.

- Не бойся, не оставлю.

Едиге возвратился поздно, но с конем. На пугливого коня взгромоздились оба, Токтамыс сзади. Вон ту группу звезд на южном горизонте люди прозвали Заяц, не спеша, не издавая громких звуков, направились они в сторону этих звезд. Токтамыс только теперь понял, какая опасность висела над его головой, и как он избежал этого. Не знает, как отблагодарить Едиге, какими словами.

- Едиге, всю жизнь буду помнить твою помощь. Я твой вечный должник.

Правду ли говорит он, Едиге внимательно посмотрел в бегающие глаза Токтамыса. На угнетенном, потускневшем лице Токтамыса появились огоньки надежды. Это радость после стольких невзгод и поражений, решил Едиге.

- Ну, это жизнь покажет, - ответил Едиге.

Едиге пришпорил коня. Постепенно рассветает. Утренние звезды, как испуганные сайгаки, вместе с рассветающим небом продвигаясь на запад, исчезали. Всадник, появившийся среди песчаных дюн, резко повернул к ним. Быстроходный конь быстро догнал их. Сомнений не осталось, вооруженный до зубов чужак оказался одним из жигитов Урус-хана, ищущим легкую добычу. У Едиге был только кинжал, висевший на поясе.

- Кто вы такие? - поравнявшись с ними, всадник особо внимательно смотрел на Токтамыса.

Сидевший Едиге:

- Путники мы.

- Ты же Токтамыс. Слезайте с коня! - чужак взялся за саблю.

Чужак не успел вытащить саблю, блеснувший в воздухе кинжал вонзился ему в руку. В тот же миг мощная рука Едиге выдернула его из седла. Стиснув от боли зубы, со злостью и страхом молча смогнул он на Едиге. Наклонившись, Едиге вытащил из его руки кинжал, вытер и сказал:

- Не хочу проливать твою кровь. Передай своему хану, меня иоит Едиге. Кто жаждет крови, тот насытится своей кровью.

На коня чужака сел Токтамыс. Он не хотел возвращаться в Хорезм. На этот раз Амир Тимур принял только Едиге и все подробности тех событий узнал от него. Через несколько дней Амир, назначив его главой, вручил ему еще сотню. С Токтамысом, терпевшим поражение за поражением, теперь никто не считался. Те времена, когда Амир Тимур относился к нему благосклонно, когда люди тоже кланялись ему, ушли. Теперь, встречаясь с ним, те же люди не здороваются, проходят мимо. Токтамыс кружится вокруг Едиге.

- Урус-хан же тоже должник тебе, - говорит он Едиге, призывая к чему-то.

- Это правда, - Едиге тяжело вздохнул.

- Без вины он убил моего отца Тайкожа-хана.

- Об этом тоже знаю.

- Я хочу отомстить за кровь отца.

- Но как... - Едиге пристально посмотрел в глаза Токтамыса.

- Да, да. Меня постоянно преследует неудача. Была же возможность побить Урус-хана, не оставляя за ним ничего, но какой-то рок или предательство не дает возможность расквитаться с ним. Из-за этого я и переживаю.

- Заранее надо просить помощи у Аллаха, - ответ Едиге тоже был двусмысленен. Амир Тимур, хотя и не наделил его какой-то должностью, но постоянно отправляет его в дальние края с разными поручениями.

Через три дня до дворца Амира дошли вести о смерти Урус-хана. Радости Токтамыса не была предела, но и сожаления тоже остались. Надо было наказать его строже, посадить на ишака задом наперед, поиздеваться и убить как бешеную собаку.

Вскоре Токтамыс позвал к себе Амир Тимур, появилась надежда, что на этот раз он окажет ему большую поддержку, даст многочисленное войско. Ветром примчавшегося ко дворцу Токтамыса остановил охранник.

- Пойду сообщу,- охранник исчез за дверью и быстро вышел,- заходи.

Амир Тимур принял его, как и прежде, в том же виде. Сколько раз Токтамыс был перед Амиром, ничего с тех пор не изменилось. Под ногами лежит тот же персидский ковер, те же занавески на окнах, нет ничего лишнего, роскошного, блестящего. От тех нескончаемых богатств, текущих в казну, и тени не видно здесь. Даже

одежда Тимура, потрясающего мир, не обшита драгоценными камнями, достойными царя.

- Надеюсь, о смерти Урус-хана ты уже слышал,- сказал Амир Тимур поклонившемуся ему Токтамысу. - Сожалеешь, что не смог отомстить?

- Да, очень.

- Кем бы ни был человек в этом мире, за все свои грехи он понесет наказание перед Аллахом. Сейчас уже, наверное, нет такого безгрешного человека, который бы искупил грехи этого брэнного мира, - Амир предался религиозной философии.

Токтамысу ничего не оставалось, как кивать головой в знак согласия и одобрения. Все-таки зачем меня вызвал к себе Амир Тимур, думал он. Токтамыс тоже в одно время учился в медресе, и Амир вряд ли собирался опять его учить. Тогда зачем понадобился ему этот разговор?

- Да, у тебя же есть своя сотня,- Амир спросил так, как будто об этом только сейчас вспомнил. - Как жигиты, готовы ли к любому делу?

- По возможности...

- Золотая Орда была сильной, великой державой, - Амир тяжело вздохнул. Встал, чуть хромя, подошел к окну, долго смотрел куда-то вдаль. - Главный город Золотой Орды теперь ведь Сарайшык?

- Да, они переселились от Сарая в Сарайшык.

- В Сарайшыке нет мира и покоя. Какое может быть согласие меж ханами, дерущимися, борющимися, убивающими друг друга. Подобно Кожанасыру, усевшись на сучок, рубят основание дерева. За их спиной крепнет чужая, недобрая сила, нависает угроза, удивляешься, видя, что не замечают и не думают об этом ханы. Думаю, Сарайшыку нужен сильный хозяин, - сказав это, Амир повернулся к Токтамысу.

- Если наступит такой день...- уловил недосказанное Амиром Токтамыс.

- Говорят, на место Урус-хана сел его сын Темир Малик. Говорят, бестолковый он, и народ недоволен им, - Амир Тимур недвусмысленно намекнув, окончил прием.

Эти новости подвигли Токтамыса к новым делам. Пока народ, особенно приближенные бывшего хана, горюют, а новый еще не укрепился на троне, в такое смутное время надо бы овладеть тронем Синей Орды. В последующие дни он уже собирал искате-

лей легкой добычи и, собрав многочисленное войско, отправился силой отобрать ханство у Темир Малика. Сколько бы беспечной ни была орда хана, но они уже были наслышаны о новом походе Токтамыса. Войска Темир Малика с трудом, но оказали сильное сопротивление, а наконец прибывшее к ним новое подкрепление повернуло ход битвы. Токтамыс опять потерпел поражение.

Долго праздновал Темир Малик свое восхождение на ханство, празднества продолжались и после победы над Токтамысом. Не было конца радости новоприблизженных хана, надежда на него была огромной. Продолжавшийся целое лето праздник постепенно надоел всем. Из кумыса перегоняли арак, такого не было раньше в народе, а пристрастившийся к выпивке молодой хан уже не мог заставить воинов соблюдать порядок, участились грабежи и разбои. Продолжение праздника требовало больших затрат, которые повесили на шею народа. Сначала народ молча делил с ханом его затраты, но потом уже не смог платить новые, заново придуманные налоги и отвернулся от него. Искавших справедливости у хана аксакалов-старейшин таскали за бороды, остальных же без разбору ждала плеть.

Дела в ханстве были пущены на самотек, Тимур Малик-хан никак не мог прийти в себя, аул вечно пьяного хана находился на самом благоприятном жайлау степи. Когда со стороны Сары-Арки дует прохладный ветер, вечером эта цветущая, разноцветная степь покрывается инеем, и беспокоившие всех мухи и мошकारа исчезают. Сюда не ступают копыта скотины, все они находятся за хребтом в специально отведенной местности. В чуть отдаленном месте от Орды Темир Малика пасутся жеребята дойных кобыл и на привязи стоят самые лучшие кони.

Еле стоявший на ногах Темир Малик замутневшим взглядом оглядел вокруг себя и этот жайлау. Почему в Орде так мало юрт, куда все делись? Где же народ, постоянно теснившийся у Орды? А когда они сами обосновались здесь? Голова у хана шумит.

Узнав о неурядицах в Синей Орде, приехал Балташык. Он старался находиться подальше от кроважадного Урус-хана, который, несмотря на все свои отрицательные качества, много сил отдал укреплению Синей Орды. За одно лето все пошло насмарку, сердце щемит от сожаления. Узнав, что Орда распадается, Балташык не смог найти покоя в своем доме. Приехал, надеясь хоть чем-то помочь и отрезвить хозяина Орды.

- Ты потерял народ, Темир Малик-хан. Богатые ушли к другим, бедные бродяжничают! Кем ты стал?! Приходи в себя, успо-

кой своих головорезов. Без народа хан - не хан, земля без хозяина тоже не бывает. Собери свой народ, поправь свои дела.

- Н.. да! - сказал Темир Малик, уже понявший, до какого плачевного состояния дошел.

Слова Темир Малика были нарушены отчаянным криком человека, без конца хлеставшего своего коня. О чем он кричит, издалека не было слышно, когда он переехал засохшую речку, начали разбирать его слова.

- Враги! Враги!

- Какой враг? - холодок пробежал по всему телу Темир Малика. - Откуда?

Надорвавший от крика свой голос всадник упал с коня, еле присел на одно колено. Весь покрытый белой пеной его конь покачивался, видно, хозяин издалека скакал. Жигит выглядел не лучше, от сухости губы потрескались, язык с трудом поворачивается.

- Откуда? - Темир Малик наклонился над ним.

- Вон откуда. Много, много людей со знаменами. Люди Токтамыса.

- Токтамыс говоришь? Опять тайком прибывает. Голова трещит... - Темир Малик со стоном схватился за голову.

Узнав о положении в Синей Орде, Амир Тимур снова вызвал к себе Токтамыса. И в этот раз он опять много рассказывал о Золотой Орде. Потом вдруг сказал:

- Ты же мечтал о Синей Орде, вот наступило время. Ханство заберешь, но людей не трогай. Народ - это богатство, люди - опора.

Амир дал ему ясак только с необходимым количеством людей. Скакали, громким криком пугая людей, но никто не встретил жигитов Токтамыса сопротивлением. Не ожидавшие такого оборота событий, люди Токтамыса, схватив растерявшегося хана за одежду, поволокли его по земле. Балташык пытался защитить его и попал под удар сабли. После убийства хана Токтамыс на несколько дней устроил праздник, раздал женщин Орды своим жигитам и объявил себя ханом Синей Орды.

Через месяц Едиге прибыл в Синюю Орду и обо всем досконально узнал. Старая Орда исчезла, появилась новая Орда. Едиге очень сожалел, сердце щемило от того, что Балташык погиб в этой междоусобице. О том, что Токтамыс, хотя и узнал Балташыка, но не воспрепятствовал его смерти, взбесило его, поэтому он решил отомстить за брата. Брата похоронили отдельно. Посетил его мо-

гилу и с большой скорбью долго читал молитву. В этом мире он теперь остался совсем одинок. Где бы он ни был, он всегда чувствовал под держку брата, кто теперь его заменит? Прощай, брат мой. Вытер одинокую слезу и встал, и тут послышался голос:

- Прости меня, я ошибся.

Он не заметил, когда пришел Токтамыс, как он очутился за его опиной. Просит прощения, извиняется. Какая-то горячая волна охватила его, которую он с усилием подавил. Посмотрел в лиду Токтамысу, тот покраснел, глаза предательски бегают то туда, то сюда, не может он смотреть прямо в глаза.

II Распутье

Едиге не смог найти душевного покоя во дворце Амира Тимура, где он нашел приют и безопасность и теперь решил остаться в Синей Орде. Но те кровавые дела властителя Синей Орды Токтамыса оставили большой осадок в его сердце. Что ждет его в следующие дни? Смутное беспокойство, тяжелые мысли не дают ему спокойно спать. Мысли и мечты, как самый быстроногий скакун степи, переносят его то в даль, то в горы.

После потери брата Балташыка, он чувствовал себя совершенно одиноким, но неожиданно появилась какая-то опора, надежда. Надежда появилась в лице Кагаз, дочери Аль Омара. Их родители давным-давно, еще в младенческие годы, сосватали их. Объединить судьбы удалось только теперь. Чуткая, нежная, добрая, она мгновенно улавливала настроение мужа.

- Что-то беспокоит Вас, сон потеряли. Может, я могу чем-нибудь помочь?

- Не обращай внимания, лучше сама отдохни.

Получившая хорошее исламское воспитание, его молодая жена, хотя у них в возрасте и была небольшая разница, к нему обращалась уважительно на «вы». Едиге немного успокоился, как бы отстранился от тяжелых мыслей. Все-таки часто вспоминается Кумкент, где он родился, вырос, Кызылколь с рыбой, вечерами игравшей на поверхности тихого озера. Эх, сколько раз лихачи - искатели добычи, подняв бессмысленный меч, проходили через эти земли, проливали кровь. Не сосчитать все это. Думы о будущем переключаются с тяжелым прошлым, и дрожь берет, льдом обжигает сердце.

Посетил многие дальние края, увидел жизнь этих стран и чем больше узнавал, тем больше одолевало беспокойство за будущее родного народа. Вспоминаются не только древний Каратау и его окрестности, снегом покрытые горы, острые вершины которых будто пронзают небо, но и бескрайняя степь, волнами медленно раскачивающиеся полынь и ковыль, Сары-Арка со своими нескончаемыми невысокими горами и сопками, окруженными золотой степью, прекрасный Улутау со своими миражами, пустыни, покрытые верблюжьей колючкой и саксаулом, соленые волны многоводного Арала, хотя старики рассказывали, что во времена их дедов Арал был намного полноводнее.

Судьба уготовила Едиге суетный мир, полный раздоров, где господствует закон силы, сильные издеваются над слабыми. Рано он остался без отца, пришлось пережить многое, теперь вырос, окреп, имеет свой взгляд, но опять его захватывает мир, кружащийся в водовороте какой-то борьбы, где весы справедливости показывают не то, что надо. Ханы, акимы всех мастей не пытаются наладить мирную жизнь народа, его заменили междоусобной борьбой, стычками, грабежом, притязаниями на трон. А народ остается под копытами лошадей ханских дружин, глотает пыль, так как некуда деваться от плетей всесильных. Наступит ли время, когда восторжествует мир и покой, когда, как говорится, на спине барана будет гнездиться жаворонок, когда простые люди, не боясь за будущее, будут рожать и растить своих детей. Когда наступит такой день? Едиге одинок, одинок, как всадник, ищущий в степи мираж счастья, сможет ли одинокий человек осчастливить народ? Если нет, каким буцет его дальнейший путь? Нет, он не станет таким же, как кровожадный Урус-хан или как искатель славы Токтамыс.

Не находя покоя, Едиге переворачивался, вспоминая поход, где главенствующим был он сам. Беспокоило его, был ли он справедлив, не обидел ли кого. Все это тогда совершилось по решению Токтамыса. Народ под правлением Тукехана многие годы не платил налоги, были и другие долги перед казной, но Тукехан не хотел признавать вину. Решение всех этих вопросов было возложено на плечи Едиге. Да, этот поход...

В этих краях за все лето не было ни одной капельки дождя, пыль стояла столбом. Долго тянулся поход, вооруженный и усталый народ был более похож на бродячую толпу, чем на войско. Кто верхом на коне, кто на верблюде. Впереди всех этих изнеможенных людей был сам Едиге, назначенный главой отряда. Он много раз участвовал в поединках, но никогда не руководил отрядом.

Едиге удивился, как ему поручили такое дело и послали туда, где он еще не был и не слышал об этих людях.

Среди его вооруженных людей была одна группа, имеющая хороших коней и одетых не в походную форму. Они часто отделяются от них, чему-то радуются. Иной раз, как кошки, мягко ступают, подмигивая глазами, как будто переговариваются. Навевают какую-то неизвестную тревогу. Иной раз оказывают помощь Едиге, отстающих приводят, скачут без оглядки, выполняя поручения Едиге.

У остальных вид другой. Зачем и куда идут, не совсем понимают. Бредут, чтобы только лишь выполнить приказ хана, больше ничего. Хоть все и верхом, но все равно уставшие и голодные. Отправились в этот путь в поисках добычи, верили в то, что они в пути всех раскромят. Теперь качаются взад-вперед, еле-еле держась в седле.

Позади всей этой толпы на вороном коне едет его друг Андасын. Андасын постоянно наблюдает, чтобы никто не отстал. Рядом с Андасыном находится семидесятилетний старик. Сказали «дорогу лучше, чем он, никто не знает». Андасын часто обращается к нему.

- Ну как, старик, правильно едем?

- Сары-Арка осталась позади,

- Куда мы путь держим?

- Сказали же к Тукехану? - старик долго рассматривал лицо Андасына, думая «о чем он говорит».

- Что там есть? - спрашивает Андасын.

- Там.. - старик чуть помедлил, задумавшись, - этот народ идет и думает, что там их ждет большая добыча.

- Как и всегда - кошке игра, мышам смерть.

- Э, дорогой, что взбредет на ум, нельзя высказывать вслух. Иногда языка, а иной раз и головы можно лишиться. Кто правду говорит, тот всю жизнь навлекает кару на себя, терпит бедствие. Будь далек от лжи, не отстраняйся от правды. Правда возвышает до вершины, но она кидает тебя и в бездну.

- К чему это ты?

- Этот жигит, руководящий нами...

- Едиге.

- Едиге, по-моему, он Богом одаренный человек. Что-то есть в нем. Мне кажется, в будущем он будет превосходить самого хана. У таких людей обычно жизненный путь тоже тяжел, так как стоящих наперекор будет очень много. Опасностей над его головой тоже не сосчитать. Да поможет ему Аллах!

- Амин!

- Ты видишь эту отдельную группу людей? Как кишечные черви везде околачиваются. Говорят двусмысленными словами - людям говорят «в какую пропасть мы идем?», а перед Едиге совсем другое, желают доброго пути, становятся его приверженцами. Как это понять?

- Эти люди не думают, что их впереди ждут одни трудности, у них райские надежды, что казна будет полна золота и серебра, и сами наживутся. Ваши мысли до них не доходят, вы лучше поделитесь бы своими наблюдениями с Едиге.

- Думаю, рановато. Вдруг после похвалы Токтамыса и лести окружающих глаза его потускнели, а уши забиты, тогда что мне делать?

- Хм,- Андасын удивился. - Почему другим не скажете?

- А они донесут ли до Едиге мои мысли? Если нет, тогда мне конец. Слышать правду тяжело. Многие примут тебя, если лжешь, попусту похвалишь. Но ложь - временная вещь, коротки ее шаги, придется подождать.

У Андасына не было никаких возражений, он тоже ждал и терпел. Сказать о своих подозрениях - значит навредить походу, тень наводить на всех нельзя. Только решил взять ту группу под постоянное наблюдение. После того разговора старик тоже молчит.

Долго ждать не пришлось. Кажется, половину пути уже прошли. Под ногами скользящий песок. Нестерпимая жажда одолевает и людей, и коней. Казалось, впереди их ждет целый лес саксаула, рядом большое озеро, оказалось, что все это мираж пустыни. Люди устали. Чем труднее путь, тем больше росла активность той группы, к кому-то наклоняются, что-то шепчут, без надобности скачут взад-вперед. Не могут найти покоя.

Наконец остановились там, куда смогли дойти. Вот здесь и начались нежелательные разговоры. Устами некоторых усталых людей пошла речь о том, что путь слишком далек, не хватает продуктов, кони не идут по скользящим пескам. Та группа слушает и посмеивается.

- Пока живы, возвращаемся.

- Нам жизнь дорога.

- Кто хочет умереть в этой пустыне, пусть идут.

Едиге повернул голову к тем, кто часто околачивался рядом, у кого красивая одежда, хорошие скакуны. Он ждал, что скажут эти знатные люди.

- Надо возвращаться, а то зря погибнем.

- Тукехана мы не сможем найти, - в один голос зашумели они.

Едиге понял, что с такими попутчиками далеко не пойдешь.

Но зачем они отправились в этот путь с ним? Какова их цель? Может, у отправивших с ним этих людей были другие мысли? Теперь этого не узнать. Тем, что накажешь их, сейчас ничего не добьешься. Не время чью-то кровь проливать. Едиге выпрямился на своем любимом буром коне и громко сказал:

- Люди, поверившие мне, храбрые воины. Я не скажу вам, что нас ждет теплый солнечный день, царский сад, неисчислимое количество богатств. Ложь для меня противна, перед ханом все мы, и я, и вы, воины, поклялись о том, что мы завершим это дело. Клятва священна. Кто отступит от клятвы, того Бог покарает. Мы не хотим издеваться над кем-то, нам чужды плач женщин и детей, излишнее Насилие, поэтому не будем насильно забирать у людей последнее. Не такова наша цель. Мы хотим показать Тукехану, что он ошибается, расколоть единое государство, сеять вражду между народами мы ему не дадим. Я верю в справедливость. От похода не ищут выгоды, и легкую наживу с легкостью не проглотишь. Кто хочет единства народа, те со мной. Я даю слово, что все вы со мной, выполнив свою клятву, возвратитесь домой.

Потерявшие надежду в этом пути, те, у кого было больше сомнений, чем надежды, услышав уверенный голос Едиге, прислушавшись к его искренним словам, подняли головы, повернули лица. Появился огонек надежды, люди с облегчением вздохнули.

- Мы до конца с тобой!

Многие потеряли спокойствие души, боязнь овладела их сердцами, они потеряли уверенность, мужественность, сомнение и страх глубоко проникли в их души. Посеяли всю эту гадость те знатные всадники. Тех, кто решил возвратиться, тех, кто думал спасти свою голову, Едиге не удерживал. Тут же, на этом месте, и эти всадники, и поверившие их словам, а их было немало, повернули назад. Едиге был рад, что избавился от таких, ну а те, кто остался с ним, хотя и в небольшом количестве, были крепкими как камень, достойными людьми. Среди них его друг Андасын и вызвавшийся в проводники семидесятилетний старик.

- Спасибо, что поверили мне. С верой крепнет надежда, а надежда - хорошая лодка, из любой трудности вынесет. От того, что многие ушли, не теряйтесь, будьте выше всех, воины, - последние слова Едиге утонули в воодушевленных возгласах.

Пройти по бесконечной, бескрайней пустыне было очень трудно. На следующий день началась песчаная буря. Вокруг стемнело,

сильный ветер поднял в небо песок и пыль. Глаза забились пылью, невозможно смотреть, что делается вокруг, народ еле-еле продвигается вперед. Многие на поводе держали своих коней. Дальше ехать верхом стало очень опасно, и Едиге приказал всем спешиться, сам начал искать хоть какую-то защиту. До бури он издали заметил небольшими заросли саксаула. С большими трудностями, теряя последние силы своих людей, довел до них. Довольствовались и этим. Иногда вокруг раздаются крики людей, искавших друг друга. Буря, подняв мелкие камешки, беспощадно бьет людей и животных. Верблюды сразу легли, укрыв головы с подветренной стороны, отвернувшись от ветра кони, опустив головы, как бы признают свою участь. От беспроглядной тьмы было невозможно узнать, что делается с другими, каждому достается от бури и каждый, чуть раскапывая песок под саксаульным деревом, ищет защиту.

Буря продолжалась долго, но так же неожиданно стихла, как началась. Люди, приходя в себя, начали поднимать головы. У некоторых глаза забились песком. Невозможно смотреть друг на друга, лица не видно от пыли, таким видом можно нанугать кого угодно. Лежавшие верблюды были наполовину покрыты песком. От поднявшихся людей сыпался песок. Они пугая плеткой и криками: «Чу! Чу!» - заставили верблюдов подняться.

- Вот это буря! - удивляется один из молодых парней.

- Как зимний буран Сары-Арки, где невозможно рассмотреть уши своих коней,- говорит кто-то.

Узнав, в каком положении находятся его люди, Едиге поднялся на вершину одной из дюн и начал осматривать округу. Вокруг пусто, мертво. Куда теперь идти? Это может сказать только проводник старик. Старик почему-то стал сильно кашлять. Ну хоть жив, и на этом спасибо.

- Вот мы прошли еще одно испытание. Эта буря была тоже непроходимой преградой. Великий Создатель этой трудности еще раз испытал наши единство и твердость. Наша выдержка - залог того, что мы без сомнения победим в любой трудности,- сказал Едиге, спустившись с дюны, своим людям, окружившим его.

Как бы ни устали, Едиге со своими людьми, объединившись в твердый кулак, достигли краев Тукехана и за долги пригнали его тысячи коней, заставив признать ханскую власть, не позволявшую нарушать единства народа.

- Да, было такое время, сказал сам себе Едиге, потерявший сон, и, накинув шапан на спину, вышел на улицу. Тихо, не слыш-

но двже лая собак. Невдалеке виднелся огонек горевшего костра. В безлюдной тишине, во мраке, горевший огонь почему-то притягивал к себе. Люди, подбрасывая дрова в огонь, увлекшись разговорами, не заметили вышедшего из тьмы Едиге, который сразу присел, прислонившись к шалашу. Попавшие в огонь веточки молодого караганника слегка потрескивали, распространяя приятный аромат, тем самым создавая благоприятную обстановку для разговора. Все сидящие, раскрыв рты, слушают Андасына, тубетейка которого надвинута на макушку, тихо играя на небольшой домбре, продолжает какой-то длинный рассказ. Большинство слушателей - молодые жигиты.

Едиге подумал, что большой любитель сказок Андасын рассказывает народное предание об одном из сказочных богатырей. Молодым же это очень нравится. В этих сказаниях много разного рода приключений, трудностей, борьбы с собой и неприятелем, которые воспитывают молодежь, учат стойкости. Андасын не зря сидит здесь, не зря тратит время.

- Вот так начался этот поход. Около сорока лет Тукехан не платил и задолжал перед Ордой. Чтобы восстановить справедливость, взыскать долг и подчинить Тукехана, Токтамыс и отправил туда

Едиге,- говорит Андасын.

Едиге стало интересно, как изложит происходившие события Андасын. Пойдет ли его рассказ по народным традициям, смысл которых глубоко внедряется в сознание людей, где сказания о богатырях занимают главное значение, что легко усваивается молодежью. Но желательно, чтобы Андасын не очень удалялся и от правды. Надо послушать, как он все изложит.

- Кто возглавит войско, кто пойдет к Тукехану? - Токтамысхан долго думал. - Сильных как будто много, для пугливых змея - крокодил, много богатырей на словах из этого теста, есть и те, у кого силы много - ума нет. Вот у Едиге слава растет с каждым днем. Ненавистников тоже хватает. Мечта у них одна: используя эти трудности, осрамить его, еще лучше, если он найдет смерть в той стране.

- Пусть Едиге пойдет,- сказал один из завистников.

- Да, да, лучше Едиге не найти,- в один голос поддержали другие.

Такое предложение очень понравилось Токтамысу, сам он тоже об этом думал. С того дня, как он убил брата Едиге Балташыка, Токтамыс потерял покой. В устах народа, у Едиге растет влияние

непомерное. Даже вид у него как у сказочных богатырей. Кто знает? От разных опасений он не мог отойти. Если отправить его в этот опасный поход, то, может, он там сгнийет в могиле или потеряет авторитет.

Андасын, немного поиграв на домбре, запел:

Оу, Едиге возглавь мои войска,
Надо тебе Тукехана поискать,
Не считает он себя виноватым,
Силой его с землей сравним.
Ты как легендарный Рустам,
От мощи Синей Орды бегут по кустам,
- Бог в помощь тебе,
Покори мне злодея,

сказав это Едиге, Токтамыс вызвал народ и объявил о своем решении.

Едиге согласился с решением хана. Если откажется, то сидящие здесь будут считать его предателем. Повесив на пояс саблю, оставшуюся еще от деда, начал искать для похода хорошего коня. Быстроногих коней хватает, но надо ему такого коня, чтобы он выдержал дальнюю дорогу, при стычке с врагами не испугался ударов и криков. Наконец выбрал бурого скакуна. Воглавив войско хана, отправился в путь.

- В таких случаях всегда найдутся люди с недобрыми желаниями, хотя их это дело вообще не касается, в народе их обзывают кошачьими желаниями.

- Да, да,-подтверждали слушатели рассказ Андасына.

Таким был Кенжен. В свое время он был правой рукой Урус-хана, а теперь сумел найти теплое местечко возле Токтамыса. У Кенжена от радости рот растянулся до ушей. Его радует, что Токтамыс направил Едиге в невозвратный путь. И вот он, встав перед Едиге, улыбаясь, говорит:

- Как бы не съел тебя волосатый кабан по пути.

- Если бы не долгий путь и бесконечная дорога передо мной, язык бы твой отрезал, - ответил на это Едиге.

Дорога была бесконечной и трудной. Бескрайняя пустыня голодной степи, безмолвная песчаная даль, где миражи виднеются как желанное море. Не видно здесь ни пугливого зайца, ни зовущей кукушки, копыта коней не мнут траву, вокруг глухая тишина.

На полпути один из людей хана Кулман сложил стих и начал петь:

Прошли только половину того пути,
Здесь ждет нас смерть, по сути.
Никто, никогда Тукехана не достиг,
Ни налога, ни зекета не брал.
Из той земли не возвращался никто,
Найдем смерть, я никогда не врал.

Уставшие от дальней дороги люди слезли с коней и стали слушать. Многие думали, «что станет с нами в этой пустыне», и кивком головы поддерживали слова Кулмана:

Без растений степь эта проклятая,
Нет речушек, что за край заклыйтый,
Что станет с нами без воды.
Суждено ли нам без потерь возвратиться,
Мало еды, как можно жить, не питаясь ничем?
Без питья, без еды нам конец,
Еще горе горькое ждет впереди.

Кулман был одним из тех людей Токтамыса, которых послали для того, чтобы в момент трудности раздуть огонек раздора, устроить раскол среди войска. Кулман думал, что войско, не перенесшее таких трудностей, само расправится с Едиге.

Едиге тоже видел, что дела идут в неправильном направлении, поэтому слез с коня, поднялся на одну из вершин песчаной дюны. Люди безмолвно ждали его речь, «что он скажет». Многие в поддержку стишка Кулмана кивали головой. Войско на распутье.

- О, мои знатные воины! Перед началом похода я сказал, что нас впереди не ждет никакое благо. Иногда труд превращается в самоистязание, но концовка в радость. Кто считает себя последним человеком, тот вечно раб из рабов. Очутившись в раю, он думает, что находится в аду. Аллах в помощь честному человеку. И не нам судать о делах Аллаха.

Едиге внимательно посмотрел на войско. Многие из сомневавшихся с интересом и пониманием начали слушать его речь, тоже начали кивать в знак согласия.

- Он говорит правду. Знали же мы, какая дорога ждет нас.

- Кого обвинили? Не быть этому.

Блеск огня пробежал по лицу Андасына, который в стихах рассказывал о тех событиях. Веточка караганника быстро разгоралась, вспыхивая, слышался хруст ломающихся веток.

- Ну, да, конечно, кто послушается Кулмана?

- Веские доводы остановят любого, - слушатели рассказа наперебой высказывали свои мысли.

- Нет,- Андасын неодобрительно покачал головой. - Среди воинов оказались люди со специальным заданием от Кенжена. Теперь они приступили к делу. Среди людей начали распространять разные небылицы, что хан заведомо послал Едиге в невозвратный путь. Подумайте сами, разве никогда не возглавлявшего отряд молодого человека отправят в такой поход?! Вот наша правда. Это гибельный путь. Мы все можем не возвратиться. Надо возвращаться,- убеждали они.

- Ну да, оказывается, послал всех на верную смерть.

- Петля смерти поджидала везде Едиге, бывает же такое,- разгоряченная молодежь, слушавшая Андасына, чуть было не вскакивала с мест.

Едиге видел, что душу воинов опять охватило сомнение, и тогда он сказал им. Андасын тихо, поиграв на домбре, продолжил:

О, воины, добровольно вы выбрали этот путь,
Вас сомнение охватило здесь и тут.
Не в панцирь, а в бабьи костюмы одеты.
А говорили, мол, достойны мы, храбры
Не участвовав ни в одной стычке,
Уже в пути клятву хану так быстро забыли.
Не вынув клинка, не метнув копья,
Струсили, не увидев даже врага.
Предатели и трусы поступают точно так,
Ждет народ, ваш поступок оценят как.
Героям суждено завершить и идти до конца.

Произошел раскол войска. Те, кто слушались ханских посланников, оказались в большинстве, они повернули коней назад. То, что они не боясь приказа хана и его жестокой кары, возвращаются, было знаком того, что этот поход был заранее спланирован на неудачу знатными людьми. Но все-таки около Едиге остались люди, верившие ему до конца. А я сказал Кулману:

- Жигиты, передайте Кенжену, у кого, наверно, от радости рот до ушей, но суждено ему скалить зубы как умирающему шакалу!

Услышавшему такое Кулману это не понравилось и, выпучив глаза, он сказал:

- Пусть сгорит твой язык.

- Попавшая на язык искра гаснет, а ты несешь проклятие народа и конец твой недобрый.

Какое твое дело до моей кончины? - сказал разозлившийся Кулман.

Говорят, Едиге на километр опережает свое войско и раньше всех узнает об опасности. Иной раз целые сутки не видать его. Однажды его верный бурый конь остановился и ни шагу не ступает вперед. Едиге никогда не использовал камчу и очень удивился поведению своего коня. Сказав это, Андасын удивление Едиге передал в стихах:

Что с тобой, мой верный конь, верный друг,
Ты как светило, мой первый помощник,
В чем причина, не узнаю я тебя,
Небывало изменилась походка твоя.
Несравнимый легендарный мой скакун,
Неужели устали ноги от дальности пути,
Затупились копыта твои от камней
Почему шаг не наступаешь вперед.

Хотя слышал Едиге, что друг Андасын те события начал излагать, облекая их в форму легенды и сказок, не издал ни звука. У Андасына склонность к поэзии. Говорят акыны обладают чем-то сверхъестественным, может, именно эта сила окрыляет его.

- Едиге осознавал, что впереди его ждет какая-то опасность, его конь тоже учуял это и медленно, с трудом, шагал вперед,- продолжал свой рассказ Андасын.

- Что за чертовщина? - спросил с нетерпением один из слушателей.

- Тукехан поставил на пути много преград. Едиге и его люди слышали, что одной из преград является великан Сары. Наконец увидели они его жилище в виде шалаша, покрытого войлоком. Дымоходный войлок шалаша то поднимается, то опускается, то ли от ветра, то ли от дыхания великана. Едиге вспомнил рассказ своего отца, что его прадед Баба Тукти Азиз предсказал: «Если встретитесь с великаном, хватайте его за волосы и тащите». Едиге заранее забрал и коня и оружие великана Сары. Великан, проснувшись, долго не мог прийти в себя ото сна.

- Из какой страны, сын какого хана ты или его раб? - спросил наконец он.

- Я сын Орды. Если не знаешь, будешь знать, зовут меня Едиге.

- А... - Сары удивился. - Говорили, чтобы ограбить Тукехана, вышел какой-то пацан. Оказывается, это ты. Если ты богатырь, дай мне коня и оружие.

- Сила не признает ничего, герои могут сражаться и без оружия,- Едиге слез с коня.

Против Сары никто никогда не выступал, зарывав, как бык, великан кинулся вперед. Едиге успел схватить его за волосы и сильно дернуть к себе, шея оказалась у него подмышкой, и тогда он начал сжимать ее, не давая ему свободно дышать.

- Вот это очень интересно, сложите в стихах, слушать приятно,- попросила Андасына сидящая вокруг него молодежь.

Душа моя в волосах, в его руках,
О, Тукехан, надо платить дань Орде.
Силой мерился, не осилить его.
Изменила мне фортуна удачи.
Твой Сары попал в руки батыра,
Не встречал я такого сына людей.
Встречайте его только добром.

- О, Тукехан, не тяни, отдай свой долг! - так плакал великан, - сказал Андасын, отпил чай из пиалы и немного отдохнул.

- Вот это да! - сказали, смеясь, сидящие. Они не замечали Едиге, сидящего рядом, отодвинувшись в тень.

Один из тайных осведомителей Тукехана поставил его в известность о происходящих событиях. Тукехан всегда остерегался Большой Орды и держал войска в боевой готовности. Этих своих воинов он и отправил против Едиге. Но Едиге от великана Сары узнал, где пасутся многочисленные табуны хана, где за городом спрятана его казна, и успел лошадей угнать, а казну забрать.

Преследовавшие люди Тукехана все-таки догнали Едиге, преградили ему дорогу. Их было намного больше, если ударят всей силой, не выдержать им, и многие люди Едиге погибнут. Поэтому Едиге на своем любимом коне один вышел на поле битвы.

Прибыли и хотите все напасть на нас,
Побеждает тот, кто в поединке возьмет верх.
Есть ли среди вас гордый богатырь,
Я вот держу наготове свой меч,
Кто станет мне наперекор.
Зовут меня Едиге, преследуете зря,
Вникайте в мои слова,
Никто не сравнится со мной, -

говоря это, Едиге дразнил их, побуждая богатырей Тукехана выйти на поединок.

Воинам Тукехана показалось, что Едиге слишком восхваляет себя, а их принижает, даже очерняет их богатырей, имеющих много почестей. Вскипела кровь палуанов, богатырей. На майдан выехал на крупном пегом коне богатырь огромного роста и мощного телосложения.

- Молись Богу! - заорал он и кинулся вперед.

- Взгляни в глаза своей смерти! - ответил Едиге и стремительно поскакал ему навстречу.

Начался поединок. Возбужденные кони громко ржали, кусались, поднялись вздыбь, а над ними блистали сабли. От сверкающих, как молнии, сабель, в глазах темнело, от мощных ударов закладывало уши и наливались свинцом руки, от всего этого тело пробирала дрожь. Каждый старался ложным выпадом обмануть противника и нанести смертельный удар, одновременно уклоняясь или отражая удар врага, направляя своего коня так, чтобы он теснил коня другого и вставал там, откуда сопернику будет неудобно отразить очередную атаку.

- А...а-уп... - слышался тяжелый голос богатыря Тукехана, будто он тяжести поднимал.

- Ур! Бей! - кричат люди хана,

Вдруг рычащий голос богатыря сменился мучительным хрипом и он рухнул на землю, рассеченный почти надвое. От вида своего поверженного батыра, до этого дня не знавшего поражений, упал и боевой дух людей хана. Мгновенно войско Едиге бросилось в атаку, и Едиге мчался впереди всех, молнией сверкала его сабля, оказавшиеся перед ним люди Тукехана шарахались в стороны, а кто не успел, находили смерть. Едиге и его люди раскололи на две части войско Тукехана. Потерявшие единство лашкеры хана, не оказав сопротивления, бросив все, пустились в бегство. Почти половина не успела далеко уйти и попала в плен. В планах Едиге не было лишать их жизни и, чтобы они не остались в глухой степи, каждому третьему дал он по коню и отпустил. А тем, кто пожелал остаться с ним, дал коня и определил место в своем войске.

Андасын продолжал свой рассказ. Лишившись своей казны и многотысячных лошадей, хан задумал отомстить Едиге, во что бы то ни стало уничтожить его. С этой целью он отправил новое войско во главе с великаном Кара.

- Этот великан Кара, наверное, самый ужасный? - спросил молодой парень.

Увлеченные рассказом, они не заметили как чуть не погас костер и бросили туда корней караганника. Полуугасающий огонь

то возгорается, то угасает. Андасын смотрит на огонь, и думы его где-то далеко.

- Что произошло? Что сделал это Кара?

- А, великан Кара? Да, у него все тело было покрыто волосами, он больше похож на животное, чем на человека, громила, каких никто не видел. Увидев его, Едиге помолился:

Великий Аллах,
Окажи помощь мне,
Что за живогное такое,
Сердце мое дрогнуло,
Поддержи, о Великий Создатель!

А преследовавший Едиге великан Кара орал во всю глотку, распугав всех вокруг:

Без известий,
Откуда появился ты, жигит,
Вор или простак
Герой какой, через горы проходящий,
Может, сам пери

В тот миг успокоилось сердце Едиге. Тело опять обрело мощь, подаренную ему Аллахом.

Хочешь знать, кто я,
Запомни навсегда:
Я сын великой Орды,
И раб Великого Создателя
Бросай свое копье
Неминуема кара от меня, -

ответил Едиге.

Великан Кара, мыча как разъяренный бык, презрительно осмотрев все вокруг, высокомерно сказал:

Ей, парень, послушай-ка меня,
Пришел сразиться я с тобой,
Тысячи казахов не сравнятся со мной,
Бахадырбеком зовут меня,
Теперь навсегда забудут имя твое,
Твое тело заклюет птица карга
Надень смертную одежду.

Сидя в тени шалаша, Едиге слушал рассказ, принимающий вид сказок-легенд, своего друга Андасына и вспоминал те события в подробностях. От ужасающего крика как бы земля вздрогнула. Верный конь Едиге Бурый тоже задрожал. Бросились друг на друга и бились мечами-селебе. До сих пор понять не может, как его селебе, взлетев и завертевшись в воздухе, воткнулся в землю. Что за сила или способ? Как быть? Наклониться, чтобы поднять - опасно, надо отвлечь великана и, проскакав круг, изловчиться поднять меч. Кара ожесточенно погнался за ним, его стрела прожужжала над ухом. Едиге тоже взялся за лук, обернувшись назад, выстрелил. Хотя стрела вонзилась в грудь, великан Кара и не думал падать. Зашатался и упал, только когда вторая стрела вонзилась в горло и вышла через затылок.

Дальнейший рассказ Андасына Едиге не слушал, незаметно встал и пошел домой. Да, вот как слагаются легенды и сказки, думал он, удивляясь.

На следующий день появился гонец от Токтамыса с приказом немедленно явиться к нему. Едиге подчинил города Тукехана, заставил оплатить налог за многие годы, но Токтамыс встретил его холодно. Зато Кулман, который предал всех, оставил на полпути, теперь стал главным бием (судьей) и занял место по правую руку хана. «За какие заслуги», думали многие, но вслух не произносили, тихо меж собой шептались, боялись кары хана.

Вокруг орды Токтамыса многолюдно, не пройти. Снаружи многочисленная охрана, служащие, отрекшиеся от суетного мира дервиши со своими посохами, зевак вообще не перечислить. Кто-то заходит, кто-то выходит, одна суматоха. Узнавшие Едиге, несмотря на его молодость, кланяются, здороваются с ним. Некоторые отстраняются от него, есть люди, встречающие его угрожающим холодным взглядом. Здесь у каждого свое место, у каждого знатного свои служащие, обеспечивающие только его потребности. Все они следят за языком друг друга. Среди них нашелся один, который может сказать свое мнение, и он повел Едиге к хану.

Токтамыс встретил Едиге с сомкнутыми на переносье бровями. На приветствие Едиге он кивнул подбородком. Перед ханом страстно кланяется Кулман, да, теперь Кулман-би.

- Таксыр (повелитель), я не успел закончить свою мысль, - сказал Кулман. Его прервал Токтамыс-хан, подняв ладонь вверх.

- У нас есть более важные вопросы, - сказал хан, не смягчая своего вида.

- Да, да. Правильно сказали, - поддержали его сидящие вокруг знатные люди.

- Вы слышаны, что хан Таркас, хотя он и далеко от нас, проявляет враждебность к нам. Что вы скажете по этому поводу?

Знатные молча посмотрели друг на друга. Усаживаясь на ковер, Едиге взглядом обвел всех сидящих. И Кенжен, оказывается, здесь. Один из знатных, плотно наевшись, теперь самодовольно сидит и отрыгивается. Он рад, что занимает место около хана.

- Ну, что скажете? - спросил хан еще раз.

От тишины в ушах звенит. Смутившиеся взгляды знатных часто обращаются к Едиге. Многие думают: «почему хан вызвал его, как бы не касался этот вопрос его». Кенжен несколько раз посмотрел на хана и Едиге и кашлянул.

- Мой хан!

- Ну, что скажешь?

- В эту враждебную страну послать бы кого...

- Верно! Правильно говоришь...- остальные, как будто их мысли прочитал Кенжен, в один голос поддержали его.

- Хм! - тяжело вздохнул Токтамыс-хан, изобразив задумчивый вид, погладил свой лоб. - Одного?

- Не, не, не одного, три-четыре человека вместе.

- Группой, что ли? - в голосе хана пошлышалось недовольство.

- Да, так...

- Кто же достоин?

Знатные опять озадачились, сидя, раскачивались, делали вид, будто эта дума их озадачила, кряхтели. На этот раз всех опередил Кулман-би.

- Мой хан...

- Ну...

- Едиге одолеет любую трудность, это он доказал. Достойнее его нет.

Едиге знал, что вопрос затронет его. Но не показывал вида. Опять наступило молчание. Все знатные ждут, что скажет Едиге, уши навестили. «Наконец вопросу хана нашелся ответ», - думают они. Они не сомневаются, что из этого пути уже точно нет возврата. Кулман радуется: «нашелся же выход из трудности».

- Что такое? - сказал Едиге. - Надо знать своего врага и о чем он думает. Только...

- А, что только? - спросил Токтамыс, освобождаясь от душевной тесноты.

- На этот раз дайте мне главным советчиком Кулман-би.

Услышав свое имя, Кулман-би испугался. Ему показалось, что сама смерть схватила его за горло, от неожиданности, сидя, подпрыгнул и опрокинулся навзничь.

- Кажется, Кулман-би согласен, - сказал Едиге, усмехаясь.

У всех сидящих знатных по лицу пробежала насмешливая ухмылка и быстро погасла. Боялись все - «как бы мое имя не произнесли», осторожничали, опустив глаза вниз.

-Я...Я же болен - глухо прозвучал голос Кулмана будто из-под земли.

- Как так... Только что слова ваши были уверенными и голос был бодр, - на отставал от него Едиге.

-Болею...

- Кажется, болен, упал даже вот сейчас, - Кенжен хотел опередить и успокоить всех. - Да, все мы чем-то болеем. Правильнее всего, найти того старика, который сопровождал Едиге в прошлый раз, как его звали?

- Этот коклюшный...- нечаянно вырвалось у кого-то.

- Ну ты... - сказал Кенжен сердито.

- Если старик коклюшный, как он пойдет. У Кулмана никакой болезни не видно, - Едиге опять стал настаивать на своем предположении.

- Нет, он не больной, просто, видимо, в прошлый раз наглотался пыли, а зовут его...

- Зовут его Сейтали, - кто-то вспомнил его имя.

- Да, он человек напористый.

- Здоров и ума у него хватает.

- Да, да. Его советы в прошлый раз помогли Едиге найти верный путь и избежать трудностей, - одобрительно кивнул головой Кулман-би.

- Если он здоров, так мудр и умен, почему бы тогда Сейтали не выбрать главным бием вместо больного Кулмана? - Едиге выпрямился, вопросительно оглядев сидящих вокруг.

Кулман заерзал, как будто огонь горит под ним, остальные опять потупились и замолчали, настала глухая тишина. Токтамыс стало тоже не по себе. Он раньше не замечал, что Едиге, оказывается, искусно умеет вести речь. Как он бывает настойчив, если зацепился, то не оторвать. Если дать ему свободу... Нет, нет такого нельзя. Он не выполнит его просьбу. Нельзя давать ему волю. Сам же завел эту речь, сам же должен найти выход.

- Все, решено! - Токтамыс поднял руку, указывая на Едиге. - Поедешь ты! Кого тебе в советчики дать, я решаю. Кулман здесь

мне нужен. Возьмешь Сейтали. Разрешаю взять еще одного помощника. Кого - сам решай. Что надо, бери от казны. Едешь по-слезавтра.

Опять неизвестный путь, чужая страна. Даже многое повидавший старик Сейтали в тех краях никогда не был. Неспроста с ним хан посылает советчиком Сейтали, хотя он ничего не знает о тех краях. Здесь явно кроется какой-то расчет хана и его окружения. Едиге заметил, как заиграла радость на лице Кулмана при словах, что Сейтали пойдет в этот путь. До этого Кулман места себе не находил от страха. Теперь же спокойно не может усидеть на месте. Его реденькая, как у козла, борода мельтешит то вверх, то вниз.

Уже неделю, как они были в пути. Солнце склонилось на запад и постепенно зашло за серые облака. Старик Сейтали устало вздохнул. Прекрасен предвечерний час, когда темнеют небольшие хребты, а небо окрашивается в красно-розовые тона.

Андасын тоже устало слез с коня и вытянул онемевшие ноги. Привязал к дереву бурого коня. Едиге долго смотрел на серые облака, окрашенные в разные цвета солнечными лучами, любовался тем, как прекрасен мир в такие часы, не насмотришься. С юного возраста Едиге нередко любит этими моментами природы. Ну, вот с той вершины, как будто то ли взлетела, то ли села какая-то птица. Вокруг тишина. Пользуясь этим моментом, они покушали и, положив седла под голову, легли.

Наступил предрассветный час. Вдруг Едиге проснулся от какого-то шороха и увидел, что их окружили всадники в большом количестве.

- Поднимайтесь! Враги!

- Что такое? - резко вставшие Андасын и Сейтали вынули клинки из ножен.

Больше полусотни человек их окружили и выставили вперед копыя. Любимый бурый конь тоже попал в их руки. Как он прогледел врага? Вчера вечером, на той вершине видел же какую-то большую птицу, наверное, это были вражеские лазутчики. Был бы бурый конь, он бы еще показал им, все решил бы поединок.

- Не сопротивляйтесь! - крикнул один, сидящий на черном коне.

Едиге давно понял, что этот путь - путь к гибели. Не все ли равно, где достанет смерть, у себя дома или на чужбине. Зря погибать тоже нельзя. Не один же он, почему должен погибать этот старина и такой молодой Андасын. В чем их вина? Надо подумать, как бы их освободить. Пусть не иссякнет время, отведенное им Аллахом.

Едиге вставил саблю обратно в ножны. Посмотрев на Едиге, Сейтали мотнул головой, и они с Андасыном тоже сделали вид, что не сопротивляются. Сколько горечи охватило его, горячая кровь пробежала по всему телу, но выхода не было.

- Нет у нас злых помыслов, не с враждой мы, - начал Сейтали примирительным тоном.

- А чего вы ищете тогда? Мы наблюдаем за вами уже третий день, - усатый черный засмеялся.

- Враг идет с дружиной, а нас только трое.

- Попад в руки, каждый поет по-своему.

- Кому что суждено, все от Аллаха, - Едиге попытался успокоить окружающих.

- Неужели будете издеваться над всеми, кто попал в ваши руки? - Сейтали вклинился в разговор.

- Будем ли издеваться, превратим ли в раба или сейчас же расправимся с вами - это наше дело! - с угрозой закончил усатый черный на черном коне.

- Чем издевательство или быть рабом, лучше смерть, чего ждешь? - сказал старик непреклонно.

- Так спешишь к смерти? - усатый черный скрипнул зубами, вынув саблю, опять вложил ее в ножны. - Не хочу марать саблю об твою кровь, и так у тебя остались считанные дни.

- Сегодня наступил твой день. Увидим, что припхговила нам судьба. Пути и благословление Аллаха велики, - Едиге опять начал их успокаивать.

-Ведите их!

- Куда?

- К сотнику ведем.

- А этого...

- Дохлого старика можно было бы оставить... Нет, ведите всех.

Желтобородый, рыжий человек среднего возраста сидел в легкой юрте-жоламе, предназначенной для похода. Он был до пояса раздет и тело его тоже было покрыто рыжими волосами. Из подмышек дурно пахло. К костям тощего тела желтая кожа будто прилипла. Правый глаз синий, левый черный. Когда разноцветные глаза стреляют с обеих сторон, ощущение неприятное, как будто змея готовится к прыжку. Он, кажется, хорошо знал об этом и своим наводящим ужасным взглядом стал рассматривать Едиге.

- Кто вы?

- Путники мы, а это братишка.

- А старик?

- Попутчик, в пути присоединился. Не имеет родственников, одинок и болен.

- Ты что? Всех бедствующих одеваешь и кормишь? - сотник прыснул.

- Мы мусульмане, нашей религией так предписано. Переступить Коран не можем.

- Религиозен. Тогда правду скажи, откуда идешь, куда путь держишь?

- Мы люди Сары-Арки. Хотели узнать о других народах, о чужой земле.

- Ты не похож на простого странника. Такой, как ты, должен быть воином.

Видно, сотник ему не поверил. Он хотел сломить Едиге, придумывал разные варианты, находил нелепые доводы, задавал вопрос за вопросом, неустанно копаясь в мелочах. Чем больше выискивал что-то, глотка его то расширялась, то спадала, разноцветные глаза смотрят в разные стороны и будто кружатся. Сотник временами будто терял человеческий облик.

Вдруг сотник, оставив в покое Едиге, обратился к Сейтали. Разноцветные его глаза выпрямились и усталились на старика:

- А ты кто?

- Я странствующий человек.

- Ты, старый козел, говори правду!- вдруг во весь голос заорал сотник.

- Мало ли в степи странствующих? Ношу, что суждено мне по судьбе, беру, что дает народ. Не являюсь рабом кого-то.

- Твой вид говорит мне совсем о другом. Таким видом сколько людей обманывал ты, старый хрыч? Со скрытым замыслом ты пришел к нам и хочешь узнать о нас многое. Я сделаю из тебя раба, раба! - лицо сотника из желто-рыжего цвета превратилось в красно-желтое.

- Каждого тянет к своей основе.

- Что ты сказал?

- От раба исходит рабская мысль.

- О ком ты говоришь, хрыч?

- Твои слова говорят о тебе. Ты один из преданных рабов.

- Молчать, собака!

Услышав эти слова, глаза сотника еще сильнее забегали в разные стороны, сам он начал метаться, как бешеный волк. Меткость слов старика как будто сжимала его горло. Лицо становилось то красным, то желтым.

- Козел! - еле выговорил он и со всей силой ударил старика камчой, сплетенной из восемнадцати кожаных лент, где в середине на всю длину был заложен свинец. Камча-дойр. Хуже такой камчи не бывает. Связанный Едиге не смог устоять, кинулся на помощь и упал.

- Закройте их! Завтра порешаем! - приказал сотник.

Закрыли в шалаш. Взяв три остова юрты, прислонили друг на друга, сверху закрыли войлоком. Притащили и бросили Сейтали. Ни звука не проронил старик. Видимо, посчитали его мертвым, руки и ноги не связали. Солнце уже склонялось к западу, и Едиге начал терять надежду. Андасына и Едиге привязали спиной друг к другу, связав каждому руки назад. Крепко связанные руки давно вспухли и онемели, от голода в желудке сводит и в глазах темнеет. Но больше всего хочется пить. Губы потрескались, сухой язык приклеился к небу.

- Воды бы... - тихо простонал Андасын.

- Может, не воды, а мочи хочешь? - даже не повернув головы, прошипел охранник.

Уже больше полуночи. Едиге услышал легкий шорох и слабый вздох со стороны старика. Жив! О боже, помоги ему! Тихо крикнув, Едиге подал знак. Старик, с трудом подняв голову, стал руками сильно сжимать свои виски. Кругом мертвая тишина. Около выхода безмятежно храпел охранник. Старик еле дополз до своих и шепотом спросил у Едиге:

- Как самочувствие?

- Руки...

- Терпите.

Сейтали долго копался в многочисленных карманах своих штанов и, достав глубоко спрятанный маленький ножик, медленно разрезал веревку. Едиге помассировал онемевшие руки.словно что-то вспыхнуло в руках, пальцы пронзило миллионом игл, и они потихоньку зашевелились. Старик освободил и Андасына.

С сопением и храпом во всю мощь спит охранник, прислонив голову к остову шалаша. Едиге высунул руку и сильно ударил его в шею. Храпение охранника превратилось сначала в хрип и шипение, а потом он и вовсе притих. С осторожностью приоткрыли дверь, напились из бурдюка охранника. Здесь же нашли саблю и копьё. Привязанными стоят три коня. Один, конечно, сотника, второй охранника, третий Бурый. Бурого, по всей вероятности, сотник присвоил себе. Стараясь не шуметь, оседлали коней.

- Во имя Аллаха! Трогаемся, - сказал Едиге.

- Аллах велик!

Пока не удалились от места стоянки сотника, шли бесшумно, стараясь, чтобы копыта коней ступали по мягкой траве. Только чуть удалившись, немного ускорили ход. Старику попался гнедой конь-иноходец, стремительно идет. С иноходцем тягаться трудно, поэтому Едиге и Андасын едут легкой рысью. Но почти сразу позади послышался шум, потом к громкому крику и лаю собак присоединился топот копыт коней.

- Где они? Где?!

- Туда! Вон они! Наперерез, наперерез! - показались и их преследователи.

Беглецы не были знакомы с этой местностью и не могли пустить коней вскачь, это поняли и преследователи. Теперь они намеревались словить их как убегающих лисиц, преграждая путь и вынуждая свернуть в сторону. Едиге обошел каменный утес, заставил коня перепрыгнуть через ров и, рассмотрев местность, понял, если не пуститься вскачь, то не миновать пленения.

- Отпусти поводья! - сказал он Андасыну.

- Едиге...- Сейтали камчой указал на песчаную бескрайнюю пустыню. Едиге понял мысль старика - в этих сыпучих песках преследователи не разгонятся, будет шанс уйти от погони.

Едиге повернул своего коня и лег на спину, освободил узды Бурого. Все-таки не слишком далеко отделились они от преследователей. Из их группы выделился один и стал стремительно приближаться, конь из той породы, что после того, как выделится пот, разогреваются и ускоряют бег, подумал Едиге.

- Теперь не уйти вам! - слова преследователя донеслись до них ясно.

Едиге подал знак своим, чтобы они продолжали скакать дальше, а сам замедлил бег Бурого. Преследователем оказался молодой жигит, который попытался ударить копьём, Едиге одной рукой выдернул копьё из рук противника, другой, взяв за его пояс, сбросил с коня, и пока тот летел, успел из ножен вытащить его саблю. Упав на землю, жигит сел на колено, прикрывая ладонью голову, с ужасом глядел на саблю.

- Молодой, сегодня твоя добыча - твоя жизнь!- сказав это, Едиге увел за собой его коня.

Жигит долго не мог встать на ноги, его люди, окружив его, долго и ожесточенно о чем-то спорили, то кидаясь копьями, то жестикулировали руками.

- Думаю, они дальше не будут преследовать, - сказал Андасын, оглянувшись назад.

- Дойти бы до тех саксаулов,- старик Сейтали слабо махнул рукой вперед, а другой держась за голову. Они теперь только заметили, как распухла его голова, глаз почти не было видно. Добраться бы скорее, старик безмолвно показывает, что надо отдохнуть.

В это летнее время пустыня по-своему расцветает. Саксаульный лес оказался очень редким. Дойдя до лесочка, замедлили бег коней. Еще проехав немного, Едиге, повернувшись назад, бросил взгляд на преследователей. Некоторые уже возвращались обратно, остальные там же спешили и, присев на колени, беседуют. Едиге не забыл о предосторожности, поэтому Андасына оставил верхом, чтобы наблюдать, а старика осторожно снял с коня и уложил.

- Ух! Едиге, у меня почему-то тяжелеет голова.

- Сейчас, сейчас... потерпи... найдем какой-нибудь способ...

Едиге стал осматривать местность, пригипядываясь, под каким-то растением песок показался ему более влажным. Используя саблю и копые как лопату, стал копать, и где-то на уровне колена появилась вода. С осторожностью перенес старика поближе, с руки напоил его, порвал рубашку, намочив водой, и обернул его голову. Все трое знали, если хоть немного не улучшить состояние старика, то дальше двигаться будет невозможно. Решили до завтрашнего дня остановиться здесь. Едиге, чтобы обезопасить их, сказал Андасыну:

- Бери этих двух коней на длинный повод и уходи отсюда. Они же наблюдают за нами, пусть подумают, что мы уходим без остановки, - Едиге прикрепил на седла этих коней копыя и надел на них одежду, изображая силуэты всадников.

Через пару дней, когда старику стало немного лучше, решили возвращаться обратно. Сейтали потерял здоровье при походе к Тукехану. Песчаные бури, непроглядный пыльный буран сделали свое дело. Старик наглотался тогда пыли, с тех пор неустанно кашляет. Теперь вот удар, нанесенный по голове, еще больше ухудшил его состояние. Взгромоздив свои старые кости на иноходца, старик еле добрался до дома. Хотя Едиге в этот раз и не возвратился, как в прошлый раз, с большой добычей, Токтамыс встретил его очень тепло. Такому изменению в настроении Токтамыса были удивлены все, кто его окружал, но ничего против сказать не могут, поэтому дальше бабьих перешептываний не пошло. Едиге часто навещался к Сейтали. Однажды даже привел личного врача-табиба хана. Табиб долго держал руку больного, щупал пульс и, покачив головой, ничего определенного не сказав, ушел. Едиге видел, что состояние старика с каждым днем ухудшается. Кажется, больной

тоже понимает, что у него остались считанные дни. Несмотря на тяжелый кашель, он дал понять, что хочет рассказать то, что он знает и приобрел в этой жизни.

- Я получил знания от твоего отца Кутлукия. Он был святым и очень знающим человеком. При нем не только наизусть заучивали Коран, он останавливался на каждый суре и научно истолковывал ее. Он мог долго и интересно рассказывать о нашей стране, о шуршутах, далекой Индии, Персии, о народах запада рум, фаран, о жителях болотистых лесов русских. Где еще найдешь такого учителя? - старик Сейтали, отдышавшись, вытер лоб ладонью.

- У отца я тоже учился, но не смог продолжить,- поддержал разговор Едиге. - После него осталось очень много книг, но их увезли пришедшие из Бухары. Сказали, что я молод, и сохранить книги мне трудно будет.

- Да, время было беспокойное.
- Прочитать их не успел, так хочется приобрести те знания.
- Это очень похвально.
- Кто же теперь будет учить?

Сейтали приподнял голову, отложил четки в сторону и внимательно посмотрел в глаза Едиге. Видно, что он что-то хочет сказать. Кашлянул:

- Едиге...
- Да, аксакал.

- Ты знаешь о том, что первые ханы Золотой Орды были великими личностями, а последующие стали мелкими сошками? Я вижу и знаю, что у тебя светлая голова. Сперва познай, что и кто окружает тебя, а то растопчут.

- Да, я вас слушаю. Все это интересует меня.
- Раз так, то слушай.
- Золотая Орда...

- Знаешь, дорогой, основателями Золотой Орды были Жошы-хан и его сын Бату-хан. Улытау была столицей Жошы. Улытау особенно понравились хану. Сначала он свою орду ставил в Айыртау, Ортауских горах в Сары-Арке.

- Об этом я тоже слышал. Как потом оказался в Улутауских горах?

- Виновен в этом Субутай-бахадур. Субудай раньше других заметил, что Жошы интересуется западными землями. И он сказал Жошы-хану: «Думаешь о западе, тогда перенеси Орду в Улытау. Это чуть ближе к западу и выгоднее, удобнее будет оттуда начать твой будущий поход».

- Вот оно как...- Едиге не скрыл своего удивления.

- Жошы, когда увидел Улутауские земли, сказал: «В этом бескрайнем мире нет больше такой земли, где душа находит безмерный покой, такого чистого воздуха, такой приятной воды и таких пастбищ для скота».

- Вот прекрасное определение.

- Да, Едиге, многие твои предки покоятся в Улутауской земле. Там они захоронены.

- Об этом отец тоже сказал мне.

- Мечту своего отца исполнил Бату. До сих пор народ зовет его Саин-хан. Он подчинил русских и пошел дальше, на Дунай, Карпаты, покорил жителей тех земель и создал великое государство — Алтын-Орда. Не было в то время ни одной страны или государства, способного противостоять ему. Весь запад готов был пасть перед ним. Ну, что же делать, из-за глупости ханов потеряли такую мощь, - аксакал долго кашлял, потом, попросив воды, продолжил:

- Ханом стал Елбасар. Он думал только о своих потомках, мечтал, чтобы только они, будь он глуп или умный, правил и был ханом. Поэтому он истребил всех потомков Бату-хана. Даже убил своего родного брата Тогыршына и по аменгерству женился на его жене Байалы. А его отец Токты-хан от переживаний заболел и умер. Токты-хан перед смертью сказал, что от Тогыршына остался сын, ему сейчас 14 лет и что он скрытно растил его в Черкесских горах. Его зовут Узбек. Чтобы привезти Узбека, отправились в путь опоры трона Исатай и Алатай. В этот момент скончался Токты-хан. Воспользовавшись моментом, амир Токбуга Уйгур объявил себя ханом. Возвратившиеся с Узбеком Исатай и Алатай с трудом зашли в Орду, убили Токбугу, насадив его голову на жердь, обошли народ, при этом говоря: «Пусть на этом навечно закончится ханство простолюдина».

Аксакал Сейтали еще раз попил немного воды и продолжил рассказ:

- И у казахов ханами могут быть только потомки Чингизхана - торе. Это нужно для единства и спокойствия. Чтобы не сталкивались из-за трона Аргын с Байулы, Кыпчак с Кереем, Найман с Уйсунум. Чтобы не враждовали племена с племенами, чтобы раздор не охватил весь народ. Очень продумано. А вот потомки Чингизхана, находящиеся у власти, не смогли правильно исполнить этот закон. Народ не потерял единства, а во власти раздор.

- Хм, вот как пришел к власти Узбек-хан.

- Узбек заново объединил страну. Те, кто мечтал о троне, вынуждены были покориться. После провозглашения Узбека ханом

Орды хватало и поздравляющих и мечтающих занять какие-то посты во власти. Узбека особенно раздражали остальные отпрыски Жошы и их крайне неблагонамеренные поступки. Когда они начали просить нового хана хорошие посты для себя, Узбек-хан сказал им: «В свое время вы не смогли защитить святой трон от простолодина, теперь вы достойны быть слугами их», - и отдал их в служение Исатай-беку, освободив от этой позорной службы лишь потомков Бату и Орда Ежена. В основном были приговорены Тока-Темир и Шайбани.

Орда Ежен сильно помог Бату-хану при походе на западные страны. Он очень известная личность, на собрании потомков Чингизхана в Каракоруме с его помощью был провозглашен ханом империи Куюк.

Во время второго похода Бату-хана на западные страны те, кто не могли смириться с ростом влияния Орда Ежена, организовали против него восстание и убили его. И вновь Бату-хан вынужден был остановить поход на запад. Если бы не случилось это, то войско Бату-хана, не останавливаясь на польской земле, покорив и другие народы, дошли бы до края земли, где морской простор закрыт туманом.

Вынужденно возвратившийся с похода Бату-хан жестоко наказал виновных в смерти Орда Ежена. Кто знает, может, смерть Орда Ежена нужна была кому-то, чтобы остановить поход Бату-хана на западные страны, может, западные страны организовали это дело, не пожалев на это свое золото и серебро. Теперь этого не узнать. После этого Бату-хан распустил Орду Орда Ежена и присоединил ее к себе. Но все равно, эта часть сохранила название «Восточный Дешти Кыпшак, левое крыло» и оставалась жить на территории Сары-Арки.

- Где главный город Орда Ежена? - спросил Едиге у отдышавшегося от кашля старика.

- Да, это тоже надо знать, Орда Ежен и его потомки называли своей столицей город Сыганак. Знатные люди этой династии похоронены в Сыганаке. Мавзолей тоже там.

- А где похоронены остальные?

- Могилы предков Тока-Темира в Сарайшике, а Шайбани и его потомков хоронили в Туркестане.

- Откуда идет линия Урус-хана? - на новый вопрос Едиге Сейтали задумчиво посмотрел.

- Кровь Кутлукия на совести Урус-хана.

- Не одного моего отца постигла смерть от его рук.

- Правильно. От его рук нашел смерть и Тойкожа-хан. Говорят, Урус-хан ведет свой род от Тока Темира. Есть противники этой версии, они говорят, что он от Орда Ежена, но чтобы снизить его претензии на престол, специально записали их к Тока Темирам. Сколько времени уткло, нет свидетелей и доказать некому.

- Оказывается, это очень спорный вопрос.

Хватает проделок Урус-хана. Я тебе рассказал, как после смерти Токты-хана самозванец Омир Бажыр Токбуга объявил себя ханом и как спасли трон Исатай и Алатай от него, как внука Токты-хана Узбека посадили на престол. Вот сына Исатая Жыр Кутлу предательски убил опять же Урус-хан. Убить потомка Исатая, спасшего святой трон от какого-то проходимца Токбуги, немыслимое дело. Это кровожадность. Народ так воспринял поступок Урус-хана. Урус-хан понял, теперь он не может оставаться в этих краях и бежал.

- В какую страну подался он?

- Оставив Дешти Кыпчак, подапся в Моголистан. Хан Моголистана назначил его правителем одного улуса. Но продолжим... Исатай в течение двадцати семи лет при Узбеке охранял трон от всех посягательств.

- Долго длилось ханство Узбека.

- Людей его владения называли узбек, страна узбеков и постепенно этот народ начали называть узбеками. Когда, оставив Едил и Жайык (Волга и Урал), переходили к Сырдарье, их называли кочевыми узбеками. Ханом после Жанибека стал Бердибек, который скончался через два года. Ханом стал Тениз Бугу. В это время подняли голову Тока Темиры. Они, сговорившись между собой, внезапно убили Тениз Бугу. Это кровавое событие организовал горбастый Ахмет.

- Теперь ханом кто стал?

- Договорившись меж собой, Тока Темиры подняли ханом Кара Нога, который правил три года, наладил дружеские отношения с правителями Хорезма, его слушались конрадцы. После него на его место, на престол, сел его брат Тугулу. Их родословие, - Сейтали чуть задумался... - да, они происходят от сына Тока Темира-Байтемира.

- Вот, значит, когда началось кровопролитие между ханами. Чем отличилось правление Кара Нога?

- Сказать особенно нечего. Его правление совпадает с началом деятельности Амира Темира. Возвысился он и стал Амиром узбеков. Есть письменные источники, где эти узбеки потребовали от

народа Мавераннахра (междуречья Сырдарьи и Амударьи) тысячи девушек в жены. Эти узбеки были жигитами Дешти Кыпчака, пришедшими сюда воинами правителей. Они и другие прибывшие в Мавераннахр смешались с коренным населением и растворились. В честь нашего с ними общего хана они продолжали называться узбеками, а кочевые племена Великой степи приняли название «казак».

- Так один народ разделился на две части?

- Да, мой дорогой, борьба за власть, за трон оставила такой след, народ потерял единство. В Сарае за каких-то пятнадцать лет сменилось четырнадцать ханов. Некоторые из них ханствовали всего лишь неделю, даже есть ханы, правившие три дня, есть ханствовавшие полтора месяца. Что и говорить, никто не мог остановить братоубийство за трон. Эта болезнь потомков Чингизхана съедала империю изнутри, как червь, это продолжается, как видишь, и сейчас.

- Мамай-батыр выступал же против этого.

- Мамай говоришь? Да, он долгое время боролся за укрепление ханской власти. Он сам никогда не стремился к захвату власти, он же не потомок Чингиза.

- Правильно.

- Да, мой Едиге. А ты слышал, где родился батыр Мамай?

- Не могу сказать.

- Отец Мамай у реки Едил убил какого-то бека и вынужден был уйти из тех краев. Остановился в Сары-Арке, в Ортауских горах. Ортау - ущелистая, покрытая лесом прекрасная гора. Вот там и родился Мамай. Прошли годы, отец Мамай нашел общий язык, подружился с теми людьми, кто был против него, и откочевал обратно к Едилу. Мамай стал знаменит личным геройством. Можно сказать, что его жизнь посвящена укреплению золотого трона Золотой Орды.

- Удалось вам увидеть Мамай?

- Да, случалось и такое.

* * *

Прошло некоторое время с тех пор, как Мамай занял место около реки. Едил здесь течет мирно и спокойно. Тихий залив облюбовали многочисленные разные породы рыбы. К упавшему в реку камешку рыбы кидаются всей гурьбой и, ткнувшись носом, стремятся обратно. Такова и жизнь, сказал Мамай себе, вроде мир-

ный вид имеет, и вдруг необузданные волны увлекают тебя за собой. У каждого своя цель и предназначение в жизни. Говорят же в народе, пока носом не ударится об камень, не возвратится.

Мамай бросил в воду еще один камешек. Поодаль стояли его жигиты. Один из них, подумав, что зовут его, приблизился. Мамай остановил его, махнув рукой. Жизнь - сплошная борьба. Как хочется найти случай и посидеть одному, полюбоваться прекрасным миром, пропустить через себя все хорошее и отдохнуть. Со злом этого мира он предостаточно борется, но все никак не может осилить, края не видно.

Был рядовым воином Золотой Орды, участвовал во многих сражениях, не раз побеждал врага на поединках. Сначала понравилась его сила, назначили десятником, потом стал сотником. Приобрел опыт, стал умнее. Когда пришло время, назначили тысячником. Но он никогда не думал, что так поднимется вверх и посвятит свою жизнь Золотой Орде, а не самому себе. Не снилось ему такое. С возрастом, совершенствуясь, он понял, сегодняшняя жизнь и будущее родного народа глубоко связаны с Золотой Ордой, и ради укрепления ее мощи делал все.

Жизнь неуклонно идет по своему пути. Какие события пережила Золотая Орда и что творится теперь. Ни одно из них не радует его сердце. Хочет радоваться, но в горле застревает горькое сожаление.

После смерти Узбек-хана произошли многие непоправимые события. Быстро последовала смерть Жанибек-хана, после него и Бердибека и началась неудержимая борьба за трон. Владели тронном по полтора дня и были убиты, приходящие с поклоном не считали зорным со спрятанным за пазухой кинжалом кинуться на хана.

Наконец вдова Узбек-хана Тайтана объявила, что от хана теперь нет живых потомков. Не считая нужным искать других живых потомков Узбека, объявила, что трон предоставляется потомкам Шайбани. Может, это необузданное любвеобилие бабы или просто слух, но говорили, что Тайтана-ханум любезничает с потомком Шайбани Хызыром. Прошел слух и кое-кто видел, что Хызыр вечером заходил к Тайтане.

- Да, я видел такое.
- А я видел, как они встречались за горой.
- Да, это пустые слова.
- Один из приближенных бывшего хана спросил у Тайтаны: «Ты что делаешь?» Она ответила: «Поймаешь - признаюсь».

- Тварь, оказывается, она.

Такие разговоры до Мамаю тоже доходили. Тайтану наконец открыто предложили трон Хызыру. Народу особенно не понравилось то, что Тайтану старше Хызыра на двадцать лет. Тайтану покрасила волосы в черный цвет, глубокие морщины на лице замазала маслом и пудрой и приобрела вид молодухи.

Хызыр считал, что трон дороже бабы, и согласился признать Тайтану «главной женой» хана. В свою очередь пошли сватать и началась подготовка к выходу замуж старухи. Где народ? Где враг? Думать некому.

Хызыр заранее завладел престолом. Сидит на золотом троне великой Орды. Теперь он думал, как бы себя представить народу законным владельцем трона и приказал поставить золотую юрту Узбек-хана.

- Ка...как? - еле спросил нечаянно один из подхалимов.

- Свадебное пиршество с Тайтаной будет там, - приказ Хызыра прозвучал жестко.

Заново поставили прекрасную юрту Узбек-хана. Остовы юрты покрыты серебром, жерди и купол-шанырак был золотой, имеющиеся внутри сундуки, посуда были позолочены. На видном месте повесили камчи Узбек-хана с золотой рукояткой. Золотая корона Узбек-хана лежала на кровати. Зашел Хызыр в юрту, и радость охватила его душу. Нет, никто не отнимет теперь у него его счастье! Теперь вспомнилась еще одна задумка, глубоко спрятанная в его душе.

- Достиг, теперь все твое.

- Да, все твое. Ты хан. Трон твой. Что ни скажешь, все исполнится, - говорили ему старые, верные друзья.

- Это правда. Теперь никто не сможет отнять трон у тебя. Теперь думай о своей чести.

- Как?

- Жениться на старой бабе - позор перед народом. Кто она? Старуха она. Соседние ханы будут смеяться над тобой. С завтрашнего дня, когда сядешь на трон, объяви всем, что не будет никакой свадьбы и супружеского праздника. У хана должны быть свои честь и достоинство.

Слова верных друзей совпали с его тайными мыслями. Да, это позор хану - соединить свою судьбу со старухой. Достиг того, чего желал, трон под ним. Те, кто в надежде на что-то кружились около трона, один за другим приходили, поздравляли и просили защиты. Чего стесняться теперь?

- Никакой свадьбы не будет!- объявил Хызыр-хан, на следующий день сев на трон, всем приходившим с поклоном.

- Хан...- боязненно спросил кто-то, не понявший приказ хана.

- Не будет никакой свадьбы с Тайтаной.

- А... - удивленный возглас наполнил помещение.

- Слова хана - приказ,- сказав это, один из верных друзей поклонился.

- Тогда...

- Нет проделкам старой бабы.

- Юрту Узбек-хана отнести в сарай.

Разговоры, происходившие около трона хана, не дошли до Тайтаны, беспробудно спавшей до обеда. Кто узнал о происходящем, боялись разбудить ее, ждали перед дверью. Как их встретит ханым, они не знали, боялись, как бы их самих не наказала.

Но все-таки не вытерпели, один из служащих разбудил Тайтану-ханым. В один момент потерявшая все, превратившаяся из царицы в служанку Тайтана не смогла сразу прийти в себя, растерялась и не могла найти свою рубашку, потом будто что-то внутри нее восстало. Послали за Алибеком, вторым человеком после хана в государстве. Алибек понимал, что упущено время, большинство людей уже перешли на сторону Хызыра. Что делать? Если воинов поднять? Но доверять им тоже опасно. Может, Мамай? Тысячник Мамай на все имеет свой взгляд, на поводу кого-то не пойдет.

Алибек чувствовал, у него теперь нет власти, никого не сможет послать за Мамаем и нет уверенности, сможет ли чужой человек в точности донести его слова, поэтому за Мамаем поехал сам. Воины Мамаея располагались недалеко от Орды. Алибек, ничего не скрывая, рассказал о случившемся вокруг трона. Знал, что если останется малейшее подозрение у Мамаея, он не пойдет.

- Да это же кровопролитие. Мало убитых потомков хана? Что мы выиграли? - сердито спросил Мамай у Алибека.

- У Узбек-хана есть еще один сын, его никто не искал. Тайтана пошла на поводу Хызыра, - привел свой последний аргумент Алибек.

- Где он? Как его зовут? - Мамай и раньше слышал про это, но не было свидетеля, который мог бы достоверно подтвердить. Предъявить свои законные права на трон и этим исправить произошедшие события в результате проделок сумасбродной бабы мог только этот потомок.

- Зовут Кулла...

- Хватит! - Мамай немедленно оседлал коня, взял с собой около десяти своих жигитов и, никому не сказав куда едет, отправился в путь.

Хызыр праздновал свое восшествие на трон. Тайтана теперь не выходила из своего дома, никому не показывалась. Хызыр считал, что она признала свое поражение. Со времен самого Бердибека Алибек никому не уступал свое место в государстве и теперь он участник праздника, но не претендует на почетное место и сидит с теми, кого он поднимал по должности в свое время. Шел третий день праздника, как вдруг послышался топот копыт многочисленных всадников. Хызыр, сидящий на троне, не обратил на это внимание. Вернувшийся узнать, в чем дело, служка хана не мог выговорить ни слова и, глазами указывая назад, пал на землю.

Мамай, окружив Орду своей тысячей всадников вместе с Кулпой, сыном Узбек-хана, зашел к празднующим. Люди растерялись, как теперь быть никто не знал. Сидевший с краю дастархана Алибек со своими людьми встали за Мамаем. Из одной сотни Мамай вошли несколько человек, остальные остались снаружи.

- Что такое? - еле спросил растерянный Хызыр.

- Ты не являешься ханом! - грозный голос Мамай прозвучал жестко.

- Хан - Кулпа! - прокричал во весь голос беклербек Алибек. - Он действительный сын Узбек-хана. Ханство Хызыра ложное!

Окруженный со всех сторон воинами, Хызыр понял свою беспомощность и не оказал никакого сопротивления. Так ханство мирно перешло к настоящему наследнику.

- Кровь проливать нельзя, Хызыра отпустите, пусть идет, куда хочет, - приказал Мамай.

- Согласны.

Только что признававшие ханом Хызыра, хвалившие его всю, когда он уходил из Орды, теперь удивленно переглядывались: «правда ли это» и не знали, как поступить дальше. Замешательство прошло и вся эта знать, хотя не сразу, не пали перед Кулпой, но согласно кивали головой.

Река Едил течет быстро, захватывает и несет с собой все, что попадет в нее. Это течение наводило Мамай на мысль - «такова жизнь, быстротечна как река, куда стремился, что нашел, чего достиг». Достал из кармана курт и бросил его частичку в воду. Небольшая рыбешка быстро схватил курт, а щука, до сих пор прятаясь где-то, выскочила и проглотила рыбешку. В природе жизнь приспособлена к этому, а люди как? Почему люди постоянно враждуют? Наступит ли когда-нибудь мир и покой.

Ханство Кулпа-хана продолжалось недолго. Хан Кулпа со всеми своими людьми постоянно читал в мечети пятничный намаз, а его сыновья не заходили в мечеть. У обоих сыновей Кулпы постоянно терлись купцы и какие-то люди, приехавшие из русских земель. Да они и сами не отходили от них. Поведению сыновей хана сначала удивлялись, потом начали что-то подозревать. Манеры и вид у них были странные, волосы не расчесаны, усы закрывали рот, росшая от самых ушей борода росла и на горле. Когда некоторые близкие люди хана говорили кому-то из них:

- Ей, следи за усами, постриги их, мусульманин не должен допускать, чтоб усы лезли в еду и питье, не засовывает усы в рот, это неправильно, грязно, - их ждал один ответ: «Да пошел ты! Уйди отсюда!». И люди в них разочаровались.

- Наверное, они не мусульмане.

- Этот русский поп постоянно ходит к ним, - слухи непрерывно росли.

Однажды один из жигитов Мамай Наурыз застал их во время крещения. Это породило новое недовольство: «Оказывается, Кулпа предатель, продал нашу истинную религию, сам стал негласным человеком русских. Он хочет подчинить Золотую Орду русским». Такие слухи ходили везде, возмущение народа неудержимо росло, все поняли, что трон под Кулпой зашатался. Кулпу из всей знати поддерживал только беклербек Алибек. Тайтана, хотя и не являлась ханым, но имела еще вес, да и от прошлых событий остался осадок в душе, поняла, что можно воспользоваться этим моментом. Стала настойчиво приглашать Алибека к себе в гости.

- Ну Алибек, в Орде опять назревает недовольство? - спросила Тайтана с видом болеющего за Орду человека.

- Да кто знает, правда или нет, о сыновьях хана ходят всякие небылицы.

- Да, трудно. Сохранить спокойствие - в твоих руках, - она посвоему убеждала Алибека.

Такое поведение Тайтаны удивило Алибека, ему показалось, что она смирилась с этой жизнью, покорились, даже готова просить помощь у него.

- Чтобы все успокоилось, - отвлекая его разговором, Тайтана незаметно подлила яд в его еду.

После смерти Алибека хану Кулпе опираться стало не на кого. На следующий день ворвавшиеся в Орду люди оплевали его. Увидев это, крещенные его сыновья бросились было на помощь, но блеснула сабля батыра Наурыза, и обе головы слетели с плеч.

Возвращаясь из Крыма, Мамай услышал о перевороте в Орде и убийстве сыновей Кулпы, крещеных Ивана и Михаила. Пришла еще одна весть. Опять идет непрерывная борьба за трон. Как всегда, не видно конца этим интригам. Убийством сыновей Кулпы и его изгнанием дело не закончилось, Некому стало занять пустой трон, никто не хотел мараить себя кровью. В это смутное время сын Алибека Хасан дошел до акима Хорезма Белого Хусайна и рассказал о всех ужасных событиях, происходивших вокруг трона Орды. Белый Хусайн решил прекратить это необузданное кровопролитие и злонамеренные поступки Тайтаны и отправил свое войско. Сарай был взят. Тайтана и Наурыз были обезглавлены. Трон хана опять достался Хызыру.

Мамай не хотел участвовать в этих недостойных событиях вокруг трона. Жил подальше от Орды, его стойбище находилось между Едилем и Доном. Его положение росло, он правил правым крылом Орды. Он был строг, но справедлив, умел прощать ошибки и вину любого, был милостлив. Те, кто не хотел быть участником событий вокруг трона, переехали к Мамаю и нашли и покровителя, и спокойствие. Прошло чуть больше года ханству Хызыра, и опять пришла тревожная весть:

- Хызыра за престол убил его же сын Темирши.
- Какой ужас! - Мамай бросил свою еду,- сын отца заколол!

Эти слова никак не уместались в его голове. Если не положить такому сумасбродству конец, то они оканчательно уничтожат Золотую Орду.

Мамай быстро собрался. Не желая создавать переполох, собрав множество людей, взял с собой только свою тысячу и на седьмой день был у Орды. Кто намеревался оказать вооруженное сопротивление, увидев беспощадный вид Мамаю, стали спасаться бегством. Трон под Темирши показался ему раскаленным камнем и он стал вертеться на нем.

- Подлец! - Взяв за шиворот, Мамай скинул его с трона.

Мамай не остался в Орде. Он строго придерживался принципа «народом править должны потомки Чингизхана». Если останется возле Орды, кто бы ни был следующим ханом, он волей-неволей будет вмешиваться в дела хана. Этого он не хотел. Ханом Орды стал Абдулла. За убийство отца в течение всего семи дней справедливо был наказан Темирши, это подняло влияние Мамаю до небес. Он уехал из Орды, но не было конца потоку людей, стекающихся к нему целыми группами.

Ханство Абдуллы тоже продолжалось недолго. Появился Кел-

дибек, объявивший себя сыном Жанибека, действительным потомком Узбек-хана. Он стал ханом. Но прошел слух, что он не является сыном Жанибека, и тогда его прозвали «лже-Келдибек». Ханствовал он тоже недолго. Прозвище его вызвало недовольство среди народа, пришлось оставить трон Орды. Занял трон Мурат и, не задержавшись, отдает ханство Азизу.

Сколько людей занимало трон хана за последние десять лет, народ перестал уже считать. Никто не владел троном хана больше года. Некоторые правили полтора месяца, есть и ханствовавшие всего неделю. Эти ханы разрушили налаженную систему государственной власти. Золотая Орда теряла свою мощь. Эту нескончаемую чехарду и положение в Орде хорошо поняли русские и постепенно, как угорь, стали ускользать из рук.

Это время использовал молодой хитрый Дмитрий, заручившись поддержкой бояр, желая наследственным путем сесть на княжескую должность, прибыл в Орду. Воспользовавшись смутным временем, русские уже несколько лет не платили налоги. Казна Орды пустовала. Дмитрий не пожалел богатых подарков околордынской знати. Хитрый русский князь биям и другим должностным лицам, каждому, подносил богатые подарки, притом вручал их отдельно, посещая их дома, кланяясь перед ними, показывая, что он будет верно служить и предан Орде. И хан Мурат, и сменивший его Азиз были довольны.

- Дадим ему княжество Москвы, - говорили некоторые бии.

Отдать Дмитрию только Москву Мурату и его окружению показалось мало. Такого верного и исполнительного нам не найти, шворили они. Кроме этого, Дмитрий несколько раз лично заходил к хану, вручил ему дорогой перстень и золотые изделия. Долго вертелся Дмитрий в Орде и наконец заполучил ярлык великого князя.

Такое безрассудство и беспечность ханов привели Мамай в бешенство. Ни Мурат, ни заменивший его Азиз не сделали никаких выводов из событий, происшедших в государстве. Нынешние правители Орды не умеют оценить положение. Раньше, чтобы получить ярлык на княжество, русские приезжали в Орду, ссорились, даже убивали друг друга. Они перед ханом открыто поносили противника, готовы были скинуть его в пропасть. Теперь такого нет и в помине. Другие князья за трон с Дмитрием не бились. Получив ярлык великого князя, Дмитрий укрепил оборону Москвы, вместо бревенчатой воздвиг каменную крепость. Он много раз был в Сарае, видел его прекрасный вид и в Москве начал строить Кремль, похожий на тот, что в Сарае.

Мамаю теперь ничего не оставалось, кроме изгнания этих непутевых ханов из Орды. На место Азиза посадил на трон Султана. Он опять подчеркнул, что ханами должны быть только потомки Чингиза. Для укрепления и восстановления мощи Золотой Орды Мамай решил воссоединить свою Орду, расположенную за Едилом, и народ Сарая.

Мамай не забыл русских, желавших послушаться Орды. Надо было возобновить борьбу русских за великокняжество. Потомку Тверского князя Михаилу пожаловал титул великого князя. Но Дмитрий, повсеместно поставив своих людей, не пропустил Михаила в свои владения и успел, собрав других князей, принять от них присягу. Это было неслыханным делом. Но для того чтобы еще раз проверить это, Мамай послал людей во главе с Сары-бием. Сары-би поддержал Михаила, но главный город Владимир, сказав «имеем своего князя», не принял его. Прибывшего в Москву Сары-бия Дмитрий принял роскошно, подарив ему неслыханные ценности. Кончилось тем, что Сары-би дал слово, что в Орде поддержит Дмитрия.

У Дмитрия было беспокойно на душе; быстро воссоединил Мамай Золотую Орду, установил порядок, сердце дрожало от страха. Хоть погрузи Мамай в золото и серебро, он не из тех, кто отступает от своих намерений. Молча сидеть тоже нельзя, тогда Мамай разгромит тебя, и от тебя ничего не останется. Где выход? Голова трещала от ужаса. Собрал бояр. Всех одолевала одна печаль, ведь Мамай никому не дает переступить недозволенное, всех трясла боязнь, как бы воины Мамае не пришли к ним. Дмитрий перед всеми поставил один вопрос: будем сражаться с ним, объединив все силы, или как в прежние времена, склонив голову и став на колени, будем жить как деда-прадеды.

Слова Дмитрия «будем сражаться с Мамаем» напугали всех. Все в один голос закричали:

- Храни нас, боже. Как ты мог даже подумать такое? Ты хочешь, чтобы Мамай уничтожил всех нас? Нет такого воеводы, который сможет противостоять Мамаю. Этот день для нас еще далек. Так что ты помалкивай о войне, о ужасе, который принесет Мамай.

Дмитрий еще раз убедился, что дальше молчать не следует, если один из этих напуганных бояр расскажет о нем в Сарае, то на его спине будет играть камча Мамае. Даже от одной такой мысли тело Дмитрия дрогнуло, как будто его действительно коснулась камча, заныл его хребет.

Дмитрий долго прощался с плачущей женой и детьми. Сердце щемило. Наконец отправился в путь, в Орду поклониться, пасть

перед ханом. Испуг взял и бояр и его самого. Знали, как великие князья ходили на поклон к хану и нашли там свою могилу. Напуганные русские готовы были, если покажутся конники Мамаю, бежать без оглядки, спрятаться в глухом лесу, взять с собой только детей, а жен оставить дома, найдут выход, дадут им что надо.

Как бы подтверждая грозность Мамаю, на два летних месяца солнце закрыл густой туман, что даже трава не росла, начался падеж скота. Русские теперь вместе с Иисусом начали поклоняться и Мамаю. Вся надежда Дмитрия была на Сары-би. Он тогда Сары-бию отправил чуть ли не караван подарков. Подарки только одному хану стоили чуть ли не целой Москвы. Потомкам хана, многочисленным биям, беклербеку, батырам не сосчитать, это богатство небольшой страны. То, что было предназначено для Мамаю, было лучше, чем подарок для хана, «но возмет ли это Мамай?», печалился он. На этот раз Дмитрий ничего не пожалел, все для спасения своей головы. Если отрубят голову, зачем-тогда ему богатство.

Сары-би, оказывается, опередил его, подарками заткнул глотки знатных. Да и сам Дмитрий привез несколько повозок дорогих вещей. Многочисленная знать долгое время ничего не получала из казны и подаркам, привезенным Сары-би, радовалась, а увидев возы Дмитрия, начала мечтать «что ему достанется». Князь Дмитрий ходил к каждому по отдельности, кланялся, вручая своей рукой подарки.

Пришел кланяться и к Мамаю. Перед его дверью задрожали колени, сердце дошло до глотки. Боялся креститься и про себя молился и Иисусу и древнерусским богам-идолам. Вид сидящего впереди врзался в его душу. Широкий лоб, огнем горящие черные глаза грозой пронзили все его тело. Князь, еле волоча ноги, навзничь упал перед ним. От мысли «отрубят голову» тело дрожит. Немного погодя, чуть поднял голову, живой. Все равно он не смог прямо смотреть в лицо Мамаю.

Зашел многочисленный народ, Дмитрий с опаской оглядел поздоровавшихся с Мамаем людей. Все они самые знатные люди Орды. Они как бы сговорились, один за другим начали хвалить Дмитрия.

- Этот Митри оказался самым нужным для Орды пареньком, начал беклербек. - Он привез много золота для казны Орды. Он обещает принести долг русских за многие годы. Так говоришь, Митри?

- Правильно говорите, беклербек мырза.

- Более верного нет русского в тех краях.

- Нашим баскакам тоже большую помощь оказывает Митри.
- Да, да, баскаки тоже довольны.
- Да и подарки на этот раз... - начал было один из бестактных знатных. Его перебил Сары-би, сердито посмотрев на него «о чем ты мелешь здесь».

- В тех краях Митри неустанно хвалит Золотую орду. Сам убедился в этом,- сказал Сары-би.

- В князя только Митри достоин.

- Хан тоже думает оставить в князьях Митрия, - беклербек как бы подтверждая, взглянул на Мамай.

- Да, да! - сидящие один за другим загалдели.

Мамай молчал. Все обернулись к нему. Наступила угнетающая тишина. Вопрос, куда и как повернется его дело, мучил Дмитрия и он весь вспотел. Мамай долго думал. Сейчас в Орде его слово беспрекословно исполняется. Только что он закончил объединение раздробленных частей Золотой Орды. Все эти сидящие просят его о соглашении. Если отрубить голову этому русскому, все они начнут говорить, что он кровожаден, что с ним воедино в единении жить невозможно и станут потихоньку отходить от единства. Да и начнется грызня, стремление каждого быть главой чего-то. Надо сохранить единство во что бы то ни стало. Отправить этого русского поздороваться со своим прадедом нетрудно. Если укрепить мощь Золотой Орды, куда денется один русский, не понравится, пойдет и выбросит его.

- Пусть будет, - сказал Мамай.

На дорогие подарки Дмитрия, золото и драгоценные камни Мамай даже не взглянул. Один из служащих Мамай быстро унес их из Орды. Только теперь успокоилось сердце Дмитрия. Он задом попятился к двери и выполз из юрты, как был, на коленях. Показался из двери и Сары-би и хохотнул.

- Мы все собрались и пришли сюда защитить тебя от Мамай, как бы не убил он тебя.

Дмитрий уехал жив и здоров, но Мамай стал наблюдать за его делами. Он слышал, как Дмитрий находит общий язык с западными странами, вооружается, закупает огнестрельное оружие. Москву окружил каменной стеной, превратил в неприступную крепость. Волей-неволей приходит мысль: с кем он хочет вести войну? Надо проверить князя, насколько он силен. Сведения, полученные от посетителей, одно, надо разведать самому. С этой целью Мамай отправил в Нижний небольшой отряд во главе с Сарайке. Они зашли в город, начали знакомиться с общим положением дел,

увидели, что для Орды почти ничего делается, жестко высказали свое недовольство князю. Раньше в таких случаях русские молчали, склонив голову, просили прощение, в этот раз у князя оказался тайный вооруженный отряд, им помогли горожане. Началась ожесточенная битва, и Сарайке со своими людьми погибли.

Как оборачиваются дела и с кем хотят воевать русские, Мамаю стало ясно. Начал сожалеть, что зря в тот раз отпустил живым хитрого Дмитрия. Что же делать, тогда не надо было соглашаться с этими крохоборами, ненасытными ордынцами. А они теперь этим происходящим событиям никакого внимания не уделяют, довольствуются однодневной сытой жизнью, рады, что у них брюхо набито.

Мамай решил еще раз испытать старым проверенным способом. Высказав свое недовольство Дмитрию, от Москвы в Тверь ушел сын знаменитого тысяцкого Иван Вельяминов. Используя это, Мамай вызвал в Орду Тверского князя Михаила. Михаил давно стремился стать великим князем. Мамаю как раз это и нужно было, поэтому и вручил ему ярлык о назначении Михаила великим князем Руси.

Незамедлительно среди русских началась борьба за должность великого князя. Не вытерпев издевательств и самонадеянности Дмитрия, Тверской князь Михаил объявил войну Москве. Но у него вооружения и людей было меньше, чем у Москвы, и в итоге он был вынужден покориться, склонить голову перед Дмитрием. Как раз в это время и Мамай не смог оказать помощь Тверскому князю. За спиной Мамаю внезапно появился новый враг. Мамай считал, что он выполняет перед Золотой Ордой свой святой долг, чтобы народ хорошо жил, что, наконец, должны научиться уму-разуму. Нет же среди ордынцев вечных кровных врагов. Но нашелся такой, живший у Сырдарьи Урус-хан в этот момент, собрав войско, напал на Золотую Орду. Мамай, отправившийся на помощь Михаилу для наказания Дмитрия, вынужден был остановиться и вернуться назад, чтобы воевать против Урус-хана. Когда Мамай перешел реку Едил и зашел в русские земли, Урус-хан, как вор, ищущий добычу, захватил беззащитный Сарай, разграбил дотла, начал разрушать город. Мамай призывал его к миру, но он его отверг.

- Не нужно играть в сатанинские игры над святыми куполами Золотой Орды. Она Родина для всех нас. Объединимся и покорим запад, они уже не признают нас!- предложил Мамай.

- Я должен быть хозяином в Орде. Вы все признайте меня великом ханом, станьте на колени передо мной. А на каком положении будешь ты, я позже решу,- надменно ответил Урус-хан.

Перестроив свои тумены-войска, Мамай выгнал Урус-хана. В это время Дмитрий отправился для захвата Казани, одной из опор Золотой Орды. В пути все грабил и сжигал. Дойдя до Казани, он остановился, как бычок, получивший удар по лбу. Дошла весть, что Мамай изгнал Урус-хана и теперь восстанавливает Сарай. Это ошеломило Дмитрия, его геройство погасло, как слабый огонек от грозы. Мамаи удивили единовременные действия Урус-хана и Дмитрия. Бесспорно, они сговорились, но нет тому подтверждения. Золотую Орду посещают и купцы и многие другие из разных стран, кто из них связывает их и как, узнать невозможно. Нужно впредь быть готовым и остерегаться такого рода вражеских замыслов. Крепнущие русские ищут врагов Золотой Орды в первую очередь внутри самой Орды. Если родичи не поймут, что у запада и вера, и язык, и обычаи другие, что они наш общий враг, то эта слепота когда-нибудь доведет до тяжелых времен. Мамай переживал, что такая недалекость до конца разрушит Орду.

В этот раз Казань спасла угроза Мамаи. Запад объединяется, а в разных частях Орды ханы больших и малых улусов считают себя великим Чингизханом. Надоели Мамаю эти невежественные, самодовольные царьки. Но все равно он считал, что Великим ханом Орды должен быть только потомок Чингизхана.

Утром, когда Мамай только начал завтракать, зашел жигит и извещал:

- К вам пришел молодой незнакомец.
- Один?
- С ним несколько человек. Все вооружены.
- Откуда? Как зовут?
- Сказал, зовут Арабша.
- Пусть зайдет.

Чуть наклонившись, зашел незнакомец достойного вида. Происходившие разные события, приобретенный опыт научили Мамаи с первого знакомства определить, какими качествами обладает незнакомец. Никогда не обманывался. Ум и сообразительность этого молодца и его личная храбрость удивили бы любого и заставили уважать.

- Ну, как тебя зовут, Арабша, - спросил Мамай.
- Зовут Едиге. Чтобы не было лишних разговоров, назвал себя Арабша. Отца звали Кутлукция, он погиб от руки Урус-хана.
- С тобой твои родственники?
- Нас объединяет поиск правды.

Если он хотел бы мстить Урус-хану, не пришел бы сюда. Видно, что он в помощи тоже не нуждается. С ним было немного лю-

дей, в основном молодежь. Молодежь хочет увидеть и познать мир. Хорошо, что есть такие ребята. Едиге не из таких, кто, встретив тяготы жизни, побежит искать укрытие, если достанется место у порога, смирится и покорится такой рабской жизни.

- Да, понимаю тебя,- сказал Мамай.- О, Аллах, храни нас от тех, кто привык к сонной жизни, привык убивать время, копошась в повседневности, увидев занесенную камчу, подставит спину, на «нет» не ищет достатка.

Мамай, увидев на лице юноши храбрость, решил испытать его. Дал ему двухтысячную армию и отправил в Нижний Новгород для успокоения народа. Москва тоже постоянно следила за Ордой и тоже отправила туда огромное объединенное войско.

Едиге не торопился. Как будто не было у него дел в Нижнем, он поворачивал ход войска в другую сторону, часто останавливался, много раз давал отдых воинам. Чем чаще останавливалось войско Орды, тем больше русские обретали беспечность.

- Мы же Сарайку как уничтожили? Теперь они не осмеляться прийти сюда.

- Нет, скорее, они с этого места теперь возвратятся назад.

- Жаль! Мы бы их тоже уничтожили, забрали бы много добра. - говорили русские князья.

Многочисленное войско русских остановилось у реки Пьяны, затем от скуки начали днем и ночью праздновать, перестали выставлять караул, войско погрузилось в беспробудное пьянство, князь Дмитрий уехал обратно к себе, оставив свое войско под командованием Ивана, сына князя нижегородского. Арабша - Едиге ждал этого момента. Они быстро собрались в путь. Всю ночь, без отдыха, подгоняя и меняя коней, под утро остановились недалеко от русской армии. Дав отдохнуть людям и лошадям, набрались сил. Передовые доложили, что русские продолжают пьяный кутеж.

- Отгоните коней русских!- приказал Едиге и выделил на это сотню.

- Ну, жигиты, теперь дело за вами. Отомстим за Сарайку как следует. Аллах с нами! Аруах! Аллах!

Увидев несущихся на них лавиной степняков, русские полки охватила паника, несмотря на значительный численный перевес, они, даже не пытаясь сопротивляться, бежали, спасая свои головы. Видимо, глубоко засел страх перед Ордой. Кто-то из князей успел зажечь фитиль пушки, не удосужившись развернуть ее в сторону ордынцев, ядро ударило по своим возам и начался пожар. Другой князь безуспешно пытался образумить бежавших и организовать

сопротивление. Стрела Едиге вонзилась ему в грудь, а кончик вышел из спины, меч одного из жигитов Орды рассек его пополам. Еще один князь бросился в воду. Всадники Орды его окружили. Плавал князь долго. Устал. Хотел выйти на берег, но его жердями столкнули обратно, где он и захлебнулся. Много тогда русских в реке утонуло, многих посекали саблями, закололи копьями и расстреляли из луков. Мало кто вернулся домой.

На реке Пьяни они наказали русских, отомстили за Сарайке, но все равно продолжались мелкие походы русских за добычу и Орда потеряла покой. Прошли те славные времена Орды, когда над правителями каждого города надзирали баскаки и ни князь, ни простой мужик не могли перечесть ему. Теперь от них покоя нет.

О, времена! Без разрешения баскака бояре даже не имели права жениться. На ком они намеревались жениться, должны были заранее показать баскаку. Баскак мог сказать: «Оставь мне эту девушку на три дня, а потом свадьбу сыграешь». Бояре за честь считали взять в жены женщину, оставленную баскаком у себя.

- Мы родня с баскаком,- говорили они и показывали на детей. - Это сын баскака, мой первенец, а это мой.

Улусы русских уже около десяти лет не платили налоги, как положено. За этим кроется неповиновение, саботаж. Вот до чего довели ханы Великую Орду, это последствия постоянной борьбы за трон недальновидных царьков. Орда еле дышала. Незадолго до этого князья хвалились, что они ездили-видели Орду, передавали из уст в уст рассказы ее величии. Теперь их днем с огнем не найдешь здесь. Не начало ли это развала Орды? Нет, этого допустить нельзя! - думал Мамай.

Мамай обдумывал дальнейший свой шаг. Не надо давать оплеуху за каждый поступок, лучше заарканить их длинной веревкой, как необузданного коня, и покорить. Во владениях Золотой Орды были народы Едила и Кавказа, Мамай собрал новое войско теперь из тех мест. Румийцы, которые делились меж собой на разные народы, крымлыки, даже евреи и армяне вошли в его войско. Мамай не хотел, как вор, напасть внезапно. Послал своих послов к Дмитрию:

- Оплати, как положено, неоплаченный долг - «налог Жанибека», а то от тебя не останется и пыли.

Дмитрий, попросив «облегченный налог», сразу отправил боярина Захария с этим «облегченным налогом». Услышав о прибытии налога, собралась вся знать Золотой Орды. Около Орды Мамай собралась толпа. Орда хана была в Сарае, Орда Мамай обоснова-

лась недалеко от Едила. Напуганный грозным видом Мамаю Захарий дрожал как осиновый лист в осень.

- Ну, что привез? - жесткий голос Мамаю еще больше напугал Захария.

- Великий Мамай-хан... Я, я того... что дал Дмитрий..., - задрожал у него голос.

- Налог Жанибека?

- Не... того... - замолчал Захарий.

Мамай стряхнул с правой ноги дорогую восточную обувь. Слетевшая с ноги обувь попала в грудь Захария. Боярин принял это за честь и, обняв, приложил к груди.

- Ваш авторитет и силу, собранную разными путями, я скину как эту обувь! - грозный голос Мамаю Захарий слышал как приговор к смерти. Тишину нарушил лязг вынутой сабли. Кто-то наклонил вниз голову Захария.

- О, хан...- плаксивый голос боярина был едва слышен.

- Оставьте! Он донес только то, что сказал хозяин, и привез, что он дал ему. Послов не должно наказывать, мы ведь не они.

- Передай этому Митрию, чтобы пришел сам лично ко мне, поклонился и попросил прощения. В противном случае отрежу ему уши, как у мышей, а нос, как у лягушки, и заставлю пасти верблюдов. Это будет самое легкое наказание.

У Мамаю был договор с литовским князем Ягайло и он ждал прибытия войска Литвы. В середине лета Мамай, не торопясь, стал подниматься по реке Дон к ее верховью. Его беспокоила медлительность движения литовских войск во главе с Ягайло. Хотя у него уже было какое-то подозрение, но об этом он ни с кем не делился. Его воины собраны в один жесткий кулак, нельзя сеять среди них хоть какое-то сомнение к победе.

Русские собрали на это сражение стопятидесятитысячную армию всадников и четырехсоттысячное пехотное войско. Огромное войско, прибыв на Дон, переправилось через реку и расположилось вдоль реки Непрядва, днем и ночью готовясь к битве. Князья не очень верили в победу. До этого они никогда не сражались с воинами Золотой Орды. Что будет завтра? Что ждет впереди? Эти вопросы беспокоили их всех. Князь Вольнец часто ложится на землю, долго прислушивается и затем со страхом мотает головой. Мамай был еще на расстоянии трехдневного пути.

Ему надоело ждать Ягайло, и теперь его передовые отряды прибыли к месту сражения. Русские с раннего утра выстроились и были готовы. Батыр Пешене не ждал прибытия всей силы Мамаю

и вышел на середину площади, гарцуя на коне, вызывая на поединок.

- Поединок! - Пешене трижды обошел ряды русских воинов.

О его незаурядной силе знали не только русские, подданные Золотой Орды, слава о нем достигала Литвы, немцев и румунцев. Русские толкали вперед друг друга, но никто не хотел выйти и поставить свою голову на неизменную смерть.

- Поединок!

Наконец князя с трудом уговорили силача Пересвета, брянского боярина, участника многих сражений и походов, который, как говорят, однажды поборол быка. И вот он теперь выезжает на середину в своих золоченых доспехах. Поединок продолжался долго. Во втором захвате Пешене выбил копье русского богатыря. Чтобы дать шанс русскому, позволил ему взять саблю в руки и также, отставив копье, вынул свой клинок. Пешене считал, что только трус защищает спину железом, и всегда только на грудь надевал короткую сетчатку. Противник же его вышел с надетым на все тело панцирем. Сколько ни бил его Пешене, его сабля никак не могла пробить панцирь противника. Наконец, не выдержав силу руки Пешене, сломалась сабля. Обрадованный Пересвет бросился вперед. Пешене своим щитом ударил Пересвета по руке, и сабля того слетела с его руки.

- Аллах! - грозно кликнул Пешене.

Глаза русского богатыря словно вылезли из орбит, он дрожал не находя выхода. Вдруг Пешене выбросил щит и кинжал, висевший на поясе, и предложил бороться голыми руками, сидя на коне. Пересвет тоже кинул кинжал.

- Аллах поможет!

- Боже, боже! - говорил невнятно русский.

Началась борьба. Голова русского богатыря оказалась подмышкой у Пешене. Но сколько бы не сжимал, шлем русского не давал возможности сдавить или свернуть голову. Наконец пальцы Пешене достигли горла противника. Не давая возможности дышать, начал сжимать ему горло. Пешене чуть улыбнулся, теперь тебя не спасет твоя железная шуба. Вдруг он почувствовал, что холодное лезвие проткнуло его левый бок. В глазах потемнело, и он упал с коня. Спрятанным в сапоге ножом противник ударил Пешене, но теперь он тоже умирал, из горла русского текла кровь, так как Пешене вырвал ему глотку. Пересвет из последних сил повернул коня к своим и умер, повиснув на его гриве.

Обе стороны лавиной бросились к телам своих воинов, и это сразу переросло в сражение, обернувшееся кровавой битвой. Гроз-

ные крики, ужасающие голоса, напуганные фыркания раненых лошадей, скрежет бьющихся сабель и жесткие удары топоров заглушили все вокруг. Майдан был охвачен кровавой сечью.

Со своими передовыми отрядами Мамай тоже прибыл к месту битвы и начал неотрывно следить за ходом битвы. Отставшие его отряды начали прибывать один за одним, и Мамай отправлял их туда, где его воины испытывали трудности. Войск русских была тьма. Мамай даже не ожидал, что они соберут столько людей. Его войско не уступает им по численности, только они все разом не успевают прибыть к месту сражения. А где же друг Ягайло? Давно уже прошло обещанное им время.

Этот долговязый среди русских, наверное, Митрий. Основные силы вокруг него. Они успешно продвигаются вперед. Вот как... Мамай с беспокойством осмотрелся. На полном скаку подъехала сотня его лучников.

- Остановите их! - приказал Мамай.

Вражеские силы еще приблизились, лучники, разом оставившись перед ними на некотором расстоянии, плотной тучей пустили стрелы. Передние ряды русских воинов были скошены. Лучники, как по команде, все разом подряд два-три раза обстреляли ряды русских. Это были самые лучшие стрелки Мамае. Он своими глазами видел, как их стрелы пронзают быка насквозь. Кто же выдержит против летящей со свистом смерти, и воины русских начали отступать. Сюда Мамай дополнительно отправил воинов во главе с племянником Тулебеком. Тулебек ожесточенно бился, его сабля сверкает и налево и направо. Вот Тулебек достиг Митрия, и Мамай увидел, что началась между ними борьба не за жизнь, а за смерть.

Вдруг Мамай увидел отставших от своих около десятка его жигитов в окружении врага, но ожесточенно сражающихся. Их окружила сотня, но несмотря на численный перевес они бесстрашно бьются, бросаясь на врага. Слышен грозный крик батыра-казаха. Только что прибывший к майдану отряд Мамае без команды кинулся туда, и сотня врага моментально исчезла с глаз.

Вот вон там один молодой жигит на прекрасном коне выдерживал с коня противника вместе с копьём и отправил его душу к дедам. Теперь сабля в его руках сверкает, как молния в темном небе, и противники, как кустарник, попавший под косу, падают один за другим. Дальше молодой жигит стремительно ворвался в середину московского отряда, где они держали свои знамена, и начал жестокую битву с ними.

- Кто этот молодой батыр? - спросил Мамай.

- Раньше мы его не замечали.

- Узнайте, кто он!

Мамай долго искал глазами на поле битвы Дмитрия. Та сторона противника была полна мертвых тел, сломанных повозок, упавших бревен. Это была преграда, построенная командующим русскими против конницы Орды, все раскинута, разрушено. Сражение отодвигалось все дальше внутрь. Середина русского войска была опрокинута, почти уничтожена, это свидетельствует о победе Орды. А где же Митрий? Эту собаку не стоило убивать, он нужен живым. Эту крововую сечу организовал он, за его вину и наказание должно быть другим.

- А где же Митрий? Не упустите его!- сказал Мамай.

- Смотрите туда!- сказал молодой жигит Мамаю.

- Куда?

- Вон отряд Москвы...

Московские воины, потерпев поражение, обратились в бегство. Их черное знамя передается из рук в руки, пока не попадает к ордынцам. Увидев падающих, как лес, своих, спасая свою шкуру, начали бежать в лес многие.

- Иа, Аллах! - произнес Мамай.

Вдруг вышедший из леса полк русских ударил сбоку ордынских сарбазов. Этого они не ожидали. В это время почти все части участвовали в кровавой битве. Для исправления положения Мамай отправил своего жигита к отставшей тысяче с требованием быстро достичь места битвы.

Прибытие тысячи воинов быстро изменило положение на поле битвы, но новое пополнение спрятанного полка русских опять с новой силой включилось в сражение. На это кровавое побоище невозможно было смотреть без ужаса.

- Эти... - молодой жигит не договорил.

- Победа будет за нами. Сзади идут еще два лека (полка) наших, - Мамай опять внимательно начал обзирать майдан.

Сзади, издалека, кто-то скакал, поднимая столб пыли. Слышен был только его голос, по тому, как он гнал своего коня, видно, что он несет какую-то срочную весть. Неспроста этот человек так скачет. Незнакомый, постоянно погоняя коня камчой, остановился перед Мамаем и соскочил с коня. Вид неузнаваем.

- Великий...

- Что? Говори...

- Враг.

- Какой враг?

- Токтамыс захватил Сарай. Его войско переправилось через Едил. Говорят, его тумены, имея по два коня, скачут сюда. Сегодня, может к вечеру, будут здесь, намерены ударить наших сзади.

Лицо Мамай потемнело. Не хватало еще такого предательства. В тот раз Урус-хан таким образом помог русским. Из-за того предательства своих, он тогда не смог еще раз успокоить московских бунтующих. А теперь этот Токтамыс... Да, у них с русскими есть какая-то связь. В этом нет сомнений. Когда наступило решающее время разгромить врага, свои же родичи решили бить своих. Ягайло? Где он? Хотя бы он успел к этому времени. Может, у него тоже есть свои мысли-счеты? Пусть побьют друг друга Орда и русские, потом им обоим по шапке дам. Что делать-то теперь?

Бьющимся на майдане Мамай отправил на помощь еще сотню и, оставив поле битвы, отступил назад для спасения Золотой Орды от грабежа и разрушений Токтамыса.

- Эх! - Мамай глубоко вздохнул с сожалением, - зря ждал три дня Ягайло. В этих Куликовских степях знамя победы Золотой Орды уже развевалось бы на ветру.

Токтамыс дал Едиге целый тумен войска, где каждый воин имел запасного коня. Он должен был спешно двигаться и уничтожить Мамай. Едиге, наоборот, не спешил, дал передышку коням, двигался медленно. Одного из жигитов отправил к Мамаю, чтобы сообщить ему о своей поддержке. К сожалению, Едиге не знал, что его жигит попал в руки русских и погиб.

Все считали Мамай побежденным. У победителей русских от пятисотпятидесятитысячной армии осталось в живых около сорока тысяч. Князя Митрия, мертвецки пьяного и полуживого от страха, нашли через пару дней.

Мамай погиб от рук изменников. Как свидетель веков теперь вечным памятником ему стоит Мамаев курган. Народ с печалью вспоминает его со словами «Погиб Мамай, был же велик». Тоска и сожаление о нем долго не угасали в народе. Пишущие о нем люди ищут его могилу, желая поклониться его праху.

* *

Едиге, не торопясь, оседлал коня, переднюю подпругу подтянул как обычно, вторую послабже и бросил взгляд на Орду хана. Ежедневно посетителей Орды было обычно много, второй день их почти не видно. Зато эти купцы свои палатки поставили ближе к Орде и часто ходят туда. Купцы, обычно после вручения своих подарков, избегали Орды, заботились как бы подальше спрятать

свою выручку, а эти держатся совсем по-иному. Говорят, они прибыли из далеких русских улусов. Этот долшвязый серый с крючковатым носом, длинными, до плеч, выжженными солнцем, цвета соломы, волосами старается не общаться с людьми. Он постоянно покусывал усы, которые выглядели приклепанными и свисали из-под носа весенними сосульками. При случайной встрече с ордынцем у него зло вспыхивает лицо, как будто его путь пересек человек со злой собакой. Как будто у него нет никаких дел в Орде, выставляет себя хозяином этого мира.

- Кто эти люди? - спросил удивленный Едиге.
- Говорят, купцы.
- Где-тогда возы с товарами или верблюжий караван?
- Будто бы из Сарайшика недавно вышли.

В этот день вышедшие из своих палаток долговязый и коротышка с крючковатым носом с довольным видом скалили зубы. Рады чему-то. Может, их караван подъехал.

- Как товар? - спросил коротышка.
- Уже сбыл.

Что за товар? Как продали? Едиге незаметно прислушался к разговору этих двоих. Точно знал, что их караван близко не подходил к Орде. В тот же день эти купцы бесследно исчезли.

- Их караван из Сарайшика не вышел, они туда выехали, - говорили одни.

Едиге не давал покоя вопрос «кто они такие». На купцов не похожи, на послов тоже. Тогда, с какой целью приехали они к хану Токтамысу из далеких русских лесов? Хан в эти дни к своей Орде, кроме Кулмана-бия, никого близко не подпускал. Раньше по приезду купцов хан заботился о них, оповещал народ о товарах. В этот раз все по-другому.

Прошла неделя. Токтамыс-хан неожиданно поднял всех малых и больших амиров его владений и, собрав огромное войско, отправился на запад. Куда едут? Для чего? Нет ответа. Каждый плетет то, что в голову взбредет.

- Едем на Кажы Тархан.
- Нет, говорят, на Крым.
- Что в Крыму? Кавказ же ближе к нам. На Кавказ идем.
- Не все ли равно, раз ищем добычу.
- Как бы не пригласили те русские в гости, - сказал молодой парень, и все рассмеялись.

Многочисленное войско постоянной рысью двигалось несколько дней. С предрассветной тьмой оседлают коня, к полудню, когда солнце висит прямо над головой и начинают туманиться гла-

за, слезают с коней, когда солнце склоняется к горизонту, опять на коне. Таков ежедневный порядок.

Едиге как испытанного и мужественного человека поставили во главе тысячи. Не только тысячники, но и главы туменов не знают, куда ведет их хан Токтамыс, никто не догадывается о цели похода.

Прошел седьмой день. Они начали полукругом обходить город Сарайшик. Внезапно по приказу хана повернулись и лавиной атаковали город. У мирного города оказались и ворота открыты и люди беспечны. Беспечность охватила и охрану, никто не оказал сопротивления. Главный защитник главного города Золотой Орды Мамай ушел походом к русскому улусу. Едиге об этом услышал только здесь. В свое время Урус-хан тоже внезапно захватил город И разрушил многие здания. Видно, как заново отстроил Мамай те разрушенные здания.

В руки хана Токтамыса без потерь попал Сарайшик и он праздновал свою победу. Ясно стало, зачем приезжали те облаченные в купеческую одежду долговязый и коротыш с крючковатым носом.

Токтамыс объявил себя великим ханом Золотой Орды. Главным визирем стал Кенжен, главным би - Кулман.

Главный город Золотой Орды. Раньше мало кто из них посещал этот город и всем хотелось увидеть красоту города. В том числе и Едиге. Его тысяча располагалась на окраине города. Одного из жителей города он взял в проводники и обход города начал с окраины. Проводник оказался прекрасным знатоком города, подробно отвечал на вопросы и сам, без вопросов, много рассказывал о городе.

- Сколько тысяч жителей в городе? - спросил Едиге.

- До грабежа Урус-хана проживало около ста тысяч людей, сейчас где-то восемьдесят тысяч. Население увеличивается, новых поселенцев очень много, - проводник вопросительно посмотрел на Едиге: «зачем спрашивает?»

- Говорили, в мире самый большой город Мысыр, население приблизилось к нему? - с удивлением спросил Андасын, не отстававший от Едиге.

- Самая дорогая, прекрасная столица Золотой Орды... - Едиге, недосказав свои мысли, остановился. Вспомнил рассказы своего отца Кутлукия, Сыпыра-жырау и Сейтали, который сопровождал его в трудных походах.

«Золотая Орда - наша колыбель. Была бы дальновидность у властителей. Если каждый хан для захвата трона будет нарушать покой святого города, чем кончится все это».

Время ішло к полудню. Начала мучить жажда, чувствовалась усталость. Остановились перед большой мечетью. На пятничный намаз в этой мечети могло бы поместиться около тысячи человек. Синие купола выглядят словно отражение синего неба, а высокие минареты мечети как будто подпирают небосвод. Стены украшены восточным узором - аж глаза разбегаются. Андасын хотел осмотреть эти узоры снизу доверху, изогнувшись назад, уронил тюбетейку.

- Ого... - Андасын еле выпрямился.

- В Сарайшике имеется тринадцать таких мечетей, - сказал с гордостью проводник.

- Сколько?

- Тринадцать! Кроме этого, имеется больше ста малых мечетей вместимостью до ста мужчин и ста женщин.

Там же остановились, пообедали, в мечети прочитали намаз. Мечеть была полна людьми, но никто не спрашивает «кто ты, откуда». После намаза, пожелав, чтобы Аллах принял их просьбы, проводник пожал руки и они обнялись.

- Сколько нам еще ходить? - спросил он проводника.

- Ну это мы по одному кругу прошли и только дошли до середины. Еще много красивых мест ждет вас впереди. Но до центра города нам сегодня не дойти.

Провожатый не торопился идти дальше, растягивал онемевшие ноги, долго кашлял, пока не перестали свистеть легкие. Вытянув шею, несколько раз посмотрел на женщину в своеобразной чалме, помешивавшей кумыс и шубат в своей посуде.

- Ни с чем не сравнить кумыс Сары-Арки и шубат Каратау.

- А вы там были?

- Я из тех, кто вкушал прелести тех краев.

- Вот оно что.

Проводник теперь вообще осмелел, как будто нашел кровного брата. Говорят, можно узнать: «коня по ржанию, а человека с первых слов». Он часто повторял, что гордится Сарайшиком. Хвалится, кого только тут нет: черкесы из Кавказа, русские из лесов, купцы из Рима, ученые из Персии и Арабии, монголы Каракорума, китайцы с тюками шелка. Каждый проживает в своих кварталах. Все они сходятся на базаре. Если пораньше не прийти к большому базару, то в такой тесноте от многолюдности шагу не сделаешь вперед и возвратишься ни с чем!

- Откуда приходит столько людей и товаров? - Андасын удивился.

- Ну- проводник поджал губы, - ты же сам не видел, поэтому не веришь, в город ежедневно прибывают товары на более чем пятидесяти верблюдах. К вечеру все они возвращаются пустыми. Это кроме караванов, идущих с Арабии, Рима и Китая. А наши купцы уходят дальше в Сибирь, где, если восходит солнце, то не закатывается, где месяцами тянется ночь.

- Как, наши деньги - дирхамы, тенге, там в ходу?

- Там торговля по-другому. Свои товары оставляешь и уходишь. О воровстве не может быть и речи. Идешь на следующий день, около твоего товара кучами лежат шкуры очень ценных соболей, лис и других животных. Цены тоже соответствуют, даже в твою пользу. Берешь это и возвращаешься. Продажа как бы «я тебе, ты мне», прямой обмен.

- Какова цена хорошего коня на базаре? - поинтересовался Едиге.

- Между тридцатью и пятидесятью дирхамов.

- Пятьдесят дирхам... - Андасын цокнул языком.

- Лошадей больше, чем зверей в степи, поэтому на них низкие цены. Был такой смешной случай: прошлым летом не выпало ни капли дождя, стало трудно всем. Нашлась женщина-знахарка, утверждала: летом «пусть соберут от мужчин по два дирхама по городу, я вызову дождь. Пойдет дождь - деньги мои, нет - верну деньги». Прошел же дождь. Знахарка получила пятьдесят тысяч дирхам. Теперь посчитай - какое это богатство.

Ряд ремесленников, это общество людей, неустанно занимающихся своим делом, протянулся на несколько кварталов. Хотя всех их называют ремесленниками, у каждого свое определенное название и труд особый. В Самарканде они тоже сидели отдельно кварталами. Там у так называемых «мастеров» и внешность разная и язык несхожий. По приказу Амира Тимура различных мастеров, тех кто что-то умеет делать, несмотря на то, кто ты, турок или китаец, индус или перс, всех до единого собрали вокруг Самарканда, Бухары и Ургенча. Их руками была воздвигнута мечеть-медресе с высокими минаретами, удивительные мазары с поющими куполами, прекрасные дворцы, удивившие мир. Выходцы из разных народов были подчинены одной культуре, и каждое изделие, его вид соответствовали вкусам, понятию, родному восприятию одного единого народа.

Едиге не нашел подобную разношерстную толпу в Сарайшике. Как будто все потомки близнецов одной матери: смуглолицые, коренастые, плотносбитые - типичные жители степи. Бату-хан и его

дальновидные последователи заранее думали о ремесленничестве, основательно брались за это дело. Все ремесленники говорят на одном языке, везде слышна кыпчакская речь. Изредка встречаются люди, не похожие на степняков, но и те здороваются и говорят по-кыпчакски.

Вон там куски чугуна, железа, попадая в руки мастеров, мелятся как глина. Из тяжелодышащего горна вынимают искрящееся железо, из него одни выковывают необходимые для домашнего обихода косы, топоры, различные ножи, из рук других выходят сабли, копья, различного вида шлемы, панцири. Едиге остался доволен, спросил:

- Где они берут железо?

- Есть же Уральские горы. Вот эти горы богаты железной рудой. Там есть специальные печи. Тамашние мастера - наши родственники. У нас все продумано, - похвалился проводник.

- Есть ли главные руководители всех этих дел?

- Конечно! Искусство мастера — это его собственность. Но каждое ремесло имеет своего руководителя - амира, он налаживает всю работу. Без этого не обойтись.

Затем увидели мастеров, работающих с кожей, которые ее тут же, на месте, выделывают, красят, предоставляют людям уже готовый материал. Вокруг них стояла толпа народа. Есть и заказывающие люди, а были и зеваки, впервые наблюдавшие такую работу. В Каратау, в городке Кумкен, где рос Едиге, нет свирепых морозов, но достаточно нестерпимого холода. В молодости Едиге, его покойная мать, покрасив выделанную шкуру барашка, сшила для него шубу. Те же методы выделки кожи остались до сих пор. Только каждую работу выполняет отдельный мастер. Одни очищают кожу от жира и мяса, вторые сушат, далее кожу бросают для очистки от шерсти в специальный бочонок с раствором, кто-то кладет их в тень на просушку, одни мастера кроят, а другие шьют. Ежедневно каждый выполняет одну и ту же работу и растет их сноровка, мастерство.

Когда проходили мимо тех, кто лепит кувшины, посуду, кто-то из них тихо произнес:

- Это же Едиге!

Едиге взял в руки изящный кувшин, незаметно скользнул взглядом, чтобы узнать, кто произнес его имя, но не смог найти. Наверное, не из своих, посторонний человек. Солнце приближалось к закату. Направились к центральной площади. В глаза бросилось обилие роскошных дворцов, красивых зданий. Великолепие

и торжественность площади поражают воображение. Выше всех этих дворцов стоит главная мечеть, удивляют ее величина и красота. Рядом еще один дворец.

- Это Монетный двор, - сказал проводник.

- Какой? - переспросил Андасын.

- Здесь чеканят монеты. Великие Берке-хан и Узбек-хан золотые и серебряные слитки-сомы со своими именами отливали здесь. Здесь же из них чеканились золотые и серебряные монеты, дирхамы и тенге. Эти деньги до сих пор в употреблении.

- Вот это да!

- Можешь посмотреть, - проводник показал золотую монету величиной с пуговицу.

- Да, красивая...

- Иметь свои деньги - это знак величия государства и народа.

Хоть Едиге и Андасын до центра города так и не дошли, они были довольны увиденным и направились к своим стоянкам на окраине города. Оберегая население от пыли и грязи городские улицы были вымощены каменными плитами. Идти по такой улице в сапогах и слышать каждый свой шаг было чудно. Шагали не торопясь, пока дошли до своих, наступила уже темная ночь. То, что увидел Едиге в этом городе, навсегда врезалось в память.

Он был очарован городом. Завоеватели Сарайшика довольны, пьют, едят и веселятся, создавая шум-гам. Едиге не верит в хороший конец этих празднований. С порога до почетного места, а дальше, как знать, можно и в могильную яму соскользнуть. К разочарованию Едиге, никто из них об этом даже не задумывался, поимев грошовую добычу, считая это за счастье, радуются и веселятся с раннего утра и до позднего вечера. Все приходяще. Вызвал хан. И главный визирь Кенжен, и главный би Кулман по-прежнему трутся у подножия трона.

- Даю тебе целый тумен войск, - сказав это, Токтамыс замолчал и глянул в лицо Едиге, - «как воспринял он эти слова?». Едиге, ожидая окончания речи, и бровью не повел. Хан закашлялся. - Целый тумен. Сегодня же отправишься. У каждого воина должно быть по два заводных коня.

- Да, да, так... точно, - встрял в разговор Кулман, недовольный этим, Токтамыс раздраженно махнул в его сторону ладонью, Кулман заерзал и замолчал.

- Надо быстро переправиться через Едил и дальше...

Куда же хочет направить его хан? Для мирных переговоров столько войск не отправил бы. Дальше Едила Мамай. Мамай же

отправился к русским указать зарвавшемуся князю его место. Как тогда, кому должен оказать помощь он? Мамаю? Почему тогда Токтамыс захватил Сарай? Это что-то другое. Может, хочет оказать помощь русским, хочет разгромить Мамаю? От таких мыслей у Едиге сердце дрогнуло.

- Этот Мамай - разбойник, без нашего разрешения пошел наказывать русских. Его самого надо наказывать за это. Как раз самое время. Пока он занят русскими, ты быстренько ударь его в спину.

Что делать? Сотни мыслей промелькнуло в голове Едиге. Если он откажется, пошлют другого. Над Мамаем висит опасность. Как можно избежать этого разгрома, этой измены? Он должен найти выход.

Едиге делал вид, что соглашается со словами хана. Быстро добрались до берегов Едила. Перед отправкой хан Токтамыс собрал многочисленный народ и объявил, что назначает Едиге главой тумена и главным сардаром-командующим.

Едиге старался быстро переправиться через Едил. Воины Орды не раз переправлялись через такие реки и в этот раз решили использовать проверенные старые способы. Оружие и свою одежду погрузили на коней, сами ухватились за их хвосты, и началась переправа. Несмотря на трудности, они своевременно закончили переправу. Едиге так и хотел, на этот счет у него были свои намерения. Степной узун-кулак (весть, слух) все равно донесет до Мамаю, что Токтамыс отправил целый тумен и они ударят в спину Мамаю. Мамай тоже не из простых людей, через своих людей он узнает, что Токтамыс захватил Сарайшик, и о его дальнейших помыслах. Это может повредить сражениям Мамаю с русскими. Поэтому Едиге раньше всех должен связаться с Мамаем.

Как глава тумена, главный сардар, он с некоторых времен при себе держал спокойного, рассудительного Кажы Мухаммеда. Отдалились они от остальных воинов, и Едиге как бы невзначай бросил:

- Едем бить Мамаю по затылку.
- Правильно ли будет совершать такое? - Кажы Мухаммед почесал затылок. В голосе было разочарование.
- Как раз хотел узнать твое мнение.
- Сомневаюсь правильности этого дела.
- Тогда... - Едиге ждал продолжения его слов.
- Цель Мамаю покорить улус русских, переставших признавать власть Золотой Орды. Русские что-то затевают. Золотая Орда - колыбель наших дедов-прадедов. Бить Мамаю и помогать

врагу - грех перед аруахами, этим мы поможем разгрому великой Орды, - Кажы Мухаммед высказал все, что у него на душе накопело.

- Ты прав.

Кажы Мухаммед привел верного ему двоюродного брата. Молодой человек с небольшими усиками в возрасте больше двадцати пяти лет показался бывалым. Едиге сказал ему обо всех трудностях и опасностях пути и сообщил цель отправки его. Дал ему лист бумаги с запиской.

- Это письмо вручи лично Мамаю. Возникнет опасность, порви или проглоти. Скажи Мамаю, Токтамыс отправил нас нанести ему удар в спину. Мы этого не выполним. Пусть с русскими князьями воюет без оглядки. Его победа - наша победа, пусть нас ждет день радости. Все это передай ему устно.

- Будет сделано.

- Отправляем тебя одного. Эту тайну знаем только трое, никому ни слова, - добавил Кажы Мухаммед. - Об исчезновении тебя пусть никто не догадается.

Судьба людей неизвестна, мог ли знать Кажы Мухаммед, что в последний раз видит своего брата. Днем и ночью брат гнал своих коней, он торопился. Посланник Едиге приблизился к последним отставшим отрядам Мамаю, но попал к русским разведчикам, одевавшимся как степные жители, в ожесточенной битве успел проглотить письмо, погиб, не сложив оружия.

После переправы Едиля Едиге медленно двигался вперед, находил различные причины, часто давал отдых коню. Кони здоровы и воины набрали сил. С каждым днем росло его беспокойство. От посланника своего, брата Кажы Мухаммеда, никаких вестей. Пересев с одного на другого коня, дав небольшой отдых себе, он давно мог добраться до цели. Чтобы кони выдержали дальний путь, было предусмотрено кормить их сушеным мясом.

- Что нового? - спрашивает Едиге у Кажы Мухаммеда.

- Пока ничего, - он раскрывает ладони.

Наконец дошли плохие вести. Один из воинов Мамаю, бежавший от кровавой битвы на Куликовом поле, рассказал все, что знал.

- Мы начали громить русские отряды, почти победили. Вдруг всем стало известно, что приближается войско Токтамыса, чтобы ударить нас с тыла. Пришлось оставить поле битвы, бежать назад.

- Где Мамай? - спросил Едиге. От услышанного похолодело все тело. Сам не заметил, как закрипел зубами.

- Мамай тоже отступил.
- О горе, мы совершили неоправимое.
- Свое гнездо сами разрушили, - Кажу Мухаммед шапкой начал бить свои колени. - Где мой брат? Зря посылали одного. Не дошли же до Мамаи наши желания. Разгромив врага, бежать назад. Что может быть хуже этого? Наступит ли день расплаты за унижение? Говорят же, черное небо заволочло тьмой.

Едиге со своим туменом недалеко остановились от того места. Начали часто встречаться остатки войска Мамаи и в одиночку и группами. Все отступающие знали, войско Тохтамыша прибыло с вражескими намерениями, сначала все путались, а потом удивились, что их никто не трогает, и останавливались. Сначала было и такое, встречавшиеся с беженцами воины Мамаи принимали их как источник добычи и грабили. Едиге таких перед всеми беспощадно порол, объяснил всем, что беженцы свои братья. После этого некоторые сотни и тысячники подходили к ним с одобрением и говорили:

- Мы всегда теперь будем с тобой, мы верим тебе!

Услышав это, Едиге радовался. Если поймут подчиненные и осознают, что есть свой народ, что все они братья, что жизнь состоит не только из грабежей и добычи, и если все они это сердцем почувствуют - это будет его большая удача.

Чем кончатся эти бесконечные кровавые сражения? До Мордовии тянулись земли Дешти Кыпчака, там деды-прадеды кочевали, праздновали, пасли и приумножали свой скот, зимой гонялись за волками. Теперь, когда Мамай разгромлен, народ бедствует, умирает. Кто жив остался, скитаются по степи, кто-то из-них доходят до Кавказа, переселяются в Крым, кто попал в плен, их продают как рабов и полякам и русским. Теперь бескрайняя степь останется без населения. Вот до чего довел неразумный поступок Тохтамыша. Кто что выиграл?

Едиге заметил, что недалеко от стоянки растет одинокое дерево, пошел туда, прислонившись спиной к стволу, задумался, сердце щемит, душа плачет. Как будто эта степь заполнена слезами кыпчакских детей, ему слышится неумолкаемый плач младенцев, горькое рыдание матерей. От безысходности прослезился.

Эти мордовцы, чувашаи придерживались исламской религии, а эти коварные князья неверные зимой загоняли их в реки с детьми, заставляли креститься, кто отказался от крещения, убивали прямо в реке, их останки плавали целыми кучами. В прошлый раз на реке Пьяне мусульмане мордовцы показали переправу. Князя

их раздели догола, протащили по льду и отдали на растерзание злым собакам. А что ждет этих скитальцев?

Да, Золотая Орда захватила Русь, покорила ее. До этого каждый месяц эти русские меж собой, как собаки, грызлись, кидались, убивали друг друга, их остановила Орда. Если не Орда, остались бы от них потомки? Что сказать, они забыли о таких заслугах великой Орды.

Чтобы русские, бродяжничая в гремучих лесах, не превратились в зверей, Золотая Орда построила им города. На Пруте - Аккерман, на Дунае - Килия, на Днепре - Сарай Аргумака, Акмечет, на Кубани - Копа, в Мордовии - Мохша, на Сарытае - Белжаман, в верховьях Едиля - Бектас, да не перечислить всего этого. Золотая Орда имела около двух сотен городов, кто теперь там хозяин? Велика была Золотая Орда, борьба за трон и богатство, ненасытность и стяжательство гробят ее.

- Что теперь будем делать? - спросил подошедший Андасын.
- Где Кажи Мухаммед? - Едиге ответил на вопрос вопросом.
- Он тоже переживает.
- Зови его.
- Зачем?
- Зови, надо посоветоваться кое о чем.

- Думать-то ничего не осталось, - ответил уходя Андасын. За эти дни и Андасын похудел, поседел. Походка какая-то медлительная, волочит ногу.

Кажи Мухаммед, Андасын, Едиге, все трое зашли в маленькую юрту, предназначенную для главы тумена. Вид троих верных друзей незавидный, усталый.

- Дальне... - Едиге замолчал. Те двое молчаливо смотрят вниз.

- Осталось уйти со скитальцами, - Андасын высказал свое горькое разочарование.

- Двинемся в Сарайшык. Токтамыс, конечно, не с радостью примет нас. Ябедничающих тоже хватает. Хан сперва меня позовет. Держитесь подальше. Держите коней в готовности. Если наступят трудные моменты, уходите с беженцами, - Едиге дал твердый ответ своему другу Андасыну.

Переправив обратно войска с Едиля, Едиге взял с собой немного людей и отправился к ханской Орде. Все дела тумена поручил Кажи Мухаммеду и Андасыну. Что его ждет впереди, никому неизвестно. От младенца до старика все знают, порученное дело Токтамыса он не выполнил до конца. Тогда, как примет его хан. В

таких случаях стараются показать себя умниками и Кулман-би, и другая знать.

В пути, переночевав в нескольких местах, Едиге прибыл. Ранним утром пришел плешивый Кикү, переступил порог с вестью «хан приглашает». Сам он радостный, через нос произнес:

- Ну, тебе... достанется в этот раз... Он что-то слышал в Орде.

На золотом троне Золотой Орды, поджав ноги, сидит Токтамыс, вид величественный, грозный. Кого не поднимает до небес Золотая Орда, воодушевляет бездушного, трус станет храбрецом. Только недавно этот Токтамыс терпел унижения от Урус-хана, сидел и плакал на болоте, он же спас его, теперь спесь его достигла небес. Холодно поздоровался.

- Ну, говори, - в шлосе послышался холод.

- Тумен обратно перешел Едил, - Едиге нарочно ответил так, подразумевая «это хотел знать?»

- Где Мамай? Почему его не разгромили?

- Одним туменом напасть на стотысячное войско Мамай - неразумное дело, так ведь? Поэтому говорят «лев, кинувшийся на луну, мертв».

- Что он, хочет учить нас уму-разуму? - Кулман-би огрызнулся сопя.

- Правильно говорит би. Такой советник, как вы, нужен был мне. Тогда, когда ехали покорять Техас, вы оказались больным, вижу, хорошо выздоровели, в следующий раз постараюсь не забыть вас.

- Ой, этот... - Кулман не знал, как ответить, и ерзал, обводя всех взглядом.

- Хм! Хм! - Кенжен усмехнулся. Он был доволен, Кулман во всем с ним соперничает, здорово споткнулся здесь. С доброй улыбкой посмотрел на Едиге, да и было понятно, взглядом он говорил «давай еще раз».

- Во время сражения почему не ударил Мамай с тыла? - Токтамыс начал допытываться.

- Слышали, русские и так победили Мамай. Если враг совершает твое дело, зачем вмешиваться? Считал правильным, пусть хоть один человек останется в живых из наших.

- Ты не раз встречался с бежавшими воинами Мамай, почему отпустил их? Разве это правильно? - Кулман-би опять вмешался. Свел брови, показывая всем видом «что скажешь на это?»

- Они беженцы, скитальцы. Не видел вооруженных, гарцевавших на конях воинов. Бежавшие тоже люди Золотой Орды. Боль-

шинство - дети да бабы. Я не думал, что вы распорядитесь уничтожать этих бедных, Кулман-би. Не думал, что вы скажете: Степь Дешты Кыпчак надо заполнить мертвецами, пусть пустующие земли достанутся русским.

Кенжен не смог совладеть со смехом, хохотнул. Поступок главного бия, ответ Едиге Кулману как гороховому шуту сквозили насмешкой над всеми ими. То тамыс понял это. Да, этого Едиге надо уметь держать. Его надо держать, как коня, на длинном аркане, который вращается около своего кола. Так надо, решил хан Токтамыс.

Хан Токтамыс свою красивую дочь Жанике выдал замуж за Едиге. Это признавалось как продолжение старинной дружбы, как оплата за храбрость Едиге. Праздник выдачи дочери продолжался долго, конец его превратился в пир, за восхваление великого хана Токтамыса, за разгром и уничтожение Мамая. В Большой зал ханского дворца вмещалось несколько сотен людей, в основном те, кто считал себя знатным. Этих самодовольных людей встречали жигиты-слуги, брали за руки и усаживали каждого в соответствии с их достоинствами. Молодых женщин в длинных рубашках и передниках не сосчитать.

Подождав, пока соберутся все приглашенные, Токтамыс шагнул через порог. Его встретили с большим одобрительным гулом. Заняв почетное место, он обошел всех взглядом. Женщины, мота-ясь в своих длинных рубашках, бегали, ставили перед ханом самые дорогие блюда и, бросив на него быстрый взгляд, обратно исчезали. Такие женщины окружали и вторую жену-токал красавицу Толымбике и усадили ее рядом с ханом.

С правой стороны хана Токтамыса восседал главный визирь Кенжен. Надев на голову специальный борик-шапку, знак главного визиря, он никак не может усидеть спокойно, часто изучающе оглядывается на хана. Сидевший рядом с главным визирем Кулман молчит. Видно всем, что праздник бракосочетания закончился, и он был совсем другим, ибо место Едиге оказалось ниже всех знатных и дальпе хана и визиров. Причину такого распорядка хорошо понимают главный визирь и главный би. Ну, это само собой говорит о том, что у хана нет особого расположения к Едиге.

Главный визирь Кенжен всегда считал, что опасность исходит от речей твоих или от бабы, пристально присмотрелся к Толымбике и окружающим её женщинам. В нынешнее время все внимание хана Токтамыса уделено младшей жене, красавице Толымбике. Молодая красавица от такого внимания похорошела, заблестела,

как лиса после снега, и приняла это как подарок своей судьбы. Не удовлетворялась тем, что имеет, красилась, душилась, надевала на себя всякие золотые, ценные побрякушки, угождая своим женским прихотям. Все-таки хитрая, знающая цену всего, Толымбике не хотела отпугнуть свое счастье, неожиданно пришедшее к ней, и считала, надо иметь железную цепь для удержания этого счастья. Всё-таки, когда в Орде показывается тот молодой жигит, ей кажется, что что-то обрывается в ее сердце. С судьбою не поспоришь, теперь тот жигит, взяв в жены дочь хана Токтамыса, хоть и не она рожала её, он приходится ей зятем.

Каждый раз, встречая Едиге, она волновалась, сердце стучало по-иному, но услышав, что Едиге отправляется с небольшим количеством людей против Мамай, обрадовалась. Раз он ей не достанется, пусть найдет смерть от какого-то русского мужика, меньше переживаний. Но вышло опять не так, как она пожелала. В настоящее время ничего не удержишь в руках. В ее руки досталось часть власти, держаться за нее надо обеими руками, а то слетишь как с необузданного коня. Желания сердца, эта похоть женщины и забывается. Если удастся, есть же и другие мужчины. Но пока свое удовольствие она получает от властителя полмира, хана Токтамыса. Теперь он властвует и нет предела его влиянию.

К дастархану-столу перед гостями ставили длинные лотки со специальными блюдами из мяса и различного рода зеленью. Во дворце скупают канизаки с заплетенными желтыми волосами. Они обосновались давно здесь. Они постоянно бегают то туда, то сюда, заполняя пустеющую посуду перед гостями. Бегающих этих женщин некоторые гладят по известным местам, а они улыбаются, искря глазами. У них и движения очень прекрасны, но их не удержат, как ртуть. Обслуживая всех, не забывают и себя показать с наилучшей стороны, такова женская сущность.

Напившись пятидневного кумыса, некоторые знатные начали пьянеть. Многие из них и раньше по приезду Митрия пробовали русскую водку. Они привыкли на таких пиршествах смешивать эту горькую водку с водой. Вот теперь по мере опьянения начали бросать друг другу обидные слова.

- Слава великого хана достигла до небес, до луны,- сказал Казаншы.

- Как его действительно зовут, теперь никто не помнит. А ведь слышали же все. С огромным состоянием ханской казны, его ключом владеет только он и к нему приклеилось имя «Казаншы». Кажется, он и не против, а даже рад. Когда дело касается его личной

прибыли, то он и главного визиря и главного бия усадит на голую землю. Вид у него его делу соответствует, голос выдержанный, спокойный, говорит, как будто гвозди забивает, и этим заставляет слушаться его.

- Да, и восток, и запад хотят общаться и считают честью услышать слова великого хана, - главный визирь не хотел отставать в похвале от Казаншы, надо вовремя поддержать, а то уронишь себя.

- Хм... все правильно. Но среди нас есть люди, ненавидящие нас, - Кулман-би, как бы говоря «это же ты», высовывая шею, посмотрел на Едиге.

- Да это тоже есть, - Казаншы перевел взгляд туда, куда привлек внимание Кулман-би, понимая на кого целится он. Казаншы после женитьбы Едиге на дочери хана и роста его влияния считал, что это будущая опасность над его головой.

- Зачем это пустословие? - кричал опьяневший тысячник, еле вставая с места.

- Почему мы не разграбили остаток войска Мамай, вернулись без добычи?

- Вот это правильно. Я тоже говорю об этом, - Кулман-би, вертась на месте, радуется.

- Сказать нечего. Возвратились, хотя бы разграбив русских, - присоединился Кенжен.

- Тумен, это десятитысячное войско, огромная сила!

- Непростой тумен, воины самого Токтамыс-хана. Такие же воины, как у Чингизхана, не терпевшие ни одного поражения, сказал бы даже лучше!

- Ой... ой! Увидев шапки нашего тумена, все русские бежали бы, скрылись бы в лесах. Их шапкой можно сбить.

Едиге делал вид, что не слышит, их пиршество сегодня с самого начала не нравилось ему. Вот теперь опьяневшая свита и знать хочет по-своему расправиться с ним. Зачинщик всего - сам Токтамыс. Вдруг загремел жесткий голос:

- Никогда великий Чингизхан малочисленный отряд не ставил против стотысячных врагов. Великий хан зря не проливал кровь ни одного своего воина. Такой порядок он письменно завещал своим потомкам. А вы, как детям, рассказываете сказки и хотите вынудить хана Токтамыса не к героизму, а к несбыточным вредным поступкам.

Наступила мертвая тишина. Постепенно, потихоньку все с удивлением, раскрыв рот, обернулись к Кажы Мухаммеду. Служащие женщины взяли за сердце, некоторые из них, прикрыв рот рукой, остановились, ждали, что будет дальше.

В обставленном по вкусу большом зале, на самом почетном месте сидит хан Токтамыс, рядом, прижимая его колено, уместилась Толымбике, вытаращенные ее глаза горели, как угольки. Как испуганные ягнята, у порога прижимались друг к другу женщины и ждали, что скажет ханым. Они знали, что Толымбике, как гром среди ясного неба, может показать свой характер, боялись двигаться с места, сказать что-то, невозможно было догадаться, о чем она думает. Здесь не место высказать то, что придет в голову, держаться надо по правилам. Нет же другого выхода.

Женщины перед пиршеством заметили еще один недостаток своей госпожи Толымбике, ее ненасытную жажду к одежде. Чего только не надевала сегодня? Одеваясь в одну, бросается в другую, поднимает шум, ставит всех на ноги. Хитрые женщины без внимания не оставили то, что Толымбике-ханым не спускает страстного взгляда с Едиге.

Андасын тоже заметил огненные взгляды младшей жены хана Токтамыса, обращенные на Едиге, и, толкнув за руку, указал на ханым. Раньше он сам заметил страсть во взгляде ханым, теперь она превращается в какой-то тяжелый холодок. Говорят же, враг из врагов - баба, зовущая к прелюбодеянию, конец таких отношений может закончиться ужасно. Сначала Едиге думал, что такое нежное, ласковое отношение женщины - это благодарность за заботу о хане в тяжелые годы, за исполнение и решение трудных его задач. Однажды он остался с красавицей Тулумбике наедине. Прислуживающих девушек после подготовки обеда она отослала и как будто нечаянно стала задевать его бедром, рассказывала о женщинах, в конце концов обняла за шею, позвала в постель:

- Иди же!

- Уа, Тулумбике, начало будет горячим, но конец может быть горьким! Если позовет одна из многих женщин, то говорить нечего. Но если жена хана, сидящего на троне, или жена ученого, писавшего книги, занимается осквернением постели, то кара Аллаха падет на их детей, даже на всю страну. Думай об этом, - сказав это, Едиге сразу ушел.

От завидного телосложения Едиге Толымбике не могла оторвать глаз. В этот момент, когда опьяневшая толпа знати и свита высказывала свое недовольство и высмеивала его, хотя это было вызвано тем, что они ненавидели роста влияния Едиге, она обрадовалась, но не могла простить, что он перешагнул ее тело в постели. И тогда ее посетила необузданная мысль. Кого бы послать?

Толымбике, чем пристальнее смотрела на своих девушек, тем больше они теряли огонь в глазах, блеск в чарах и согнулись под

ее взглядом. К добру ли она пристально глядит на них, в конце всегда ждет ссора. Если начнется ссора, то многим не миновать наказаний, прощаются с волосами. Да, у них нет никакой твердости, думала Толымбике, просить помощь от них, это же проявить бессилие самой. Ну нет, раз начала, нельзя отступать.

Толымбике не спеша поднялась с места. Так же медленно двинулась вперед, шелковое розовое платье прикрывало ее с ног до головы. Сотни глаз вонзились в нее, она высокомерно обошла всех и вышла. Жена хана быстро возвратилась. Девушка, следовавшая за ней, держала в руках чашечку с такой осторожностью, как бы не уронить, шагала медленно, ощупывая ногами путь.

- О, великий хан, - сказала Толымбике с нежностью. - Я хотела подать этот напиток своему зятю Едиге, о нем много говорилось тух

Народ замолчал. Все поняли, что в этой кесешке может быть такой напиток, как святая вода замзам из Мекки, или то, что отправит на тот свет. Все взъерошились и молча смотрели друг на друга.

- Не пей, - сказал Андасын потихоньку.

- Пожалуйста, - сказал хан Токтамыс задумчиво.

Девушка с чашечкой подошла к Едиге и села на колени «О, милостливый Аллах, что начертано в моей судьбе», - думал Едиге. Взяв кесешку в руку, чуть-чуть покачал. Прекрасна и изящна кесешка, но на краях остался отпечаток пальцев, ранее державших ее в руке. От напитка - айрана после качания отделилась желтоватая жидкость. В нос ударил неприятный запах.

- Чашка прекрасна, но оставлена после многих пользователей. К чистой пище не пристаёт грязь, - Едиге своим кинжалом замешал айран, сделал вид, будто пригубил, и предложил кесешку хану Токтамысу со словами: - Хозяин всего доброго и нашей пищи - хан, что останется от него - наше.

Чашку в руках хана Токтамыса Толымбике с нечаянным видом задела. Чашка опрокинулась, и айран потек, разделившись на две части. Что густовато отдельно, а желтоватая вода попала на подол шапана Кулман-би. Кулман посчитал это за честь и подолом вытер свое лицо.

- Уай, что это? Пахнет мочой! - закричал он и немедленно закрыл рот ладонями.

Хан посмотрел на токал Толымбике с вопросом «что за чертовщина». Крик Кулмана слышали многие и тихо переговаривались. Толымбике склонилась к Токтамысу и прошептала:

- Хотела напоить его мочей, навечно склонить перед вами.

- Ну, да, - с этим утверждением оставил все. Он же хотел держать Едиге при себе, как коня привязанного, удастся ли теперь это, не станет ли он на дыбы, он боялся этого. Что же делать, произошедшего не вернешь.

С опозданием приехал на пир хана поэт-сказитель Сыпыра-жырау. Он почти не трогал пищу, поставленную перед ним, часто бросал взгляд на окружающих, прислушивался к их разговорам. Так он усваивал то, что происходит в окружении хана, делал выводы. Он понимал, что младшая жена хана неспроста предложила Едиге кесешку с напитком. Раз от руки жены хана, всем известно, Едиге не может отказаться. Отпить - не миновать смерти, не пить - накажут как виновного.

- Как же теперь быть? - Сыпыра-жырау несколько раз пытался встать, но еле удержался. Он почему-то верил, что Едиге и в этот раз найдет выход из невероятно трудного положения, так и вышло. Он с раннего возраста надеялся на этого молодого человека, дай Бог, он станет защитником чести этой страны. Уа, Аллах, дай ему большую жизнь.

- Мы истосковались по вашему голосу, - Токтамыс повернулся к Сыпыра-жырау.

- Пусть споет!

- Лайли - Мажнун, - попросил кто-то.

- Оставь любовь себе. Есть же поэмы о героях.

- О Сайып Кыран Батухане хотим слышать.

- Чингизнаме...

- О походах Субутай-бахадура.

Слушатели, в основном знать и ханская свита, каждый предполагает свое, поднялся шум. Ясно одно, большинство хотят слушать сказания о богатырях. Лучше всего петь о герое, защищавшем родину, единство своего народа, кажется, этого не хватает в этой толпе. Пальцы Сыпыра-жырау коснулись струн домбры, прозвенели из глубины ее прекрасные звуки, от каждой струны звучало что-то особенное, и все задумчиво замолкли.

А... е... ей!

При хане Берке

Страна была добротной

Осиретевшие дети

Выросли до богатых

В то время, ей, люди,

Жил богатый Ногай,

С войной пришел Хулагу
По приказу Берке-хана
Ногай защищал страну.

Едиге эту поэму и раньше слышал. Сыпыра-жырау своим неустойчивым голосом то возвышался, то, доведя до шепота, обратил внимание всех к себе, и люди слушали, забывая о себе. Кто-то был доведен до полусна, некоторые, качаясь вместе с поэтом в такт мелодии по течению рассказываемых событий, в грезах о дальних событиях и переживают их заново. Иногда слышен одобрительный возглас:

-Пах! Пах!

Историческую суть поэмы он слышал в юношеские годы от своего отца Кутлукии. Тогда отец долго перелистывал книги. При хане Берке Золотая Орда достигла своего могущества. Правитель страны персов в войне с Бейбарысом потерпел поражение, в этом обвинили Золотую Орду. Началась новая война с Хулагу. Ногай сражался рядом со своими воинами, бросился против войск Хулагу, начавшего переправу через реку Терек. Произошла ожесточенная битва на льду. Лед не выдержал, треснул, и многие утонули в реке. Хулагу ни шагу не двинулся вперед. Ногай был ранен в глаза, до прибытия от хана Берке новой тысячи не отступил, защитил Терек от нашествия.

Назвали страну Болгаром
Эта земля тоже наша!

С новой силой излагал Сыпыра-жырау события тех времен. Едиге, слушая ее, сравнивал услышанное с текстами книжных изложений.

Страна Болгар была крайним улусом Золотой Орды. Эта часть страны подвергалась нападениям соседней Византии. Пришлось царю Теш просить помощь. Хан Берке дал Ногаю всего двадцатитысячное войско и отправил к Тешу. Ногай со своими всадниками прибыли к Дунаю. Несмотря на усталость воинов, начали переправляться и градом стрел накрыли византийцев, ждавших их на другом берегу. Вместе со свистящими стрелами бросились на врага. Такой храбрости византийцы не ожидали, растерялись и бросились бежать. Этим же темпом Ногай продолжал поход, фракция византийцев осталась под копытами его коней. Только после этого царь Византии образумился. Он теперь только понял, что играть с Золотой Ордой нельзя, свою дочь Ефросию с груженным ценными подарками караваном отправил Ногаю.

Ногай Ефросию рассмотрел со всех сторон, оставил у себя, сказав:

- Годится. Пусть будет моей женой.

Ему преподнесли разные ценные подарки. Взяв в руки шелк, бросил его, сказав:

- Лучше овчины нет. Раздайте шелк на портянки, - этот поступок Ногай Сыпыра-жырау с похвалой воспевал с мягкой улыбкой, одобрительно кивая головой.

Увидевший поступок Ногай посол Византии растерялся, упал перед Ногаем.

- О царь, чего желаете еще?

- Ты почему долгие годы держишь в зиндане турецкого султана Кей-Кауса? Освободишь его и приведешь сюда в царском обличи, если нет, мои кони растопчут трон твоего царя.

Берке-хан был очень доволен, Ногай освободил турецкого султана Кей-Кауса, против него, его героизма не смогли противостоять все враги. Берке-хан выдал в жены свою дочь и назначил правителем Солоджу в Черном море.

Судьба заставляет во времена тяжелых столетий решать самые сложные вопросы, нести на своих плечах груз, предназначенный разве что верблюду. Так и в этот раз. На престол Хулагу-хана сел Абака и неисчислимым войском вторгся в улус Берке-хана. Берке приказал Ногаю быстро явиться. И дал достаточное количество воинов. Он должен был сдерживать натиск врага, пока Берке не соберет достаточно сил. Вражеские силы в несколько раз превосходили войска Ногай, но он умело вел сражения. Испытанные во многих битвах воины сражались, то отступая, то внезапно атакуя. Силы Абака постепенно таяли. Командующий пятидесятысячным войском Сунтай, прибывший на помощь Ногаю, боялся напасть на воинов Абака. В свою очередь Абака не решился вступить в сражение с новой силой Берке и отступил. Отступившего врага преследовали, били по его тылу и изгнали с земли улуса.

- Победа! Победа! - кричали радостно воины Ногай, оставшиеся в живых.

Берке-хан очень был доволен Ногаем, опять дал ему тысячное войско в управление. Во всех сражениях Ногай поднимал знамя победы, в отношениях с соседними странами высоко держал честь Золотой Орды и извлекал выгоду для нее. Царя Болгарии, иноземца Ивайло, заставил освободить трон и царем поднял Тертери, выходца из рода Кыпчак. Тертери отдал свою дочь за сына Ногай Жеке, признал власть Золотой Орды. Болгария стала областью великой Орды.

Сыпыра-жырау с гордостью излагал события, происходившие после Берке-хана, как изгоняли с трона друг друга властолюбивые ханы, посвятившие свою жизнь народу, Ногай предал Тулбуга-хан при поддержке Ногай, ханом стал Тохта и его злоумышленники. Время не удержишь, постарел Ногай и знатные бии натравили хана на него, началась смута.

Натравили друг на друга
Забыл народ покой
Грузные бии недотепы
Заботились о благе своем.

Сыпыра-жырау своей поэмой воодушевил многих, некоторые, вытянув шеи, начали рассматривать Кулмана и его окружение. Бии, понутив головы, как будто спрятались. Поэт-сказитель продолжал дальше:

От коварного руса
Внезапно погиб же
Белоголовый мой лев,
Герой из героев Ногай.

Сыпыра-жырау так окончил свое сказание, отложил домбру, вытер полотенцем свой лоб. Последние строки сказания отрезвили многих. От слов поучительного сказания долго не могли оправиться, головы не могли поднять, горько вздыхали через нос.

- Тот русский, какой он кровожадный. Такого героя Ногай...

- Что будет с нами, если русские войдут сюда, если окажутся среди нас.

Хан Токтамыс на какое-то время забыл, что он владетель трона, в его сердце сильно отражалось геройство Ногай, то, что он пережил от предателей, сравнивал свою жизнь, вспомнил свои вчерашние дни. Вздохнув, посмотрел на своего визиря и на биев. Послушав их, он не ставит ли Едиге в трудное положение? Чтобы убить престарелого Ногай, Тохта-хан искал поддержки у русских. А сам... Мамай... Нет, старого не возвратишь, если удержать Едиге при себе, он с честью будет служить Орде.

Улус русских перестал подчиняться Орде. Этих болтливых купцов тоже нет. О налогах, которые должны поступать с их стороны, никто и речи не поднимает. Ему донесли, что он как хан ничего не предпринимает против улуса русских. Пока шепчутся. Перед ханом Кулман-би и Едиге опять поссорились. Опять по русскому делу.

- Мало будет одного тумена, если дадите два и как советника Кулман-би, я улус русских быстро покорю. Увидев Кулман-би, все русские, оставив родину, разбегутся, - Едиге хвалебно высмеял бия.

Некоторые, одобряя Едиге, засмеялись. Высказывания Сыпыра-жырау, особенно неоправданная гибель Ногая, навечно врезались в их память. Чем уступает Едиге Ногаю?! Токтамыс тоже задумался, если он поставит русских на колени, как хана его станут больше уважать. Казаншы постоянно жужжал ему, что казна пустует.

Едиге, оседлав коня, повел войска, отданные ему ханом Токтамысом, который больше думал не о победе в битве, а о своем положении. Едиге решил отрезвить русских от пьянящей их радости, от мнимой победы их на Дону. Он установил среди воинов жесткий порядок, никто без причины, без надобности, без спроса ничего не должен предпринимать! Передвигался быстро. Русские купцы не ожидали их, увидев, удивленно раскрыли рты. Войска Едиге, не дав им опомниться, захватили их лодки-баржи и, погрузившись, быстро начали переправляться на другой берег. Таких быстрых действий ордынцев они раньше никогда не видели.

Весть о том, что прибывает Едиге, как гром среди ясного неба, подействовал на русских князей. Князь Нижгорода Митрий, свояк Московского князя Митрия, перепугался и отправил обоих сыновей с большими подарками к Едиге, просил простить их вину. Князь Рязани Олег, не пришедший на помощь Мамаю на Куликовом поле, встретил Едиге на границе с поклоном.

- Прошу прощения, милости, - говорил Олег и по обычаю Орды зарезал барана и поднес голову на дорогом подносе.

- В этот раз не вижу многочисленных русских воинов. Где так называемые герои Кулика?

- На Куликове не смог бы победить Митрий, если бы вы не явились за спиной Мамай, - князь Олег хитровато усмехнулся, - правду сказать, в этот раз князья бояться выступить против Орды.

-Хм, причина...

- Как в прошлый раз за вашей спиной нет врага, нацелившего копье.

Едиге воочию убедился, что в тот раз с этими русскими был договор, что воинов Мамай надо с обеих сторон ударить и уничтожить. О, Мамай... Пожалел Едиге этого невоспетого героя, погибшего из-за предательства своих же властелинителей.

От князя Нижгорода Митрия и от князя Олега, просивших милость, Едиге узнал все подробности положения в Москве. От

бахвальства, что победивши ордынцев на Куликовом поле, от того тцеславия русских ничего не осталось, бегут-скрываются.

Советники Митрия в Москве с утра до вечера глотки рвут. Желающих сражаться, пойти против, очень мало, их за это как следует побили. Князь Олег всем своим видом будто говорил «вот видишь, такие дела у нас» и посмеивался.

- Нет людей, как сражаться? Лучше спастись за стеной крепости, говорят многие, - князь Нижгорода дал более простой ответ.

- Самое интересное, хе, - князь Олег засмеялся. - Великий князь сбежал из Москвы. В пути его поймали, но он обманул своих, сказав, что «хочет собрать многочисленные войска». Новгород Не примет его, он что, собрался найти людей среди дремучего леса?

- Глава русской церкви Киприан убежал в Тверь. Тверь же поддерживает Орду, вот таки он хочет спасти свою голову. А горожане готовы живьем съесть друг друга. Бояре, боясь народа, прячутся в своих домах. Это видели мои люди, - Князь Нижгорода тяжело вздохнул, как бы говоря «как мы попали в такое положение».

- Шумели же, победили Мамаю, разгромим Орду. Во время Орды все было спокойно. Если бы потихоньку, по-маленькому платили бы налоги, не было бы такого несчастья. Все это натворил хвастливый Дмитрий, а сам убежал.

Воины Едиге по пути разромили крепость Серпухова, захватили город. Половина домом города дымилась от пожара. По уцелевшей улице ехал Едиге и видел, что улицы завалены обломками разрушенных домов. Стены уцелевших домов были покрыты копотью от пожара. Их рассматривают какие-то люди, высунув головы из завалов, из-под землянок. Лица в грязи, к желтоватым волосам пристал разный хлам. Здесь строго выполняется приказ Едиге, после взятия города не трогать тех, кто не сопротивляется, особенно женщин и детей. Вот пробежал перед ними мальчик в дырявых штанишках. Не боится, значит, верит.

После Серпухова Едиге зашел в глубокие дремучие лесные массивы. Хотелось поближе узнать о скрытых от чужих глаз тайных лесах, защищавших русских людей. Лес будто не пропускал их вперед. От многочисленных ветвей и листьев солнечные лучи еле пробивались в отдельных местах. Медленно, непрерывно течет вода. Вдруг с испуганным криком взлетела птица. Приподнявшись на стременах, Едиге и Кажы Мухаммед осмотрелись вокруг, но ничего подозрительного не увидели. От внезапного грозного рычания испуганно встрепнулись кони. Вместе с истощным криком свиней послышался их топот. Чего они испугались? Кабан -

дикий зверь, испугать его очень трудно. Опять наступила безмолвная тишина. Рукою отстраняя мешавшие ветви, они пошли вперед. Вдруг конь Едиге, испуганно фыркая, наострив уши, остановился и не подчинялся хозяину.

- Что случилось? Ей... - голос Едиге будто повис в воздухе.

Спереди, почти из-под копыт лошади, выскочил медведь и, зарывав, кинулся вперед. Ярко блеснуло лезвие кинжала, и свистящая стрела метнулась разом. Пронзившая глаза стрела вышла через затылок. А попавшая в горло рукоятка кинжала еще дрожала.

- Стрелок отличный, - Едиге не скрывал свою благодарность.

- Чудо, - Кажы Мухаммед подбородком кивнул на кинжал.

Передовые части достигли Москвы, разведали крепость, глубину прорытых рвов и не спешили. Русские, взобравшись на стены крепости, ругались, в ответ им не пустили ни одну стрелу. Вели себя как гости, приехавшие для осмотра своего хозяйства.

- Как дела вашего Митрия? - спросил наконец.

- Он убежал. Вы же его ищите. Не трогайте нас, - говорили горожане.

- Ну, это посмотрим,

Небольшой отряд после обеда ушел восвояси. Москвичи радовались: «ордынцы ушли». Некоторые считали, что помог им Бог, и целовали изображение Бога, многие из-за пазухи доставали водку, целовались, как могли, пьяные танцевали на улице.

- Татары, увидев наш кремль, испугались. Это не Москва, окруженная деревянными заборами, а город с каменной стеной, никому недоступен, - начавшийся пир продолжался долго.

Проснувшиеся на следующий день москвичи увидели, что вокруг города уже стоят юрты, палатки и дым, расстилающийся от них на все видимое пространство. Горожане ужаснулись, увидев воинов, услышав храп лошадей, звон сабель и копий, они потеряли вчерашнюю храбрость и радость.

- Ой-ой, татары, - кричали испуганные.

- Они окружили, мы погибнем.

- Проклятый князь Дмитрий, он продал нас.

- Да будь он проклят!

Около сотни всадников Орды близко подошли к городской стене. Они имели только одно поручение, узнать мнение и положение горожан и города.

- Ей, горожане, ваш князь Митрий нарушил правила, законы, установленные еще нашими предками. Он не собирал дань для Орды, а если что соберет, то использует для своей выгоды. Вы откройте нам городские ворота.

- Нашел чего просить, - один из русских пустил стрелу, остальные начали кидать то, что им попадало в руки.

Сотня немного отступила от городской стены и разом пустила стрелы. Все стрелы достигли цели, столько русских, как подкошенные, упали кто куда. Стоявшие на крепостной стене растерялись, пока они приходили в себя, отправленные второй раз свистящие стрелы уложили десятки молодчиков-москвичей. Затем сотня рысью обошла городскую стену и на ходу отстреляли тех, кто их обстреливал. Так многие москвичи нашли свою смерть.

Москва за короткое время лишилась сотен людей. Горожан охватили горе и отчаяние. Народ был возбужден. Сотня ордынцев натворили такие дела, а если двинется вся эта Орда, что тогда останется от них.

Место беглеца князя занял литовец Остей, он успокаивал перепуганных москвичей, как мог. Городские жители начали прислушиваться к нему, организовали защиту. Остей уверял горожан:

- Не будем открывать городские ворота, у татаров нет стенобитных орудий. Не смогут они взять каменную крепость. Я просил помощь от родственников-литовцев. Прошлый раз Ягайло не оказал помощь Мамаю, а теперь он мне поможет.

Едиге в этот день тщательно организовал окружение города, строго следя, чтобы из города каким-либо путем не смог никто выйти. Москвичи видели, что ордынцы заново очень близко расположились к городу и терялись в догадках, что же они предпримут. Многие не сомневались, что Едиге ни перед чем не остановится и захватит город. Из стен города было хорошо видно, что по приказу Орды рязанцы режут самые высокие бревна, делают лестницы. Целый день не было других событий. Только ночью стих стук топоров, заваливающих лес. Обозримое пространство вокруг городской стены было полно огней, готовили еду для воинов Едиге.

На ночном небе не видно открытого пространства. Неисчислимыми, весело мигающими звездами заполнено оно. Луна, как блестящий серп, плавно разрезает звездное небо. Едиге с удовольствием долго рассматривал ночное небо. На его родине, в Сары-Арке такое же небо, кажется, никакой разницы. В это время ночи на его родине потихоньку веет свежий ветерок-самал. Здесь этого нет. Эти высокие дремучие леса проглатывают ветерок, только на высоких деревьях ветви качаются и шумят листья. Все равно Едиге казалось, что он вышел на простор, обрел спокойствие и начал обходить своих.

Третий день, как они прибыли к стене Москвы. Едиге близко подъехал к городским воротам, отпустил узду коня и долго осма-

тривал все вокруг. Стрела, выпущенная москвичом, не достигнув цели, вонзилась в землю. Тут же выпущенная стрела стоящего рядом с Едиге Кажы Мухаммеда пронзила со спины русского, который с криком упал.

- Завалите ров крепости с этой стороны, - приказал Едиге.

Тысячи людей взялись за работу. Лес опять заполнился бесперебойным стуком топоров и глухим звуком падающих деревьев. Деревья бросали в ров с ветвями, и огромные бревна начали заполнять его. Едиге отошел и сказал:

- Теперь обстреляйте город горящими стрелами. Следите, стрелы должны перелететь стены крепости.

За целое лето не выпало ни капли дождя. Москва и сама была готова загореться от малейшей искры. Стрелы начали падать на соломенные крыши жилых домов и начался пожар. Чрезмерно иссохшие дома Москвы были похожи на мужика, бросающегося на водку, и как бы в обнимку приняли огонь со стрел. Огонь, как баба-яга, прыгал с одной крыши на другую, играя с искрой, а москвичи стали задыхаться от густого дыма. Взявшие в руки веники старики и какой-то молодой парень пытались тушить огонь по-своему, но они этим наоборот поднимали ветерок, помогая росту пожара. Не найдя другого выхода, борцы с огнем изнемогли и разозлись побросали веники в огонь. Мужики задыхались, тушили, ругались, до центра города пожар еще не дошел, а там бояре прятали свое добро и о чем-то старались договориться. Увидев это, горожане еще больше разозлились, крича:

- Кровопийцы!

Воины и русские, поддерживающие Орду, бесперебойно заваливали ров, который заполнялся на глазах, в некоторых местах дошли да середины крепостной стены Москвы. Теперь рязанцы, люди из твери, Серпухова несли для воинов Едиге длинные-длинные лестницы.

- Начнем с этой стороны, - сказал Едиге другу Андасыну.

- Почему? Надо приступать со всех сторон, тогда у русских силы меньше станет.

- Конечно, ты прав.

- А почему тогда так не поступим?

- Надо врага обмануть любым путем. Цель битвы, конечно, уничтожить врага, но с меньшими потерями. Я не хочу отдать за тысячу врагов даже одного своего.

В полдень воины начали подниматься по лестнице. Длинные лестницы приставили к стене крепости. Передовые из поднимающихся были прикрыты большими щитами, защищавшими их от

падающих камней, горячей воды, стрел. Некоторые, достигнув высоты крепости, ловко бросив веревки, заарканивали москвичей и стаскивали вместе с собой вниз. Кое-где происходили ожесточенные сражения, пронзенные копьями с воплями падали со стены.

Все воины Едиге были в этом месте. Русские считали, что татары стремятся захватить ворота, и бросили все свои силы тоже сюда. По велению Едиге, рязанцы огромными дубовыми бревнами несколько раз ударили по городским воротам. Но дубовые бревна с толстыми концами были загружены в специальные арбы и стояли готовыми там. Увидев такую подготовку, князь Остей сделал вывод: «татары задумали разрушить городские ворота», и дополнительные силы тоже стянул сюда.

Едиге приказал поджечь растущие около стены заваленные деревья. Густой дым поднялся по стене крепости, защитники города начали задыхаться, потеряли связь меж собой. С одной стороны их одолевал густой дым, с другой - бились с теми, кто поднимался по лестнице, потеряли бдительность. Для этих целей Едиге выставил отряд лучников, и они поражали врага.

Едиге еще не бросил все свои силы для захвата города. Его люди добились пожара в городе, защитников на стене крепости душили густым дымом, создали разброд среди людей, пока этим ограничивались. Солнце тоже медленно склонилось на запад и исчезло за высоким лесом. Едиге собрал всех тысячников для совета.

- У кого какие есть предложения? - вопрос касался всех.

Настроение тысячников было преподнятое. Говорили, что сегодня они достигли желаемого, а завтра надо всем сообща действовать для взятия города. После совещания Едиге задержал Кажы Мухаммеда.

- Ты завтра со своей тысячей окажешься на другой стороне города, где наши воины еще не трогали ни стену, ни людей, и выступишь к захвату города. Мы сегодня делали вид, что приступаем к захвату, и привлекли внимание и силы русских к этой стороне. На той стороне осталась только охрана. Необходимые лестницы для твоих воинов я заранее приготовил.

- Хуп! - сказал Кажы Мухаммед.

- Сегодня ночью без шума-гама идите к той стороне города и спрячьтесь со своей тысячей. Завтра, когда на этой стороне начнется сражение за крепость, ты осуществишь свое дело. Пусть Аллах поможет!

С раннего утра подняли по тревоге. Коней разделили по отрядам, отдали пастухам-охранникам, все спешили. Каждая сотня строем, за ним тысячи двинулись к крепости, казалось, всех рас-

топчут, увидев это, у русских волосы встали дыбом. Установили многочисленные лестницы, началась кровавая битва. Летели головы, кромсались тела. Сколько бы ни сопротивлялись, у москвичей силы были на исходе. Вдруг открылись ворота, вышла группа людей, подняв белый флажок, они просили мира.

У Остея были свои расчеты. Во время мирных переговоров, улучив какой-то момент, попытаться убить Едиге, и тогда потеряв своего главного командующего, воины оставят поле битвы, разойдутся. Да, он такое видел. Такая хитрость и в этот раз не должна подвести, думал он. Едиге был на коне. Стоявший перед ним посол поклонился. Едиге внимательно посмотрел на него, быстро слез с коня, обернувшись, подал узды своему жигиту. Спина Едиге перед Остеем. Ждал же он этого. Спрятанный в рукаве кинжал блеснул в воздухе, смерть играла над Едиге, но сильная рука схватила запястье, жестокой болью сжимая, повернула острие смертоносного железа к груди Остея. Группа бояр, пришедших под видом просящих мира, скрывавших свои злые намерения, были там же казнены.

В открытые ворота воины Едиге зашли лавиной. С другой стороны города в это же время тоже вошла тысяча Кажы Мухаммеда, послышались звуки победы. Они стремительно бежали вперед, разбивая некоторые группы врага, оказывающего сопротивление.

Едиге смотрел на врага, разгромленного в своем очаге, и неспешно шел по улице, было трудно. От мужиковских домов остались стены, среди заваленных золой, вытягивая шею, стоит печь, валяются останки мертвых кошек и собак. Жили же преспокойно при Золотой Орде, никто не трогал их веру и обычаи. Геройствовали, сами накликали себе, вот теперь разгромлено, разбросано их бытие. Какая-то исхудалая собака искала своего хозяина, домочадцев, свою миску и, тоскливо оплакивая, завывала, подняв морду, в небо. Из еле висевших качелей заныл ребенок. Едиге указал на него, когда ордынский жигит взял дитя на руки, из какой-то норы вышла молодая женщина, протянула руки с мольбой:

- Отдай, - сказал Едиге.
- Эту женщину ... - проронил жигит.
- Они далеко отстали от мусульманства. Зачем тебе она.

В тени полусгоревшего дома, прислонившись, сидит старик. К дому примыкает землянка, все это, по вероятности, обиталище - богатство старика. Да, он сам держится чудом, на тонкой шее, как веточка подсолнуха в позднюю осень, висит морщинистая, высохшая голова. Кажется, и он сам один из настырных людей этого мира, до того лень охватила его, не считает нужным изгонять за-

севших между пальцами ног мух, блаженствует, протягивая грязные ноги. От жесткого взгляда смутившись, чуть подобрал ноги.

Позади что-то бухнуло. Русские имели огнестрельное оружие, Едиге обернулся. Это был полупрогнивший шалаш, будто ждавший своего часа для исчезновения, прогнившие, наполовину прошревшие стены наконец обрушились. Пыль поднялась до небес. Среди этой грязи послышался кашель:

- Ат...пши, - нарисовался долговязый Кикку плешивый.
- Ты это?
- Да... да ... этоя.
- Что делаешь здесь?
- Да, просто так... ищю.
- Среди развалин и золы?
- Ат... пши! - Кикку взялся за свой нос, истошно закашлялся и посмотрел на Едиге вопросительно «что еще скажешь?».

Едиге с отвращением посмотрел на плешивого Кикку, который, не брезгуя, среди этих развалин, ищет для себя что-нибудь хорошее, плюнул и поехал дальше.

- Ой... ой... ой... - удивился жигит.
- Что такое?
- Да этот Кикку. Какой ненасытный ?!
- Таких насытит только глина, брошенная им в глаза после смерти.

- От него веет неприятностью.

Такое отвращение от поступков плешивого Кикку он испытал, будто кто-то плюнул в его чашку. О боже, рождаются же в мире такие люди. От всего мусора издалека несло ужасным смрадом. Может, там мужик откармивал своих свиней, как бы ни было, Едиге решил подальше уйти с этого места. В самом центре города очистили площадь от грязи и уже поставили палатку. Там его жигиты подтрунивали над пожилыми русскими.

- Кто он такой?
- Ой, он очень словоохотливый старик. По-нашему тоже чешет.

Видно, коротко отрезавшему свои усы и бороду старику было под шестьдесят. Перед Едиге он на колени не встал, поздоровался, снимая шапку.

- Как тебя зовут?
- Семеном звали меня, живу в этом городе.
- Теперь что делаешь здесь? - Едиге удивился.
- О господин, вижу разгромленный город и оплакиваю. Я говорил этим князьям: «Деда-прадеды не побеждали татар, не было от

татар вреда, наши предки при вас более спокойно жили, чем мы». Разве слушает такое хвастливый Митрий, это его проделки! - Старый Семен указал на развалины.

Старика, оплакивающего дымом пропавший город, Едиге оставил в покое и поехал дальше. Бедный старик виновными в беде, как бы упавшей с неба, считает своих князей. И это верно. Если бы хитрец Митрий не захотел бы перехитрить и не собрал бы от каждого попавшего дубины, Орда не трогала бы улуса русского. Хотя бы так отомстил он за Мамаю. Жаль, не удалось встретиться на поединке с этим русским Митрием. Надо было, как щенка, заставить его пищать от боли и стыда.

Едиге не хотел всех своих воинов держать в пыльном, золой покрытом городе. Воины почти не встретили сопротивление и не желали отдыха. Куда сбежал князь Митрий, никто не мог ответить. Будто сквозь землю провалился, может, в дальних в дремучих лесах, в берлоге медведя, спасает свою голову этот герой. Пришел Андасын с вопросом:

- Что теперь дальше?
- Хочешь возвратиться домой?
- Ну, это... - Андасын сглотнул слюну, не высказав свои мысли.

К ним подъехал Кажы Мухаммед, поджав под ляжки дубовые дубины. Зашевелились его усы. Так поступает он, когда хочет высмеять. Андасын указал на его дубину и спросил.

- Случайно ты чью-то голову не разбил?
- Медведя обучают намазу палкой, говорят. Нашли же они где-то огнестрельное оружие, без него поиграть музыку на голове мужика хватило бы и дубинки.
- Да, - сказал Едиге, о чем-то думая, - правильно. Зачем-топчемся. Наши задыхаются от дыма и вони. Так, тысячник?
- Пришел сказать об этом?

- Вот, все думали об одном. Тогда, с завтрашнего дня надо разделить войска по тысяче и разослать в другие города. Пусть улус русских узнает, что ими правит не Митрий, а Золотая Орда. Более десяти лет русские почувствовали вольность, возгордились. Не будем чрезмерно силу показывать, но они должны знать, кто есть кто.

Вокруг Москвы было оставлено около тысячи воинов Золотой Орды, остальные направились в другие города русского улуса. Можай, Владимир, Дмитров, Звенигород, Юрьев сдались без сопротивления. Бояре этих городов выходили перед воинами Орды с хлебом-солью, подтверждая верность клятве, данной ханам, только иногда хитрые, самонадеянные князья толкают на неверность,

признали они свою вину, просили прощение. Бояре собрали дань за последнее десятилетие и облегченно вздохнули.

Жители города Переяславль, предупредив всех со словами «Татары идут», бежали кто-куда. Прятались в лесах, большинство сели на лодки, баржи, уплыли на середину озера, на остров, там решили подождать «ухода татар».

Прошла неделя. Иссякло всякое терпение живущих на острове в озере. Всю неделю они ели рыбу в сыром виде. Бояре не могли довольствоваться такой пищей. Но выйти на берег боялись: «там татары». Увеличилось число больных, у кого дети хнычут, у других почки, поясницу прихватило. Сладко питавшимся раньше, мягко спавшим боярам стало трудно, один за другим стали умирать. Остров превратился в кладбище. Кажется, зря гибнут. Кто-то начал: «Татары не всех казнят, они отходчивый народ, нет, не Головорезы они»!

- Зачем мы на озере?

- Голову спасти.

- Какую голову? Итак здесь гибнем. Татары нас, вот так, как сейчас, не уничтожали, били только буйствующих. Давайте, пошли на берег.

- Пошли! - искавшие защиту посреди озера вышли на берег и пали перед «татарами».

Едиге, по велению хана Токтамыса, его племянника Шахмата оставил в качестве посла в Суздальском княжестве, объявив русским, что улусом будет заниматься он, а сам возвратился в Золотую Орду. Русские князья хорошо усвоили, что нельзя заниматься походами, грабежами в улусах Золотой Орды. Бесследно исчезнувший князь Дмитрий возвратился в Москву, принял посла хана Караша. Его известили, что хан сильно сердит на него, но если преступник признает свою вину и, став перед ханом, попросит прощения, то его могут простить.

У Дмитрия не было выхода. Посовещался с боярами. Не пойти к хану, тогда сегодня или завтра многочисленные войска Едиге двинутся сюда. Невозможно противостоять Едиге, это все видели. Когда подумает Дмитрий, что надо пойти к хану, у него сердце чуть не выпрыгивает из груди, не хватает воздуха, чтобы дышать. Кому идти к хану? Вопрос не решался.

- Кого пошлем?

Бояре долго спорили. Дмитрий отбивался руками и ногами, говоря: «Хан снимет мне голову». Долгий спор наконец закончился договором, поклониться хану идет сын князя Василий с группой бояр. Василий повез хану целый караван повозок с подарками и

так подхалимствовал, что «входил через штаны и выходил из рукавов». Хану этим он понравился.

- Ну, Базил, пришел? - говорил хан ему снисходительно.

Увидев это, князь Твери, сторонник Орды, Михаил произнес:

- Тух! Нет границ подхалиму, этот негодяй заходит через заднее отверстие и выходит изо рта.

Михаил возвратился в свое княжество. Ханы Золотой Орды менялись, но Василий до своей смерти своевременно платил налоги русского улуса.

Прошло два года, как закончился поход в русский улус. Едиге обосновался в своей Орде, подальше от Сарайшыка, около гор, где журча течет родниковая вода. Как зятю хана ему оказывали большой почет. Невольно считаются с ним и главный визирь Кенжен и главный би Кулман. Едиге по приглашению хана прибыл в Сарайшык. Прошел через ряд охранников. Бросилось ему в глаза, что хану нравится пруспевающий образ жизни. Комната забита ценными подарками, привезенными из разных улусов. Мраморный стол оббит серебром, на нем то ли шарап, то ли другой напиток в золотых чашках.

Спасаясь от дневного зноя, хан Токтамыс сидит, обнажив грудь, накинув на плечи легкий халат. Немного изменился, чуть потолстел, тело блестит от пота. Все вокруг было золотисто-серебристое. Но у самого полураздетого Токтамыса есть что-то, что заставляет пришедшего поклониться. Может, это власть самого трона? Перед ханом сидит Казаншы, глаза которого горят огнем, подчеркивая его ненасытность, стремление к неограниченной власти.

В народе прошел слух, что в последнее время ключи власти перейдут от главного би к Казаншы. Казаншы теперь не только владеет дворцом казны, он тихо решает, с кем должен дружить хан Токтамыс, кому должен показать сердитую бровь. Токтамыс задал вопрос:

- Какие весги из русского улуса?

- Они пока неизменно дружат с нами. Ежемесячно поступают в казну их налоги.

- Это хорошо.

- Не платили тогда, когда они торжествовали свою победу над Мамаем. И Мамай, и русских вы же обуздали, о мой хан, - Казаншы хитровато взглянул на Едиге. - Если и дальше разбогатеет улус русских, то больше налогов поступит к нам.

- Е, что, мы обогащаем русских? - удивленно спросил Токтамыс.

- И так можно. Например, рудный Урал от нас далеко, к ним Лниже, отдадим эти родники русским, им хорошо и нам выгодно.

- Это неправильно, - Едиге не вытерпел, сказал свое слово.

- Почему неправильно? Выгода до горла, - не сдавался Казаншы. В этом дворце до этого никто не спорил с ним. Откуда взялся итот?

- В тех рудниках работают и живут столько наших людей. Их судьба не игра. Нельзя забывать о будущем их детей. Они одна из опор Золотой Орды.

- Не съедят их там волки.

- Если не волк, то другие съедят. Русские русских привезут : туда. Русские мордовцев насильно крестили. На наших, живущих там, тогда тоже настанет черный день.

; - Ну, если боятся такого, пусть возвращаются, кто их дер- жит там, - вытарашив глаза, Казаншы не хочет отступать от сво- их слов. - Говорят же, человеку нужна родина, а собаке где корм лучше.

- Как ты думаешь, Казаншы, вот так чужакам хочешь раздать земли Золотой Орды. Тогда враг завтра обоснуется здесь. Кто же тытогда?

Казаншы потерял дар речи, глаза забегали туда-сюда. Едиге обвиняет его в тяжелом преступлении. Если хан Токтамыс так пой- г мет, то ему крышка. Надо опередить, обезопасить себя.

- Я думал, как бы побольше наполнить казну. Твоему слову не быть, при жизни хана Токтамыса русские туца не смогут и носа сунуть! - Казаншы, похвалив хана, перевернул сказанное в другое русло.

- Почему мы должны отдать чужакам те места, где имеются богатые месторождения железной руды. В Карабаусе плавим руду. В Жаике есть рудник Тендик, где плавают медь. Наши люди хорошо освоили такую работу. Улус русских покупает в Литве огненное оружие. Получив железо, они сами станут делать пушки. Тогда как мы будем вести сражение с русскими, - Едиге высказал все, что у него накопилось на душе.

- Все это ерунда! Прав Казаншы, если казна богата, то огненное оружие сами мы сможем купить, - хан Токтамыс поддержал Казаншы.

Услышав это, Казаншы тяжело вздохнул, чувствуя, какую тяжесть сбросил с него хан, теперь он мог быть свободен в своих действиях. В своих коварных замыслах он организовал встречи русских послов с ханом. Продолжилась его связь с русскими, не хуже будет его жизнь, и все, что задумает, то и может осуществить,

теперь хан в его руках. Только надо бы как-то избавиться от Едиге.

- Какие новости из Самарканда? - Токтамыс явно не хотел продолжения разговора.

- Все так же. Трон Золотой Орды под вами. Теперь желания Амира Тимура не всегда исполняются. Иной раз можно показать и свои клыки. Вообще, думаю, будет хорошо, если подальше отойдем от него, - Казаншы поднял еще один вопрос. - Вы молоды, а Амир Тимур...

- Подожди, Казаншы, - сказал Едиге. - Натравливать два народа друг на друга нельзя!

- я не травлю их, Амир Тимур стареет, смерть неизбежна, вот тогда... - Казаншы хотел продолжить, но Едиге не дал ему договорить.

- Тогда нас ждут тяжелые последствия. Золотая Орда не имеет такую мощь, как при Бату-хане. Чингизхан для нас мечта. Тимур подчинил народы Персии, Индии, имеет грозную силу. Противостоять ему мы пока не можем. Мы еще не все уладили с русскими и из-за какого-то безделья ищем новых врагов.

- Вот, смотри, - Казаншы раскрыл ладони. - Ты хочешь сказать, великий хан Токтамыс хуже Амира Тимура? Чем уступает Токтамыс Жошы или Бату-хану? Сегодня Золотая Орда на высоте, может покорить и Амира Тимура, и Крым, и Китай, да кого угодно!

- Ты, Казаншы, не читал исторические письма, если читал, то ничего не понял, не осмыслил, - начал Едиге. Его остановил Токтамыс.

- Едиге, на этом закончим разговор. Можешь идти, - брови Токтамыса опустились.

- Этот Едиге думает о чем-то другом. Не знаю, о чем? - сказал Казаншы после того как Едиге вышел за дверь.

- Ну, продолжай свою мысль.

- Многие события нам на руку. Тимур воюет там, где персы-турки. Нет же у него запасных сил. Используя такое положение, можно захватить некоторые земли от него, этим вы возвысите Золотую Орду. А потом... - Казаншы замолчал.

- Потом...

- Постепенно вытесняя его, можете присоединить к себе Бухару, Ургенш, Самарканд. Тогда вы, великий хан, Золотую Орду возвысили бы больше, чем Бату-хан. Столько народов оказались бы в ваших ладонях и в кулаке, - Казаншы украдкой взглянул на хана. Нравятся ли его слова ему? Кажется, да. Опущенные брови поднялись, вид проясняется.

- Да, - Токтамыс с радостью расправил грудь. - Наступили бы такие дни!

- Кажется, судьба предрекает нам такое.

Казаншы был не из тех, кто бросает слова на ветер, раз задумал, надо своими действиями осуществить задуманное. Раз предостерегся от Едиге, теперь надо будет искать выход из положения. В этом разговоре с ханом Токтамысом он нашел ключ к желаемому. Он же успел, в разговоре, посадить Токтамыс-хана не только на трон Золотой Орды, но и на престол Амира Тимура. Кажется, хан верит его слову. Выступает против только Едиге. Если хан начнет думать, что Едиге не его, а Тимура поддерживает, то это еще более ему на руку. Потихоньку такую мысль надо подать хану.

Раздоры между Кулман-би и Едиге, какими бы они ни были, без внимания Казаншы не остались. Любое задуманное против Едиге Кулман-би с радостью поддержит, как бесплатную помощь. Кажется, и главный визирь Кенжен тоже в стороне не останется, он боится, что в будущем как бы не сел на его место Едиге. По мнению Казаншы, молодая жена хана станет самым доверенным человеком. Жигиту, перешагнувшему ее постель и раскрытую грудь, она должна отомстить. Такая враждебность бабы превосходит алчность дикого волка. Об этой истории Казаншы наслышан, шепчутся же Канизаки.

Чего ждать тогда? Лучше сгоряча взяться за дело. Обхаживал молодуху хана и посвятил ей в свой замысел. Она с радостью приняла. Красавица Толымбике самые сладкие моменты ночной постели посвятила разговорам об Едиге, какую враждебность можно ожидать от него. Шептала несколько дней. Не забыла сказать, что брат Едиге Балташык тоже погиб от руки хана.

- Да, так оно и есть, - бабы слова проникли в душу Токтамысу, он вздрогнул.

- В тот раз добавила в айран... - Толымбике прижалась к хану. - Тогда хотела навсегда покорить его вам. Он не выпил. Не только не пил, кинжалом своим разрезал айран.

- Да, почему он так поступил?

- Хотел сказать, Орду твою разгромлю, тунлик (прикрытие юрты из войлока) так же разрежу.

- Возгордился Едиге, буяннить задумал. Казаншы и Кулман-би тоже остерегаются. Что делать теперь? - Токтамыс сердито встал с постели.

- Прогнать его невозможно, если бы его голову... - Толымбике с испуганным видом закрыла глаза.

На следующий день к обеду были приглашены Казаншы, главный визирь, главный би. От сердечного взгляда красавицы Толымбике и по тому, как преклонила голову, они поняли, что их дела идут успешно. Толымбике начала издавна с того сражения Мамай, когда Едиге не выполнил веление хана и не разгромил ни Мамай, ни остатки его войск.

- Разговора правильного не принимает, неверный он, - высказался Кулман-би.

- Я боюсь, боюсь. Как бы не сказал, трон мой, - Кенжен не скрывал своего опасения.

Казаншы много говорил о последних событиях и закончил свое слово «не является ли Едиге человеком Амира Тимура». Тогда, решая, «что же предпринять», все высказались за смерть его. Договорились пригласить на пир, напоить, в пищу добавить наркотик, в кумыз подлить водки.

Об этом никто не должен знать. Только девушка, подносившая посуду, заинтересовалась, о чем они шепчутся, и прислушалась. Долго кивали головой хан и его приближенные, когда она услышала имя Едиге, которого уважает весь народ и сама она считает самым лучшим жигитом в окружении хана, и постаралась узнать, о чем они договариваются. От услышанного все тело ее содрогнулось. Девушка нашла выход и все, что слышала, пересказала Андасыну.

- Проклятие, - от растерянности Андасын весь вспотел, вытер лоб, - теперь никому об этом не говори, тебе самой будет опасно.

О предстоящем покушении Андасын уведомил Едиге и сказал:

- Что предложат, старайся не есть, кумыс не пей, туда добавив водки, хотят тебя опьянить, наркотики тоже в их руках. Все это подействует на тебя, произойдет ссора, как только возьмешься за кинжал, они в этот момент разрубят тебя.

- Не идти на приглашение недостойно, я не трус. Бежать, не увидев того, что они задумали, не в моем характере, как я буду возвращаться к своему народу. Пойду на пир.

- Тогда внутри одежды привяжи небольшой торсык (кожаная посуда), то, что вызовет подозрение, сливай туда. Чтобы вызвался уйти от них, я приготовлю твоего коня, только прислушивайся к моему голосу, - добавил Андасын.

Главы тумена и тысячников никто не остался в стороне, все были приглашены на этот пир. На почетном, более возвышенном месте сидел Токтамыс со своей молодой женой. Ближе к ним разложен стол для главного визиря, главного бия и Казаншы. Едиге отвели место рядом с главами туменов и тысячниками. Препод-

несли столько блюд, было выпито столько напитков, что казалось нет им предела. Всем в центр дастархана поставили грудку мяса на большом подносе, Едиге ел со всеми вместе. Для каждого в специальной большой посуде принесли кумыз. Едиге, как будто играя, переместил их местами. В какое-то время один из глав тумена, опьянев, бросился на своего соседа. Едиге тоже делал вид, что опьянел, и немного качался. С дальнего края стола, с дастархана хана принесли для Едиге мясо в небольшой посуде. Взял кусок, сделал вид, что доволен, наклонил голову, будто жует и бросил этот кусок в припрятанный торсык. Одним куском поделился с любимым ханом главой тумена, который через полчаса слег, и послышался его храп. Едиге качался на месте еще больше. Очень трудно было избавиться от мяса, предложенного Казаншы. Он неотступно следил за каждым движением Едиге. Едиге чуть наклонился и бросил в рот мясо с левой руки, а мясо с правой руки сунул в свои рукава и начал медленно жевать, показывая: «вот убедись».

Вся знать и вся свита хана сами подливали водку в кумыз, опьянели как следует, бахвалились, перешли на пустой разговор. Среди них есть и те, что пользуясь таким моментом, падали перед ханом, показывали верность ему. Едиге убедился в том, что весть, дошедшая через девушку о покушении, была правдой. Начал искать повод, как бы незаметно уйти. Многие из сидящих имеют оружие. Непроста это. Снаружи Андасын начал петь:

Быстро ноги конь-скакун,
Всю ночь готов пробежать.
Ценная шуба на спине,
Будет ли она твоей,
Пойми смысл моих слов,
Последствие ты учти.

Едиге посильнее закачался, делая вид, что не слышит. Встал, направился туда, где сидит хан, и резко повернувшись, твердым шагом вышел из двери.

- Эй, держите... - вдогонку послышался громкий крик Казаншы.

Готов был его конь. Все оружие повешано на луку седла. Бросив взгляд назад, он увидел что преследователей тоже хватает. Они тоже подбежали к своим коням. Но стремяна их Андасыном заренее были подрезаны, и они падали под копыта своих скакунов. Один из молодых парней вприпрыжку и не отставая погнался за ним. Едиге, сидя на коне, повернулся и натянул лук. Стрела, просвистев, попала в плечо и вышла. Молодой жигит громко закричал от боли.

III

Преследуют одни...

Надев на голову шлем, повесив все свое снаряжение, покрыв тело железным панцирем, хан Токтамыс давно стоит на этой высоте. Его не отличить от каменного изваяния, стоящего здесь с глубокой древности. Только он верхом. Конь его давно привык так стоять, изредка меняет уставшие ноги и опять дремлет. Вид Токтамыса напоминает непобедимого полководца, который осматривает неисчислимые ряды своих туменов. Под угрожающей бровью сверкают глаза, на лице выступает нетерпение, беспокойство. Он иногда резко поворачивается, постукивая колчаном, наполненным стрелами, сабля в ножнах издает глухой звон.

Копье приставил к изваянию, долго смотрел на безоглядную степь, где играет марево, и не хотелось ему поворачивать голову в другую сторону. Из марева так хотелось увидеть свое прошлое и будущее. В такое время он не хочет видеть никого около себя.

Грива и хвост его любимого скакуна, шевелясь от маленького ветерка, издают своеобразный приятный звук, и он тихонько, закрыв глаза, дремлет, потом, наострив уши, расширив ноздри, глубоко дышит, не поворачивая головы, осматривает все вокруг. Понятливый конь с характером, не показывает свое беспокойство. Освободив узды, чуть тронешь носком, и он готов пролететь по степи, как ласточка, подняв пыль.

Уже второй год Токтамыс со своим войском находится во владениях Амира Тимура. Столько сражений, но достигнуто мало. По его размышлению от Казаншы исходит одна правда.

- Землями, завоеванными Чингизханом, должны править лишь его потомки. Правление чужаками издевательство и оскорбление духа великого кагана, - говорит Казаншы.

Да, господствующий на Мавереннахре, объявивший себя Амиром Тимур не является потомком Чингизхана. Он понял, что не достоин быть ханом, и взял титул Амира. Он не из белой кости, выходец из черни, и правление его над народом задевает потомков Чингизхана.

- Этого барласа надо усмирить, - эти слова очень понравились хану Токтамысу:

- Да, правильно говоришь, - отвечал Токтамыс.

- Вы великий хан грозной Золотой Орды. Улус русских давно под вами. Далекие народы запада тоже побаиваются вас. Имеете

такую силу, надо на колени поставить его. Тогда вы подчините себе другие народы, находящиеся под правлением чужаков, и исполните завет великого прадеда Чингизхана.

Поддержали его и главный визирь и главный би. Родственник молодой жены Азибаба без запинок сказал «Это самая правильная мысль!». После этого во владения Амира Тимура многочисленные войска Токтамыса хлынули потоком. Стотысячные воины прошли по землям Дербента, Ширвана и дошли до Тебриза. Воины Токтамыса грабили округа Дербент и Ширван и чувствовали себя не на войне, а на пиршестве. Амир Тимур находился далеко, в Персии, он ведет яростную войну с врагами, не имеет возможности обернуться к ним. Вчера же он вскромил, воспитал, своей рукой посадил на трон Токтамыса и как будто он не думал, что Токтамыс будет бить его с тыла, продолжает изнурительную войну в Персии. Кажется, он не верит, что Токтамыс со своей силой вступил в земли Азербайджана.

Наконец Амир Тимур вынужден был послать против него небольшую силу. Всего лишь тридцати-сорокатысячная армия сможет ли противостоять стотысячной силе Токтамыса. В сражениях побеждает не число войск, а умение командующего, невиданный героизм, опыт войны - вот что успешно решает судьбу битвы. С этой стороны никто не может сравниться с силой Амира Тимура. Токтамыса поэтому одолевает сомнение. Токтамысу стало известно, что Амир Тимур строго приказал командующему Али Бахадуру:

- У нас с Токтамысом много договоров и эти согласования мы строго соблюдаем. Если достоверно узнаете, что войска вторглись на земли Азербайджана, не вступайте с ним в сражение, сразу поворачивайте назад.

Об этом хорошо известно стало после поимки молодого жигита Али Бахадура, поившего своего коня у речки.

- Эй, что стоишь? - спросил жигит Токтамыса.

- Не видишь, что ли? - ответил жигит, поивший коня, услышав кыпчакскую речь, - иди сюда, брат. Откуда ты?

- Да, очутился здесь, - невнятно ответил жигит Токтамыса.

- Соскучился по своим. Среди войск, направленных сюда, я один. Услышав свой родной язык, обрадовался.

Обрадовавшийся жигит так и попал в их руки. От него узнали об Али Бахадуре и многие сведения, нужные себе. Али Бахадур, воочию убедившись что перед ним Токтамыс, точно выполнил указание Амира Тимура и, не сражаясь, повернул назад. Токтамыс

долго осаждал Тебриз. Для захвата города использовали лестницы, но встретили упорное сопротивление горожан. Первые дни потери были очень большими, их обливали горячей водой, сбивали с лестницы камнями, лучники поражали стрелами. Войска потеряли веру в победу города, плотно окружили, никого не выпускали. Наконец жители Тебриза договорились, что будут платить дань в размере двести пятьдесят туменов в золоте.

Через некоторое время Токтамыс возвратился в Тебриз, обманым путем добился открытия ворот, и они в течение восьми дней грабили город, издевались над горожанами, насиловали. Оставив разгромленный город, войска хана Токтамыса часть населения взяли в плен и угнали. Он использовал их как щит при взятии города Миранда, Нахичевань. Защищавшие свой город жалели пленных женщин, детей и эти города тоже пали и были дотла разграблены за оказание сопротивления, оставшиеся в живых горожане впредь должны были внести большой налог хану.

Узнав о последних действиях Токтамыса, Амир Тимур назначил своего сына Мираншаха командующим и направил в сторону Кавказа новые войска. Как гром в ночном небе, внезапно появился Мираншах и неожиданно возник перед ханом Токтамысом. Из сотысячного войска около половины находились рядом с ханом, остальные разбрелись по горным ущельям в поисках добычи и запугивали население.

- Что предпримем? - говорили советники Токтамыса.
- Мираншах хорошо подготовлен. Используя ночь, уйдем отсюда.
- Отступим, воины разбредутся. Мы участвовали в нескольких битвах, имеем опыт, воины закалены. Надо сражаться, - настаивали главы туменов.

Сражение началось на следующий день с восходом солнца. Сразу бросалось в глаза, что на обеих сторонах почти одинаковое количество и всадников и пеших воинов. Туман, окутавший пространство между гор, постепенно рассеился. По обычаю на поединок со стороны вышел Манжур и заорал во весь голос:

- Поединок, Мираншах! Выходи сам!

С другой стороны:

- Мираншах готов. Пусть выходит сам Токтамыс.

Услышав свое имя, Токтамыс побледнел, не знал, как ответить. Среди множества людей участвовал в боях, но никогда не выходил на поединок. Он слышал, что сын Амира Тимура Мираншах

владеет всеми видами оружия и очень искусен, бесстрашен. Токтамыс вспотел, не зная, что ответить. Нашел выход Казаншы.

- Потомок хана не вступает в поединок с чернью.

Спас же он? Что было бы без него? Не произошел поединок, обе стороны бросились на поле битвы. Площадь между горами заполнилась звуками железа, яростными криками. Каменные глыбы гор, принимая эти звуки на себя, возвращают их бесперебойным эхом, звери в горах испуганно разбегаются, грифы с высоты неба ищут останки мертвых.

Воины Токтамыса не выдержали натиска Мираншаха. После гибели воинов переднего строя стоящие сзади отступили, потом начали безудержно убегать. Конь Токтамыса, не подчиняясь хозяину, последовал за убегающими и спас его от неминуемой смерти.

Мираншах не стал преследовать их до конца. Токтамыс подумал, что «это тоже повеление Бога». Если бы не так, от бежавших воинов мало кто остался бы в живых, ущелье небесных гор заполнилось бы мертвецами. Все-таки потеря много. Нет главного визиря и некоторых лиц во главе с Азибаба. Очевидцы говорят, что они не торопясь в палатке пили и ели и их окружили воины Мираншаха. Некоторые добавили, что они кричали.

- Я ваш раб! Прости нас!

Задержанную группу знатных людей привели к Мираншаху. Они ждали смерти. Мираншах, узнав, кто есть кто и кто какой пост занимает, предупредил, что их поведут к Амиру Тимуру.

Всю ночь ехали они в окружении сотни, ехали рысью, не останавливаясь на отдых, и только на следующий день после обеда, не доходя до походного дома Амира, сошли с коней. Остальный путь должны были пройти пешком. Это было не больше расстояния, куда обычно гоняют ягнят.

Что нас ждет, думает визирь Кенжен и от своих мыслей пугается. Казаншы же организовал этот поход, затем его поддержал, да будь проклят этот Казаншы. Жаль, Казаншы не попал в плен, сказал бы все, доказал его вину, добился бы, чтобы его жарили на котле-казане. Не поймали же его, проклятого.

Амир Тимур оказался сердитым. Прямо смотреть в его лицо у Кенжена духу не хватило. Поздоровавшись, склонил голову до земли и присел на колени. Дошел голос:

- Дайте им напиться, от жажды, наверное, умирают, - девушка в длинном платье приподнесла напиток. Надо ли пить? Может, добавлен яд? Выпьет - смерть неизбежна, не пить - все равно такая

доля его. Чашку до конца. Напиток дали не только ему, все сидящие, наладившись, чмокали губами.

Только теперь, кажется, пришли они в себя, бросили взгляд на Амира и его окружение. На правой стороне Амира ближе к его колену сидит старик преклонного возраста, среднего роста, в чалме с опущенным на плечо концом. В его глубоких глазах таится чистая, честная мысль. Небольшая борода и красивые усы блестят серебром. Добродетельного аксакала старика знает весь исламский мир. Не раз доходили слухи до Золотой Орды, что с его мнением считается сам Амир Тимур. Кенжену известно, что далекие предки ученого Саид Береке восходят к великому посланнику Аллаха Мухаммеду с.г.у. Хорошая примета, подумал Кенжен, что Саид Береке находится здесь. Иншалла, все к добру, в присутствии этого святого человека Амир не приговорит их к смерти.

- Кто так захотел эту бесславную войну? - спросил Амир Тимур.

Сказать «кто именно» у Кенжена язык не поворачивается, опустил голову, подбородок упирается в грудь. Если скажет, один из оставшихся в живых среди них донесет до Токтамыса. Что делать?

- Наш хан же, - кто-то сзади потихоньку произнес.

- Правильно, это Токтамыс. Почему, поддержав одного дурака, столько народа должны пойти на жертву. Почему об этом не думаете?

- Мы же подчиненные, - сказал Азибаба осторожно.

- Наши отношения как взаимосвязь отца и сына. Я его поднял и посадил на трон. Он не должен этого забывать и вы тоже об этом, думаю, наслышаны.

- Да, - сказал вполголоса Кенжен.

- Если знаете, то близкие отношения между нами не должны рушиться. Греть огонь вражды не дозволено. Отец и сын должны оставаться отцом и сыном.

- Конечно, конечно, - Азибаба усердствовал.

- Тогда те, кто греет огонь вражды, кто бросает недобрые мысли с обеих сторон, должны быть наказаны. Чем тяжелее наказание, тем нагляднее урок другим. Нельзя забивать клин между родственниками - народами Золотой Орды и нами.

- Очень хорошо, - Кенжен опять поклонился.

- Где Казаншы? - спросил Амир Тимур немного спустя. У Кенжена не осталось сомнений, Тимур осведомлен о всех проделках и словах этого Казаншы.

- Он... он ушел, - Азибаба махнул рукой.

- Хорошо. Если не мы, то накажет Аллах его, - Амир Тимур дал возможность всем устроиться по своему усмотрению.

- Неведомы пути, дело Аллаха. Ошибается человек, - начал Саид Береке мягким тоном. - Цель: сыну человеческому дать честную, чистую науку, идти к истине и в душу каждого поселить намерение доброты. Вы завоюете далекую русскую землю, рады добычи и возвращаетесь. Эти люди чужой веры спят со своими свиньями, едят ту же свинью, пьянствуют беспробудно, живут, как дикие звери. Не вскормленный добрыми мыслями народ, сколько не корми его, все равно остается врагом. Не понимая этого, по наущению кого-то вы напали на нас. Докажи мне, чего достиг сын ислама.

- Правильно сказано, - кто-то изрек сзади, Кенжен не обернулся назад.

- Амир Тимур не воюет с народом Персии, тушит ущерб, нанесенный исламу монголами Хулагу, поправляет дело ислама.

- Конечно, конечно, - поддержал его Азибаба.

- Хотите проверить остроту меча, так на востоке тьма шуршитов, которые едят все, что попадет в руки. Почему туда коней не повернули. Почему об этом вам не сказал, не подсказал главный советник? Вот здесь кроется какая-то тайна, - Саид Береке высказал то, что накипело у него на душе.

Амир Тимур дал им на отдых сутки, на следующий день подарил по одному коню и выпроводил со своей земли и с тех мест, где часто происходили стычки. О состоявшемся разговоре с Амиром Тимуром Токтамыс устроил допрос с каждого по отдельности. Каждый из них рассказывал, поворачивая в свою пользу, но он сделал свой вывод и понял по-своему. Почему Амир не применил жестокое наказание, объяснил по-своему Казаншы.

- Он боится силы Золотой Орды, остерегается того славного хана, как вы, сидящего на троне великой Орды. Он же палач, казнил бы всех.

Удачно оторвался от Мираншаха, но с того времени потерял покой. Почему он побежден? Может, главы туменов недостойны командовать. Если бы войском руководил Едиге, не потерпел бы поражение. Да, он совсем другой, из любых трудностей находит выход. Всю ночь ворочался в постели Токтамыс и, потеряв сон, прислушался к разговорам, спорам, доносившимся из одной палатки.

- Удивляюсь, за последнее время очень изменился наш хан, - пробасил кто-то простуженным голосом. Столько лет нахожусь рядом с ним, не скажу, что ел из одной чаши с ним, но всегда был в его отряде. Я знал Токтамыса как человека с открытой душой, де-

лился всем тем, что у него есть, не жадничал. Его не очень интересовала случайная добыча, все делил среди своих жигитов поровну. Даже молодой подросток, воин-сопьяк не оставался без доли. Зря не буду судить хана, он никогда не желал присвоить долю других. Теперь я не знаю, что творится. Постарел, что ли, или мельтешит перед глазами богатство, или не видит, чем занимается его окружение.

- А, - закашлял другой. Кажется, человек преклонного возраста, голос хриловатый. - Здесь нет никакой вины хана. Виновато его окружение, вся свита. Им, кроме богатства и добычи, ничего не надо. Вы хоть раз видели их в сражениях, пустили ли они хоть одну стрелу во врага? Вот так. А когда кончается битва, они тут как тут, бросаются на добычу, как голодные волки. Конечно, хан их не одергивает, поэтому они так поступают. Табунами пригоняется скот, столько золота-серебра проходит перед их глазами. Хозяин всего Казаншы, визирь, бии, что говорить об этом.

- Ой, ой ой, неужели потомки батыров, кровью защищавших народ, превратились в каких-то лихоимцев, потерявших стыд, копающихся в мусоре, - чуть не закричал молодой голос. - Почему?

- Не надо так отчаиваться, великие основы передаются по крови и они никогда не исчезнут. Мы говорим только о хапугах в окружении хана. Похваливая хана, они высосут из нас всю кровь, как пиявки. Это ненасытность, жажда. Как бы не привело это к плохим последствиям! - Токтамыс узнал по голосу первого человека. - Растет молодежь, и вся надежда на них.

- Да, хвостик козы достигнет неба, - засмеялся голос молодого.

- Ей, ты надо мной не подтрунивай, - это голос первого.

- Перестаньте. По-моему, такое при дележке добычи происходит потому, что хан спустил рукава смотрит на все. Ненасытность, жадность знати и сватов хана происходит от того, что они никого не боятся. Если бы среди нас нашелся такой, как Едиге, не было бы этого. Всегда чувствуется невосполнимое отсутствие его. Такой бы и батыр и честный человек появился бы среди нас, прекратился бы захват всего доброго, побоялись бы хапуги, хан тоже посмотрел бы по-иному на вещи. Теперь что, хозяйничают те, кто о народе не думает, - это голос второго.

- Тогда, как? Кто считается с пролитой кровью воина, старого или молодого? - поспорил первый. - Во вчерашней битве с Мираншахом погибло столько людей. Что они, зря погибли? Кто-нибудь думает о вдовах и детях воинов, оставшихся на родине? Иногда жертву носим почти без ничего. Если полученную добычу будем

делить исходя из возраста, белизны бороды, то кто позаботится о старом, отце, о матери молодого воина, внезапно погибшего в битве. Много неясного у нас. Если продолжится такое, жди плохого конца.

- Да ты, перестань! Пусть не достигнут твои слова ушей чужих.

- Да, я просто так. Не помещается все это во мне.

Все услышанное была' голой правдой. Токтамыс потихоньку встал и незаметно ушел. Высказанные его же воинами насмешки и обвинения к самому хану не простые слова, об этом он хорошо знает. Такие слухи давно ходили среди многих. Теперь Едиге стал для него мечтой, не смог он его удержать. Теперь опора его - это визирь, главный би, Казаншы. А что если для прекращения недовольства народа поменять местами главного визиря и Казаншы? Тогда немного прекратятся разговоры, народ подумает «теперь будет все хорошо». А в дальнейшем что будет, время покажет.

Токтамыс хорошо понял смысл слов Амира Тимура: «отношения у нас как отца и сына». Амир как бы приглашал его к переговорам, к взаимодействию. Так надо понимать освобождение им попавшей в плен группы воинов во главе с главным визирем и с подарками. Если нет у него враждебных замыслов, он соответственно должен направить своих послов. Но Токтамыс считал себя всемогущим, думал, что нет противостоящей ему силы и, если он откажется от начатого дела, то потеряет все завоеванное уважение, и поэтому не ответил на предложение Амира Тимура.

Кажется, Амир Тимур хотел проучить блудного сына, войска Мираншаха продвинулись в глубь гор. Сил у Токтамыса было еще предостаточно. Он не захотел вступать с Мираншахом в открытое кровавое сражение, а посчитал нужным напасть внезапно и нанести удар сбоку, обойти с тыла и нанести удар. Обессиленные войска Амира окружить, как волка, попавшего в капкан, нанести со всех сторон сокрушающий удар и уничтожить. Сначала кое-что ему удалось. Но Мираншах быстро разгадал его замысел, в один кулак собрал свои войска, начал с успехом занимать одну гору за другой, увеличились потери Токтамыса от внезапных ударов. Кончилось тем, что войска Амира Тимура прогнали Токтамыса дальше Дербента.

В конце осени прибывшие дополнительные силы Амира полностью овладели всеми землями Грузии. Горцы тоже не оказали им сопротивления. Надоели их войны с Токтамысом, бродящим по горам в поисках добычи. Жители гор предпочитали повиновать-

ся Амиру, где налажены железная дисциплина и порядок. Чтобы его блудный сын опять не вступил в земли Азербайджана, Амир Тимур у Дарьяльских ворот поставил усиленную охрану. Так Дербент и Дарьяльские ворота навсегда оказались в руках Амира.

Походы на Кавказ оказались не очень удачными для Токтамыса, но он не оставил своих вражеских намерений против Амира Тимура. Казаншы тоже неустанно докладывал о поступавших в казну богатствах и уверял его, что будущее дело принесет ему большой успех. Говорили, что улус русских, дальние литовцы, поляки поддерживают Токтамыса и готовы оказать помощь в его военных походах.

- Да, у них есть сожаления о прошлом, но его твердость нравится чужакам с чужой религией, языком, да и совсем другой внешностью, не имеющим огненного оружия. Они поэтому считаются со мной, - произнес сидевший на коне Токтамыс.

Когда-то, в древние времена, неизвестные люди по какой-то причине поставили это каменное изваяние высотой с ростом человека, сидевшего на коне. Взяв снова копье на свои руки, Токтамыс по неизвестной причине вспомнил прошлые дни. Молчит и он, и каменное изваяние, но его глаза неустанно обозревают степную даль. Он ждет. И в этот раз добьется своего. Тогда, в прошлый раз в войне с Амиром, он был один, теперь нашел сильного союзника. Он хан Моголистана - Камарадин, считавший Амира кровным врагом. Он верный друг. Для вооружения войск Камарадина в виде помощи Токтамыс отправил из казны средства. Как доложил его человек, хан Моголистана очень обрадовался и казну, не теряя ни одной монеты, использовал для покупки оружия и увеличения числа войск. Раз начало шло так удачно, то и в дальнейшем все пойдет так, как он хотел, думал хан Токтамыс и был в этом очень уверен.

Издали показался одинокий всадник, немного осмотревшись вокруг, направил коня сюда. Его быстрота ошеломила, копыта его иноходца неустанно отбрасывают пыль назад, а сам стрелой стремится вперед. Не меняя хода своего коня, всадник потянул за узды коня, приближаясь к Токтамысу. Хан, как каменное изваяние, даже не обернулся к нему, только незаметно взглянул на иноходца всадника.

- Ну, какие вести?

- Пока ничего. Отправленные вчера еще не вернулись.

Токтамыс умел подавлять свои сомнения и продолжал рассматривать марево степной дали. Иноходец оказался беспокойным животным, не мог устоять, выкопал небольшую яму под своими

копытами. Молчание продолжалось. Жигит никак не мог придумать причину, чтобы отойти от хана, и закашлялся.

- Хан, с той стороны показался еще один путник. У него очень спешная походка.

- Не тот ли человек главы тумена?

- Нет, они недавно посещали нас. У этош лоходка другая.

Об этом догадывался и Токтамыс-хан. Родившиеся на спине верблюда, выросшие на гриве коня, жители степей по одному взгляду распознают далекого путника, кто он, зачем идет. Да, этот спешит и не с проста,

- Ты торопись, узнай, кто этот путник, какие новости у него и пусть обо всем доложит мне глава тумена.

У стоявшего рядом с молчаливым изваянием Токтамыса в эти дни много забот и сомнений. Кто же он, стремительно удаляющийся от него, какие новости несет? Все это гложет Токтамыса изнутри. Может, один из его людей, отправленных к хану Моголистана? Может, он посланник Камарадина с какими-то новостями. С каждым днем становится труднее одинокому путнику отправиться в путь. Они не заблуждаются, для этих целей отбираются люди с большим опытом, знающие эти края и жителей его. Амир Тимур с давних времен, еще до установления тесных связей с Камарадином, наладил жесткий порядок, за любым спутником строго следят. Остановиться во встреченном ауле, прокормить себя, заменить коня стало очень сложно. Связные, несущие письма, не говоря об ауле, прячутся в зарослях шия, карагана, душу свою стараются сохранить, но все равно многие не доходят до места назначения.

Поэтому в последнее время связь с Камарадином почти прервалась. Многие связные исчезли бесследно. Токтамыс, а также хан Моголистана после гибели одного связного взамен посылали другого. У них не было другого выхода. Вот поэтому он долго находится, не покидает эту высоту и неустанно бросает свой взгляд на mareво нескончаемой степи.

Жигит на иноходце опять стремительно мчится обратно сюда. Взгляд радостный, улыбка до ушей, зубы блестят, Токтамыс догадался, есть новость.

- Ну, говори.

- Хорошая новость.

- От кого?

- Хан Моголистана отправил к вам.

Токтамыс не успокоился, пока не услышал новость от посланника Камарадина. Мечта его - накрепко объединить все силы про-

тив Амира Тимура, железное окружение превратить в железный капкан и подрезать сухожилия правителя Мавераннахра. Поэтому он из улусов Золотой Орды собрал войска, состоящие из башкиров, татаров, русских, под командованием Аккозы и отправил их в Моголистан. Стотысячную силу Аккозы, соединившись с воинами хана Моголистана Камарадина, численностью в два раза превосходящую воинов Токтамыса, закрыло большое пространство, начиная с горы Алатау до исчезновения воды реки Шу в непроходимых песках.

Не только воинов, но и признавших его подданство людей общины, кто может сесть на коня, вооружили, а пеших обязали трудиться на нужды отдельных туменов, обложили налогами. Одно хорошо, что весна этого года дождливая, быстро выросшая зелень цветет, все видимое пространство как будто ковром заложено. Быстро поднялся исхудавший скот и рос достаток людей. Кляча, подняв хвост, стала ершиться, пугливо фыркая, наострив уши. Народ был рад этому.

От хороших новостей немного поднялось и настроение хана Токтамыса. Но он не чувствовал радости и не нашел душевного покоя. В болыпинстве на коне. На коне решает все вопросы, кому-то надо что-то объяснить, кто-то нуждается и просит помощи. Среди пастбищ установлена его большая Белая Орда, ему не усидится там, гложет сомнение и беспокойство. В пять лет его научили взбираться на коня через гриву, теперь в этом возрасте, в дни противостояния с Тимуром, он как будто прирос к коню. Его спутники, небольшой отряд и знать Орды, не вынесли такого постоянного передвижения и искали случая «как бы остаться в стороне».

Так они готовились днем и ночью. Амир Тимур вел в Персидской стороне яростную войну с монголами Хулагу. Такая весть успокаивает хана Токтамыса. Войско Токтамыса расположено по реке Шу и Мавераннахру грозит опасность. С другой стороны, с севера, со стороны Хорезма Орда подготовила многочисленные войска. Возникла опасность захвата Ордой Ургениша, Бухары. Орда кольцом окружает Амира Тимура. Должен же знать Тимур об этих опасностях. Если он осведомлен об угрожающей опасности, то гуроган (всевидающий) Амир какие меры принимает против него. Пугает неизвестность. Не считаться с Амиром стало причиной задержания воинов на Кавказе. Он понял, теперь он никогда не может пройти через Дербент и Дарьяльские ворота. Вся надежда на победу в этом походе. Пока войска Амира Тимура ведут нескончаемые бои на персидской стороне, он вместе с Камарадином

захватит все города Мавераннахра и все его владения. Так осуществится разгром его шсударства. Для этого... Да, для этош надо знать замыслы Амира Тимура, направленные против них.

В последнее время изнутри гложат еш беспокойные мысли, и Токгамыс немного похудел. Грозный вид хана немного остыл, гпаза потеряли блеск, и как сирота, он часто оглядывается. Беспокойство изнутри таким видом прорывается наружу. Неразгаданная тайна упирается в Едиге. Сожалеет, если он бы руководил воинами на Кавказе, как в московском походе, как тигр внезапно ударив Мираншаха, поднял бы победное знамя. А вот теперь он окружил все земли владении Амира окружил и с востока и с севера невиданным количеством туменов. Но все равно он нутром чувствует какую-то не хватку в военном искусстве. Он слышал, что Едиге вместе с Амиром участвует в персидских битвах. Да, Токтамыс хотел его убить. Теперь Едиге считает его кровным, непримиримым врагом. Как хочет знать, какие советы дает он Амиру на этот раз? Искусство знающего командира превосходит целый тумен.

Токгамыс не очень доволен поступками своего советника хана Моголистана Камарадина. По его мнению, Камарадин не идет дальше своих ошибок. Иногда характер и помыслы, поступки союзника для него загадка. Ханом Токтамысом овладели сомнения, поэтому за один месяц он трижды отправлял к нему своего посланника. Из них ни один не ответил, усилились черные мысли. Иногда думаешь, может, сам Камарадин задержал его посланников. Приезд на этот раз посланника Камарадина снял его сомнение. Отправленные на помощь Камарадину войска во главе с Аккозы тоже заняли указанные места.

Перед этим Токгамыс предложил Камарадину организовать перекочевку аулов его владений южнее реки Шу. Чтобы его воины знали, что недалеко от них находятся их братья, жены и дети. Эта была просьба хана к другому равносильному хану. Просьба его осталась без ответа. После люди Токтамыса донесли, что Камарадин поступил совсем наоборот. Хан Моголистана свои лучшие аулы с многочисленным скотом перегнал дальше реки Шу к горам Хантау и к нижнему течению реки Иле. Почему так? Что, он не верит победе в этом походе? Если хан сомневается, что остается черни. Войско состоит в основном из черни. Если тумены узнают, что их аулы перекочевали далыне, их тоже охватит сомнение.

По сведениям соглядателей Токтамыса люди во владениях Амира Тимура, живущие далеко от городов, кочевавшие, как они сами, пасущие скот, или земледельцы боясь грабежа воинов Токта-

мыса и хана Моголистана ищут защиту в городах Сауран, Бухара, Ургениш, Самарканд и лавиной переселяются в города. Это приведет к усилению города, растёт количество его защитников.

Да, большинство его войнов мечтают только о добыче. Ну, большая часть добычи у беззащитного скотовода или у земледельца, копающих арык, ухаживающих за посевами, живущих за счет своего пролитого пота. Переселение их заранее, оставив обжитые места, лишают надежды воинов на добычу и притупляют их интерес во время битв.

- Давай, подготовься, - сказал Токтамыс писарю.

- Да, господин.

- Пиши без запинок мои слова.

Писарь, перевернув свою сумку, достал чернильницу, подготовил перо из перьев, перед собой положил белый лист. Токтамыс делился своими мыслями, просил Камарадина срочно решить некоторые вопросы и после получения этого письма со своими туменами перейти с востока границу владений Амира Тимура. Такое же письмо было отправлено командиру своих туменов Аккозы.

Основные силы хана Токтамыса были собраны около Хорезма. Прежде чем увидеть их во владениях Амира Тимура, хан отправил небольшую группу во главе с Манжуrom в поездку. В тот раз на Кавказе Мираншах появился внезапно и, чтобы на этот раз скрытые силы Амира не ударили внезапно со стороны, чтобы предотвратить неожиданность, Манжуру в его группе объяснили, на что обратить внимание, и от чего предостерегаться.

Группе Манжура дали самых лучших скакунов, у которых ветер свистит под копытами. Ездили в основном по ночам, слегка отдухнув, опять скрывались по руслам засохших рек, спрятавшись по кустам и далеко в глубь зашли во владения Амира, но не встретили ни войск Амира, ни подозрительных групп людей. Расспрашивали случайно встретившихся людей, опять существенного ничего не услышали. До их ушей дошло только одно - воины Амира Тимура отсюда далеко, где-то в Персии ведут войну. Захотелось возвратиться обратно.

- Меня осенила одна мысль, - сказал Манжур и посмотрел на каждого в группе. - Хочу поделиться с вами.

- Ну, скажи, - сказал один из них. - Мне кажется, лучше возвратиться. Вот уже прошло три дня, как мы без отдыха скачем днем и ночью, устали до невозможности, кони почти падают. Только не говори: «Идемте туда».

- Скажу... Как мы вернемся с пустыми руками. Но ведь стыдно перед людьми возвращаться, не имея хотя бы небольшую добычу. Кому не лень будут смеяться. Скажут, вернулись, как испуганные овцы от бродящих собак. Есть одно хорошее дело.

- Ну, тогда что скажешь? - спросил Манжура плешивый Кику, снимая с головы шапку.

- Е, - кто-то усмехнулся. - У земледельцев украдем дыни, арбузы. Скажем, добыча.

- Ну, ты... - обиделся Манжур. - Видели же в пути многие беспечные аулы. Есть у них скот. Угоним хотя бы два косяка лошадей.

- Вот это дело! Эти аулы тоже поворачиваются к внугренным владениям Амира. Они тоже боятся, как бы силы Токтамыса не нагрянули. Раз пугаются, нет ничего зазорного от того, что мы угоним их косяки, - Плешивый Кику первый раз в своей жизни высказал свою мысль.

- Как бы если сами не попали в капкан.

- Какая петля? Почти все без охраны.

- Надо же чуть-чуть предостерегаться.

Пошумели и перестали, стало ясно, никто не хочет возвращаться без добычи. Узнав, что без ничего не возвращаются, забыли об усталости, опущенные брови поднялись. Начали поправлять седла.

- Не бойтесь, я обо всем подумал. Об этом я думал не только сегодня, по пути нашего похода я долго наблюдал вокруг, осматривал все ямы, пустые русла, узнав, какой скот где пасется, и сделал такой вывод.

- Ну, тогда...

- Вот, жигит! - Остальные поддержали его с ликованием.

- Говорят же, довольствие жигита и волка по пути, угнать косяк лошадей легче же, чем вступить в сражение с многочисленным врагом, сами целы и добыча есть, - Кику радостно продолжил.

Как быстро поднялся разговор, так же быстро и погас. Каждый уже начал думать, какая лошадь, какой масти попадет ему в виде добычи - олжа. Хоть по одной лошади досталось бы, это не пустая рука, к зиме можно прокормить его до ожирения и зарезать на согум, и будут всю зиму есть. Лучшего не пожелаешь.

К вечеру, до захода солнца остановились за сопками, за отдельным расположенным аулом. Прятались за небольшими, низенькими хребтами-сопочками. Старались не показываться, ползком поднимались к вершине сопочки и долго наблюдали. Вокруг стояла глухая тишина, нет ни прибывших, ни ушедших из этих юрт. Тишину

этого аула нарушает чья-то песня, как бы достигающая высоты небес. Может, это молодежь готовится к ночным празднованиям?

Манжура интересует не опутанные за ноги кони около аула и не дойные кобылы, а табун лошадей. Он наконец проследил их, отпущенные дойные кобылы со своими жеребятами, подняв пыль степи, поскакали и исчезли за хребтом.

- Е, вон там косяки, - сказал Манжур своим.

- На удачу.

Через некоторое время они тоже оказались на той стороне и бросили взгляд туда, где пасся скот. Около родника стоит небольшая юрта пастуха. Дальне пасется табун лошадей. Угнать весь скот невозможно, разделить и угнать пару косяка, кажется, можно.

- Видели?

- Да, видели.

- Когда угоним?

- Подожди, посоветуемся.

- Я участвовал в таких делах. Лучше всего предрассветное время. Пастухи всю ночь бодрствуют и в это время дремлют, лошади тоже отдыхают. Наступает тишина, вот это удачный момент, - сказал Кикю плешивый.

- Что? Будем ждать так долго? Всю ночь...

- Можно было бы и сейчас начать, - начался спор.

- Подождите спорить, - Манжур прервал всех. - Ждать утро слишком долго. Обратный путь у нас далекий. Самое лучшее время - наступление тьмы. Пастухи, проверив все, возвращаются к своей юрте и будут есть долго и не торопясь. Надо использовать такое удачное время.

- Правильная мысль, - Кикю сразу поддержал.

- Еще есть такое, послушайте. Нас могут преследовать.

- Такое должно быть.

- Что мы предпримем?

- Поэтому четверо останутся на этих сопках. Как начнется преследование, зажгите побольше огня. Преследователи могут испугаться неожиданных огней, - Манжур показал сопки, лежащие друг на друге не очень близко.

- Это тоже правильно, - искатели добычи удовлетворились, всем казалось, что все вопросы решены.

- Внутри табуна могут оказаться два-три охранника. Их спешите и оставьте пешими на том же месте. Пока они дойдут до юрт пешком, мы будем за несколькими хребтами.

Ждут наступления вечера. Наблюдали возвращение пастухов на ужин, и искатели добычи, используя овраги, медленно продвигались к табуну. Лошади весь знойный день гуртом стояли в одном месте, теперь с вечерней прохладой начали пастись, подбирая самые сочные травинки между кустами и с приятным удовольствием жевали. Иногда слышится тонкое ржание жеребят, потерявших матерей. Трехлетний конь, боясь сердитого жеребца, испуганно пробежал перед ними.

- Смотрите, своими дубинками осторожно размахивайте, - предупредил строш Манжур.

- Тогда как их будем бить, поясами, - съязвил кто-то.

- Это не война, тогда убивают людей, а здесь убийство не допускается.

- Поживем увидим, - произнес тот же голос.

- Ударьте по ляжке, по больным местам, чтобы они упали с коня, этого достаточно.

Шли неспянной группой и далеко не отходили друг от друга, не пугали кобыл. Кони, посмотрев на них, тихо отворачивались, пропускали их. Манжур был уверен, такая тихое, незаметное начало к добру, могут так же тихо отделить часть лошадей и отойти от табуна. Вдруг всхрапнул белогривый жеребец, ударил копытом землю. Кто-то произнес:

- Кто ты?

- Свои, - Манжур, рукавом закрыв рот, невнятно произнес:

- Кто такой свой?

-Я.

- Ты...

- Я, это я, - Растеряннош пастуха Манжур, ударив по колену, свалил на землю.

- Ой...й, - крикнул он болезненно.

- Ей, что случилось? - быстро приблизился второй пастух и попал в руки жигитов Манжура. Быстро сняли и его с коня.

- Что будем делать с ними?

- Пусть лежат так. Их всего двое. Давайте поспешим.

Никто не заметил мальчика, прятавшегося среди табуна лошадей, который видел все с начала до конца. Мальчик незаметно, пригнувшись, уходил далыне. Манжур и еш люди отделили почти два косяка лошадей и спешно угнали.

- Доброе дело. Никто не заметил, - Кику плешиный не смог скрыть своей радости.

- Добыча! Да какая добыча!

- Путь у нас добрый.

- Рановато радоваться, двинемся дальше, - Манжур хотел остановить шумок.

Со стороны юрты поднялся крик. Сколько людей преследуют, не знают, от звука копыт сзади скачущих коней, не меньше тридцати-сорока скакунов. Справа остается еще аул, оттуда слышен свирепый лай собак и окрики людей. Чем ближе становятся крики преследователей и топот копыт, тем врассыпную начали бежать лошади перед угонщиками. Тот белогривый жеребец, фыркая, прыгает, на бьющего его плетью бросает грозный взгляд. Наконец он не подчинился ударам, оскалив зубы, бросился на угонщика и сбежал.

- Волки бы съели тебя, - огрызнулся Кику плешивый.

Преследователи почти их догнали. Такой скачкой они всех собьют. Ну, где же жигиты, оставленные на этих сопках? Почему не зажигают огонь? Увидев таких преследователей, от испуга как бы сами не убежали, подумал Манжур. Тогда пропали. Какими бы отличными скакунами ни были его кони, они три дня не паслись и ночью не отдыхали, и силы у них на исходе, дальнейшую скачку им не выдержать. Что делать?

Добежали до тех сопок, где он оставил своих жигитов. Сзади слышно тяжелое дыхание коня преследователя.

- Слезай с коня! Слезай! Убью тебя, собака, - Крик почти за спиной. - Шестом он хлестает коня за спину. - Вор! Злодей! Я тебе сейчас...

Вдруг на вершинах всех сопок загорелись огни, и показались силуэты бежавших людей, которые громко кричали: «Токтамыс! Токтамыс». К крику добавили свои отчаянные голоса и угонщики, пока еще гнавшие остатки косяка. Темная ночь вокруг заполнилась возгласами.

- Ой! Ой-ой, враги!

- Люди Токтамыса, - преследователи тянули за узды своих коней, а передовые с испуга, круто повернув, скакали обратно, оставшиеся испугались, и в этой темноте получилась невообразимая суматоха. Группа Манжура остановилась и орала вовсю, стуча своим оружием, они били по седлу, посылая угрозу вслед обратно бежавшим преследователям.

- Бей! Не жалеи!

- Ур! Ур!

Из обратно убежавших косяков лошадей осталась только четверть. Во главе со старым жеребцом с больным коленом и дойными

кобылами. Старый жеребец часто оглядывался назад, но у него не было возможностей, сил не хватало. Остаток косяка подчинился, и они шли уже без оглядки. Люди Манжура ориентировались на полярную звезду и всю ночь по собачьему следу двигались дальше. В полночь появилась луна и раскрыла звездное небо, не торопясь направилась на запад и в предутренний час исчезла за горизонтом. Старый жеребец остановился, расставил задние ноги, вымочился, повернулся назад и грустно во весь голос долго-долго ржал. Потом, как бы прощаясь с невозвратными днями, грустно опустил голову, вздохнул всей грудью и пошел впереди косяка.

Плешивый Кику, считая, что теперь нет врага, преследующего их, и обняв лук седла, дремал, качаясь на обе стороны. Один из молодых жигитов сравнялся с ним и истошно заорал.

-Враги! Враги!

От испуга Кику свалился с коня, но все-таки не отпустил поводья. Сам напугал своего коня и с трудом успокоил его, опять сложил ноги на седло.

- О, Кику врага свалил.

- Может, поделится с нами добычей.

- Вот, какой хрябрец. - Люди посмеялись, и у них рассеялся

сон

О возвращении разведчиков хану Токтамысу доложил тот же жигит на иноходце. Хан встретил их верхом на коне. Он бросил взгляд на косяк лошадей, пригнанных ими. Конь хана начал обочиваться к косяку, бить копытом землю под собой.

- Ну, как? - Токтамыс обеими ногами уперся в стремя и поднял туловище. - Какие вести со стороны Тимура?

- Мы обошли все овраги и засохшие русла рек, объездили все хребты, сопки, но ничего не нашли похожего на войско Амира.

- Хм! Хорошо! Скажем, это правильно, но вы расспросили кого-либо?

- Конечно. Под видом искателей своего скота встретились с пастухами овец. Все они говорят одно: войска Амира Тимура где-то далеко, воюют то ли в Индии, то ли в Персии.

Такие вести обрадовали Токтамыса. По его бледному лицу пробежала кровь, вид изменился. Мягче стал и голос, когда он спрашивал о трудностях в пути и о здравии всех их. Потом поручил одному сотнику:

- Организуй хороший отдых для них.

- Будет сделано, - ответил сотник.

Группа разведчиков обрадовалась, хан доволен ими и камчой тыкали друг друга, шептались, высмеивали кого-то, начали уходить. Вдруг услышали жесткий голос хана:

-Ей!

- К вашим услугам.

- Ей, что за лошади здесь?

- Добыча! По пути угнали в одном из аулов, - возбужденно ответил Кику.

- Дурак! - хан плетью огрел его по спине.

- Хан! - от сильного удара камчой Кику заерзал и упал на седло.

- Дурак! Людей вспугнул.

Радость Токтамыса исчезла, как будто ее водой смыло. Эти не только пригнали коней, но и пригнали худо. Смотри, теперь Токтамыс собирает войска у Хорезма, направляется к Бухаре, Самарканду - такие вести охватят всех людей и так пасущий свой скот народ испуганно будет следить за нимдак они в огонь смуты подлили масло. Теперь не остановишь слухи, что его воины угнали не косяк коней, а целый табун лошадей. Народ и так напуган, а теперь вовсе потеряет покой. Считай, уже сегодня пойдут слухи, что многочисленные войска Токтамыса, все разгромив на пути своем, идут сюда, спасайтесь пока не поздно. Тогда эта многочисленная сила что будет есть и пить? Весь корм огромного войска восполняя народ аулов на встречном пути. По-другому не накормишь этих дармоедов.

- Дурак! - злился хан.

- Что скажете? - наострил уши его жигит.

- Кто возглавил группу разведки?

- Манжур.

- А почему Кику тогда выступает?

- Зачесалась спина его, - ответил с улыбкой жигит.

Сколько бы не торопил свои войска хан Токтамыс, они медленно двигались по следам сбежавших аулов, спасавших себя и свое добро - овец, коров, лошадей. Нагруженные необходимыми вещами для войск телеги поочередно ломались, нечем было смазывать ось и пришлось оставить их на полпути, весь груз сложили на спины верблюдов. Не обеспечившие быстрое продвижение войск бахадуры Бекарыс, Садык не миновали угроз хана, но голову не теряли, некоторых сотников огрели камчой.

К вечеру достигли намеченного места. Единственный колодец для всех воинов. Жажда мучила и хана. Из единственного ведра с единственным ковшом Манжур принес воды.

- Что это? - хан остерегался.

- Вода.

- Ты уверен в чистоте воды? Может, бросили яд? Дай сперва рабу.

Такова судьба раба - не исполнишь приказ, ждет смерть. Набрал полный рот воды, сполоснул рот, чуть подождал, подумал, хому хватит воды в колодце, скорее всего, ему не достанется, поднял ведро на голову, насытился, остатком облил все тело.

Хан понял, что таким ходом он проиграет, и часть войск отделил, приказав быстро идти к городу Сауран, окружить его и, если удастся, захватить. Руководителем войск он назначил Садыка-бахадур, хотя недавно грозился ему. Воины взяли с собой двухдневный запас продуктов, самых лучших коней и за короткое время исчезли из глаз.

Токтамыс двигался с основной силой, но не выдержал, через день взял с собой целый тумен и тоже отправился за ними. Торопился, несмотря на усталость коней, к вечеру второго дня оказался тоже у стен Саурана. Жители города поднялись на высокие стены крепости города и с удивлением рассматривали прибывших воинов. Нетерпеливая молодежь города начала свистеть, улыбаться, о чем-то переговариваться.

На следующий день, когда Токтамыс вышел из своей палатки, солнце поднялось на высоту копья. Продолжавшийся многие дни зной чуть остыл, небо кое-как покрыто облаками. Сиюминутно пробежавший дождик высыхал, подняв с собой запах пыли, и дышать стало труднее. Дым, поднявшийся от огней котлов, добавил свое, люди чувствовали себя как в преддверии ада. Редкие облака, как палатка с многочисленными дырками, плохо защищавшие от палящих лучей солнца, тоже исчезли.

- Что скажите? Как захватить город?

- Рвы вокруг города очень глубокие и заполнены водой, надо прорыть арыки, чтобы вода стекла в низину, - сказал Бекарыс.

- Нет, лучше землей засыпать рвы, - начал спорить Елмеш.

- Будем засыпать целый месяц. Земля смешается с водой и превратится в глубокое болото. Тогда нам придется сушить болото до следующего года, ты это хочешь сказать? - Садык-бахадур, высказав свое мнение, взглянул в сторону хана.

Бекарыс чихнул и отвернулся. Хан свел брови. Да, эти мастера будут рассказывать сказки, чем организовать захват города, с горечью подумал он, Что же можно предпринять? Вот где нужен командующий с умом. Был же такой у него, потерял.

- Лучше через рвы построить мосты. На мосты поставим лестницы и начнем подниматься по стене вверх, другого выхода не вижу, - сказал Садык-бахадур. Хан долго молчаливо смотрел на Садыка и одобрил его предложение.

Хан мягкой рысью своего коня поднимался на небольшую сопку, расположенную севернее города. Вокруг ни звука. Единственный суслик, прокричав свое, спрятался в нору и оттуда высовывал свою голову. На небе не видно ни клочка облака. Небо чисто, прозрачно и не видно ни одной птицы. Зной безжалостно сжигает степь. На видимом пространстве впереди играет марево и в нем колыхнется неизвестное видение. Исчезли сомнения, теперь он был уверен, что войск Амира нет поблизости и в ближайшее время не могут появиться здесь. Токтамыс-хан решил, что огромные силы теперь надо разделить и направить в другие города для захвата. На захват Саурана хватит пятидесятитысячного войска. Сосредотачивать бесчисленное количество войск в одном месте нет необходимости, нет войск Амира. Зачем-тогда привязывать их всех к одному городу.

Токтамыс решил верхом, не очень торопясь, обойти крепость Саурана, воочию убедиться во всем, думал, все-таки есть какие-то слабые места в обороне крепости, незамеченные другими, прорытый ров вокруг крепости оказался глубоким и широким. Ров заполнен водою, только кое-где кажется мелковатым, в основном вода достигает краешка рва. Что-то тяжелое с ужасающим грохотом упало в воду и кто-то сверху, стоящий на крепости, бросив аркан, быстро поднял мальчика. Токтамыс хотел близко подойти ко рву, стрела вонзилась прямо перед ним и медленно закачалась, как бы указывая «это и есть смерть».

Часть людей Токтамыса готовили мостики надо рвом, многие взялись готовить лестницы из дерева. До пояса раздетые, головы бриты до блеска. Тот бритоголовый особенно бросается в глаза. Круглая, как дыня, его голова похожа на сопочку, где ничего не растет, зато со всех сторон окружена водою. К этой голове приклеен кусочек растрепанной кожи, указывая «это же уши». Затылок и шея сморщены, как у быка, таскавшего тяжелый груз на телеге. Посредине этих морщин блестит пот и струей бежит на его грудь. Глянешь на него и хохот охватывает всех.

Токтамыс тоже прыснул. Смеяться над другими ненадобно хану, подумал он, и рукавом шапана закрыл лицо и поехал дальше. Рядом с теми, кто готовит лестницы, закрыв лицо платком, подставив живот под палящее солнце, дрыхнет один. От вздутого живота

ноги показались очень короткими, как у лягушки. Шея, грудь как бы срослись с животом. Вот как все вокруг работают, а он... Хан заскрипел зубами и, когда он поворачивался на другой бок, огрел его камчой по заднице.

- Хан... - встревоженный тучный черный наглец хотел встать, но опять упал.

- Что за сон?

- Всю ночь был в карауле... Караул, - дрожал тучный черный.

- Неужели тебе трудно дойти до тени, - Токтамыс бросил взгляд на стоящих в замешательстве, дапые поехал.

Живут же в этом городе полвека, столько времени тому назад ушли из этой жизни их родители, это их родина, святое жилище, не могут же просто так все это отдать врагу. Бросается в глаза подготовка горожан к обороне. Изнутри города перетаскивали, подняли к стене крепости огромные камни, бревна с корнями, большую посуду с черной мазью. Кто-то крикнул:

- Почему зря трудитесь, лучше откройте ворота.

- Пошел ты...

Послышался свист стрелы, жигит обернуться не успел, как она вонзилась в его ляжку.

- Ух! - жигит даже смог вытащить стрелу из ляжки, побежал без оглядки назад.

- Иди! Иди сюда! - кричал ему вслед горожанин.

Для пятидесятитысячного войска Токтамыса около двух дней готовили мостики и в течение двух суток поднимались по лестнице. Все впустую. Лестницу одним концом уперли в мостик из тальников и прислонили к стене крепости. По мере поднятия людей опоры не выдерживали и лестницы падали. Результата не было. Поэтому по приказу хана для надежной опоры у основания крепости начали рыть площадки для лестниц. На головы тех, кто начал подготовку площадки для лестниц, падали камни, люди гибли как мухи. Над головой висела угроза смерти от камней и стрел и их вынудили прикрываться щитом, сделанным из тальника и кожи.

Прошла неделя. Начался общий захват города. У стен крепости слышны ужасающие крики. Многие лестницы с поднимающимися по ним людьми горожане сталкивали в сторону и опрокидывали, лестницы рушились, ударяясь друг об друга. Падавшие сверху камни вдребезги разбивали головы воинов Токтамыса, прошивали копьями тела убитых, которые плавали в воде во рву.

Погибали безжалостно первые атакующие, раненые выполняли обратно, вместо них Токтамыс гнал новых воинов к стене.

Самые удачливые, смелые воины успевали подняться на верх крепости. В тесноте, в ожесточенном сражении они нашли смерть, и их тела бросили. Ров и земля дальше рва была заполнена телами убитых.

Вокруг крепости пахло кровью, испуганный конь не идет вперед, отворачивается. Раненым и идущим обратно к своим стоянкам нет конца. Один со сломанной рукой тащит другого с полностью обмотанной головой. Сам идет и падает.

- Хан, - сказав это, жигит резко упал. Другой поклонился и сказал:

- Отдал свою жизнь, свою душу.

Солнце целый день сжигало все вокруг, как пшено на сковороде, и постепенно, медленно начало склоняться к небольшим сопкам на западе. Огненно-красное солнце садилось долго. Может, сердилось оно на это кровавое побоище. Может, сокрушалось над делами сынов человеческих, огненно-красная заря на западе не угасала долгое время.

Всю ночь собирали тела мертвых около стен крепости и плавающих в воде рва. Они были родственниками или братьями или из одного аула, и никому неизвестно, за что распрощались они с этим миром. Многие здесь очутились по приказу хана, часть искали добычу. Вот и жизнь оборвалась у них ни за что.

Прошла беспокойная ночь. Из каждого тумена слышались стоны раненых, душераздирающие мольбы некоторых задевали до предела. Перед рассветом начали дремать и сон их был нарушен голосом: «Аллаху акбар! Аллаху акбар!», призывающим к утренней молитве-намазу.

Воины каждого тумена встали к утреннему намазу. Это святая обязанность любого мусульманина и никто его не пропускает. Каждый как бы предстоит перед Всевышним и держит ответ за деяния этого дня, просит прощение за ошибки, просит помощь от Аллаха.

Сегодня и день тяжелый. После утреннего намаза началось рытье могил для тех, кто погиб во вчерашней битве. Долго длилось прощание и похоронено несколько тысяч людей после чтения специальной молитвы. Наступил послеобеденный день.

- Туменам сегодня отдых, - объявил Садык-бахадур.

- Пусть читают молитвы своим погибшим родственникам. Пусть угаснет перед их глазами видение вчерашних ужасающих битв, - поддержал Бекарыс.

Наступил еще один вечер. Многие люди решили воспользоваться отдыхом, некоторые тяжелораненные ждали своего последнего часа, и вот появился всадник на черно-синем коне со знаком отличия на груди «гонец», подняв пыль среди людей, с бешеной скоростью коня остановился перед палаткой хана, соскочил с седла.

- Хан!

- Кто ты?

- Я вестник от Аккозы-бахадур.

Хан Моголистана Камараддин и тумены Аккозы, вступив в битву с войском мирзы Омара, оставленным Амир Тимуром в Самарканде, не достигли победы. Обе стороны посражались немало, и мирза Омар отступил к Самарканду, а Камараддин начал грабить все, что попало в его руки около Ташкента. Самарканд, Термез превратились в недосыгаемую, сильную крепость. От отправленного в Бухару со стотысячным войском Елмиш-бека нет вестей. Только доходит слух, что он одной палкой гоняет людей той местности, не успевших найти защиту в городе.

Сердце Токтамыса защемило. Стоят уже более десяти дней у Саурана. Нет надежды на то, что откроют ворота города. Елмешбек вместо взятия города Бухары прохаживается вокруг города. Самаркандом, Термезом владеет мирза Омар, верный слуга Тимура. Камараддин... Нет, надо лично встретиться с ним.

Токтамыс усердно искал Камараддина около Ташкента, но не нашел. Зато остались следы от его грабежа. След привел его в город Каршы. В неукрепленном небольшом городе, построенном для себя Амиром Тимуром, дворец был охвачен огнем. Искусные мастера из Индии и Персии из камня соорудили цветки, на дереве передали легенды старины, и этот прекрасный чудо-дворец горел, а воины, как дети, рады, вырывают и уносят, что им попало в руки. Камараддина нашел празднующим свою победу.

На следующий день пришла весть, что Амир Тимур для защиты Самарканда срочно отправил тридцатитысячное войско. Камараддин сразу пришел в себя. На колени поставил глав туменов, тысячников и потребовал от них привести в порядок воинов, прекратить грабеж и пожар.

- Не опоздал ли ты? - спросил Токтамыс, неодобрительно мотая головой. - Выдержат ли твои воины сражение с тридцатитысячным войском Тимура?

- Не скажу, что мы сразу сразим их, но будет длительная борьба.

- Ну тогда ты молодец.
- Амир Тимур оказался сильнее, чем мы думали. Дуб глубоко опускает свои корни, а чтобы выдрать его с корнями, нужны усилия многих, - сказав это, Камарадин бросил искру новых размышлений.
- Как?
- Султан Баязит и царь Египта остерегаются Амира. Надо бы объединиться с ними, напасть со всех сторон и организовать восстание тех народов, которые недавно вошли в состав его государства.
- Хочешь сказать, разорвать льва многочисленной силой тигров. Такие попытки я уже делаю. Самый успешный такой ход, - Токтамыс прервал хана Моголистана.

Не доходя до Бухары, Токтамысу стало известно, что Амир Тимур со своими туменами идет в Мавераннахр. В это время по требованию Золотой Орды, возглавив войска, состоящие из русских, мордвы, чувашей и литовцев, искавших добычу, для оказания помощи Токтамысу прибыл русский князь сын Константина Борис. Около Зернука, в верхнем течении реки Арыс, встретились тумен Амира Тимура во главе с Едиге и войско князя. Битва началась с раннего утра, кончилась после обеда. Состоящее из многих народов войско Бориса было разгромлено, князь Борис, увидев исход битвы, спасая голову, бежал, оставив поле битвы.

Тумены Амира Тимура вошли в Мавераннахр, силы Токтамыса сражались отступая, неся огромные потери. Амир окончательно захватил Хорезм. Токтамыс наконец собрал всю свою силу около Яссы. По численности войск Токтамыс превосходил силы Амира, и главы туменов Амира считали в таком виде вступить в сражение невыгодно и уговорили его подождать до прибытия дополнительных сил. Дополнительные силы шли медленно, Амир не выдержал, внезапно переправился через Сырдарью и ударил по войскам Токтамыса сзади, большая часть туменов Орды Токтамыса была разгромлена. Во время сражения командующий войсками Токтамыса Айберди-бек попал в руки Амира.

Имея такую огромную силу, Токтамыс подряд терпит поражение за поражением и он изнутри глубоко переживает за неудачи. Ему показалось, что Амир Тимур заранее знает, где и какие силы у него стоят, и каковы намерения Токтамыса. Неужели правда, что Амир Тимур ясновидец, знает тайну из тайн. Тогда... И все равно его гложет мысль: «среди них прячется его верный человек». Мо-

жет, это родственники Урус-хана, сын Темир Малика Темир Кутлук? Но он сам не видел его подозрительные шаги. Тогда кто? Может, это Кенжен-визирь и Азибаба, попавшие в руки Тимура. Да, говорили, что в тот раз Азибаба усердно клянялся Амиру.

Азибабу посчитали главой всех подозрительных, отрубили ему голову. Темир Кутлук тоже понял, что нависла угроза над его головой. Темир Кутлук тоже доводится родственником Едиге. Раз он имеет родственные связи с Едиге, в один из прекрасных дней вго тоже ждет такое наказание. Нет сомнений. В дни отсутствия Токтамыса его прения с бием Кулманом чуть не закончились дракой. Темиру Кутлуку и многим надоела безнадежная война, гибель людей ни за что и он среди ночи, захватив с собой своих людей, Кажы Мухаммеда с сотней, отправился искать Едиге и его тумен.

События в Орде, неразбериху глубоко переживал Токтамыс и в этот час, подтрунивая зашла красавица Толымбике, одетая с ног до головы в китайский шелк.

- О великий, глядишь на недостойных баб, забыл свою постель. Подготовленные мною сладости тогда Азибаба скушал, а вчера Темир Кутлук... - сладкую речь молодой жены остановил окрик.

- Молчать! Это ты, оказывается, змея. Ты же разлучила меня с Едиге. Азибаба... Темир Кутлук... Кого жалеет, злодейка. Нет ничего опаснее, чем змея в твоей постели, - Токтамыс окриком вызвал охранника.

- Ей, уберите с глаз долой ее от меня, чтобы я больше не видел ее, - Он подбородком указал на Толымбике.

Грозный хан остался в своей Орде. Он вспомнил слова, сказанные мудрецом Сыпыра-жырау:

Я расскажу, выскажу,
Не остановлюсь, доскажу.
Бог тебе подарил Едиге,
О чем думал, расстался,
Беда тебе досталась.
Ушел и нет возврата.
Мои советы - пустая трата.
Не ужилсЯ с тобой,
Сын святого святых.
Сам зачинщик всего.
Недумающий хан - глупый.

I V

Тяжелые времена

На западе остаток ночной тьмы начал медленно рассеиваться, восток стал похож на глаза младенца, неохотно чуть-чуть открывающего веки. Узкая белая полоса незаметно растягивает линию. Как бы не ложился спать поздно, Едиге с младенческих пор ранним утром, с появлением предрассветной полосы, встречает новый день. Вчера тоже поздно приехал. Приехал издали, из далекой Кермене. После тяжелого расставания с Токтамысом Амир Тимур дал ему управление Кермене. Да, дал ему дальний край, может, так оно и нужно. Кто близко находится, быстро разгорается ненавистью, начинается вражда, может, этого он и остерегался.

Старался как можно быстрее приехать. Амир приказал привести с собой войска. Пока он обходил своих, поднялось солнце и началась суетная жизнь людей. Как учил отец, он никогда не ел мясо, оставшееся с ночи. Выпил несколько кесешек чая, поел немного хлебушка, встал, повесил на пояс меч и вышел. Многочисленные войска Амира Тимура на этот раз остановилась в городе Яссы, на берегу Сырдарьи.

Ему стало известно и направление туменов Тимура. На Кавказе Токтамыс был разгромлен Амиром, в прошлом году выгнали его и его людей с этих земель, но он, как паршивый волк, часто нападал с разных сторон на владения Тимура, совершал грабежи населения. На эти деяния своего блудного сына Тимур скрипел зубами и наконец решил как следует проучить его. Токтамыс был напуган угрозами Амира и сокрушительной силой его и послал своих послов. Они в подарок преподнесли из Айртау Сары-Арки знаменитого беркута и девять самых лучших скакунов. Послы сели на колено перед Амиром, поклонились и зачитали письмо Токтамыса. «Тимур для меня как отец, его велению нет счета, нет предела. Просьба такова, чтобы он простил это неподобающее действие и недопустимую вражду, на которую я осмелился из-за несчастной судьбы и подстрекательств низких людей. После этого не сойду с пути повиновения и подчинения, приличия и послушания».

Амир Тимур вспикел, но сдержал себя. Нет же вины у посла, посол похож на собаку-тазы среди стаи волков. Сможет ли какой-то хитростью удержать одного из них или сам погибнет, это его судьба. А судьбою распоряжаются цари.

- Токтамыс не сдержал ни одного договора с ним, он никогда не понимал добрых намерений, верить его словам никак не мо-

жем, - так коротко отрезал в ответ Амир Тимур. Потом чуть подождал и добавил: - Все-таки для встречи со мной пусть пришлет Алибека. Подумаем, ответил, как надо.

Токтамыс не послал Алибека. Амир Тимур подождал, и когда истек срок, чтобы начать поход против Токтамыса, все силы собрал вокруг Яссы.

Едиге нашел Амира около развалин мавзолея кожа Ахмета Яссауи. Амир Тимур всем своим видом показывая, что не торопится, сидел, поджав ноги под себя, на небольшой сопочке около разрушенного мавзолея. До этого Едиге слышал, что Амир видел вещий сон, и в нем белобородый в белой одежде аксакал советовал ему восстановить мазар святого Ахмета. Теперь он убедился в правдивости сна и того рассказа. Тысячи людей уносят куда-то мусор - хлам от разрушенного мавзолея, столько же людей отдельно складывают кирпичи от него. Они беспрерывно работают в течение часа, а потом на замену им приходят столько же людей. По велению Амира Тимура из Самарканда, Бухары пребывают сотни мастеров и под их наблюдением здесь проходят испытание замесы глины и обжиг кирпичей.

Кажется, Амир Тимур на этом месте провел совещание близких к власти людей. Присевший на корточки Едиге слышал только продолжение разговора.

- Нет другого выхода, кроме войны с Токтамысом. Смерть зовет его, или постоянно беспокоит этот ваш сын, - Мираншах посмотрел в лицо отца.

- Е, этот недоносок всю мою карту спутал, - сказал Амир с сожалением. - Народ Персии мы подчинили, теперь надо бытдо идти походом на Китай, где наши братья, родственники терпят беду. Если мы отправимся в Китай, Токтамыс опять нападает на наши земли, будет грабить наш народ. Никак не отстанет, не одумается. Остается нам сначала разгромить его.

Тумены Амира Тимура дошли до нижнего течения Сарысу и сели отдохнуть. Этой зимой Сары-Арка была очень снежной. Сарысу берет начало от горы Тагылы - Бугылы и Улутау. Там этой зимой дорога по долинам была непроходимой, и снег долго лежал. Весной Сарысу стала очень многоводной и бурно вливалась в Сырдарью. Природа в нижнем течении Сарысу оказалась прекрасной, земля покрыта зеленью, богата дичью и птицами. Люди чувствовали себя вольно и отдыхали.

Едиге давно приглянулся молодой парень Тунболат из рода Найман. Сегодня он пригласил его под видом осмотра реки. Над их

головой, высоко в небе, пролетел степной гусь. Стрела, выпущенная Тунболатом, не зря просвистела, гусь со сломанным крылом упал перед ними.

- Ничего не пропускаешь, - сказал Едиге одобрительно.

- Такова судьба.

- У стрелы нет выбора, она поражает и врага, а иногда и своего человека.

- Да, это верно, - Тунболат бросил вопросительный взгляд на Едиге.

- Тумены тоже как стрела. А ты знаешь, куда мы идем?

- Думаю, к Улутауским краям.

- Так точно. Воинам нужна и пища и удовольствие.

- Тогда...

- Да, встречным аулам будет очень трудно. Улутау для меня не чужая страна, там покоятся мой деды-прадеды. На Улутау проживают найманы и аргыны. Я переживаю за них, что будет с ними.

- Что мы сможем, старший брат? - произнес Тунболат, обратившись к стреле в колчан.

- Об этом я и речь держу в себе.

- Скажите.

- Ты бери с собой одного верного друга и в ближайшие дни, не вызывая подозрений, исчезните. Хорошенко обдумайте, как бы не попасть в руки.

- Это мы можем, брат.

- Отправляйтесь по течению реки Сарысу, прямо на Улутау. В пути встретите много аулов, объясните им, чтобы они откочевали далеко от пути похода туменов.

- Будет сделано.

- Будьте внимательны, берите по два коня.

- Это тоже нетрудно.

- От меня передайте мое пожелание бию найманов Шаушеку. Остальным народам ничего не говорите обо мне. Ну, доброго пути вам.

Исчезновение двух жигитов из многочисленного количества воинов никто не заметил. Переживал только Едиге. В пути встречается много недоброжелателей, и Амир зарнее посылает своих разведчиков. Быстрее дошли бы! Токтамыс постоянно как голодный волк нападает на владения Амира, и почему из-за этого аргыны-найманы Сары-Арки должны попадать в беду. Едиге никак не может понять, почему Токтамыс бросается на такого льва, как Амир Тимур. Здесь нет места зависти. Трон Золотой Орды он по-

лучил благодаря Амиру Тимуру. Говорят же, злым умыслам нет предела.

Говорят, народ имеет сотни ушей. Вести, доставленные Тунболатом и его другом, быстро разнеслись по аулам. Откуда эти вести, кто их отправил, знает только Шауешек-би, летовавший в верховьях реки Каракенгир.

- О, святой! - произнес би, - святое место пусто не бывает, знал его отца Кутлукия. Слышал, что от него остался сын-смельчак. Уа, Создатель, дай ему большую жизнь. Он ищет покой народу, защити его.

Молодежь, искатели приключений, любители легких побед сразу остепенились. Что за бред, когда идет неисчислимое количество войск. Старейшины прожужжали все уши и они прекратили всякие похождения. Все-таки лето проходит без возгласов «угнали, своровали!». Народ издали, за сотни километров, выставили караул - наблюдение за движением туменов и откочевали на дальние жайлау-летовки.

Прекратили свои деяния воры-разбойники. Как обычно, у них всегда были свои враги, затаившие старую вражду, и вот теперь даже они бросили сойыл-дубины, как бы желая спокойствия для своих очагов. Не наступило бы такое смутное время, они забыли бы родственные, близкие отношения, бродили бы ночами, перехитрили бы караул, угнали бы косяк, резали бы жирный скот и считали бы все это находчивостью, героизмом.

В такое опасное время Едиге отправил Тунболата в далекую Сары-Арку, поручив ему большой ответственности дело. Да, это опасное испытание и для него. Человек доброго нрава хочет видеть и в других людях честность и достойную жизнь. Едиге всегда хочет верить в благие намерения человека и его стремление к лучшему. Но жизнь не такая. Очень много случаев, когда тот, кому веришь, может оказаться вообще негодяем. Да, встречался с такими не один раз. Почему так? Может, это зависит от воспитания? От отсутствия школ-медресе? Может, мешают какие-то плохие деяния и бродяжничество день и ночь. Нет, лучше взять в руки калам-перо, читать и познавать, что оставили им в наследство их прадеды, нужны не героизм, а ученость.

Тумены Амира Тимура один за другим шли по реке Сарысу и вышли к просторам Сары-Арки. Разведчики не раз доносили, что в этих местах был Токтамыс, собирали людей для своего войска. Звучит имя Токтамыса, а самого нигде не видно. Хану такой большой Орды давно следовало бы показать себя. Уму непостижимо,

как он без никакого сопротивления допускает к своим владениям других. Как это понять можно? Может, у него особая хитрость, хочет завлечь в свой капкан? Амир несколько раз задал вопрос:

- Может, у него где-то скрытая сила?
- Разведчики такого ничего не видели.
- Тогда посылайте их подальше, в глубину его владений.

По пути туменов не встретились аулы, как обычно, сидевшие целое лето на реке Сарысу. Разведчики говорили, что казахи со своими родами откочевали далеко в глубину степи и доносили, что они от кого-то узнали о путях движения многочисленных войск Амира. Таким вестям радовался Едиге, значит, те двое в здравии доехали до мест.

Главы туменов приказали тысячникам, чтобы не теряли военные силы, не рассеивались и во время движения были готовыми ко всему. Но многие воины искали добычи. Им говорили, что Сары-Арка богата. Имейте выдержку, там вас ждет и добыча и богатство. Пока такого ничего не видно. По обычаю, нет добычи и мало продуктов. Но оказалось совсем по-другому, продуктов навалом, ешь, бери, сколько хочешь.

На Сарысу летовали сотни аулов, они откочевали далеко в бескрайнюю степь, и теперь нетронутые пастбища, чистая вода достались бесчисленным табунам куланов, отарам сайгаков, покрывающим просторы, где глаз наблюдателя до края долины ничего не видит, кроме сайгака. В полдень, в разгар зноя, сайгаки, где в каждой отаре имеется десять тысяч голов, окрасив всю степь в розовый оттенок и качаясь, как букет цветов, идут на водопой к речке. Такое богатство воины Амира Тимура в жизни никогда не видели и не слышали. Куланы, наострив уши, табунами бегают по степи, бесчисленные стада сайгаков покрывают видимое пространство, тихо веет степной ветерок, все это сильно подействовало и на Амира Тимура.

- Чудесные богатства, - зацокал языком великий Амир.
- Такое чудесное богатство имеют казахи, одна из ветвей тюркского народа, - произнес Едиге.
- Ты бывал в этой стране?
- Только краешком. Окрестности Улутау не видел. Слышал рассказы своего отца, читал старинные записи. О правдивости свидетельствует великая степь.
- Широкий простор, чистый воздух, будто выпиваешь свежий кумыз.
- По-моему люди здесь храбрые, молодежь - лучшие стрелки, и все они остры на язык.

- Охарактеризовал в точности, - Амир удивленно посмотрел на Едиге.

- Все это от наблюдательности.

- Были бы все жигиты такими, как ты - охарактеризовал Амир, задумчиво палкой начертил что-то на земле.

- Ваш Улукбек такой же, - Едиге хотел дальше продолжить разговор.

- Да, - по лицу Амира пробежал свет радости. - Да, он такой... По моему наблюдению жители степей очень справедливы. По сложению тел превосходны.

- По красоте они превосходят всех, кого я видел.

- Вот оно как, - Амир задумчиво еще раз внимательно посмотрел на Едиге. - Скажешь же ты!

- Жещины как звезды, мужчины как луна во тьме. Сплетни, ложь, обман им чужды.

- В такой стране им места нет же. Таких людей, наверное, изгоняют навсегда.

Амир, опираясь лбом на камчу, задумался. Оказывается, при глубокой задумчивости на его лице появляются усталость, растерянность и скорбь. Как будто заметил что-то, он долго рассматривал клочки земли и молчал.

- Никак не помещаемся на этой земле, - тихо произнес Амир.

- Великий Амир, - сказал тоже Едиге.

- Сын человечества никак не может спокойно жить на поверхности земли, а помещается только под землей. Как так? Человечество не зверь же, они же только живут убивая, съедая друг друга. Человек превосходит животных тем, что великий Создатель дал нам ум, честь. Куда направляем мы эти свои качества? Что за нескончаемая ненависть? Есть ли конец этому? Если нет, что ждет нас в далеком будущем?

Едиге удивился и незаметно из-под бровей посмотрел в лицо Амира. Великий Амир... Он же завоевал полмира. Его меч боялся все на земле. Окружение боится его строгости, распространяют слух о его кровожадности. А этот... Сидящий на камне Тимур - другой человек. Он не думает о себе, его волнует человечество, его сердце за это плачет, его охватила скорбь за людей. Показалось, что лицо Амира быстро покрылось морщинами, волосы и борода мгновенно поседели. Да, на этом камне сидит не бесстрашный завоеватель, пугающий всех своей жестокостью, а старик Абыз - предсказатель, вздыхающий, разочарванный, с мольбой смотрящий в будущее.

- Пенде (слуга) Аллаха, - тихо произнес Едиге.

Тумены Амира обошли Улутауские горы с востока, дошли до хребта Алтын шоки и остановились. Сам Амир шел по руслу реки Кенгир, поднялся к хребту Ешки Олмес, недалеко от Улутау. Там между камнями на поверхность выступало своеобразное волокно - каменные джуты.

- Из них можно ли вить нитки и шить одежду, - спрашивал удивленный Амир.

- Да, эти веревочки выходят среди камней, тепло не отдают, - ответили много выдавшие старики.

С хребтов Ешки Олмеса красиво смотрится Улутау. Амир не отводил глаз от прекрасного вида Улутау и повернул коня в ту сторону. Под ним стремительно, немного раскачивая хозяина, шел иноходец и за каких-то полчаса Амир остановил коня у родника, на востоке горы Улутау. Здесь Улутау оказалось еще прекраснее. Сделал глоток воды из приподнесенной чашки и сказал:

- О, боже, какое чудо. От холода воды застывает рот, - чашку допил до последней капельки.

Амир велел основным силам войск с предосторожностью продвигаться до местности Жыланшык, а сам на сопках Алтын шоки отдыхал больше недели. По его приказу на вершине Алтын шоки была построена печь для обжига с поддувалом. Жгли в печи степные караганники, таволгу и обжигали камень. Около печи он на камне сделал надпись, где он известил о своем пребывании в Улутауских горах. «Семьсот девяносто второй год истории, год барана, лето. Султан Турана Темирбек с сотней тысяч воинов шел сразиться с ханом Токтамысом. Проходя эту землю, для свидетельства оставил эту запись. Аллах, пусть благославит его, пусть все люди помнят его».

Войска Амира Тимура походом шли на Жыланшык, Аманкарагай, Тобыл, но не встретили многочисленных войск Токтамыса, состоящих из русских, литовцев и из людей своей Орды. Только попались в руки некоторые разведчики Токтамыса, по их сведениям хан собрал огромное войско численностью, в два раза превосходящее воинов Тимура, и предстоит жесткое сражение. Сколько бы не грозил Токтамыс, виду не показывал, потихоньку убегал. Едиге вспомнил сказание Сыпыра-жырау.

Алаш, Алаш - был всегда,
Ханом был тогда Алаша.
Как в морозе растался,

Когда горел огонь ада,
Убегал хан, гнал простолюду.
Сокрушался хан Токтамыс,
Скрепя за свой трон,
Расплакавшись, уходил.

Сказание быстро распространилось среди народа. Вчера Токтамыс-хан постоянно нападал на вторую половину тюркских родов под владением Амира, а теперь не может противостоять ему как мужчина. Нет у него ни чести, ни достоинства, - думал Едиге.

Токтамыс продолжил бегство, оставляя за собой следы. Амир не отходил от его следа. Прошел Аманкарагай, дошел до Тобыла. На ночной стоянке Токтамыса дошедшие туда через неделю следопыты Амира доложили, что хан круто повернул на запад.

По следам тихо убегающего Токтамыса Едиге направил Кажы Мухаммеда с десятью жигитами. Они должны были определить следующую стоянку хана. Прошло три дня. День дождливый. Тысячники, сотники, ждавшие возвращения разведчиков, каждый день собираются сюда. В походной небольшой лачуге в такое время от тесноты дышать нечем.

Едиге открыл дверцы своей небольшой лачуги. Надоел беспрерывный дождь. Опять вспоминается Улутау. В этом походе единственным удовольствием был вид Улутау, жаль, что он остался позади. Прекрасные горы Сары-Арки надо уметь видеть своими глазами и понимать их душою. Вспомнились последние жаркие дни лета. Безветренно, тихий час, солнце склоняется к западу, на хребет, освещенный последними лучами, ЗК. Ходят многочисленные архары и сайгаки, и сопки покрываются розовым цветом. В этот час оживает прохладный ветерок Сары-Арки, заставляя дышать душистым воздухом, и свежесть охватывает с головы до пят.

Прекрасные думы и видения Едиге были прерваны возгласом Андасына о дожде: «Неужели продырявлено небо». Андасын с усталым видом сел на войлок. Никто из заходящих в лачугу не принес новостей. Ищут Токтамыса, но он, как необъезженный дикий конь, убегает. От этого все устали, потеряли интерес к походу. По велению Амира каждый день передвигаются до того места, куда можно дойти конем, ставят палатки. Нет ни сражений, нет брони, а этот дождь надоел как следует.

После обеда дождь чуть перестал, опустился туман, к вечеру все рассеялось. Снаружи послышался стук копыт коней. Не успели подумать, «кто же он», войлочная дверь открылась настежь, а с

одежды вошедшего стекала вода. Жигита крупного телосложения,двигающегося, как медведь, сразу никто не узнал. С возгласом:

- Ассалаумалейкум, - он протянул руку Едиге.
- Уай, Кажы Мухаммед, - воскликнули остальные.

Едиге посадил Кажы Мухаммеда к очагу, где горел огонь, и обернулся к нему с вниманием «что можешь сказать». Протянув руки к огню, он чуть согрелся.

- Обошли многие места. По-моему, этот Токтамыс не очень похож на того хана, которого мы видели два-три года назад. Тогда он сам искал врага, был храбр, а теперь похож на бабу, убегающую от своего мужа. За ним следует стотысячное войско и он дошел до реки Яик.

- Тогда о чем он думает? - спросил Андасын.
- Ну, это он мне не скажет, - с улыбкой ответил Кажы Мухаммед.

- Обходим половину великой степи. Ты говоришь, Токтамыс пока остановился у реки Яик. Дальше Едил, Дон. Этот хан, так и дальше будет убегать от нас, или... - Едиге вслух высказал свои мысли.

- Вот интересно, постоянно бегство...
- Почему тогда столько войск тащить с собой.

Маленькая лучуга переполнилась страстными разговорами. У каждого свое предположение, слушаешь, в речи каждого есть искры правдоподобия.

- Как это так? Что он совсем не хочет противостоять? - спросил Андасын.

- Так твердо сказать нельзя, но его действия похожи на это.
- Нам удалось поймать одного разведчика хана Токтамыса, но он совсем по-другому излагает ход хана.

Жигита Токтамыса Едиге привел к Амиру Темиру. Около Амира находились еще два-три главы туменов. Он внимательно рассмотрел жигита с головы до ног. Вид Амира строг, холодный, кажется, никакой жалости не проявляет.

- Ну, рассказывай, жигит. Где Токтамыс?
- Токтамыс-хан.., - начал жигит и осекся, боясь, что он не так сказал. - Он на правом берегу Яика, в местности Кырык кол.
- Что он делает там? Опять продолжит бегство?
- Он захотел дальше к Дону, Днепру уйти, но его остановили би и батыры: «Если дальше продолжишь, мы отдалимся от тебя».
- Ну, а потом...

- Потом он испугался от недовольствия, что может остаться один, остановился на Кырык коле, дальше...

- Что дальше? - Амир Тимур потребовал продолжения разговора.

- Мы слышали, жигитам ваших туменов уже не хватает еды. Дошел слух, что ваши войска обессилены. Токтамыс хотел и дальше тянуть вас, окончательно обессилить, чтобы тумены расслоились, разбрелись.

После этих новостей на лицах глав туменов заиграла радость надежды. Наконец-то Токтамыс остановился. Наконец они увидят день окончания нескончаемого неизвестного похода. Поднимается и боевой дух воинов.

- Хорошо, жигит, - сказал Амир.

- Великий Амир, - произнес жигит, боясь за дальнейшую свою судьбу.

- Уберите его, — Амир махнул рукой. Ясаулы схватились за одежду жигита.

- Великий Амир...

- Не трогайте его. Нет вины у разведчика. Он только выполнял боевую задачу. Следите, чтобы не убежал.

- Спасибо... спасибо, - произнес жигит, поклонившись, направляясь к двери.

Амир Тимур молчаливо сверлит глазами огонь в очаге. Внутри дома безмолвная тишина. Никто из сидящих не осмелится нарушить думы Амира. Всем известно, великий Амир зря, впустую ни о чем не мечтает. Если кто раньше его произнесет слово, его неминуемо ждет наказание. Прошло полчаса, Амир поднял голову.

- О чем ты думаешь? - Амир обратился к Едиге.

- Кырык кол на той стороне Яика. Где он сосредоточил свои войска, какое положение на переправах реки, сперва надо узнать об этом, потом принять решение. Я думаю так надо поступить.

- Вот это достойное мнение.

- Есть еще другое мнение?

- И его слушаем.

- Правда и то, что у нас сокращается продовольствие для войск. Для пополнения продуктов нам до Яика не стоит сосредоточенно двигаться вперед. Пусть тумены держатся друг от друга на определенном расстоянии, и надо создать сотни, занимающиеся пополнением продуктов. Не надо грабить население и противопоставлять их против нас, надо брать у народа путем торговли. Мы

же видели, казахская степь полна куланов, маралов. Источником продуктов должны стать эти животные.

Токтамыс основные силы войска собрал на основных переправах реки, где могут перейти тумены, и тех, кто переправится, не дав им опомниться, там же их разгромить. Через своих разведчиков Амир узнал о намерениях врага и переправился по верхнему течению Яика. Создалась угроза, что Амир мог ударить их сбоку. Напуганный Токтамыс не стал ждать идущих на помощь воинов из Крыма и торопливо начал отступать к землям Булгара. Идущие на помощь хану основные силы Крыма, Кавказа попали в руки Амира, остальные, оставив десятки телег с грузом, бежали без оглядки.

Амир Тимур хорошо понимал усталость своих воинов. С далекой долины Турана шли по руслу реки Сарысу, по следам беглого Токтамыса неустанно идут уже шесть месяцев. Ребенок, появившийся за это время, пытается уже ползать. Нет сомнения, воины соскучились по своей родине, по семье. Одежда для воинов, продукты тоже кончаются. Что делать? Он собрал главы туменов и тысячников на совет с вопросом:

- Что делать?

Все сразу же заявили о большой усталости воинов. Никто не сказал о возвращении назад, но было ясно, что у каждого на душе горит такое желание. Если в этот раз он не накажет Токтамыса, то будет считаться, что он проиграл ему. Тогда у народа, проживающего в Туране, потеряна спокойная жизнь. Токтамыс был голодным волком, а тогда он превратится в грозного тигра.

- Собрав все усилия, еще раз прыгнув, надо дойти до Токтамыса, - Амир сказал свое слово.

- Если он еще будет дальше бежать?

- Дальше ему некуда. Дальше ждет его непроходимый безжизненный лес, беспощадный край с морозами. Воины Токтамыса готовы умереть здесь, но туда они не пойдут.

- Не верю, что Токтамыс остановится, - один из тысячников еще сомневался.

- Ты не сказал свое мнение, - Амир повернулся к Едиге.

- Надо пресечь вечную войну.

- Это правдивое суждение, - поддержал Амир.

- В словах Едиге «пресечь вечную войну» лежала его мечта избавить великую степь и жителей степи, кочующий народ беспощадной, кровавой войны, где вечно кто-то кого-то гоняет, кто-то убегает. Для окончания войны кто-то должен быть победителем. Кто такой Токтамыс, он хорошо знает по прожитой с ним годами

жизни, нет границ его честолюбию и коварству. Ему не дано брезговать кровью и он не остановится. Он сам оказался среди воинов Амира в этом походе не потому, что хочет мстить Токтамысу, а в надежде, что может таким способом чем-то помочь народу в обретении мира.

Амир Тимур до ниточки объяснил присутствующим свою мысль и закончил словами:

- Все сказанное мною, надеюсь, дошло до вас, у нас иного выхода не осталось.

- Да, Амир, нам все понятно.

- Поймут ли воины эти трудности, - кто-то высказал сомнение.

- Объясните. Если мы теперь отступим назад, то Токтамыс постоянно будет бить нас по затылку. Тогда наш поход кончится всеобщей гибелью, - Амир еще раз подчеркнул возникшую опасность.

Токтамыс готовился к решительной битве у русла реки Кундершин. Он считал разгром Амира Тимура неизбежным, в течение шести месяцев он и его воины устали в поисках хана Орды, страдают от нехватки продовольствия. Оставив позади знойные дни лета, прибыл и Амир Тимур со своими людьми. Амиру донесли, что на помощь Токтамысу прибыли полки русских и он намного стал сильнее.

Едиге решил своими глазами осмотреть расположение войск Токтамыса. Туман внизу, постепенно поднимаясь вверх, начал рассеиваться. За высоким небольшим лесом выглядывает солнце. Его лучи пронизывают все вокруг и указывают, кто где находится. Река Кундиришин здесь течет на восток и, сливаясь с рекой Сок, вливается в Едил. Сама природа здесь создала треугольник. Если воины Токтамыса отступят, Едил подпирает их за спиной, они не смогут обернуться и бить их сбоку. Свою мысль он изложил Амиру.

- Мысль правильная. Токтамыс не сумел выбрать удачное место для сражения. А если нам придется отступить? - Амир хотел продолжения мысли.

- Тогда река Сок очень выгодна нам для обороны, - Едиге дальше подтвердил свое предположение.

Амир Тимур все свои силы разделил на семь частей. На правом и на левом крыле поставил по одной части, остальных туменов расположил посередине. На следующий день почти дважды превосходящие по числу воины Токтамыса, как муравьи, построились. Он решил испугать воинов Амира, показав свою многочисленность. Амир приказал своим восьми тысячам всадников разжечь огонь и

варить мясо в котле. Воины Токтамыса на подветренной стороне глотали слюни. Свежий запах от вареного мяса распространился в утреннем свежем воздухе, и все удивились Амиру за это. Воины Амира, уставшие от многомесячного похода, это приняли как праздник перед победой, поднялся дух каждого.

Воспользовавшись многочисленностью войска Токтамыса, с криком-шумом лавиной бросились в атаку. Начался беспощадный кровавый бой. Уверенные в своей победе воины Амира вели неотступную битву. Токтамыс, имея превосходство по численности, особо укрепил правое и левое крыло войск, и они теперь начали окружать войска Амира. На белом коне подъехал к Амиру имам Сейд Береке.

- Святой имам, неужели разгром ждет нас, - сказал Амир Тимур в отчаянии.

- Не бойся! - жестко прозвучал голос имама Сейд Береке. Имам взял горсть земли, прочитал молитву-дуа и с ужасающим криком:

- Жау Ұашты! (Враг убегает!) - кинулся к месту битвы. Свободный конец его чалмы поднялся как знамя победы.

Следом за Сейд Береке скакал Амир Тимур, и его громовой голос достигал всех. Поднялся дух воинов и все с криком «Жау кашты!» лавиной бросились вперед. Едиге руководил одним из туменов, в центре майдана привязанная к рукаву зеленая повязка поднималась вместе с саблей, как знамя, и воины, потерявшие ряды, вновь сомкнулись, с новой силой вступили в бой. Рассеялось сомнение, и воины, как степная буря, разметали все на пути. От боевых криков и непрерывного скрежета железа небо затуманилось, а от копыт скачущих коней, казалось, земля сама движется. Русло реки, овраги, отдельные кучки леса заполнились окриками всадников и свистящими звуками стрел. Внезапно обретая новые силы, воины, как весенняя вода, все сметали, все опрокидывали.

- Ур! Бей!

- Сильнее бей!

Бурная лавина продолжала разметать. Тумен Едиге, раскромсав одну часть врага, спешно кинулся за другим. С какой бы быстротой не скакал конь, это расстояние казалось недостижимым. От пыли, поднявшейся до небес от копыт коней, скачущие рядом всадники смотрелись как смутное видение. Едиге скакал, нагнувшись к гриве коня, и думал, как бы не попасть в капкан, заложенный Токтамысом.

Вот перед ними появилась тысяча врагов. Вдруг они раступились, и Едиге увидел стволы четырех пушек, направленных на них. Смерть! Смерть. Неожданность. Один из русских самой большой пушки занес фитиль. Пушка взорвалась на месте, тела рядом стоящих, взлетев в воздух, падали вместе с пылью. Ядро из крайней пушки, просвистев над головой, упало далеко.

- Кажы... - крикнул Едиге своему другу, - бей их сбоку, не останавливайся. Пушкарей...

Растерявшиеся от грохота пушек жигиты Едиге быстро пришли в себя и с победными криками погнались за отступающим врагом. После обеда воины Токтамыса начали отступать. Не выдержав натиска, лавины войск хана, литовцы, русские, ордынцы, искавшие только богатую добычу, начали бежать. В одном из них Едиге мельком увидел Казаншы. Его окружала тысяча. Едиге, пристегнув коня, устремился к нему. Видевшие Едиге в час его ужасающего сражения, всю жизнь боялись за свою душу, он мог моментально опрокинуть встречного, те, кто пытался оказать сопротивление, оказались без головы, падали с коня с воплями. Вдруг кто-то нанес сильный удар по его шлему. На второй удар успел подставить щит, а врага поднял на штык. Казаншы, воспользовавшись моментом, ускользнул.

- Жаль, - сказал Едиге, остановив коня.

- О чем жалеешь? - спросил уставшим голосом Кажы Мухаммед.

- Успел уйти Казаншы от наказания.

- Этот негодяй тоже здесь? Раз ушел, есть время еще пить воды.

Бежавшие воины Токтамыса дошли до реки Едил. Кто успел, тот, спешно раздевшись, бросили вооружение, хватались за гривы и хвост коней, пытались переправиться на другой берег. Полонили многих. Пространство от Кундершина длиною десять километров заполнилось не успевшими сбежать телами мертвецов. Незвестно как и откуда они появились, небо покрылось искавшими останки грифами. Успел убежать Токтамыс-хан. Да, эту битву своими глазами видел один историк-араб и кто знал, что он потом напишет о последствиях: «стотысячные войска Токтамыса нашли свою гибель».

Богатствам, попавшим в их руки, нет предела. Токтамыс со своими воинами гнал несколько тысяч лошадей, баранов и коз, несколько табунов верблюдов. Не перечислить драгоценных камней, золота-серебра, нескольких телег шелковых материалов. Все это

под сторожающим контролем самого Амира очень точно разделили между воинами. Погибшим досталось столько, сколько живым.

Погибших воинов Амира Тимура было тоже много.

- Как поступим? - спрашивали тысячники.

- Надо похоронить как мусульман, прочитав молитву.

- А главы туменов и тысячников?

- Их надо хоронить отдельно, над могилами их поднять из камней курган.

На Кундершине вот так возвысились семнадцать курганов знаменитым полководцам. Пройдут века, кто тогда знал, что историки назовут их «царскими курганами».

На острове Уртобе, по течению реки Едил Амир Тимур дал отдых своим воинам, уставшим от кровопролитных боев на Кундершине и от длительного шестимесячного похода. Отдыхали в течение двадцатишести дней и привели себя в порядок. Андасын каждое событие внимательно рассматривал и делал свои выводы.

- У кого ничего не было, теперь у него все есть. Некоторые руководители войск поленились гнать с собой скот, попавшийся в руки, и оставляют в пути отары баранов и коз, косяки лошадей. Суетная жизнь, кто достигнет желаемого.

- Откуда ты все это слышал? - удивился Едиге.

- Не веришь мне? По рассказам от одного Токтамыса попал в руки пятьдесят тысяч лошадей. А вокруг него ходили около двадцати знати. Хочешь - не хочешь придется верить рассказам о пятиста тысячах животных.

Нагруженные богатством войска Амира Тимура столицу Золотой Орды, хотя она была прямо на пути, обошли стороной. Едиге боялся, что сердитый на хана Токтамыса, Амир Тимур разгромит город Сарай. Обошли, не тронули, успокоилось сердце, дышать стало легче. Только теперь Едиге пригласил верного друга Тунболата к себе и опять тайно послал его к своим знакомым, известным людям, чтобы они подальше откочевали с пути войск Амира. Советовал направиться в Сары-Арку и сказал, что жить по казахским обычаям ему тоже по душе и он ждет своего часа.

Люди, подчинившиеся Токтамысу, теперь не могли найти покой и бродили по степи. До хана Токтамыса они подчинялись его отцу и Тимур Кутлуг переживал за них. Пришлось ему пойти к Амиру.

- Пришел к вам с одной просьбой. Хан Токтамыс силой захватил моих людей и присоединил к себе. Они теперь проживают кое-как и кто где. Хочу объединить их заново и привести к вашим улугам.

После Тимур Кутлука Едиге тоже остался в степях Дешти Кыпчак, ссылаясь на то, что тоже «хочет объединить войной разбросанный народ». Перед этим по приказу Амира военачальники собрали бродивших по степи людей Токтамыса и он разделил их между Тимуром Кутлугом, Едиге, Кунше огланом. Через некоторое время Тимуру Кутлугу удалось собрать часть своего народа и он пошел к Амиру.

- Доброго пути тебе.

- Веду свой народ к Тимуру. Пусть будут под его властью.

- Ты что, о чем говоришь? - Брови Едиге нахмурились, сердито прозвучал его голос.

- Так договорились.

- Какой-то толк от того, что народ ведешь к Тимуру? Он твоих людей разделит по улусам, а тебя сделает нукером одного из своих сыновей. Ты этого ждешь?

- А что остается мне? - спросил растерянный Тимур Кутлуг.

- Золотая Орда, священный Сарай остался без правителя. Народ без главы, табун, бродящий без вожака, всегда попадает в зубы голодного волка, то же самое будет с народом. Бери себе золотой трон. Хозяин трона - потомок хана ты. Моя помощь тебе, это часть народа, переданная мне Амиром, вручаю тебе. Бери Сарай и объяви себя ханом Орды. Я всегда готов оказать тебе любую помощь.

Амир Тимур поздно понял свою ошибку. Сожалел, что отпустил Едиге, у кого достаточно ума и храбрости, настойчивости. Послал за ним своего гонца.

- Великий Амир ждет вашего возвращения. Появились новые вопросы и будет совет по ним. Очень нужны ваше присутствие и дельные советы, - сказал посланник Амира.

Едиге задумался. Главным врагом Амира был Токтамыс, в эти дни никто не знает, где он скрывается, подался к какому государю. Спокойная обстановка в Персии. Двинуться в Китай, после тяжелой войны это невозможно. По всей вероятности Амир подготовил капкан для него. Если пойдет и возврата не будет, не увидит он быт и жизнь казаха, не сможет осуществить свою мечту быть с этим народом, направить его в мирную, благодатную жизнь.

- Скажи Амиру, наше согласие и взаимодействие кончится здесь, на этом месте. Пусть он сам решает свои вопросы. Аллах каждому человеку предопределяет отдельный путь. Не могу оставить свой путь по зову Амира.

Едиге было известно, где находится в Сары-Арке народ, веривший ему в этой войне. Едиге давно задумывался, где же должна

быть постоянная стоянка его Орды и в какой области Сары-Арки может забить кол для обоснования благодатного края. Длинна река Сарысу, но она близка к владениям Амира. Севшие на быстроногих коней, как степной ветер, всадники врага за день-два смогут добраться и внезапно разгромить народ. Ближе к реке Яик обосноваться тоже не очень уместно. Верить нельзя, что вражда между Амиром Темиром и Токтамысом закончилась битвой при Кундершине. Кроме этого ностоянная борьба за трон между ханами не даст покоя народу. Каркаралы, Тагылы-Бугулы, Ортау... Дальне этих земель есть калмыки. Кроме этого эти земли лежат далеко от торговых путей. Едиге хочет постоянно узнавать намерения не только русских князей, но и народов запада, где растет производство по отраслям.

Одни за другими пробежали перед глазами Едиге разные края великой степи. Выбор пал на Улытау. Благодатный край. Центр всех земель, которые он видел. В далеких прошлых годах и Жошыхан не зря выбрал Улытау для своей Орды. После отправки посланника Амира Тимура Едиге сначала обосновался в среднем течении Сарысу и через некоторое время с аулами, поддержавшими его, прибыл на Улытау. Найманы здешней местности, вся знать во главе с Шауешек-би встретили его с раскрытыми объятиями. Люди, перетерпевшие издевательства Токтамыса, народ, превратившийся чуть ли не в бродягу из-за постоянных стычек, начали гуртами прибывать.

- С прибытием! Добро пожаловать, мои казахи, - говорил, встречая их, Едиге.

Среди прибывших особое большинство были люди бывшей Ногайской Орды. За Едигем гремела когда-то власть Ногая, и те дни теперь уже забыты. Ногайцами называли кыпчаков этой степи, найманов, аргынов, кереев и алшын и адайцев. За Едиге последовали и аулы мангыта. Сперва улус Едиге называли мангытом, после с течением времени укрепилось название Ногайская Орда. Едиге никогда не отличал свой новый улус от Золотой Орды, всегда считал его частью священной великой империи. Да, он чуть далеко отобосновал улус от столицы, а это считал необходимым для объединения отдельных родов, для поддержки обессиленной Золотой Орды. Особенно желал он прекращения борьбы за трон Золотой Орды и правил этим народом человек прозорливый, думающий о будущем и восстановил былую мощь Золотой Орды. Едиге не объявил себя правителем нового улуса, но все беспрекословно, молча приняли его владычество. Он же заранее показал народу

свою приверженность во время похода Амира Темира по течению реки Сарысу и дальше в Улытау. Народ не забывал его смелость и благожелательность и старшие рассказывали об этом младшим.

К северу от Улытау, на расстояние, куда может проскочить годовалый жеребенок, находится Орда Едиге. Он, настезь открыв двери большой белой юрты, любовался каменными вершинами гор, казавшимися памятниками вечности. Скалистую вершину облетают только беркуты, и непонятно, то ли вершина подпирает синее небо, то ли синее небо, склонившись, обнимает вершины скал, это непонятное чудное видение. Созданное великим Аллахом красивое чудо природы не нарушал бы никто, жило бы человечество уважая, любуясь его красотой, может, тогда в этом мире создали бы благую жизнь, говорило у него внутри.

В Орду с приветствием зашел Андасын. Они в молодые годы обнимались грудь в грудь, спрашивали о здоровье, а теперь вот то-скливые воспоминания отражаются в их взглядах, в глазах, после них зашел Шауешек-би и люди, сопровождавшие его.

Едиге всегда без слов знал о благожелании друга Андасына и бросил взгляд на Шауешека, на его без седины красивую бороду, на его лицо, отражавшее доброту и зрелый ум. Его спокойное лицо, крупное телосложение как бы само собой говорили, что он в любой трудности может оказать помощь. Личность, впитавшая в себя мудрость стелей. Эти люди ежедневно собираются в Орде, делятся новостями, советуются, некоторые уходят, получив поручение от Едиге.

Народ еще не спокоен, подозрительный народ, услышав снаружи доносивший возглас «ау, ау», больше наостряет уши, а некоторые из открытых дверей вытянули шеи. Из дальних мгlistых хребтов мчит всадник, направляясь сюда. Покрытая густой пылью и полыхающая белогривкой земля слегка дрожит от копыт коня. Но копыта коня не поднимают пыль. Стремительна езда всадника. Но чем ближе к Орде, тем наездник начал сдерживать коня.

- Кто же он?

- Будто торопится.

Перед тем как заехать в аул, всадник вовсе замедлил ход коня и бросил поводок уздечки встретившему его парню. Едиге узнал Кажы Мухаммеда, давно его не было видно, где же он был?

- Ассалаумалейкум, народ,- произнес он и сперва протянул руку Едиге.

Более молодые, поздоровавшись с ним, опять вернулись на свои места. Все вопросительно смотрят на Кажы Мухаммеда.

Кажы Мухаммед не торопился, тоже оглядывает каждого и слегка кивает головой.

- На этот раз возвращаюсь из дальнего пути,- начал медленно Кажы Мухаммед.

- Об этом свидетельствует твой вид, - сказав это, Шауешек-би указал на порванные рукава его одежды. - Был бы добрый путь.

- Мы слышаны, что ты без отдыха ищешь родню своей невесты, богатую скотом, с полными бурдюками айрана. В голодную степь, куда не залетает птица, может в одиночку отправляться только смельчак. Он ищет добычу или получает какие-то вести. А какой смысл твоих походов? Не только старики, даже дети аула соскучились по тебе,- Тунболат насмешливо закончил свой вопрос.

Кажы Мухаммеду не понравился такой вопрос. Если кто-нибудь другой сказал бы такое, он бы получил за это наказание. Но Тунболату нельзя, они ровесники. Кроме этого, он выполняет самые ответственные задания Едиге, очень верный человек. Тихо засмеялся.

- Тебя беспокоят сомнения и сидишь как на иголках. Тот аул, где ты кого-то ищешь, обошел издалека. Не переживай за это.

Взаимным шуткам люди старшего возраста улыбались, устремив глаза вниз, тихо шептались. Едиге кашлянул.

- Как знать, исчезаешь надолго. Думаем о тебе и сны теряем,- успел ответить Тунболат.

- Рассказал бы о своих похождениях, - Андасын повернул в другое русло возникший разговор.

- Да, да, - поддержали сидевшие.

- Мне кажется, еще не наступило время беспробудного сна, - Кажы Мухаммед, расправив грудь, вопросительно осмотрел всех присутствующих, как бы спрашивая «о чем вы думаете?»

- К сожалению, это правда, - Шауешек-би, тяжело вздохнув, кивнул головой. - Не ищи врага, он под оврагом, говорили в старину.

- В тот раз обошел нескончаемое русло реки Сарысу. Бросались в глаза только гуси, утки и куланы да сайгаки. На этот раз.. Кажы Мухаммед покачал головой.

- На этот раз куда держал путь? - Андасын выразил свое беспокойство.

- Да, длинны же Уральские горы. Начал с севера, покрытого льдом, дошел до реки Яик, где кончаются южные хребты Урала.

- Слишком далек путь этот, неужели был один? - Шауешек-би не мог спокойно слушать рассказ.

- Да, один. С людьми вдг, бросаешься на глаза других. Если тебя заметят, не достигнешь цели.

- Как в одиночку? Опасно... врагов хватает... - Андасын прервал речь.

Едиге молчал, пока слушал. Не упустил ни одного движения Кажы Мухаммеда, слушает, не моргнув глазом. О многих походах Кажы Мухаммеда он знал. Он тоже думает о мирной жизни этих людей и каждый поход посвящает этой цели. Но в этот раз ему было неизвестно о таком походе его друга по Уральским горам.

- На неизвестной реке, берущей начало в Уральских горах, видел неизвестных людей. Стало любопытно, кто они такие? Прячась в лесах и в кустарниках, начал наблюдать. Они тоже меня заметили, еле ноги унес, опять возвратился и продолжил наблюдение.

- Какая опасность, забыл о предосторожности? - Шауешек-би забеспокоился.

- Что за люди, отбившиеся от своего народа. Не похожи на чьих-то воинов. Поблизости нет ни одного аула, сказать, что они оттуда, тоже невозможно. Некоторые разделены до пояса. В руках лом, кайлы.

- Может, могилы роют, - удивился один из слушателей.

- Мне тоже хотелось узнать, что они роют. Любопытство росло. Ползая, ползая, подошел совсем близко и своим глазам не поверил. Оказались наши братья башкиры, среди них ходят и наши казахи. Самое ужасное...

- Что еще? - испуганно произнес кто-то.

- Да, среди них прохаживались синеглазые, желтоволосые.

- Видом желтым, глаза синим, - Шауешек-би вспомнил поговорку.

- Оттуда появились они, бродяги, - Андасын сердито свел свои брови. - Собаке лучше, где ее кормят. Они часто начали бродить по хребтам Урала. Не к лучшему ли это.

- Ну, а дальде? - Тунболат, нагнувшись вниз, повернулся к Кажы Мухаммеду.

- Бродяжничают? Точно сказано. Хотел поговорить с одним из них. Удалось поймать одного из этих своих казахов. Взял за шиворот. Скажи мне одну правду, что за люди эти и чем они занимаются? Откуда синеглазые? Если не скажешь, тебе конец здесь. Может, ислугался он моих слов или сам пугливый, все изложил. Брат, не убивай только, мы люди, нанятые на эту работу. Из далеких аулов. Люди, превратившиеся в бродяг после Токтамыса. Желтолицые -

русские. В Уральских горах ищут золото-серебро, месторождения железных руд. Если найдут такие богатые месторождения, намерены дать ханам Орды горсть золота и присвоить эти земли себе. Я убедился, что они не зря бродяжничают в этих местах.

От вестей, услышанных от Кажы Мухаммеда, возникла молчаливая тишина. Шауешек-би, упираясь спиной к остову юрты, устремил задумчивые глаза к верхушке дома. Андасын и Тунболат изменили прежнее положение и лежали на боку. Кажы Мухаммед поправил порванные во время борьбы рукава, снял шапку с головы, протер вспотевший лоб. Всегда он выглядел стойким как литый чугун, но сегодня что-то сгорбил. Выпирают скулы лица, глаза чуть опавшие, выступают концы его красивых усов, лицо покрыто растрепанными волосами. Нагнул свое высокое, крупное тело, взял большую чашку с напитком и одним махом осушил ее.

Услышанная новость, как ударом, поразила многих. Их положение не осталось без внимания Едиге, и он высказал свое мнение. Мысли веские, четкие. В голосе прозвучала уверенность в себе, к своей мысли.

Рассказанные Кажы Мухаммедом события очень волнуют всех нас. Бродяжничество желтоголовых, захват ими земель, прародины тюркских народов, не приведет к хорошим последствиям. Это допустили наши хапуги, недотепы. Хан Токтамыс, чтобы владеть тронem Орды, искал опоры у русских князей и отдал такие месторождения им безвозмездно. Волка сколько ни корми, желает еще мясо, этим тоже мало, что они взяли от хана. Раскрытая пасть тебя проглотит или надо найти способ закрыть ее навсегда. Вот наша беда, что нам предначертано судьбой. Поэтому мы расстались с ханом Токтамысом. Что скажешь, если хан за трон продает за бесценок будущий простор и достаток потомков всех людей, ныне здравствующих.

- Войдут, крадут, берут все как свое. Что мы предпримем против? Что скажем? - Шауешек-би вопросительно развел руками.

- На Черном Ертысе поднимают свою Орду калмыки, на Урале начнут господствовать русские, с обеих сторон сына казаха будут теснить враги, какое житее ждет наших потомков? - Андасын поднял голову, сел, поджав ноги.

- Почему Амир Тимур не погнал русских подальше от нас после битвы на Кундершине, - Тунболат пожалел о прошлом.

- Все ли возможно. Полгода мы последовали за Токтамысом, как охотники за лисой. Догнали его, когда сами уже изнемогли. Победа досталась с трудом. За Токтамысом стоял черед русских, за

руссами Литва, а дальше немцы, - Кажы Мухаммед обвинительно бросил взгляд на Тунболата, как бы говоря «как ты забыл о них».

- Да, многовато врагов наших.

- По такому случаю Сыпыра-жырау сказал:

Река, речка, чистая вода,
Обосновал народ Золотая Орда,
Кузнец ковал из прутьев
Для дверей цепь
От рыбок нет покоя коням,
От лягушек - сон людям,
О, Едил и мой Яик,
Как достался ты врагам.

Как бы точно так не случилось. Вот от этих происков русских сердце щемит. Многие из нас беспечны, а ханам нужен только трон. Многие не думают, что потеряем многое, а ведем нескончаемый спор, состязаемся в красноречии. Язык хорош, но пососав его, сыт не будешь. За сопкой виден враг, а нам бы только пировать. Наивный теряет сперва коня, а потом его жена достанется кому-то в виде добычи. Время быстро меняется, а если мы не меняемся по духу времени, кем станет твой сын, в каком гнезде окажется девушка, - Шауешек-би высказал все то, что у него накопело за всю жизнь.

Шауешек высказал с сожалением о прорехах прошлого, об опасностях будущего. После слов знаменитого бия Андасын глубоко задумался, молча сидел. Холостяцкая жизнь, когда думаешь только о сытости брюха, давно осталась позади. Тогда одиночество считали большим недостатком и печалились, но все это по сравнению с трудностями нынешних дней - игра в прятки у детей. Есть поговорка «нет могилы казаха, погибшего от голода». Да, это правда. Да, народ не погибает от голода, зато отстает от других во времени. Мужик лесов строит города, окружает их каменной стеной. Страны дальше их делают разные виды огненного оружия. Теперь эти желтоволосые хотят завладеть железной рудой. Душа заболела от тревожных мыслей, и Андасын протянул руку к домбре и слегка тронул струны.

Кажы Мухаммед постоянно шутит с ним. Тяжелые новости принес он с собой. Теперь, опрокинув всю тяжесть, как груз с телеги, начал другой разговор, повернул струны на другой лад. Он улыбнулся и сказал:

- Люди с отверстиями в ушах, когда зовут на обед, могут остаться без еды, они же плохо слышат, - сказав это, Кажы Мухаммед мимоходом показал на уши Андасына, простреленные в одной из битв врагом. Небольшую дырку на ушах Андасын никогда не скрывал.

- Оу, - сказал Андасын, - скажешь же. Со времен Адама никто не видел человека, евшего ушами. А вот у некоторых с носом не все в порядке, придется жалеть их.

Кажы Мухаммед в этот раз в походе при поимке «языка» не только порвал рукава, но и по морде получил. Андасын насмешливо показал на раскрасневший нос друга.

- На сегодня это же мой прекрасный вид. Иногда вот так надо изменить свой облик, а то, кто поверит, что ты действительно мужчина, - Кажы Мухаммед удачно увернулся от шутки.

Из ничего создав смешное, они подняли упавшее настроение людей. Не жалели себя, зато не трогали чести других. От удачной шутки и народ повеселел. Есть поговорка: кто шутить не умеет, у того дубина в руках. Любой из присутствующих не молчалив, остер на язык, лежа, пристрелит остротой наповал. Не забыли шутить над молодыми парнями, обхаживающими таких молодых женщин, разжигающих огонь под котлами.

Тунболат начал рыться в сумке, вытащил лист бумаги и обрattился к Едиге.

- Поручили организовать помощь вновь прибывшим беженцам. Я хотел, улучив момент, проверить их численность.

- Правильно поступаешь. Пока кто-нибудь оказывает помощь скоту или по-другому?

- Конечно, есть. Мы довольны, если другие соседи новоприбывших окажут такую помощь, как Шауешек-би.

- Скажете, наш Андасын рвется дать им тысячу баранов.

В этот момент Андасын только что переступил порог и, услышав слова Кажы Мухаммеда, замер, не произнося ни слова, будто его кто-то стукнул по голове. Хорошо, что он не уронил кувшин. Растерялся, кувшин, наполненный водой, тяжело поставил через порог и сердито бросил взгляд на Кажы Мухаммеда. Он не только тысячи баранов, но и никак не может собрать сто коз, а он, улучив момент, обвинил его в безхозяйственности. Ну, и друг! Долго продолжавшиеся шутки подошли к концу. Душевно верных друзей Бог объединяет.

- Вот это да, такой дар пока никто не совершал, - Тунболат и дальше хотел продолжить разговор.

- Все! Хватит на этот раз, - Едиге спас покрасневшего Анда-сына от дальнейших шуток.

Только что состязались в словопрениии, остроте, красноречии, любовались, смеялись и спорили, кто острее сказал, и были довольны вся знать Орды, носившая степные шапки-борик из лис и белок. Теперь опять все замолчали, им показалось стыдным, когда мир так изменчиво переворачивается, они поддались веселым шуткам-прибауткам и слишком вольно почувствовали себя. Из-за одного из хребтов показался всадник и исчез.

- Кто же? - говорили меж собой тихо.

Всадник на черном коне, как бы соревнуется со степным вихрем. Вихрем примчался к аулу и резко остановил коня около Орды. Такая езда к радости или несет весть о вражеской наступлении. Парень, взявший поводок, улыбнулся и похлопал в ладоши. О, боже, это к радости.

Весть о том, что едет Сыпыра-жырау, обрадовала всех, Едиге поручил рядом с его Ордой ставить отдельную юрту для поэта-сказителя. Восьмиостовая белая юрта светилась как очищенное от скорлупы яйцо, притягивала к себе, изнутри была обставлена вещами степной красоты. Наружный войлок, покрытый шымшы-тростником, расшит как ковер. Верхнее покрытие тунлик-узик украшено узорами и раскрашено. Войлочная дверь обшита древними орнаментами, каких сейчас нигде не увидишь.

Сыпыра-жырау слез с белого коня-иноходца, Едиге и люди Орды встретили его с расprostертыми объятиями. Жырау кивнул головой, указав на Орду, подчеркивая, что сперва нужно зайти в Орду, поклониться и почтить ее величие. На почетное место тор не сел. Тор указал Едиге, а сам сел чуть ниже. Тогда, в далеком Кумкенте тело его выглядело прямее, а сейчас чуть сгорбился, борода, спускавшаяся на грудь, и красивые усы блестят как серебро. Глаза горят, как прежде, живет в этом мире долго, но он остался верен сказаниям народа, в их житие-бытие. Его видение себя, толкования о жизни такие же, как прежде. Жырау спокойно осмотрел Едиге и, слегка кивнув головой, сказал:

Когда я видел первый раз,
Был еще слишком молодым,
Тогда ты мечтал о степи.

- Очень хорошо! Пусть будет Орда устойчива, устои ее основательны. Вокруг бродит много врагов, жесток же будь с вра-

гом, будь добр с народом, - Сказав это, Сыпыра-жырау взял с дастархана кусочек хлеба и встал, направился к юрте, специально отведенной ему. Не торопясь, выпил из чашки напиток, почитал благожелательную бата-молитву барану, предназначенному для жертвоприношения. Жырау всем своим видом показал, что хочет отдохнуть и лег на правый бок.

- Еда готова, - доложили люди, находившиеся около котла.
- Как жырау?
- Хорошо отдохнул. Немного вздремнул.
- Ну тогда... - Едиге переступил через порог гостевой юрты.
- Какой воздух этой степи чистый, - сказал жырау и поднял голову, - Вода прелесть. Спал так, будто выпил медовый кумыс, как в младенческие годы.

- Улытау велик не только высотой, а святостью,- ответил Едиге.

- Правильно сказано, когда-то, в молодые годы, бывали такие сны, с тех пор не чувствовал такого наслаждения. Нет клочка земли казахской степи, где не ступали бы мои ноги. Сары-Арка есть великая степь. Сары-Арка есть опора казаха, где можно найти покой. Да, как удачно нашли такое красивое и таинственное название этой земле наши прадеды.

Зашел молодой жигит, держа в руках чайник с тазиком, ловесив на шею полотенце. За ним зашли знать Орды, молодежь аула, захотевшие поздороваться со знаменитым жырау-сказителем. Многие из них, впервые пожавшие руки жырау, посчитали это большой честью и огладили свои лица. Жырау поцеловал руки двухлетнего ребенка, спрятавшего лицо на груди своего отца, и дал ему бата-пожелание.

Ели не спеша и долго. Тем, кто не вмещался в Орду, постелили дастархан рядом с домом и они навестили уши, чтобы услышать, о чем толкуют внутри юрты. Знать, сидящая за одним дастарханом с жырау, предпочитала сохранять молчаливый покой. Едиге понемногу спрашивал о том, в каких частях степи бывал жырау и о дальнейших намерениях его. Услышав, что жырау специально приехал в их Орду, одобрительный шум охватил всех.

- К нам повернул своего коня.
- Специально приехал.
- Он же знаменит. Соскучился по Улытау.

Закончив есть, возвратили табак-посуду. Подали специально приготовленную сорпа и свежий кумыс. Жырау чуть отпил сорпу и долго держал на руках чашку. Остальной народ сперва пили сор-

пу и через *некоторое время* осушив кумыс, поданный в большой посуде. Только тогда жырау возвратил свою чашку с недопитой сорпой.

- Это же саркыт (блюдо, возвращенное святым человеком).
- Дай мне, я попробую.
- Оставь мне, сыну дам.

Спорившим за саркыт не было конца. Начисто убрали все и только перед Сыпыра-жырау застелили небольшой дастархан с разными напитками. Часть людей, находившихся снаружи, заполнили освобожденные места. Жырау давно понял, что народ ожидает его сказания. В этом быстро меняющемся мире у каждого много потерь, каждому нужна надежда, опустошенный ищет поддержку, молодому, ищущему свой путь, нужен голос героического прошлого. Орда молода. Молодой ищет предводителя. Если сын достоин предводительства, почему его не воспеть.

Протянув руку, из кожаного мешочка достал домбру. Зазвучала домбра. Прозвучал кюй, воспевающий героизм и стойкость народа. Стремительно полилась мелодия, передающая звуки буйных вихрей, топот многочисленных коней, лязг вынутых саблей, голоса женщин и храбрых воинов. Эти кюи возбуждали людей. А потом из тех же струн зазвучал кюй другого склада, как бы осторожно трогающий сердца, когда мир охвачен печалью, скорбью, но блестит огонек надежды и зовет к заветной мечте. Мечта живет недолго, она сменяется сожалением, и все это лереллетается, оплакивается наивность. Восторжествует голос жизни, голос, зовущий к пониманию величия жизни, заполняет все пространство.

В Орде наступила немая тишина. Назойливая муха и та молча висит на высоком кончике опущенной сверху узорчатой веревки-уик бау. Плачущий ребенок лежит на коленях отца и спит блаженно, слышен только тихий звук его носа. Отец его задумчиво мирно качает под звуки кюя. Не слышно лязга котлов, звука посуды за дверью. Большинство, опустив шапки на лоб, зажмурив глаза, чуть заметно кивают головой. Нет человека без мечты, а кто достиг желаемого. О, этот суетный мир широк. Ты полон нескончаемой мечтой, ты велик, как Улытау. О, жизнь, почему ты краткосрочна. Если бы возвратилось невозвратное время, прожил бы так, чтобы не допустить сожаления, не пропустить жалкие события. Очистился бы от душевной грязи, показал бы людям, что честен и чист. Признать скрытые в своем теле, в душе свои грехи и вину самое лучшее в жизни. Нет ничего тяжелее, чем, не очистившись, со своими грехами идти в иной мир.

Вдруг из домбры прозвучали другие звуки. Растревожились люди, нарушив покой. Сердца по-другому застучали. Люди, сидевшие бок о бок, зашевелились. Муха, сидящая на узорчатой веревке, прожужжав, улетела. Снаружи сидящие ахнули.

Ты молодой сын степей,
Родина твоя эти хребты.
В Улытау великой
Поднял Орду казах.
Вокруг полон людьми.
Одно из прекрасных,
Бросил одежду Ногай,
На спине шуба казаха,
Под тобой конь иноходец
Твой барабан из кожи.
Обходили синее озеро,
Из золота цепь птицы,
Белый орел на руках.
Остры уши твоих коней,
Гривы причесаны как у девки.
Ступает считая след,
Как змея схожена,
Зубастый как волк-вожак,
Копыта как литые,
Выбрал коня степи.

- О, Боже, какое прекрасное сравнение! - Андасын постучал по коленям.

- Нет такого жырау-сказителя.

- Слова льются как вода из чистого родника, - Люди зашевелились, заскрипели остоны юрты.

Не достоин Токтамыс,
С поклоном ты не шел
Стрела достанет и в небе,
О лишении не сказал,
Хотел он дать царство,
Все Торжество тебе отдать.
Табун, табун лошадей
Звал «ко мне Едиге»,
Ты не отступил от своего.
Тогда этот старец жырау

Токтамысу говорил
Он ломает остов Орды
Разрежет покрывало юрты,
Девяностоголовая твоя Орда
Достанется только ему,
Табунами твоих коней,
Забирает тоже он,
Красавицу Каникей,
Прекрасную Тинекей,
Посадив верхом на коня,
Добычей сделает сей оглан.

- Что еще можно? - заволновался Шауешек-би. - Все сказано Токтамысу. Догадливому ясна же догадка. Кто втянул Токтамыса во вражду, черт в одежде или голый шайтан, с потомком святого Баба Тукби Шашты Азиз Едиге.

- Все слышал, все видел и допустил своей Орде, - удивился Тунболат.

Жырау не спеша оглядел возбужденные лица слушателей, погладил бороду и, взяв кумыс, не спеша отпил. Опять разыгралась домбра.

Тогда Едиге клятву дал.
Алла, Кадыр поддержит,
Желания мои поддержат,
На хребтах сорока сопок,
Пройду по ним своим шагом,
В сорокодневней пустыне,
Будет течь родник чистый.
Оседлаю коня буланого,
И неустанно ездит на нем.
Как дни проходящие
Буду всегда впереди,
Ногай, казах, мой народ.
Не спешат, мирно спят,
Подниму я твой шанырак,
В реке Есил красный яр,
Налажу там переход.
Начало Иртыша высока,
Нашей будет и она.
Орда хана Токтамыс.

Серебряные ее двери.
Открою кончиком
Острого кинжала.
Не достигну желанного,
Не сделаю сказанного,
Пусть исчезнет имя Едиге.

- Жестко сказано. Клятвы достойно.

- Что он пожелал, то и выполнено, — говорили меж собой слушатели.

Сначала голос жырау поднялся до небес, постепенно смягчился, слушать стало приятно, и впитывалось каждое слово от мозга до костей. Люди никак не могли различить этот голос, он прозвучал из горла сказителя, или медленная игра струн домбры сама воспекает под видом звуков мечты великой степи.

Оу, Едиге, сын достойный,
Погасил огонь врага,
Если парень не желанный,
Не видеть ему доброго коня,
Девяносто стрел с колчаном.
Не допускал его до еды.
Не брал в нукера безродного.
Желанного жигита.
Поднял выше до небес.
Дал клятву его жизни.
Ты рожденный горный орел,
Свысока глядишь вниз.
Жеребенком рос без цепи.
Свободно без ограничений.
Не подчинил тебе Токтамыс.
Достойного жигита,
До последнего поддержал.
Прекрасны озера и пастбища,
Прекрасны они теплотой,
Не нужна ложь лжеца.
Непреклонных веток сосны.
Не разрубишь топором.
Сросшиеся ветки дубины.
Не разделить верблюдом,
Позолоченного панциря.

В поединке ты порвал.
Сгрелы от твоего лука.
Свистят как нос у быка.
Все ангелы мира,
Святой Шашты Азиз,
Омар с Оспаном.
Абу Бакир Сыздык,
Хазрет Али великий,
Помощь тебе оказал.

Сыпыра-жырау окончил свое сказание. Его сказание народ поддержал возгласами.

- Чудесно!
- Вот так надо сказать.

Уставшее и постаревшее тело требовало отдыха, и он чашку, наполненную кумысом, не торопясь, наслаждаясь, пил долго и прилег на подушку. После позднего ужина с жырау расходились люди, не переставая говорить о мастерстве и о знаниях Сыпыра-жырау.

Едиге провел беспокойную ночь. Теплая ночь как бы сама дремлет спокойно. Но Едиге потерял спокойствие. Постоянно поворачивался в своей постели и не выдержав вышел. Под яркой лунной издалека темнеют Улытауские горы, и она, как бы караулит спокойствие степи. На той вершине Улытау уселись облака. Ежедневно к этой вершине он посылает своих дозорных. Тяжело, почти ползком поднимаются они. В молодости он тоже любил взбираться на вершины. В Каратауских горах сколько обуви исходил, сколько раз возвращался босым. Вспоминается все это с сожалением, да, невозвратное, чудесное время.

Леса Улытау покрыты желто-зеленым цветом. В желтой осени желто-зеленый лес сбрасывает листья, и запах, исходящий от них, чудесен. От сказаний Сыпыра-жырау очистилась израненная душа, как бы родник начал течь более чище, а луна на небе начала освещать его путь-дорогу по-новому.

В ночной тишине небо Сары-Арки напоминает тысячу светил. Вот эта звезда на небе лучше луны. Та большая, яркая звезда в молодые годы вместе с ним пропрыгала по небу. А потом исчезла. Теперь опять появилась в ночном небе. Покойный отец часто говорил, такие звезды по месяцам, по годам меняют места, они как земля, бродят по нескончаемым просторам неба. Эта звезда - след беспокойных времен, прошлых дней, по ним скучает он, ищет потерянное. Он в сегодняшней действительности понимает, что тогда

не осуществимая мечта связывала с теми днями его прекрасные мысли.

Слава Богу, он чист от честолюбия тех ханов, которых видел. Надменны и глупы они. Визирь и бии - ненасытные хапуги с грязными намерениями и всю свою жизнь отмерили исходя из своих грязных помыслов. Бог спас его от всего этого. Может, наивен, но не коварный. С врагами жесток, но не кровожаден. Умеет простить врага. Если прощенный не откажется от содеянного, тогда что? Если такое наказание считают жестокостью, тогда сущья только Аллах. Не без грехов, да простит его Аллах.

Вспомнил отца. В такие освещенные луной ночи долго просиживал, наблюдая за звездами. Иногда, нарушив его ночной сон, заставлял наблюдать за ночным небом. Потом долго рассказывал о чудесах и тайнах неба. Может, он мечтал, чтобы он стал ученым. Если бы тогда на Кумкенте не случились бы кровавые события, то по прямому воспитанию отца, может, в руках он держал бы перо, а не саблю. Может, так начертано его судьбой...

- Да, он еще подросток, а ты мучаешь его ночами, - сердилась его мать.

Обе руки матери украшали серебряные кольца и браслеты. Она утренний завтрак готовила заранее, желтоватый чайник около дастархана пел свой мотив. Сперва отец, следуя за ним, располагались его сыновья и дочери. Да, не отставали дети соседей. Они как будто были обязаны и гуртом бросались на еду. Она за это не сердилась. Мать по рождению честолюбива, по крови щедра. Умела хранить свою честь, оберегала себя от дурных глаз, от дуновения нечистоты. Никогда никому не показывала свои волосы и ноги выше щиколотки.

Подумав о ней, Едиге вздохнул. На востоке начало светать. Ветерок, дувший с горы Улытау, принес новую свежесть. Обнажив грудь, немного постоял и открыл дверь своей Орды.

Сегодня солнце начало обжигать по-особенному. Обычно до полудня овраги лугов и редкие туманы в лощинах спасают людей от жары. Сегодня с зари началась жара и она прогнала всех. Еле заметный пар, исходящий от леса и кустарников, обходя скалистую вершину, всю видимую даль превратил в марево.

Аул расположился на новой стоянке, с прекрасными высокими лугами с разноцветными цветами, достигшими высот выше колен. Юрты расположены по-особенному, по одному ряду и дым этих юрт одинаково устремляется вверх. Восьмистворчатая юрта, пред-

назначенная для певца, выглядит особо. Войлок с теневой стороны юрты приподнят на человеческий рост, а дальше на лугах расстелены ковры. На узорчатых покрывалах лежат подушки, покрытые шелками, и на них одним боком восседают люди Орды.

Едиге еще о многом хотел расспросить жырау, прожившего много лет и видевшего многих старых людей, рассказывающих удивительные истории о народе. Кроме этого, хотелось, чтобы люди, окружавшие его, узнавали историю по рассказам, убеждались в достоверности его слов.

Восьмистворчатая юрта переполнилась. Верхний войлок - тунлик открыт, и оттуда веет ветерок. Старый жырау выглядел лучше, чем вчера.

- Мы переживаем смутное, беспокойное время Золотой Орды. Притязаниям к трону, к власти и богатству не видно конца, и смеются над нами чужие. Как мы попали в такое положение? Расскажите нам более подробно, - попросил Едиге старож жырау.

Жырау задумался. Гладил серебристую бороду и долго всматривался вдаль. Рассказывать о могуществе - удовольствие, сказать о ничтожных днях - одно сожаление. Кто не умеет сожалеть, его будущее сомнительно. Нельзя не рассказать о темных днях Орды. Он слегка тронул струны домбры, и зазвучала печаль.

Прекрасен мир, но не устойчив. Власть и богатство также не устойчивы. При хане Бату, Берке, а также Узбек-хане полмира подчинялись нам, и Золотой Орде завидовали все, Неисчислимы были и люди, прекрасные города. По всей стране, по этим городам и аулам, ходили караваны с товарами. От многочисленности скота люди ощущали трудности при их кочевке. Увидев такой достаток в стране, даже птицы не улетали в чужие земли. Если сын опережает во всем отца своего - это к лучшему, а что сделаешь, если он не дорос, безрассуден.

- Уай, о чем печалится жырау? - Тунболат беспокойно переворачивается.

- Излагает печаль. время такое наступило, - подчеркнул Шауешек-би.

- Сын стал безрассудным, - скорбил Сыпыра-жырау. - У недоросля и поступок скверный. Объединитель страны, укрепитель государства, гроза врагов Золотой Орды Узбек-хан ушел из этой жизни. Теперь во главе сумрачных событий находилась коварная баба и сыновья хана, жестокостью превосходившие всех, не имеющие жалости к своим родным братьям, хотя они от одного отца и матери.

- О, Аллах, - произнес кто-то испуганно.
- Кто хочет трона, он никого не жалеет.
- Чего только не натворил То! тамыс!

Гнездом коварства являлась баба Узбек-хана Тайтана. Узбек-хан при жизни назначил преемником трона старшего сына Тыныбека. С молодых лет он участвовал в государственных делах, освоил все их тонкости, в некоторых походах руководил войском хана, показал себя достойным жигитом. Придворные мечтали о своевласти, безотчетности перед властью, но боясь Тыныбека, ненавидели его. Они давно готовились и искали пути отстранения или убийства Тыныбека. Внезапно умер Узбек-хан. Тыныбек находился в далеком походе.. Баба Узбек-хана Тайтана тоже надеялась править государством. Придворные люди об этом тоже знали. Они сперва решили воспользоваться этой возможностью.

- Тайтана-ханым, дети еще молоды для правления, их надо воспитать, научить многому. Пока они вырастут, взяли бы вы правление в свои руки, - обратились они.

Тайтана была рада, не только богатства, но и трон под нее, и быстро согласилась. Так под видом временного правителя она завладела тронном. На такое безрассудство Тыныбек никогда бы не согласился. Теперь придворные начали уговаривать Жанибека. Среднему сыну Узбек-хана Жанибеку было около двадцати пяти лет. Придворные начали жужжать ему, что только он достоин трона, у него только есть особые качества правителя, хотя он был лишен этих качеств. Днем и ночью они убеждали его. Жанибек никогда не вмешивался в государственные дела, придворные как раз рассчитывали на его неспособность, чтобы осуществить свои коварные замыслы. Кроме этого, они считали, что их ставленник на трон Жанибек всегда будет считаться с ними.

Придворные теперь готовились достойно встретить Тыныбека, возвращавшегося в Орду. Тыныбека признали ханом, пали перед ним на колени. Все поочередно целовали ему руки. По окончании всех этих церемоний кто-то зашел ему за спину и ударил кинжалом в сердце. Днем и ночью скакали они до Орды, чтобы объявить «горестную смерть», отстранили Тайтану от трона, посадили Жанибека. Коварный Жанибек, боясь, что обвинят его в убийстве старшего брата, организовал убийство своего младшего брата Кадрыбека.

Падение власти Золотой Орды началось при правлении хана Жанибека. Раньше соседние страны с опаской оглядывались на

Золотую Орду, теперь перестали считаться с ней. Поднялись генуезцы и уничтожили пятитысячное войско хана. Кончилось все договором, по которому генуезцы освобождались от многих видов налога. Польский князь Казимир напал на Галицию, это владение Золотой Орды, и присоединил к себе Брест, Белз и Волынь. Чтобы изгнать оттуда наших людей, живущих под названием татар, попросил помощи у Римского папы Климента VI. Римский папа объявил новый крестовый поход против Золотой Орды.

Незавидно было положение Золотой Орды с внешними странами. Внутри Орды разгорелась смута. Правитель восточных улусов Золотой Орды Мубарак объявил, что он не хочет подчиняться потомкам Бату-хана. Младшие ханы разных улусов разбрелись, смута росла, были захвачены новые улусы. Но мало этого, в Китае от чумы скончались десять миллионов человек, и болезнь, с караванщиками дойдя до Орды, быстро распространилась. Сколько жителей степи погибли от этой болезни никто не считал. Некоторые города Орды пустовали без людей. В одном Крыму болезнь унесла восемьдесят пять тысяч человек.

Кровавым путем Жанибек захватил власть, и беспокойно было и в его семье. Старший сын Бердибек в Табризе был объявлен султаном. Ему донесли, что его отец Жанибек тяжело болен. Один из влиятельных амиров Орды Толебай тайно отправил своего человека к Бердибеку и обещал ему помочь захватить власть. Бердибек взял с собой около десяти самых верных людей и через несколько дней ночью прибыл к Толебаю. К этому времени хан поправился от болезни, и верные люди его донесли о прибытии Бердибека. Жанибеку стало не по себе и он вызвал Толебая. Представ перед ханом, Толебай испугался, но сделал вид, что об этом слышит впервые от самого хана. Он попросился выйти и узнать достоверности этой интриги, а потом быстро вернулся с людьми, с которыми имел договор. Убив Жанибека, завладев властью, Бердибек объявил своего отца сумасшедшим. Убивший отца Бердибек боялся всех своих родственников. Спустя некоторое время, он сумел отправить на тот свет из ближайших родственников двенадцать человек.

- Оу, - тяжело вздыхает старый жырау. - С этого Бердибека начались нескончаемые перевороты. Кто знал, кто мог слышать такое, что в течение двадцати лет сменилось двадцать пять ханов. Никакое родословие-шежире не может точно описать, какой хан сменил какого. На троне хана некоторые пробыли всего два дня, как описывает история его деяния.

После обеденного перерыва Едиге оставил Сыпыра-жырау на отдых. Ему самому захотелось побыть одному и он далеко удалился от аула. День стоял безветренный. После рассказа старика о смутном времени, о крайней жестокости и убийствах душа хотела спокойной тишины. Подальше от аула были растянuty веревки-жели, куда привязывают жеребят. Лежат они, растянувшись, зарыв морды в траву, и спят, а над ними стоят их матери, обмахивая хвостом свои спины, и дремлют. Беспечная жизнь! Люди аула, проводив на отдых жырау, ушли по своим домам, их тоже не видно. Не слышно лая собак, не видно беготни ребят, отсутствуют и другие звуки.

Каково будущее у этой беспечной, сытной жизни? Едиге засомневался в действительности такой безмерной тишины и оглянулся вокруг. Да, все так. Так же, как прежде, блестит скалистая вершина Улытау и будто только она охраняет все вокруг. Степной ветер, не найдя ничего для захвата, потеряв надежду, перевалил через хребет.

- Держите его! - от внезапного крика Едиге чуть вздрогнул.

Скотник, притаившись у караганника около веревок-жели, успел бросить аркан на двухлетнюю белую лошадь, которую до сих пор никак не могли поймать. Сроду не знавшего петли на шее кунана охватила ярость, от ужаса у него выкатились глаза, вышли на лоб, сокрушая все на своем пути, он устремился вперед. Не признает человека. Едиге отступил шаг назад, взял конец аркана, намотал на руку и сильно дернул назад. Прыгавший в небо белый кунан, показав белизну живота, упал на спину.

- Вот хороший! Пойман, пойман! - Скотник радостно ворчит. - Не сломал ли он случайно свою шею? Упал очень сильно.

Началась суетная жизнь. Из каждой юрты выскочили ребята и, перегоняя друг друга, бегут сюда. Все без обуви. Никто не думает, что в ступни что-то может зайти. Так бегают они все лето. Делают вид, что слушаются матерей, надевают на ноги кожаные башмаки и обойдя дом сбрасывают обувь и дальше бегают босиком. В далеком прошлом он сам поступал так же, так оно и будет.

- Кто сядет на белый кунан, - начали спорить они.

Жигит, приставленный к жырау для ухода за ним, звал, махая рукой. Старый жырау в маленькую кесешку понемногу наливал чай, пил, не торопясь, и немного вспотел. Сахар, крепкий на вид как лед после мороза, разбивал и клал в рот. Едиге ради гостеприимства тоже выпил чашку чая.

- Рассказав о тяжелых и позорных днях Золотой Орды, не разочаровал вас? Есть много рассказов о ее славных днях, как нынешние враги падали перед вашими дедами.

- О, о! Дед! Расскажите об этих событиях, - Кажы Мухаммед от радости чуть не встал.

- Русские своих правителей называют князь или боярин, - начал свой рассказ жырау. - Вчера при хане Бату, Берке и Узбек-хане все споры и передраги решались в Орде. Кто станет главным князем тот решал.

- Мы только понаслышке знаем об этом, - неуверенно произнес Тунболат.

- Да, оно так, - старый жырау рукою начал искать свою домбру. Что скажет он, и струны домбры окажут ему поддержку. Так он привык, - Князь русских Андрей скончался и старший из родственников Михаил должен был стать князем. Но с ним спорил более молодой Георгий. Михаил из города Тверь, Георгий - московский. Князь Михаил пошел в Новгород, но горожане сказали ему: «Ты сперва иди в Золотую Орду и принеси приказ хана о назначении, до этого ты не зайдешь в наш город».

- Вот как, Золотая Орда все вопросы напрямую решала, оказывается, - удивился Тунболат.

- После этого, после приказа хана русские признали князем Михаила. Но Георгий потихоньку грабил народ Москвы и прибыл в Орду с несколькими возами казны и в течение трех лет оклеветал Михаила. Наконец хан вызвал Михаила в Орду. Перед ханом, перед людьми Орды князья спорили, ругались. Михаил защищался тем, что он спас жизнь посла хана Капатая и целовал руки хана. Георгий обвинил его, что он нечестно платит налоги, часть налогов прячет у себя. Долго продолжался спор между ними, кончилось тем, что романец, человек Георгия, перед людьми с ножом кинулся и убил Михаила. Тогда не выдержал Капатай и сказал Георгию: «Он же брат твой, хотя бы закрой ему лицо».

- Ой, ой, ой! Они тоже за трон дрались так же. Кто же стал князем?

- Хан княжество передал Георгию, но не позволил убить сына Михаила Дмитрия. Опасаясь за свою жизнь, он признал главным князем Георгия. Прошло некоторое время, Дмитрий прибыл в Орду, пал на колени перед ханом и выпросил себе главное княжество, а Тверь сделал главным городом. Услышав такую весть, Георгий долго скрывался. Не вытерпел, пришел и тоже пал перед ханом. На следующий год в Орду приехал Дмитрий. При встрече

с Георгием Дмитрий насквозь мечом проткнул Георгия и так совершил убийство.

- Он тоже оказался кровожадным, - сказал Тунболат.

- Такого упорства хан Орды Узбек не прощал. Хан вызвал Дмитрия на суд и за убийство без разрешения его самого приговорил к смерти.

- Прошли такие времена, - Шауешек-би кивнул головой, колени погладил.

- Были такие времена, - старый жырау прислонил домбру.

Едиге в знак того, что есть, о чем говорить, кашлянул. Успокоившись, народ обратил на него внимание. Жырау поднял голову, Шауешек-би повернул голову, Кажы Мухаммед задвигался.

- Те времена своими глазами не видели. В старых записях читал, - начал Едиге. - Самый достойный русского улуса того времени хваленный всеми Александр Невский тоже был слугой Орды. Считали его даже сыном Бату-хана. Он стал сыном Бату-хана Сартаком и дал клятву о вечной дружбе с ним. Он взял отряд войск Орды и расправился с теми русскими, кто не захотел подчиниться Орде, с князьями Андреем и Даниилом. Впоследствии Андрей, приняв католическую религию, сбежал в другую страну. А вот немцы, поляки с запада часто вторгались в русские земли, чтобы они приняли католичество. Если бы Орда не стояла за русских, эти князья передрались бы и стали жертвами, рабами этих захватчиков.

- А почему расхваливают Александра и называют героем Невы? - спросил Кажы Мухаммед.

- До Золотой Орды, до подчинения русских Орде народы Запада - поляки, немцы, литовцы, воспользовавшись нескончаемыми стычками князей между собой, нападали с целью подчинить их себе. Русские под крылом Орды нашли защиту. Но Запад не успокоился, с той же целью они направляли воинов, с ног до головы одетых в железные панцири, в том числе и лошадей покрыв железом. Русские улусы принадлежат нам, граница была наша. Хан Бату Александру дал очень закаленных воинов Орды, а он добавил туда своих русских, и они отправились на сражение. Опираясь на воинов-всадников в битве на Неве, Александр разгромил войска Тевтонского Ордена немцев. Вот и все.

- Е, этих зверей, злодеев, оказывается, уничтожили воины Орды! - Тунболат восхищенно оглядел присутствующих, - я то думал сказочный богатырь.

- Да, и то он вскормленный Батум сын хана, - улыбался Кажы Мухаммед.

- Он же признал себя родным братом сына Бату-хана Сартака, - засмеялся Тунболат.

Преподнесли кумыс. Запах свежего кумыса обдал всех. Некоторые невольно зачмокали. Деревянные чашки розданы. Вчерашние рассказы принизили дух сидящих, жалко было смотреть на них. Сегодня, услышав о героических поступках дедов, все заулыбались, у них поднялось настроение. В их смехе и прибаутках проглядывается восхищение.

- Эй, что там? - дошел возглас сидящих снаружи юрты.

- Где?

- Вон там, перешел хребет.

- Мчится-то как.

- Дай Бог, спокойствие нам.

Безудержно мчавшийся на коне жигит перед заездом в аул сдержал бег коня. Торопливо поздоровался с сидящими снаружи, кивнув головой, и переступил порог.

- Ассалаумалейкум, народ, - жигит поклонился.

- Да здравствуй ты тоже.

- Сидящие, посторонившись, освободили жигиту место ближе к Едиге, и он там присел. Предложили напиток. Немедля, выпил кумыс, подняв чашку над головой. На лоб выступил пот.

- Ух! - вздохнул он.

- Сильно торопишься.

- Надо было торопиться. Темир Кутлуг...

- Что с ним? - встревожился кто-то.

- Токтамыс из представителей чужих народов собрал многочисленные войска и захватил Сарай. Хан Темир Кутлуг с трудом сбежал, успел унести ноги. Нарушен покой народа.

- А где сейчас Темир Кутлуг? - спросил Едиге.

- Темир Кутлуг-хан едет сюда. Меня посылал известить вас. Несколько дней скачу без отдыха, - сказав это, утомленный жигит начал дремать.

Белые облака, сев на скалистую вершину Улытау, обхватили ее, и она блестела как свежая, новая чалма. По степи пробежал вихрь. Казалось, широкий мир начал сужаться. Дышать стало трудновато, и какая-то невиданная сила со всех сторон стала сжимать по бокам. Едиге смотрел на отчужденный мир с сожалением. Тот старый скотник белому кунану надел уздечки и конец аркана примотал к своему поясу. Работенка старика, шумная игра тех ребят, ежедневно бросающее в глаза усердие - все это забавы жизни.

После разгрома на Кундершине Токтамыс бежал без оглядки и все делал, чтобы не нашли его след. Прятался в русских лесах, прожил там некоторое время, как медведь. Понял, так долго не проживешь, был на Кавказе, долго там не удержался, потом нашел укрытие у Витовта. Здесь он нашел успокоение, пришел в себя. Витовт тоже радовался, что Токтамыс приходит в себя, поднимает голову. Он мечтал использовать беженца Токтамыса и против русских, и против Орды, даже против выходца из Турана Амира Темира как свою дубинку. Народ Запада, цари-короли считали Амира Темира новым Бату-ханом, вышедшим с востока, хотели не дать ему дальше крылья пустить и заранее уничтожить. Исключительная победа Амира в Кундершинах над столь огромной армией долго оставалась в их памяти и заставляла дрожать их сердца.

Токтамыс тоже искал поддержки. Искал союзника против Амира, писал письмо Ягайло. Писал, что он все-таки хан Орды и просил те земли Золотой Орды, которые перешли к Литве: «от народа собери налог для меня, брат Ягайло» и уверил его, что он всегда готов выступить против врагов Ягайло.

Посланники Токтамыса дошли до султана Египта Аль-Малика аз-Захира. Они шли от имени Золотой Орды и в подарок султану несли семь ястребов, семь мешков плиса, несколько рабов. Посланцы говорили от имени Токтамыса и уверяли султана Египта о необходимости создания военного союза и, не медля, в ближайшие дни выступить против Амира Тимура. Султан Египта был наслышан об Амуре, с людьми Токтамыса отправил своих людей с целью разведать и до тонкости разузнать, что к чему.

Амир тоже хорошо понимал необходимость мирных отношений с Египтом. Узнав о деяниях Токтамыса, он тоже послал послов народа Туран в Египет. Люди Токтамыса, находившиеся в Египте, заверили султана аз-Захири, что послы не послы, а соглядатаи Амира Темира, они находятся с целью разведки, и добились, чтобы послов Амира повесили.

Токтамыс таким обманом нашедший общий язык с далеким султаном Египта, сумел составить тайный договор и с султаном Турции Баязитом. Султан аз-Захири не дал напрямую свои войска Токтамысу, но несколько тысяч его воинов-сарбазов оказались среди воинов его союзника Баязита.

Узнав о тайном сговоре Токтамыса с князьями Грузии, Амир Темир с войском ворвался в грузинские земли. Токтамыс использовал удобный момент, и пока Амир Темир был связан битвами в Грузии, войска Токтамыса через Дербент вышли в арьергард воинов Амира, а отряды во главе с Али Огланом зашли на землю Ширвана. Войска Амира Темира прогнали войска Токтамыса дальше Ширвана, но военные действия они не продолжили. Амир посылал своих людей во главе с многоопытным ученым, красноречивым Шамсидином к Токтамысу. Слова многозначашего Шамсидина убедили Токтамыса о неправильных его действиях и он был готов к соглашению, готов был просить прощение, согласился забыть вражеские помыслы. После Токтамыс провел отдельное совещание со своими амирами и приближенными.

- Темир со всех сторон оказался в окружении, - начал Казаншы, - султаны Египта, Турции, а на востоке Китай ненавидят его. Ему некуда деваться, поэтому Амир просит мира.

- Правильно сказано. Очень хорошо поступили, без ничего отдали князю Москву, Нижгород, Муром, Тарус, районы Мещеры. С тех пор русские дают деньги нам, готовы оказать военную помощь, - сказал Ильяс, открыто подхалимничая.

- Таковую хитрость предложил Казаншы, - поддержал его слова Жактыбек. - Дальше русских есть народы под правлением Ягайло, Витовта. Они тоже против Амира. Да, кто его поддержит?

- О, мой хан,- произнес сквозь зубы Казаншы. - Имеем большую силу, народы Востока и Запада нас поддерживают, и когда Амир Темир с испуга сам просит мира у нас, согласиться с его предложением, это не красит великого хана. Настало время разгромить и уничтожить его. Надо Темиру по-другому ответить.

Прочитав неуместный, необдуманный, резкий ответ Токтамыса, Амир Темир сильно рассердился, приказал войскам идти в поход. Воины шли, не торопясь, обыскивая горы Кавказа.

Токтамыс в течение двух суток обдумывал свой поступок. Битва на Кундершине вновь вспыхнула перед его глазами. Союзник Египет находится далеко. Войско Баязита около Босфора и, пока он дойдет, Амир Темир разгромит еш войска вдребезги. Русские пока ограничиваются платежами. Витовт, Ягайло, пока они дойдут, все закончится. Да, он ошибся. Ответ его Амиру - непростительная ошибка. На следующий день послы Токтамыса с просьбой о мире были отправлены к Амиру.

Послы Токтамыса дошли до Среднего Дербента, узнали воинов Амира, и ими овладел страх. Не выполнив задание хана, без

результата возвратились назад, доложили, что войска Амира уже видны. Войска Токтамыса под руководством Казаншы начали битву у реки Куи и после первого сражения отступили назад.

Токтамыс построил своих воинов по реке Терек. Он в этот раз учел, что Амир в битве на Кундершине гнал его воинов к реке Едил и им было некуда отступать и поэтому разгромил их. Всех воинов он перевел на другой берег, обучил их новым методам битвы - обороняясь, вести бой. На берегу реки Терек они забили колы-курканы, чтобы воины-всадники галопом не проскочили, вырыли глубокие рвы.

Буйное течение горной реки унесло бы любого, осмелевшеш-ся зайти в нее. К переправе приехал Амир Темир, увидел буйные волны и действия Токтамыса на другом берегу. Стал искать выход. Часть войск намеревался прямо перевести через реку и на другом берегу, встретив большое сопротивление, вернулись те, кто остался жив.

Амир приказал своим воинам идти по течению реки и искать новый переход. Среди тех искателей перехода был и он сам. С того берега слышали и издевательство и смех людей Токтамыса. Терпели. Увидел Амир, что и Токтамыс тоже со своими людьми шли по берегу с той стороны. Следили друг за другом. Один искал переход, другой старался не допустить с той переправы перехода. В течение трех дней так неотступно шли по берегу и следили. Ночью Амир Темир приказал со всех аулов в окружности собрать женщин и подростков. Их всех одели по-мужски, в военную форму, и он сам возглавил этот отряд и отправился искать новую переправу по течению буйного Терека. Эти куклы-воины далеко отошли от места ночного отдыха, а на другом берегу не отставали люди Токтамыса. В это время спрятавшиеся в горах основные войска Амира, используя удачный момент, дошли до переправы и успели выйти на друшй берег.

Токтамыс поздно понял, что его провели. Он знал, на том берегу Амир остался с небольшим количеством воинов и решил сразиться с ними. Токтамыс хорошо усвоил старые методы ведения войны, основанные Чингизханом. Токтамыс с частью войск перешел на этот берег, начал сжимать со всех сторон малочисленные войска Амира. Амир вместе с воинами тоже участвовал в битве. Был он уже немолодым, чувствовался возраст. Сперва у него кончились стрелы в колчане. Противники узнали Амира, и началась яростная битва, сломалось копье Амира и он сражался с одним мечом. Над

ним нависла угроза смерти. Мираншах догадывался о помыслах Токтамыса и, когда он прибыл и крикнул «отец», усталый Амир, стоял, опираясь на саблю.

На следующий день на другом берегу Терека враги строили свои войска по удобным местам, следили за каждым шагом и так провели день. В полночь нападение воинов Токтамыса на левое крыло была отвергнуто. К утру опять построились. Войска Токтамыса под командованием Кунше Оглана, Бека Жарлыка, Актау опять напали на левое крыло войск Амира, а войска Исабека на правое крыло. Амир вынужден был подключить к битве дополнительные силы и Исабек отступил, теряя своих людей.

В течение двух суток битвы войска левого крыла Токтамыса понесли большие потери, и он туда отправил войска Жактыбека. В сражении Жактыбек погиб, а амиры его поссорились между собой. В самом разгаре битвы войска Актау на правом крыле начали отступать и на майдане войск Амира взяли вверх. Увидев неудачу Токтамыс, не думая о судьбе своих воинов, взяв с собой самых приближенных, заранее оставил жестокое сражение. Впоследствии историки-арабы писали, что на этот раз Токтамыс нашел защиту у русских,

В источниках не говорится, что зашедшие в Болгарию воины Амира разгромили города Жукаты, Кермении, Булгар. В следующем году эти города захватили русские и разгромили до основания.

Амир остановился около столицы Золотой Орды Сарая и, чтобы бежавший Товтамыс не вернулся и опять и не сел на трон, сына Урус-хана Куюршика возвел ханом Орды. Накрыл на плечи шапан, украшенный золотыми нитями, с золотым поясом и объявил его великим ханом Золотой Орды.

Но когда Амир ушел на Дон и Днепр заново покорять русские земли, сторонники Токтамыса посадили на трон Таш-Темира. Это сильно возмутило Амира и он опять вернулся в Золотую Орду и захватил Сарай.

Наказания Амира Темира не избежал и султан турков Баязит. В 1402 году в ожесточенной битве Баязит был пленен. Среди плененных многочисленных войск Баязита оказались тысячи сарбазов его союзника султана Египта.

V

Защитник степи Улу-би

Едиге разбудила нескончаемая задушевная трель белой птички. Соловей безкраиней долины белая птичка на недостижимой высоте в синем небе поет, воспевая красоту великой степи. Соловей степи поднимается выше и выше, песня становится более красивой, захватывает душу и разливается по всему телу. Чувствуется облегчение на душе, яснее становятся мысли. Какая-то внутренняя сила просится наружу.

Туман по течению реки, не торопясь, поднимается вверх в виде пара. Солнце, с любовью обнимая вершины Улытау, все больше раскрывая свои объятия, начало незаметно прогонять тень от высоких скал. Да, он только вчера поднялся к этой одинокой вершине и долго с большой привязанностью смотрел на марево в степи. По мере освобождения от разных тягот он любит подниматься к этой вершине и думать об истории прошлого, созерцать марево будущего. Мечта о будущем тревожна, но и прекрасна.

Этот простор, где стоят сотни юрт, народ называет Майлы журт - Добрая стоянка. Кто так удачно придумал такое название? Есть ли в мире другой народ, давший родному краю такое прекрасное, сердце захватывающее название. В этой жизни он обошел все уголки великой степи. Только недавно посетил крепость Татагай близ реки Нура. Был в Каркаралах, объездил по Тагылы-Буглинским горам и Ортау. Одна красота. В широком просторе под названием Караганды, чуть южнее, высится каменная горка, похожая на крепость. На вершину выскочил конем, удивился красоте этого края. Тогда, показалось ему, с каким торжеством проходили на запад воины Чингизхана, Жошы и Бату-хана через эти удивительные сопки. Да, красива степь, безмолвна, торжественна она.

Местность Майлы журт для него особенно близка сердцу и добротна. Она как сказочная «Жер уюк» - рай, о котором мечтают все люди, сегодня известна как Ногай, а завтра станет любимой Ордой всех казахов. Да, быстротечен этот мир, и он просит от Аллаха, чтобы здесь выросла молодежь, мечтающая о единстве и славе своего народа.

Лето этого года особенно прекрасно. Через некоторое время после того как вылупились из скорлупы птенчики гусей и уток, быстро поднялась зелень, и высота луга достигла бедра мужчины, степь, покрытая ковылем, волнами качается как море и охватывает подолье скалистых вершин Улытау. В одно время дня веет степной

ветер-самал, как бы хочет разбудить этот тихий мир, колеблется синим занавесом. Разноцветные цветы жайлау качаются от ветра, кланяются и безудержно начинают свой танец. В поддержку этого бесчисленные яркие бабочки перелетают от одного цветка на другой, и, кажется, что все пастбища в разноцветном движении.

Воздух Майлы журта как свежий кумыс, чистое синее небо. Потихоньку дует ветер. Все это облагораживает человека. Волготно пасется скот. Из-за высоких трав голов ягнят почти не видно. Спасаясь от летней жары, они прячутся в пустых оврагах. Неспкойны только дети, они, гоняясь друг за другом, бегут к речке Каратал. Слышны их голоса.

- Ей, пошли.

- Давай, побежали.

Чуть выше реки виднеется маленькая крепость, построенная Едиге. Снаружи крепость обведена глубоким рвом. Иногда, когда приходится отлучаться месяцами по делам Орды, он свою юрту оставляет в этой крепости. Край известен не одним городом. Не говоря о другом, город Орда Базар, построенный ханом Жошы и Орда Еженем, находится у русла реки Кара Кенгир, берущей начало от Улытауских гор. Строительство этого небольшого городка говорит о наличии у кочующих племен своей столицы, Едиге, отправляясь в любой поход, никогда не брал свою семью, и вместе с ним его приближенные тоже оставляли своих домочадцев здесь ради безопасности.

Здесь, в Майлы журте, люди провели не только сытую жизнь и беспечность, но и обеспечивали жителей всем необходимым для быта. Борьба за власть и богатство надоедала и достала сыновей племен аргын, найман, уйсун, керей, уак, алшын - адай, даже татар и башкиров, и они, ища мирной жизни, стекались сюда. Была нескончаемая работа, связанная с устройством их, выделением им скота, обеспечением другими предметами для ведения. У кочевого народа своей работы тоже хватает, чего стоит одна только необходимость обеспечить новую юрту наружным покрытием из войлока. Готовить войлок трудный, но торжественный процесс. Внутри крепости, в мастерских, изготавливается не только все, что необходимо для жизненного бытия, но и оружие для мужчин, сабли, наконечники для копий, стрел, седла, щиты и шлемы.

Едиге сегодня поздно встал, чем обычно. Вчера с вечера начались состязания и смотр творческих людей и длилось это почти до утра. Чуть дальше от Орды, полукругом зажглись огни, освещающая всех людей. В ночной тьме блеск света падал на людей, то

огненной яркостью, то бросая на их лица тень. Игра света по-особенному возбуждала сидящих. Выступали поэты, среди них, несмотря на возраст, находился и Андасын. Красноречие, стихи возбуждали молодежь. Читали свои небольшие четверостишия, и у каждого начинающего поэта из уст вырывался зов к степи, к родной земле, к своей Орде, к его главе Едиге. Люди слушали с одобрением. Свысока, с бесконечного ночного неба звезды, как бы хотели делясь радостью, многотысячными глазами смотрели и бесконечно улыбались, звали куда-то юношей и девушек.

Люди не раз вспоминали Сыпыра-жырау, хотя не было его среди них. Особенно молодежь любила пересказывать его сказания, сохранившиеся и в памяти, и в их сердцах. Дошел черед и до Андасына. Андасын воспел героев и смелость. Люди принимали поэму «Зарлык» как лучшее творение всех времен, дошедшее до них через несколько веков. Воспевался герой всех мусульман Хазрет Али, его сражения с неверными, его героизм, его простота в обычной жизни, все это преподносилось слушателям в виде подражания к лучшему. Один из молодых парней по-своему исполнил песню о лучших временах Золотой Орды и о том, как Орда защищала свой народ и как в ней искали защиту русские от своих врагов.

- Эй, сынок, ты скажи нам, как эти русы кланялись перед нами и ползали перед ханами, - прокричал один из стариков.

- Да, да! Пусть послушает народ.

- Да, эти князья жестоко избивали друг друга перед ханами.

- Не забудь рассказать о Мамае.

К тревожному печальному голосу кобызы присоединился спокойный, рассудительный звук домбры. Долго звучала печаль степи, запел степной соловей-бозторгай, слышно была прекрасное, сладкое пение лебедя, растревоженного жестким свистом чего-то, это сменилось беспечной суетой жайлау-летовки, тихим смехом родника, шепотом милых пар. Колышется огонь и тень, бегающая вместе со светом, похожа на сказочных людей. Может, это они смеются, а кто же шепчется меж собой? Сердце каждого ищет чего-то, вздыхает в объятиях мечты. Вздыхают и находят покой для душевной раны. Растревожат сердца молодежи. Впереди их ждет перевал жизни. Есть чужие народы, ненавидящие их жизнь, их покой. А, твой... какие обязанности стоят перед тобой? Что намерен совершить для родного народа?

В ночном небе чернеет облик Улытау. Кромешная тьма отступает от радости людей, от нескончаемого потока песен и сказаний, от своеобразного чудесного голоса кобызы, домбры и от радост-

ного подмигивания бесчисленных звезд. Звезда Близнецы уже на западе, Лев поддлся на высоту и просвечивает утро.

Улы-би - великий защитник Едиге, все лето принимал людей в тени своей высокой Орды, на разложенных на лугах коврах и украшенных казахскими сырмаками. Ждавшие его выхода поочередно поздоровались. В глаза сразу бросился жигит, отправленный в Сарай. Прием начался с него.

- Какие дела в Сарае ждут нас?

- Все наладилось, Улы-би.

Нелегко удалось наладить все так, как раньше было. После тех событий на трон орды сел Таш Темир, сторонник Токтамыса. Его заменил Темир Кутлук. Токтамыс за это время с несколькими полками из литовских, поляков и русских выгнал Темир Кутлука и захватил власть. Темир Кутлук нашел защиту у Едиге, в Улутауских горах. В степях Дешты Кыпчака опять начались беспокойные дни. Как уберечь народ от унижения и уничтожения. Овладев Сараем, Токтамыс, как потерявший щенков злой волк, кинется к народу, который до сих пор мирно пас свой скот и жил беспечно. Плетью покажет свою силу и свою власть. А чужаки, эти поляки, ищут только добычу. Вот здесь те и другие находят общий интерес.

Орда Едиге еще молода, рано еще вступать в стычки с другими, с небольшой силой выступать против хорошо вооруженных войск Токтамыса смысла нет. Да, если придется отступать, то преследуют их польские, литовские, русские отряды. Показать этим разбойничавшим великую степь, переходы через горы, еле заметные дорожки среди сопок-хребтов, это же накликать беду на головы своим потомкам.

Едиге долго ломал голову, ища выхода. А если связаться с Амиром Темиром? Амир ненавидит Токтамыса, если узнает, что он опять сел на трон Золотой Орды, то он свои войска направит в степь Дешти Кыпчака. Как тогда уберечь народ от насилия и грабежа?

- Ты попроси помощь от Амира,- сказал наконец Едиге Темир Кутлуку.

- Каким образом?

- Расскажи ему об издевательствах Токтамыса. Амир еще продолжает сердиться на своего блудного сына. Проси военную помощь и скажи, что сам будешь возглавлять войско. Чтобы обезопасить себя от очередного злого умысла Токтамыса, он примет твое прощение.

- А где взять подарки для Амира?

- Об этом не беспокойся. Тебе еще дам в нукеры своего жигита.

- Дальше как быть?

- Войска Амира, возглавляемые тобой, встречу по пути. Дальше вместе двинемся и в пути решим как дальше поступить.

Заранее распространили слух о том, что многочисленные войска Амира под руководством Едиге идут на Сарай. Жигиты Едиге обходили аул за аулом, небольшие города, известили народ, напуганный войсками чужих стран, поддерживавший Токтамыса. Были разбужены жители степи. Слухи, как бы их не скрывали, дошли до ушей литовцев и русских. Перед глазами русских стояло побоище на Кулдершине, и их сердца дрогнули. Да, одно имя Едиге пугало их до смерти. Русские нашли повод для выхода из города и исчезли. Потом дошел слух, что они переправились через реку Едил.

Литовцы остались в меньшинстве и их след тоже простыл, что успели нагнать, погрузили на телеги и простились с городом. Токтамыс по-своему пытался организовать сопротивление. Сколько он воевал, столько и терпел поражения и всегда бежал, оставляя поле сражения, об этом все знали и не было доверия к нему. Наконец, он, собрав своих сторонников, последний раз бросив свой взгляд на Сарай, вышел из города и направился опять в неизвестность.

Едиге и Темир Кутлук через своих людей узнали о бегстве Токтамыса и, не доходя до города Сарай, остановили войска. Главы туменов и тысячи войск Амир Тимура, получив свои подарки, долго не задержались, повернули своих коней обратно. Получив небольшой отряд и нукеров от Едиге, Темир Кутлук обратно воссел на трон хана. Едиге со своими жигитами, не заходя в Сарай, вернулись в Улутау.

- Все устроено, - сказал жигит, вернувшись из Сарая.

- Как встречают люди?

- Рады, что избавились от издевательств Токтамыса.

- Темир Кутлук... - Едиге вопросительно посмотрел.

- Темир Кутлук-хан подбирает народных биев и усиливает охрану Сарая. Сам он здоров, окружают его верные люди.

- Что известно от Токтамыса?

- Неизвестно куда исчез. Может, к русским, может, подальше подался.

- Да, он как змея, злой же он, - Улу-би Едиге задумался.

Тогда, когда возвращались после Кундершинских битв, когда

Темир Кутлук просился отделиться, Амир Темир дал ему звание

Султана, а Едиге признали бием. После того как Темир Кутлук укрепился на троне, его объявили великим ханом Золотой Орды, а Едиге стал Улу-би - великим би, защитником законов Орды, вторым человеком после хана. Перед ним ответственны все, кроме хана. Он, как Амир Темир, не правил страной и не хотел этого, но следил за законностью действий и знати, и простого народа. Улу-би не находился постоянно в Сарае, он жил в центре Дешти Кыпчакской степи на Улутау. Улу-би не вмешивается в мелкие споры, в простые притязания и мелкое воровство, зато следит за законностью, правдивостью решений других биев. Все равно перед ним проходит нессякаемый народ, ищущий справедливости. Бывает и так, что некоторые жаждут улышать его речь, хоть мельком взглянуть на него. Нет здесь особой вины. Жители степи нуждаются в вожаке, вышедшем из простого народа. Особенно после заметной утери мощи Золотой Орды люди искали героя в своих рядах, защищающего от ненасытных врагов, захватывающих земли Орды и внутренних врагов ханов, потерявших разум в борьбе за трон.

- Был бы мир для людей, - произнес Едиге. - Тогда привели бы в порядок улусы русских, отходивших от Орды, возвратили бы Орде земли, захваченные поляками и Литвой, в Крыму, где хозяйничают все, кому не лень, восстановили бы власть хана, укрепили бы Золотую Орду.

Улу-би тяжело вздохнул. Жигит, следивший за изменением настроения Едиге, взглянул на него с удивлением «неужели у великого человека есть неисполненная мечта». Так сидеть без дела тоже неудобно, сменил ноги.

-Улу-би...

- Что скажешь?

- Прошу прощения.

- Ну, скажи, чего хочешь?

Разговор прервался. Из аула выбежала группа ребят. Черный мальчонок с короткими ногами, выступающим животом, сел на прутик-конь и скачет.

- Кур! Стой! - говорит еще.

- Ей давайте на коня.

- Давайте наперегонки, - зашумели другие.

Из тени высунулась голова мальчика, в руках его лук из тальника и целится в птичку.

- Ух! - начал бить себя по коленям.

- Они... Они бы подросли. С малолетства его жизнь протекает в борьбе. Ослабление Золотой Орды произошло не только из-

за затупленных мечей, но и износа, потери совершенных мыслей. Люди остались вне познания глубин истории, не разбудили себя, вот итог того, что мы пожинаем. Как найдет народ свой будущий путь?

Приема Едиге ждет множество людей. Старики, у кого усы-бороды начали белеть, молодежь, красуясь красотой усов, по-здоровавшись, гуртом расположились. Они неотрывно глазят на Едиге, следят за каждым движением. Улу-би снял шапку из шкуры хорька, надел легкую тюбетейку и повернул голову к близ сидящим Андасыну и Шауешек-бию, спросил:

- Вы разобрались с делами сидящих людей?

- Подальше сидящим решение бия принято, а эти люди приехали сегодня, - не спеша ответил Шауешек-би, погладив продолговатую бороду.

Некоторые, наострив уши, не спеша слушают, среди них есть и те, кто с удивлением глазят на всех. Майлы журт для них новинка и они не хотят быстро оставить еш и им хочется еще дальше послушать Едиге. Их дела вчера решены, но они еще здесь. Некоторым с трудом удался этот путь, хотят остаться навсегда, показать свое мастерство. В Майлы журте ищут справедливости и любящие споров, есть и нерешенные вопросы соседей, братьев-родственников. Для них Улу-би и его окружение есть сама справедливость, а Едиге желает им мира и покоя.

Первыми решали вопросы жигитов Алшына и Конырата. Наверное, хотели принятие решения Улу-бием, началась безудержная стрельба слов, не соблюдали очередности, из-за этого потока слов никто не понимал, о чем идет речь.

- Решайте споры между ними, - сказал Едиге, поручая дело Шауешеку.

- Хорошо.

Спорящие опять начали свое красноречие. Едиге поручил дело бию Шауешеку, но прислушивался к их словам. Они начали перечислять всякую мелочь, мелкое воровство, прошлогодний согым - подготовка на зиму, оставленные на старом стойбище котлы. Под надменностью растет честолюбие. А дальше просматривается человеческая слабость. Из их уст выходят слухи, распространенные недоброжелателями. Вспоминаются имена людей уходивших за Едил, бродивших за широкими просторами Сары-Арки.

Нескончаемый спор казаха, где выступает непреклонность «только я хорош». Ох и наивен народ, не думают, что недоброжелатель может воспользоваться распрями и может осуществить

свой злой умысел. Улу-би прислушивался к словам незнакомца, прибывшего из Каратау, и задал вопрос.

- Где сейчас Амир со своими войсками?
- Где-то далеко.
- Мирно живете?
- Спокойно у нас. Никогда не слышал о наступлении Амира на нашу сторону.

Едиге стало жалко Шауешека, решающего споры между этими людьми. Конечно, по обычаям степи они признают решение бия, казах не перешагнет закон степи. Но что скажешь некоторым лицам, собирающих такие мелочи и ради спора красноречиво обвиняющих своих же соседей, братьев. Как тяжело слушать такие обвинения. Это же наказание самого себя. Слушать и обмозговать почти вранье и пропустить через сердце, это для бия, ищущего справедливости, сущее наказание. Бий думает о народе, спорящий - о своей выгоде.

Наконец спор дошел до завершения. Шауешек-би вытер пот с лица и устало выпрямился. А с виду он от пережитого почти постарел на год. Безысходность выступает на его лице. Те, кто проиграл, говоря:

- Признаем вас, - быстро сели на коней, торопливо отправились в свои аулы. Их противники не спешат, уселись подальше и, сделав вид, что хотят слушать красноречие других, расположились поудобнее.

Старик небольшого роста закашлял, снял лисью шапку, вытер начисто бритую голову, обошел взглядом всех.

- У меня другой разговор.
- Тогда слушаем вас.

- Мы, простой люд, живем и слушаем то, что слышно со стороны Едила, Жема, Алтая - Сары-Арки и от голодной степи. Есть вестник Узынкулак - длинные уши, кроме этого доносит нам новости вихрь степей, игры-шутки молодежи. Мы живые свидетели всех трудностей, происходивших в степи. Игра слов исчезает как след после бурана. Мы иногда не можем догадаться, какую правду или ложь несет степной Узынкулак. Сидим и желаем только мира и покоя.

- Вы, вижу, добросердечный человек. У вас доброе желание, - произнес Андасын, оглядываясь на Едиге.

- Пусть сбудутся ваши слова. Но...
- Продолжайте.

- Вначале нежелательного находятся неразумные ханы. Опротивел нам Токтамыс, но в наших сердцах нет покоя, что еще придумал Токтамыс. В те времена, когда народ был спокоен, на спине барана гнездились птички, между краями ездили вестники хана. Мы смеялись, называя его Желаяк-ветреноги. Теперь и они исчезли.

Андасын задвигался, ударил по коленям, показав, желает речи.

- Оу, старина, нет ошибок в ваших желаниях. Затронув прошлое, вы думаете о будущем. Поняли и то, что надо новострить уши народа. Слова, проникшие через уши, обитая мозг, развивают наши думы. У кого закрыта мысль - он безрассуден, не отчетен в своих поступках. Вы ради народа желаете узнать, где правда, а где вранье. Пусть Аллах вам даст долголетнюю жизнь.

- Спасибо, и вам желаю того же.

- О Токтамысе нам все известно. Перед вами Шауешек-би, если уделите внимание ему, вы получите ответы на вопросы, замучившие вас.

Старик, замахав шапкой, надел ее на голову и, как бы говоря «а, это вы», с доброй улыбкой посмотрел на него.

- Вот и хорошо, сидел и догадывался. Столько времени утекло, сколько раз приходилось пройти по этим местам и ни разу не удалось встретиться с вами. Скакун довезет, с мечтой дойдешь, горюют в народе.

- Слышал о вас и здесь наблюдаю. Ваша речь очень уместна. Мало говорили, но в точку. В ваших словах прозвучала истина древности, в мыслях - надежда молодежи. О нашем общем желании в старину было сказано:

Какого хана славит народ,
С золота его трон.
Какой герой держит знамя,
С окриком пугавший врага.
Справедлив ли ваш би,
Волосинку правды, не рвавший,
Кто у вас вещей имам,
По религии
Указавший правду нам.
У богача полон скот,
Не брезгуя пасший добро,
Неумолимый враг жесток.
Окружавший со всех сторон.

Пусть красуется наш народ,
Не опускается ее мечта
В дни достатка и мощи,
Разгорается и базар.

- Ваши слова и мне по душе, - сказал Шауешек-би.

Упоминание бием Шауешеком старинного сказания с одобрением слушал аксакал, дошедший до них из далеких краев, не раз менявший своего коня по пути. Дальнейшие короткие их речи Улуби не стал слушать. В душе он понял, что этим людям не очень интересны слова спорящих, их заинтересовал Майлы журт и люди, поднявшие Орду в Ультау, по их виду хотят обрести душевный покой.

Взгляд Едиге остановился на Кажы Мухаммеде, отдельно сидящем от толпы. Его грузное тело величаво, сидит молча, не двигаясь, опираясь на свою камчу. С раздумием осматривает он, тяжело вращая голову, и проходящих и уходящих. Если кто-нибудь в шутку ударит его по шее, его не расшевелить. Улуби доволен остался Кажы Мухаммедом, есть же в степи такие невозмутимые лица. Обратил внимание на Шауешек-би, да и в его лице есть то, на что можно обратить свое внимание. Доброту его подчеркивает красивая борода, от него веет особой чистотой и честностью. Да, любую трудность он перенесет не задумываясь. Да, неплохое у него окружение. Любое порученное дело они доводят до конца. Вон там Тунболат сходит с коня. С Андасыном он пережил много трудностей в этой жизни. Кажы Мухаммед как неутомимый нар степи. К слову Шауешек-би прислушивается народ. О, великий Создатель, из разных концов степи стекаются сюда люди, называющие себя казахами, пусть не уменьшается такими добрыми людьми наш край.

Видно, из-за чего-то беспокоились крайние дома аула, разрозненно расположенные на широком просторе жайлау. С той сопки мальчик прискакал на маленьком коне и о чем-то говорил. Женщины, окружив мальчика, руками указывают вдаль, видно, о чем-то его расспрашивают. Воровать что-то из этого аула невозможно. Тогда что? Все-таки у народа не угасли боязнь и недоверие. Вдруг на той сопке, откуда примчался мальчик, показался одинокий всадник. Всадник, приложив ладонь ко лбу, осмотрелся вокруг и прямо направился сюда. Конь оказался резвый, быстро достиг крайних юрт аула.

Неужели сын Улу-бия, - сказал недоверчиво из толпы кто-то.

- Какой из них?
- Начинаю узнавать.
- Это же Нуралы.
- Да, это он.

Возгласы «Нуралы, Нуралы» слышал и Едиге, и защемило его сердце. Сколько времени он его не видел? Здоров ли он? Откуда он? Разбужены отцовские чувства, но навстречу идти не по обычаю. Быстрее пришел бы, хочется поддержать его руки.

Нуралы отдал повод коня встречающему парню и широкими шагами подался к Орде отца. Шауешек-би с удивлением смотрел на него. Сколько времени он не видел его, за это время Нуралы изменился, вырос. Стал плечистым, грудастым и в ногах тверд. На еш приятном лице светят огнем глаза, будто обжигают встречного. На правой руке вместо дубины держит камчу-дойыр. Висячая на поясе сабля бьет по шленищам сапог-саптама. Красивая степная шапка-борик опущена на лоб.

- Ассалаумалейкум, - сперва подал руку Улу-би. Соприкоснувшиеся ладони держались чуть больше обычного. Безмолвная тоска отца и дитя выражена в их глазах. «Ну как ты» - спрашивают их лица.

- Уагалейкумссалам, - поздоровались все сидящие.

- Кажется, ты ехал ночами и днями. Были правильными твои похождения, - Тунболат опережал других. У которых этот вопрос был на уме.

- Да, - загудели другие с нетерпением.

Андасын с Кажы Мухаммедом одобрительно закивали головами. В эти минуты и Улу-би не может оторвать глаз от сына Нуралы. Не может подавить возникшее беспокойство. Сыновей у Едиге немало. Старший из них Нуралы, следом идут Газиз, Мансур, Жаксыбай. Каждый из них для него - возвышенность и особая опора. Среди них выделяется Нуралы. Он объезжает реку Сарысу с множеством ее притоков, реку Нуры и находит то, что исчезло навсегда, познает врага и его намерения. Стрелок, пронзивший птицу Куралай в глаза, ветром поднявшийся шелк, одним ударом сабли может разрезать только он. В прошлые годы произошел спор между Нуралы и Кажы Мухаммедом. Толщиной с палец железный прут надо было разрубить одним ударом.

- Ну, - Нуралы первенство уступил Кажы Мухаммеду.

- Боевой топор - айбалта сверкнул. Оба конца железного прута разлетелись в разные стороны.

- Теперь твоя очередь, - Кажы Мухаммед с довольным видом обернулся к Нуралы.

- Аруак! - Нуралы призвал дух предков. Лезвие айбалта проникло в дубину, где лежал прут.

Вынули сабли. Кто перережет шелк на ветру, тот и победитель. Колыхающийся на ветру прозрачный шелк не требует особой силы, это не железо, что пар, что шелк одинаковы. Блеснула сабля Кажы Мухаммеда. Краешком разрезанный шелк обмотался вокруг лезвия сабли. Очередь за Нуралы. Опять точно такой же шелк колыхнется на воздухе. Сабля Нуралы, как молния, сверкнула, и лезвие тонкой струей прошло по шелку, как через печень. Обе части шелкового полотенца плавно упали на землю.

Нуралы перед ним. Он часто ходит к Черному Иртышу, дальше по горам Алтая. Нередко бывает у реки Нуры и в тех краях. Кто знает, что предначертано в его судьбе. Да, никто не знал, что Нуралы найдет смерть в одной из ветвей этой реки. Тогда называли эту ветвь «Талды еспе». Вот на этой ветви захоронен Нуралы. Люди спрашивали, какая ветвь? Ветвь, где захоронен Нуралы. Впоследствии это ветвь тоже получила название «Нура».

Кажы Мухаммед с Тунболатом сидят на коленях, прикрыв голову войлочной шапкой. Шауешек-би молчаливо хранит терпение, но его взгляд обращен к Нуралы. Все они ждут, что скажет Нуралы, какие вести у него. Ждут от него новостей и остальные.

- Перешел через реку Едил, - сказал Нуралы.

- Как, тихо на той стороне? - Улу-бию хотелось, чтобы он рассказал все, что он знает. Народ должен быть оповещен обо всем.

- Не быть тишине. Сквозь землю провалившийся Токтамыс опять вышел на поверхность.

- Что задумал опять этот злодей? - сердито спросил Шауешек-би.

- Значит, опять чего-то захотел, - ехидно улыбнулся Андасын.

- Есть же такие ненасытные люди! - Шауешек-би брезгливо помотал головой.

- Сколько людей погибло за трон. Неужели кровью не насытился? - Андасын вздохнул.

- Что он ищет опять? - проговорил Тунболат.

- Только землю глаза ненасытного заполнятся, говорили в народе, - Шауешек-би рукою вокруг себя начал искать что-то и начал тянуть голенище мяси - сапожек.

Кажы Мухаммед положил перед собой камчу и кашлянул. Все обернулись к нему.

- Что все-таки ищет он? О чем думает народ? Ты узнавал об этом?

- Брат мой Кажы, вопрос нужный. Токтамыс пока обхаживает, обманывает людей. Построю новую Орду, всех перевезу туда, будете жить там ни в чем не нуждаясь, на земле построю рай, вот его слова. Народ не знает, верить ему или не верить. Все-таки у народа нет веры Токтамысу. Только некоторые говорят, что у Токтамыса на той стороне есть сильная поддержка.

Слова о том, что «у Токтамыса есть сильная поддержка» остались на душе Улу-би. Врагов Золотой Орды хватает. Любой из них поддержит его, а Токтамыс для них дубина. С этой дубиной они хотят разрушить основы Орды. Улу-би ничего не сказал сидящим, пусть выскажутся, о чем они думают.

Люди замолчали. Опора всех Кажы Мухаммед, воткнул камчу в землю, молчаливо глядит вниз. Шапка опущена на лоб, рукою поглаживает землю. Шауешек-би, казалось, не нашел, что сказать, задвигался, плечи поднял и тоже замолчал. Тунболат зачесал свой затылок и уперся взглядом на вершину Улытау.

Андасыну захотелось нарушить молчаливый покой, взглянул в лицо Улу-би и со смехом начал: - Упавший ненасытен к борьбе. Говорит, нечаянно пропустил один момент. Токтамыс, как тот несмышленный ребенок, был же ханом, чего достиг?

Андасын со смешком начал и продолжил уже сердито:

- Люди всегда остерегались неразумного мальчика, говоря, что-нибудь натворит он, придется отвечать за него. От такого безрассудного даже аул откочевал подальше. Невоздержанность, честолюбие привели к походу Амир Темира в степи Дешти Кыпчака многочисленных войск. А теперь переходит Едил несколько раз и что он ищет опять. Мы, кажется, знаем все его тайны. Сперва я считал его достойным жигитом, ох как обманул. Разочарован как никогда.

- Если Токтамыс разочаровал старшее поколение, что он даст подрастающему поколению, - начал свою мысль Нуралы, - что я видел ночью, просится наружу. Русские строят свои ограждения и крепости, богатые месторождениями.

- Скажи лучше, русские строят там города,- рассердился Тунболат.

- Прямо около нас, - в голове у Кажы Мухаммеда заиграла мысль «что с ним делать». Они начали прыгать через наши головы.

Да, враг заходит на наши земли. Тяжело осознавать это. Во время ханствования Токтамыса многие и очень ценные земли Ора-

ла продал русским улусам, даже отдал без оплаты. За однодневное заполнение казны он государственные интересы перешагнул. Оправдывал свои действия тем, что за то, чтобы, вести войну с Амир Темиром, русские предоставят ему средства и воинов. Из-за этого началась ссора между братьями. Он не считался ни с кем и хотел знать, что у чужих народов начинает больше открываться пасть и они еще больше хотят проглотить добро Орды. За это Едиге спорил с ханом Токтамысом. Наконец они расстались, и ссора может закончиться смертью одного из них. Хан Токтамыс потерял трон, сколько раз был разгромлен, а бежал сколько раз, не считать. Он, как семиголовая змея, коварен. Он не остановится, пока ядовитым жалом не укусит свой народ.

- Да, у тебя есть, что сказать, сын мой, - Едиге задумчиво осмотрел Нуралы.

- Они беззащитно заходят в наши земли, -Тунболат помрачнел, скинул свою одежду.

- Вытесняют они нас, - проговорил один из сидящих.

- При нашей жизни происходит такое, что будет с нашими детьми, -сказал тот старик.

- Оу, братья,- сказал Нуралы. - Вы сегодня ссоритесь, ругаетесь за пастбища своего скота. Стоит ли теперь думать только о себе, о своей семье? Если так будем продолжать мелкие споры, наступит время, мы потеряем все. Эти чужаки, ползая по-кошачьи, уже захватили наши земли, кто знает, могут прийти завтра и сюда.

- О,сыннок, истинны твои слова, - сказал тот же старик.

- Вы говорите, в Кундершине разгромили Токтамыса, по моему он ни один волос не потерял. Не теряет, потому что среди чужих стран у него есть много его сторонников. Змею три раза разрежешь, говорят, у нее остается еще сила для убийства ящерицы. Сила Токтамыса, опять враги Золотой Орды. Народ, беспокойно пасущий свой скот, безнадёжная ящерица. Укусит змея, неизвестно, что останется от него.

Слова Нуралы сильно взволновали Шауешек-би. Его глаза горели как огонь. Доброе лицо стало серым, голос жигита становился более жестким. Эти изменения не остались без внимания Шауешек-би и он поднял руку, прося слова.

- Твои мысли, то, что ты видел, залегли в твое сердце. Тяжелы твои слова, как стрела, пронизывают насквозь. Так сортировать увиденное достойно только человека знатного происхождения. Говорят, сын идет по следу отца. Добрые намерения, идущие безпре-

рывно от отца и прадедов, нашли пристанище у тебя в виде святых мыслей. Пусть бережет тебя Аллах от злых языков и глаз.

Только недавно всем показалось, что синее небо расколется и упадет на их головы. Добрые, молитвенные слова Шауешек-би поднял и настроение всех и будто предстоящие трудности откинуты далеко назад. Народ никогда не видел такую откровенную речь Шауешек-би, казалось, он выдал всем свою сердечную тайну.

Улу-би неотступно следил за каждым изменением лица Нуралы. Оно то бледнело, то горело, обретая красноватый оттенок. Да, они потеряли след его коня, пропал без вести, оказалось, есть у него, чем делиться. Сказанное Нуралы для него не тайна. Но это для простого народа не голое высказывание. Это уже не скрытый разговор, а голая правда. Слышать правду все равно трудно. Даже от радости человек погибает. Кому бы то ни было узнать предсказание и ждать его не очень желательно. Вырос его Нуралы, далеки его думы-мечты. Улу-би возгордился сыном.

- Меня тревожит, что не было врага, а нашли сами, - поднял голос Кажы Мухаммед. - С запада без нашего желания враг поднял голову и угроза росла. Неужели этого мало, мы же сами ищем врага с востока. За это у меня сердце щемит. Среди братьев бывают ссоры, иногда ругаются. Но не враждуют, кровь же одна у них. Токтамыс зажег огонь вражды между нашими братьями-родственниками, между Сыр и Амударией. Болит моя душа, друг становится врагом.

- Много высказываний осталось после Сыпыра-жырау. Как старался предостеречь нас старик-абыз. Взяли бы на ум его слова теперешние гордые сыновья: «я достиг всего», - печалился Анда-сын.

- Что мы теперь ждем? Доверяя, передоверяя ханам, разрушаем основы Золотой Орды. Враг уже без стеснения заходит, а мы будем сидеть и ждать, когда он разгромит все? - невозмутимый Кажы Мухаммед яростно высказал свое мнение.

- Кажы, вы правы.
- Почему бы нам их не разгромить?
- Пока след не простыл Кундершина...
- Эти враги веками дрались меж собой, мы их объединили за общим горем.

Улу-би радовался пробуждению своего народа. Если люди познают, что враг не дремлет, то предостерегаются. Но пока руки коротки. Враг умножается, как после воя волка, и напасть на них небольшой силой, это принести в жертву свой народ.

- Непродуманное, нерасмотренное со всех сторон дело, гибельно. Непереваренный поступок тебя же свяжет. Мы слышали и теперь знаем, как познать врага, как нам быть впереди. Наши высказали наболевшие вопросы. Предостерегаемся и мы. Ни одним языком решается вопрос, а теми, кто выдержал трудности пота и мучений. Да, не было врага, а нашли. Не будем сидеть сложа руки, сказав, это дело Токтамыса. Будем искать путь согласия с нашими братьями, живущими в Междуречье. Наши достижения на сегодня то, что мы на Улытау создали один улус Золотой Орды, с чистыми помыслами, с высокой мечтой. Наши далекие-предалекие прадеды, великий Мамай об этом мечтал. Мир изменчив, верю, Аллах и дух наших предков поддержит нас.

- Еще одно слово... - сказал Нуралы.

- Не оставь у себя, мы тоже послушаем.

- Токтамыс сошелся с царем западного народа Витовтом. Об этом хвастался русский князь, увидевший его во дворце Витовта.

- Это тоже правда. Мой человек из Москвы тоже так донес, - поддержал Кажы Мухаммед.

* * *

Больше двух дней находятся русские послы во дворце Витовта. Царь Витовт под видом, что никак не может улучшить время от государственных дел, пока не принимает. Русские послы прибыли под руководством его зятя Василия. В Куликовской битве князь Дмитрий добился дешевого положения, будто бы победив Мамай и неустанно продолжал свое сватовство за своего сына Василия дочери Витовта. Витовт наконец выдал дочь за его сына. За этим сватовством кроются свои счета. Дмитрий боялся, что за это убийство его Золотая Орда накажет, вот тогда его может спасти царь Витовт.

У царя Витовта думы другие. Да, отдаст он свою дочь, куда-то только не уходят они. Через свою дочь хочет заполучить Москву. Бояре, напуганные татарами, будут искать защиту теперь у Витовта. У кого какие мысли-думы он будет узнавать от своей дочери. Князь Дмитрий тоже не вечен, предоставится власть его зятю Василию, тогда свои мысли тоже может постепенно внедрить. Да, здесь Токтамыс ходит, что он здесь тоже к делу. Этот хан теперь ненавидит Золотую Орду. Если попадет власть ему, он безжалостно накажет своих. Нет вреда от того, что Токтамыс встретится с Василием. Если осуществится разгром Золотой Орды, то нетрудно на

постоянно враждающих русских князей надеть узду. В те годы Тевтонский Орден начал покорять этих русских. Да, этот Александр привел воинов Орды, не пугающихся смерти и ужаса, и выиграл. Что за народ эти татары, для них смерть не существует, ничего не смогли сделать с ними рыцари, с ног до головы одетые в железные панциры. Отрубишь руку, второй рукой снимают шлем рыцаря и снимают его голову. Кто видел такого яростного врага? Да, тот же Александр присвоил себе дешевую храбрость.

Вся эта история в прошлом. Покопаться - найдешь многое. Нет историй без сожаления, но никто не может возвратить ее. Ягайло тоже необдуманно поступил и всю жизнь сожалел. На Куликовом поле дрались же татары с русскими. Ягайло договорился с Мамаем. Мамай ждал помощи от Ягайло и упустил время победы. Ягайло намеревался захватить их обоих после яростной битвы. История не подчиняется твоим намерениям. История происходит своевременно. «Да, какая ошибка», - думал Витовт. Мамай громил своего противника, а вот Токтамыс вышел сзади, и он вынужден был отступить. Да, русские не должны забывать эту историю, Витовту надо напомнить русским это событие. Самый надежный союзник Василия - Токтамыс.

Витовт опять вспомнил Ягайло. Да, Ягайло долго сожалел. Тогда не предал бы Мамай, а ударил бы Дмитрия со спины, у русских не осталось бы и сорокатысячных войск. Мамай вынудили бежать, и Дмитрий с той армией выступил против Ягайло и он отступил. Да, какая ошибка, Ягайло пропустил время, он мог бы захватить Москву без боя. Мужиков в окрестностях, и бояр вынудили бы принять католичество. Русские земли разделили бы на две-три части.

Да и Римский папа издалека из Рима пугает его. Пишет свои повеления, русских, обитавших в болотах и лесах и не имеющих веры, не превращаешь в католиков, а над ними господствуют какие-то татары. Как будто Витовт бездельничает. Они бы хоть видели, что за народ татары. Наверное, думают татары - степные звери. Если бы, хоть один раз слушали кобыз и домбру, расплавились бы их кости. Если бы послушали муллы, имеющих мешок-мешок книг, они сами бы начали проповедовать исламскую религию. Витовт не уверен, что они останутся католиками. Кто такой рыцарь по сравнению с татарами, скачущими на буйном коне и стреляющими из лука наповал. Рыцарь боится смерти, а воин-татарин, сказав «Аллаху акбар», помолвившись, кинется в бой и ему смерть

как игра. А как с ними сразиться? Потеряешь мантию на своей голове, еще спросишь: «как меня зовут».

Если бы не Золотая Орда, не в счет Дешти Кыпчак, все русские, обитавшие в глухих лесах, давно бы стали католиками. Их защита - Золотая Орда. Об этом не надо говорить Василию. По мере возможности русских надо натравить на татар.

Витовт, не торопясь, долго обедал. Ел понемножку, пробовал каждое преподнесенное блюдо. Повара беспокоились, понравился ему их обед или он недоволен пищей, приготовленной ими. У трепетавших поваров ноги еле ступают по земле, ожидая наказания. Выпил немного вина.

- Ваше высочество..., - Повар еще хотел налить вино в его стакан.

- Государство... государство... Прежде всего государственные дела, - сказав так, остановил его.

- Ешьте... ваше высочество!

- Хорошо приготовлено.

- Ух! - сказал повар - Думал, не понравилось.

Витовт даже не обернулся к ним. Позвал человека, прибывшего из Москвы от его дочери. Приказал, чтобы он явился незаметно, не торопливо. Через полчаса постучали в его дверь. Проситель из Москвы, его тайный человек, находящийся рядом с его дочерью.

- Ваше высочество...

- А, Яков, иди поближе, как дела?

- Хорошо, по вашему обеспечению.

- Это я знаю, - Витовт свел брови. - Я спрашиваю о положении русских.

- Виноват, ваше высочество. Что русские, что медведь в лесу. Летом собирают урожай, зимой пьют водку и спят. В чулане козлята, в доме живут со свиньями вместе.

- Почему тогда они хотят воевать с татарами, - Витовт прыснул. Он говорит сущую правду, или этот его осведомитель самый настоящий дурак, ни о чем не ведающий. Который из них этот?

- С татарами не ладят ихние князья.

- Почему?

- Они не очень хотят платить налоги Орде. Стараются остаться у себя.

- За это они враждуют с Золотой Ордой?

- Перед ханом они до сих пор падают на колени. Но они, как вор, прячущий нож за пазухой, чуть что хотят пойти против. Мне кажется, многие при этом мнении.

- Какие вести от дочери? - спросил Витовт.

- Ваше высочество вот.., - Яков из тайного кармашка достал письмо.

- Надо было с этого начать.

-Виноват..

- Иди.

- Ваше вы..

- После ... еще раз явишься, будь осторожен, чтоб никто не видел.

- Хорошо.

- Ей, - позвал Витовт.

Кто-то высунул голову. Прошел через порог и замер как истукан.

- Яков же далеко от нас. Пусть ни в чем не нуждается. Дайте ему.

- Ваше высочество...

- Что скажешь?

- Он уже взял то, что надо.

- Дайте еще. Он - мои уши и глаза. Кто хочет стать глухонемым?

- Опять столько.

- Да, от этого казна не уменьшится.

- Хорошо сказали, ваше высочество.

Доносом Якова о русском народе Витовт остался недоволен. Прочитал письмо дочери, там другой разговор. По всей вероятности, женщины созданы для обмана и доноса. Она пишет не только о похождениях своего мужа, а о житье-бытье московских бояр, дальше о намерениях тверских, рязанских князей, эти русские до сих пор ненавидят друг друга. Рязань и Тверь продолжают поддерживать Золотую Орду. Витовт прозвонил колокольчиком. Тот долговязый показался в двери.

- Какие вести из Твери от наших людей?

- Пока молчат, ваше величество.

- Золотая Орда...

- Виноваты...

Витовт сию минуту приказал организовать новую группу осведомителей. Новых осведомителей лично осмотрел. Особенно было уделено внимание подбору людей идущих в Золотую Орду. Для подбора нет трудностей, людей, хватает. Пришедшие с Токтамысом на это идут с большим желанием. Самое главное, они не должны знать друг друга. В случае попадания одного в руки Орды

другие остаются невредимыми. Без языка не обойтись. Эти русские, как доносил Яков, летом ожирев, зимой водки наглотавшись, как медведи, не спят. Надо уметь познать и их замысел. Золотая Орда испокон веков защитник русских, какие новости у них. Ханы убивали друг друга и, казалось, Орда осталась без хозяина, появился какой-то Едиге и заново укрепляет основы Орды. Да, этот Едиге захватил же Москву, и князь Дмитрий спасся бегством. После Едиге появился на Кундершинском побоище. Говорят, Золотая Орда на ладонях Едиге, он правит страной. Несмотря на такую мощь, не хочет садиться на трон хана. Да, это завидная сила этого народа, кроме потомков одного рода, не стремятся владеть тронном. Если бы не так, они делятся же на большие роды - тайпа, начали бы грызться и от них следа бы не осталось. Хорошо продумали такое положение ихние старики. Ну, это ихние дела. Все-таки оставить Едиге без внимания нельзя. Оказывается, он не живет в Сарае, а далеко от города, обитает в Улутауских горах. Находясь в такой дали, руководит Сараем, Ордой хана. Какая сила у него и какое влияние у него среди народа. От далекого Едиге русские тоже в испуге.

- Хм! - Витовт дальше продолжал мыслить. Русские боятся сразиться с Едиге. От одного его имени их охватывает дрожь. Пройдут века, может, тогда они будут мстить ему. Тогда будут охаживать его, на деревянного коня посадят. А сейчас они готовы облизывать его ноги. Все-таки надо продумать путь, чтобы они начали враждовать с Золотой Ордой. Не в этот раз, но в другом случае его думы осуществляются. Если обессилится правление Едиге, Орда начнет расплзаться. Орда обессилится, русские останутся без защиты. Беззащитного захватить нетрудно. А что делать с Едиге? Лучшее всего Токтамыс. Токтамысу идти-то некуда. С Едиге враг до смерти. Да, ненасытный он. Даже вояк, побежденный противником, навечно оставляет свое логово и уходит туда, куда глаза не попадут его недруга. Токтамыс из одной норы переходит в другое логово и продолжает гавкать. Его трудно понять. Если бы не тронул Амир Темира, вечно сидел бы на троне. Кажется, его уговорил кто-то, и он заблудился. Но, раз заблудился, обратно найти и вступить на истинный путь трудно. Не всем это удастся. История такого не простит. Хорошо, что он заблудился, нам на руку. Обессилил Золотую Орду. Как бы за это время русские не подняли головы. Витовт опять позвонил.

- Ваше высочество.

- Пошли они? - Витовт спросил об осведомителях.

- Так точно.
- Не сразу отправил всех.
- Пошли только передние.
- Следующие когда?
- В конце недели.
- Надо подождать.
- Тогда оставим на следующий месяц.
- Чем занимаются русские послы?
- Ждут вашего приема.

Витовт принял русских послов после обеда. Сидел на троне. Его зять Василий с сопровождаемыми его людьми глубоко поклонились. Витовт, не торопясь, встал, широкими шагами дошел до середины приемной комнаты и подал руку. Василий посмотрев на на лицо Витовта, улыбнулся. Витовт как принимающий гостей первым начал речь.

- Вы, думаю, мне привезли послание моего свата Дмитрия. Мы хотели бы видеть русских как добрых, мирных соседей. У нас нет других пожеланий и интересов.

Василий, улыбаясь, еще раз поклонился и бросил взгляд на бояр, вместе прибывших. Бояре по обычаю Золотой Орды отпускали бороды до пояса. Люди Орды свои усы укорачивали, а они кончики усов отпускали в рот, и принято было сосать их.

- Есть хорошее предложение, но есть и путь осуществления хороших предложений. А это уже дается с трудом. Иногда хорошие задумки переходят в плохие дела и себя уже чувствуешь не ладно. Об этом вы тоже знаете.

- Да, конечно. Вот из-за этих благих намерений мы отдаем свою дочь русским князьям и берем от них дочерей.

- Мы за это поклоняемся. Мы тоже в таких намерениях.

- Знак хороших намерений, мы никого не трогаем, а укрепляем свои границы. Русские князья, думаю, об этом знают. Мы совершаем дело великого народа.

- Это величие или другое? - проговорил Василий. Они вступили в открытый разговор. В очном разговоре не осталось места для мелких счетов и тайных помыслов. Витовт увидел, что его зять не очень уступчив, и против его мнения ответил своим предложением. Его голос прозвучал более жестко, чем вначале.

- Не очень уместно сравнивать истину с ложью. Мы знаем, мирное развитие дешево обходится, чем обдуманное кровопролитие, и выгоден такой путь. Таковы наши намерения.

- Мы тоже думаем так. Но победители не остановятся, пока не растопчут побежденных. Они не признают другого разговора.

- Согласимся с этим. Ты вспоминаешь, какие плети ханы Золотой Орды нанесли тебе.

- Ну, это тоже есть, - Василий избегал таких разговоров.

- Времена меняются. Победитель изнутри ослабляется. Наоборот, кому больше досталось палок от хозяина, тот быстро закаляется. Растет желание отбиться, прибавляется сила. Чем все это кончится, история не раз доказала. Повернуть колесо истории никто не сможет.

Витовт немного успокоился. На что указывает Витовт, Василий тоже понял. Он хочет сказать, сколько еще времени будете рабами Золотой Орды. Поднять голову никто не осмелится. Было бы лучше, не враждуя, продолжить мирную жизнь с Ордой.

Василий предался голубой мечте. Что он видит, что он слышит с того угла, куда устремился его взгляд? Из тумана мечты возможно ли услышать голос будущего? Может, это победный клич воинов Едиге. Вдруг Василий вздрогнул и пришел в себя. Следа не осталось на его лице от голубой мечты. Да, он только что замолчал и как будто искал путь решения судьбы русских лесов. Один из бояр сильно закашлялся.

- Василий, - сказал он.

- Что скажешь?

- Он, - сказав это, боярин указал на Витовта.

- Задумался, - сказал Витовт с улыбкой.

- Устал, наверное.

- Как моя дочь? - Витовт повернул разговор в другую сторону.

- Очень хорошо. Живет среди уважаемых людей.

- Ничего не сказала? - спросил Витовт, опять улыбаясь.

- Да, да. Есть подарки от нее.

- Вот это хорошо. Братья соскучились по ней.

- Если разрешите, хотел сам приподнести подарки и поздороваться.

- Зятю всегда открыты наши двери.

- Жизнь полна политики, - думал Витовт. В политике нет правды. Она как баба-проститутка, говорившая мужу: «поймаешь - признаюсь». Попробуй поймать политику. Но, все равно есть одна правда. Одна из них - высокие духовные ценности, вторая - необходимость суетной жизни, богатство. Обе они не могут просуществовать друг без друга, обе они вечно спорят в неустанной борьбе.

Победит одна из них, другая старается перегнать, перебороть ее. Кажется, и этот нескончаемый спор двигает вперед человечество.

Планировалась и встреча Токтамыса с русскими во время приема. Токтамыс не ожидал встретить русских здесь, переступив порог остановился. Глазами сверлил Василия. По его изменчивому лицу не узнать его радости или ярости.

- Познакомься, Василий, перед тобой хан Токтамыс, - сказал Витовт.

Кажется, русский с татаринном давно знакомы, руки пожали и начали разговор на чужом, неизвестном языке для Витовта. Витовт остался в неудобном положении. Гости перед хозяином дома, не считаясь с ним, о чем-то делятся.

- Василий, ты тоже знаешь язык Орды? - спросил растроенный Витовт.

- Конечно.

- О, боже, когда ты успел?

- Язык кыпчаков, государственный язык Золотой Орды. Улус русских всего лишь часть Орды. Если хочешь стать князем, сам стремишься освоить кыпчакский язык. Не только князья, бояре, даже русские мужики в деревне, и то понимают язык кыпчака. Но они, как мы, не умеют разговаривать.

- Вы слушаете татарские песнопения?

- Тоже правда. У нас, среди русских был инструмент тамбура. В последние времена церковь начало запрещать играть на нем. Церковь не хочет видеть татароподобных, - Василий высказал то, что он знал в этих вопросах.

Да, эти русские становятся татарами, думал Витовт. Чешут по-татарски, слушают татарские песни и они влияют на них. Что осталось у них своего? Эти баскаки имеют право первой ночи с их женами. Тогда среди русских сколько татар и сколько...

- Василий, о чем вели речь? - спросил Витовт.

- Ему сказал спасибо.

- Ну, ты тоже видел его только что? За что спасибо?

- В свое время он отдал нам месторождения железа и меди. Моей благодарности ему нет границ.

- Не слышал об этом.

Этот хан сам роет могилу своему татарскому народу, думал Витовт. Железо и медь... Это же уже оружие. Наверно, эти русские осваивают их. Да, в последнее время московские князья начали часто приглашать к себе мастеров по железу. Для чего, теперь ясно. Если русские сделают пушки, то войску хана на войне делать не-

чего. Такое положение им тоже невыгодно. Русские раньше просили у Витовта огнестрельное оружие. Теперь может возникнуть угроза над его народом. Дело сделано, теперь его не возвратишь. У Витовта зубы закрипели.

- Хан Токтамыс, мы тебе предлагаем договор между нами, - Витовт повернул речь в новую сторону,- Мы поможем тебе создать новую Орду из пограничных наших земель и земель, бывших под вашим управлением. Хан в этой области по своему усмотрению объединит новые роды и из верных людей создаст себе войско. Вооружению ханских войск мы поможем. Вы довольны этим?

- Конечно, - Токтамыс ответил коротко.

- Мы тоже ставим перед вами свои требования.

Токтамыс и Московский князь Василий подумали: «что за требования», нутром разбирая, замолчали. Витовт не торопился. Ждал, как его слова подействовали на них, и долго глядел на лист бумаги.

- Хорошо, дальше слушаем.

- Мы верим, что вы разгромите наших врагов и обеспечите безопасность наших границ.

Цель Витовта ясна. Используя трудное положение татарского хана, он хочет превратить его из опасного врага в верного союзника. А предложение собирать новые роды вокруг хана - это подкупить вождей родов и вбить клин в единство татарского народа. Может, он хочет организовать оплату главам туменов и тысячникам. Деньги без труда, честь и хвала, кто от этого воздержится, только найди способ и разделяй, властвуй.

Конечная цель стала ясна и Токтамысу и Василию. Но Токтамыс одинок, не с кем посоветоваться. Бояре долго шептались. Василий улыбается, поддерживает или как...

- Превосходное предложение, - Бояре загудели.

В этом мире нет сил, противостоящих мощи татарских войск,- зашумели они.

- Василий, поздравь хана.

Витовт от своего зятя Василия об одном деле открыто спросил.

- Говорят, что вы часто нарушаете границы Золотой Орды, грабите их?

- Грабеж...- Василию не очень хотелось отвечать.

- Да, нет походом.

- Это верно. Наши люди тоже хотят чего-то, умножаются искатели добычи.

- Куда именно?

- Тот раз брата Юрия отправили на Казань. Удачи мало было, но на обратном пути от татар и чувашей вернулись с большой добычей.

Согласовав встречу с зятем к вечеру у семейного очага, Витовт закончил официальный прием послов. По его знаку накрыли столы, водки и вина было полно. Несколько раз опрокинули стаканы «за здоровье», ели досыта. Пришли музыканты с инструментами. Прозвучала неизвестная музыка для русских послов, и вышедшие молодые девушки нежно поклонились. Можно сказать, почти голые. Их груди и тела ниже пояса накрыты узенькой тканью. От удивления бояре начали икать, слизистые глаза полезли на лоб. В Орде хана было много интересного, но такого там не допускали. Там тоже играла музыка, поэты выступали, на домбре играли, какие прекрасные песни пели. Ох, как было прекрасно! Бояре ходили в Орду со своими женами и дочерьми. Иногда теряли своих женщин. А кто видел такой ужас, перед мужчинами голые женщины поднимают ноги, прыгают. Бояре начали забывать о водке. Эти девки, смеющиеся при танце, вертящиеся как куклы, с огненными глазами затуманили и их совсем. Танцуют и глазами жмурят, целуются. Бородатые бояре почти потеряли разум, сидят как во сне. Девки, прыгающие и летающие как бабочки, внезапно исчезли.

Вот только тогда потерявшие разум бояре пришли в себя и от удовольствия начали сосать кончики своих ус.

- Вот чудеса!

- Совсем голые, - один из бояр, как козленок, захныкал.

- Будь проклят, еле вытерпел, лучше бы нам дал...

- Исчезло бы все это, - только Токтамыс брезгливо сокрушался.

Витовт прислушивался к разговорам бояр. Он знал, русские бояре их таких «чудес» в помине не видели, и ему было интересно, как все это на них подействовало. От их разговоров он сделал свой вывод. Отчужденный Токтамыс тоже не остался без внимания. Не в своей стране он, находится среди чужих людей, но держится все равно по-другому. Витовт решил узнать, как он воспринял это представление.

- Голое тело женщины - пример господства сатаны. Заблуждение мужчины - гибель народа, превращение человека в животное. Чему радоваться? - ответил Токтамыс.

- Во как? - Витовт не ожидал такого ответа.

- Мы так понимаем.
- Как название... Священная книга ваша..
- Куран.
- Там так написано?
- Да, конечно.

* * *

Недобрые вести дошли до Улу-би в местности Майлы журт. Страны Запада, поляки и литовцы принудили Токтамыса, и теперь царь Витовт ему дал многочисленные войска. С ними Токтамыс разгуливал в западной части Золотой Орды. При помощи этих войск и опираясь на род Шырын, он захватил Крым и объявил себя ханом. Представитель рода Шырын Рухтемир был женат на сестре Токтамыса Жансулу. Его сын Тегинбай тоже подросток. Как стал ханом Крыма, Токтамыс влияние Рухтемира поднял высоко. В ханстве он беклербек, первая речь его, вопросы в основном решает он.

Войска Витовта, возвращаясь назад, грабили аулы алаша, проживающие в окрестностях Азу, и гнали с собой тысячи домов с их скотом. Их по частям переселили в сотни деревень около главного города Витовта Вильно. Таким образом, степи Дешти Кыпчака в округах Азу пустовали без людей. По мнению Витовта, на пустующих землях должны хозяйничать люди только католической веры. На Азу Едиге потерял аулы алаша, оказывавшие ему всегда большую помощь, и как бы остался без рук, без опоры.

Улу-би своевременно явился к договоренной местности с Темир Кутлуком около сарая. Собрались люди в достаточном количестве. Стоят много юрт, рядом вырыты ямы для огней, варятся котлы, все свидетельствует о большой подготовке. В былые годы Едиге не раз останавливался в этой местности. Сюда не раз прибывали и русские князья с грузом на нескольких телегах и большими подарками. Из этой местности он сам не раз отправлялся со своими воинами на все четыре стороны света. Теперь, вот на том же месте, вне города, Темир Кутлуг-хан встречает Улу-би. Они двое в Орде без чужих глаз вели беседу.

- Какие твои мысли? - спросил хан Темир Кутлуга.
- Захотели напасть на старого льва коварным шакалом. Считали, наверно, он беззащитен. Мы же на месте, пока и оружие есть в руках.
- Это Витовт уговорил Токтамыса.
- Натравливает же как собаку, неужели зрелый человек не защищает честь матери и допустит хватать за бороду старого отца?

Оправдать этот поступок никак не могу. Сегодня Токтамыс отдает Крым Витовту, завтра Едил захватят русские. Что останется сыну алаша в последующие времена? - Улу-би с сожалением высказал свое мнение.

- У князей, околачивающихся у наших дверей, такие же думы. У них лица смеются, а творят другое. Раньше вели речь только на кыпчакском, теперь по-своему шепчутся, - Темир Кутлуг беспомощно развел руками.

- А,- Улу-би задумался, - организуй встречу с одним из них.

- Нетрудное дело, ходят же около Орды многие из них.

Русского, ходящего под видом купца, привели, сказав «у него надо купить некоторые вещи». Спрашивали о ходе торговли, о делах других торгашей, старались сбить его с толку. Среди разговора Улу-би дал намек, что им нужно оружие от русских мастеров.

- У нас такого оружия еще мало,- ответил с хитростью купец.

- Такое не годится, Витовт готовится захватить Москву. Последнее время и нет вестей от князя Василия. Мы знаем, что ты доверенный человек его. Захват Москвы Витовтом нам тоже не выгоден. Василию надо, не упуская время, самому напасть на них. Я тоже Витовта сбоку ударю. Ты быстро передай князю, - с такими словами московского купца-разведчика за глотку взял Улу-би.

- Передам, передам, - ответил испуганно торгош.

- Вот так договоримся с Василием. Пусть ответит быстро, - Улу-би нахмурился.

- Даю слово, выполню все сказанное вами.

Московский купец как ушел, так и пропал из глаз. Улу-би в последующие дни опять советовался с Темир Кутлуком.

- У Витовта и у Московского князя конечная цель - разгром Золотой Орды. Витовт считает, что русские до сих пор защищались Ордой, если Орда исчезнет, то русских можно палкой бить, топтать ногами и захватить их земли. У него за спиной есть своя опора. Это папа римский и хорошо вооруженные немецкие рыцари. В конце концов Витовт выполняет их волю. Заранее знал о такой опасности. Прошло полтора года, как я отправил своих людей к Витовту. Ему тоже предложил напасть на князя Москвы и обещал помочь.

- Сомнительно, что Витовт согласится на такой шаг. Как ты сказал, его советники за его спиной. Говорят, волков объединяет вой, и русские и немецкие цари думают, как бы свою веру распространить на всю землю. Я очень убедился в том, что война за веру очень жестока, нескончаема, кровава и может продолжаться

до исчезновения всех. Витовт - раб своей веры, - Темир Кутлук изложил свое понимание.

- Правдивы твои слова. Правильны твои мысли. Нам ничего не остается кроме как натравить на войну Витовта на князей или князей на Витовта. Чем больше враждуют, тем мы улучим время для поднятия духа и мощи Золотой Орды. Излечили бы раны нанесенные борьбой за трон. По-другому...

- По-другому?... - переспросил Темир Кутлук.

- Чувствую, наступают очень трудные времена, - глаза Улу-би пробежали поверх юрты и остановились на ее куполе. Темир Кутлуку показалось, что глаза Едиге наполняются слезами, и он отвернулся. В душе хана играла буря.

- Что мы можем противопоставить? - спросил с сожалением хан.

- Все могли бы. Нет хуже врага, вышедшего из своих. Злая собака опаснее волка. Волк боится людей, собака, выросшая среди людей, ищет удобного случая. Не в этот раз, так в другом случае найдет. Не жалеет время. Кормится чем попало и ходит. Этим она доводит людей. Токтамыс тот хищник, то прячется у русских князей, то находит защиту у Витовта. Ради этого ест то, что дают, и из кожи вон лезет, чтобы покусать свою родину Золотую Орду.

- Вот теперь Крым захватил.

- Разграбил свой народ. Угнал наших жителей в окрестностях Азу и раздал по два-три дома на каждую деревню польским и литовским богачам на вечное рабство. Заставил потерять надежду на свою родину, веру и народные обычаи. Что хуже может натворить Токтамыс сверх этого своему народу. Никак не состоялся поединок с ним, погиб бы он или я. Издыхая в последний момент, я вырвал бы его душу из его тела, хоть таким образом спас бы свой народ от этого злодея. Судьба не дает мне и такого совершения безрассудства, - лицо Улу-би помрачнело, и он вытер лицо.

- Получили бы весть от того московского торговца, - понадеялся Темир Кутлук.

- Я ему не верю.

- Тогда зачем ты так просил его?

- Это политика.

- Тогда как? - Темир Кутлук не скрывал, что это ему непонятно.

- По нашим уговорам московские князья не нападут на зубастого Витовта. Ведь они тоже понимают, где их ждет смерть.

- Выходит, что наши уговоры - пустая надежда.

- Какая-то надежда тоже светит.

Показав, что он ничего не понимает, Темир Кутлуг-хан раскрыл ладони. Бобровую шапку сдвинул к затылку.

- Надежда.., - Улу-би указательным пальцем показал вдаль. - Чтобы они, князья русские, во главе с Василием побольше волновались, пугались от Витовта. А нам выгодно, чем сражаться с двумя врагами, остаться только с одним. Тогда мы не уроним из рук закаленную саблю Золотой Орды. Конь Алаша скачет на майдане, сын покажет свою храбрость.

- Тух, вот теперь я заново отдышался, - сказал, возгордившись, хан Темир Кутлук.

- Вот нам бы выиграть время! - Улу-би заслонил голову рукой.

- Оказывается, в Крыму Токтамыса поддерживают шырынские роды, - Темир Кутлук переменял тему разговора.

- Без этого не увидеть бы ему Крыма. На его хитрость ответил тем же. Под держал бы нас Бог.

- Какие думы у тебя?

- Ты же хан Золотой Орды, - улыбаясь ответил Улу-би. - Издай новый приказ от имени хана.

- Подчинятся ли эти разбойники шырынские тому, что я объявлю их вне закона?

- Не так.

- А как?

- Ты объяви тарханом сына Кажы Байрана Мухаммеда, он самая крупная личность в Крыму. В приказе укажи, что его аулы - кистаки, сады, бани, мельницы на вечные времена его собственность, и кто сунется, тот будет жестоко наказан. Увидев такое положение и другие жители Крыма перейдут на твою сторону.

С этим приказом хана Темир Кутлука немедленно сел на конь молодой жигит. Он тоже был парнем Крыма, терпевшим бедствия от Токтамыса и воинов чужих стран.

Много вестей дошло об издевательствах Токтамыса и долго находились войска Витовта в Крыму. Улу-би дальше не мог сидеть сложа руки. Не было времени посылать жигитов по улусам и собирать войска. Быстро повел своих. Он завоевал большую славу батыра в неоднократных сражениях с врагами, и его добрым именем гордились казахи, ногаи, каракалпаки, татары, башкиры. Его имя распространилось среди жителей Крыма. На этот раз к походу Едиге успели присоединиться небольшие отряды татар, башкир, ногайцев, те, кому удалось узнать о походе. На этот раз не был

проведен и совет хана, где обсуждалось, какой улус алаша сколько воинов может предоставить.

- Слишком быстро идем в поход, - произнес Тунболат Кажы Мухаммеду.

- Улу-би считает, что дальше тянуть нельзя.

- Говорят, там находятся войска чужих стран, поддерживающие Токтамыса.

- Да, эти враги угнали многочисленные семьи алаша, живущих мирно скотоводов, и превратили в своих рабов. Этот поход - месть за них. Показать им, что народ имеет свою голову и будет искать братьев. Земля алаша принадлежит сыну алаша и я думаю так же.

- Улу-би сам руководит, нет сомнения в этот раз победа наша. А вот враг идет с запада, чем это кончится? - с горечью печалился Тунболат.

- Если не затупился меч Золотой Орды, сын алаша всегда выдержит любой натиск врага. С самого начала не надо позволять садиться на голову всяким недоброжелателям. За это я готов попроситься с жизнью, - коротко отрубил Кажы Мухаммед.

- Ей, Алла, свершится наше пожелание, - Тунболат поднял руки к небу.

Быстро отправились в поход. Собранно выглядели воины, копья держат наготове. У жигитов, вышедших вместе с Едиге, на голове шлем, на поясе сабля, в колчане - лук и стрелы. У тех, кто по пути наспех присоединились, оружия разнообразные. Копье и дубина, у кое-кого сабли и кинжалы. Многие из них только слышали об Едиге, но участия в боях не принимали, зато они сыны степи, обуздавшие дикого коня без уздечки.

Войска Улу-би переправились через реку Дон и остановились. Решили отсюда как следует осмотреть окрестности, послать передовых для поимки языка. До них дошли слухи, что разбойники здесь чувствуют себя привольно. Они пользуются суетой времени, крадучись, как воры, нападают на беспечные аулы, угоняют скот. Искатели добычи, не довольствуясь попавшим в их руки скотом, убивают сопротивляющихся жигитов, забирают с собой женщин и девушек. Во времена расцвета Золотой Орды этот народ всегда был под защитой батыров алаша и привык к этому, а теперь, в такое время, еще не научились защищать самих себя. Все-таки, кажется, дошел до них топот копыт коней воинов Едиге, а от гулявших в этой местности грабителей из русского улуса и след простыл. Следопыты находили следы, оставленные ими неделю тому

назад, а их самих не видно. Идущие по этим следам глубоко обща-
рили окрестность и вернулись ни с чем.

Улу-би посоветовался с ханом Темир Кутлуком и решил бы-
стро передвигаться к окрестностям Азова. Остановка здесь вы-
годна. Крым, где поднял Токтамыс свое знамя, тоже недалеко. У
пойманных языков выяснили, что отсюда приходят разбойничьи
отряды, искавшие аулы, кочевавшие далеко и пока не попавшие в
руки Токтамыса. У них на руках огнестрельное оружие, выстре-
лами пугают жителей аулов, мимо не пропускают торговые кара-
ваны, их тоже грабят. По сведениям знающих людей, в этой мест-
ности прохаживается около двух тысяч разбойников Токтамыса.
Из них около тысячи людей идут по течению реки Куан, другая
половина на противной стороне по всей степи устраивает охоту на
людей, на аулы.

Место встречи обеих тысяч там, где Крым воссоединяется с
большой землей. Каждая тысяча разделяется на сотни и, как стая
волков, обходит степь и пригоняет сюда десятки тысяч скота, аулы,
попавшие в их руки. Продают ли скот, режут ли - это воля хозяй-
ничающих чужеземцев. А судьба жителей пригнанных аулов - веч-
ное рабство. Всех их с детьми отправляют в Польшу и Литву.

Наспех прибыли, построили воинские лачуги жигиты алаша,
об этом не знали вори-разбойники. Они настолько привыкли, что
народ не может оказать сопротивление, жили в празднестве, пили и
гуляли. Недалеко отсюда держат десятки тысяч голов скота без еды
и питья, от плача детей пригнанных аулов стонет степь, а они пьют
и жрут, и от их хохота земля содрогается.

- Беспечны, - доложили жигиты Орды.
- Кто охраняет скот?
- Эти вори поочередно ходят.
- Какова численность у них? - спросил Кажы Мухаммед.
- Около ста человек.

Все новости донесли Улу-бию. Тысячный отряд Токтамыса
разделился на две стоянки. Они расположились недалеко друг от
друга, примерно на расстоянии дневного кочевья козлят.

- Внезапно, в ночной тьме надо захватить их, - сказал Улу-би.

Обе стоянки воров-разбойников издали были окружены с це-
лью предотвратить бегство некоторых из них, сначала в полночь
жигиты Кажы Мухаммеда под видом замены охраны без единого
звука захватили их, после, когда прибыла новая замена, их разби-
ли. Успел, громко крича, убежать один из них. За ним последовали
воины Орды, растоптали конями еще не проснувшихся и не при-

шедших в себя воров. Кто оказал сопротивление, нашли смерть, кто просил пощады, остались живы. Следующая стоянка была разбужена топотом коней, они оказали сопротивление, стреляли из оружия, но скачками прошли по ним воины и оставшиеся в живых перед всадником пали на колени.

Аулы, попавшие в руки разбойников, никак не могли поверить в свое освобождение. Еще боялись, думая, к какому вору попали в рабство. Наступил рассвет, за ним солнце поднялось в небо, аулчане увидели Улу-би и хана Темир Кутлука, приехавших на двух иноходцах, и только тогда успокоились, и их сердца начали стучать мирно. Среди них нашлись люди, говорившие, что они когда-то были в отряде Едиге. Девяностолетнего старика привели молодые парни.

- Наслышан о тебе, Едиге-батыр. Спасибо Аллаху, позволившему увидеть тебя, - сказал старик с благодарностью.

- Едиге теперь Улу-би Золотой Орды, с ним находится хан Темир Кутлук, - объяснил Андасын.

- Не знал! Не знал! Пусть процветает его ханство, растет его величие. А где Улу-би, - спросил старик, приставив ладонь ко лбу.

- Перед вами стоит.

- Спасибо тебе. Знаю, что ты потомок святого Баба Тукти Шашти Азиза. О вас много слышал. Будь защитником страны, хранителем очага народа. Мы покинем этот мир, чтобы следующее поколение знало и гордилось тобою. Века идут за веками, какие трудности не пережили бы, пусть поколение берет пример с тебя. Амин!

Из двух тысяч искателей добычи по степям Токтамыса, половина в одном сражении попрощалась с жизнью, другая часть от страха разбегалась, бежали без оглядки, исчезли в глухих степях. Воины Витовта, поддерживавшие хана, довольно много взяли добычи. Узнали о приближении жигитов Орды и о разгроме Токтамыса, быстро собрались и спешно отправились на свою землю.

Издательство Токтамыса в аулах алаша по Азу и рекам Куан привело к возмущению народа Крыма. Получившие звание тарханов потомки Кажы Байрама поднялись и повели улус Крыма за собой, изгнали Токтамыса. Из своей родины изгнанный хан и на этот раз прибыл к царю Литвы Витовту. Витовт не хотел рвать связи с ним и подписал приказ.

- Для житья татаров Токтамыса ему выделить район Канева близ границы.

- А Токтамысу и для его семьи? - спросил посланный хана.
- Для этого ему отдается город Лида.

Такому повороту дела не очень довольны были бояре Литвы. Шептались: «какому-то беглому татарину за что отдать столько земли. Чем отдать им столько богатства, лучше бы превратить их в рабов».

- Токтамыс для нас очень нужный человек, - ответил предвидевший будущие события Витовт.

- А что он может-то?
- Чего он не может, мы добьемся.
- Что мы выиграем?

- Поддерживающие Токтамыса пока еще есть. Если нет, то мы создадим. Человечество пока не брезгует золотом, вот они его и под держат. Эти русские пока надежду не потеряли от хана. Если все это используем, то Орда попадет в наши руки. Обладатель трона хан Токтамыс, считайте, это наша кукла. Его подпираем только мы. Тогда, считайте, в наше царство войдет вся земля Чингизхана.

- А русские?

- Москву, Новгород, Тверь, Нижгород мы навечно подчиним себе силой Орды.

Землю Золотой Орды покинул мир. С одной стороны, опираясь на Витовта, разбойники Токтамыса искали добычу, иногда доходя до Дона, грабили народ, с другой стороны, опять по наущению Токтамыса, русские головорезы - искатели добычи, создав отряды, доходили до окрестностей Казани и часто нападали на аулы башкир. Они, как голодные волки, нападающие на отары и избегающие кары, часто поочередно нападали. Пойти по их следам и постоянно преследовать их стало трудно, а во многих случаях почти невозможно. Создалось опасное положение, и эта опасность не исчезнет при жизни Токтамыса. Нависшую опасность поняли все люди Орды.

Хан Темир Кутлуг отправил письмо Витовту. Письмоводитель в точности записал все слова, вышедшие из уст хана, и ждал, что еще он может добавить к написанному. Хан велел прочитать текст письма, молча выслушал. «Царь Витовт. Отдай нам беглеца хана Токтамыса. Я не хочу видеть его живым на земле, под твоей охраной. Что за жизнь у него, днем - царь, а утром - беглец, сегодня богатый, завтра - нищий, сегодня друг, завтра враг, он опасен не только для других, но и для своего народа. Хан Токтамыс злой враг, поэтому удержи его и нам отдай, по-другому он опасен и для тебя».

Витовт успел объединить Польшу с Литвой и торжествовал. За его спиной его поддерживают католические страны - Рим, французы, немцы с огнестрельным оружием. Бояться нечего. Остерегаться от Золотой Орды, какого-то государства степняков, смешно. Лучше всего натравить их ханов друг на друга и греть руки на огне, пока они истощатся. Такое время наступило. Пища готова, бери да ешь. Чего ждать! Витовт пригласил рыцарей немецкого Тевтонского Ордена. Прибывали полки вечно враждовавшего русского улуса из князей Москвы, Новгорода, Нижгорода. От огромного количества войск, собранных около Киева, не было видно земли. Радости Витовта нет конца. Немцы, поляки, литовцы и русские здесь. Против Золотой Орды такая невиданная сила никогда не собиралась. Витовт хану Темир Кутлуку отправил ответное письмо: «Я очень рад видеть тебя». Под руководством Витовта в железо обутая, с огнестрельным оружием в руках невиданная сила с торжествующим криком отправилась на земли Золотой Орды. За ними последовали обозы с грузом. Этот караван шел не спеша, охватив большую территорию.

Внезапность застала хана Темир Кутлука, он не смог быстро собрать войска и отправил своих гонцов к татарам, башкирам, ногайцам. Такого гонца отправил и к Улу-бию. С теми людьми, которых он успел собрать от Хажы Тархана, Сарая и Яика, хан Темир Кутлук на речке Борсыкты - Ворекала встретился с передовыми полками огромной армии Витовта. Темир Кутлук отправил еще одно письмо Витовту, заверяя, что у него нет никаких враждебных взглядов, может согласиться с любым видом соглашений. Это была его хитрость, чтобы дать время для прибытия Едиге со своими воинами из далекой степи Дешти Кыпчака.

«Даже готов платить налог любого вида», - прочитав такой текст, Витовт смягчился. Ему показалось, без сражения может овладеть тронем Золотой Орды и отправил письмо с текстом договора.

Темир Кутлук хан молча, не показывая вида, слушал письмо Витовта. «Ты признай меня своим отцом, плати налоги, выпускай свои деньги с моим именем, на знамя поставь мое клеймо, покажи покорность», - Темир Кутлук с большим напряжением слушал до конца письмо врага. Во, как бесится Витовт, внезапно, без объявления войны нападая, злился хан. Если в этот час не ответить, то будет поздно. Они в силе превосходят их в пять раз и огнестрельное оружие у них. Созвал совет, а посла Витовта просил подождать ответа на письмо в течение нескольких часов.

- Как нам ответить? - спросил он у членов совета.

- Что за невиданная сила у них, уничтожат же всех.

- Что, боясь смерти, неужели мы при своей жизни отдадим своих детей им?

- Лучше погибнуть сражаясь.

- Нет, давайте искать выход.

Люди долго спорили и остановились на предложении хана Темир Кутлука просить трехдневный срок у Витовта для единогласного принятия договора. Витовт считал, татары теперь у него в ладони, погоню их куда надо, и ответ хана принял. Темир Кутлук, объяснив нависшую опасность, еще раз послал гонца к Едиге и просил поторопиться с прибытием.

С появлением ничтожного проблеска утра с желтых хребтов Сары-Арки двинулись войска с большой поспешностью. Посторонний взгляд сразу узнал бы, что они к чему-то так торопятся. Как бы не блестили копья, отражаясь в солнечных лучах, как бы не звенели сабли, воины все равно собраны. Начальный след войск исходит с Улутауских гор, стремится к западу. В беспокойное время они, не забывая об опасности, вперед отправляют небольшой отряд и едут почти без отдыха. Доходя до Яика, они встретили нового гонца хана Темир Кутлука и узнали все подробности опасности.

- Времени у нас очень мало, - Кажы Мухаммед нахмурился.

- Как бы не было, мы вовремя должны быть там, - коротко сказал Андасын.

- Всем воинам объясните положение. Теперь на отдых у нас нет времени. Надо ехать днем и ночью, дремать сидя на коне, - предложение Улу-би все приняли с пониманием.

Безграничная степь полна врагов, и пустыми руслами рек ехать с полными грузом телегами стало невыгодно. Груз переложили на спины верблюдов и еще больше ускорили движение. Лошадей гнали впереди войска, а баранов резали каждому воину на пропитание в виде трехдневного запаса, варили и клали в их сумки. Ехали без отдыха днем и ночью, но не забывали об опасности. Враг мог ждать их везде и всюду. Раньше улус русских считался неотделимой частью Золотой Орды. Измена многих князей чему-то научила и простых воинов. Они начали проявлять неуместные действия и характер. Крайние аулы алаша постоянно беспокоят. Земли алаша, где проживали деды-прадеды татар и башкир, их головорезы захватывают, называя их «своими исконными землями».

Казалось, нескончаемый восторг охватил Улу-би, глядя на долины, где колышется марево в текучем воздухе. Опираясь на стремя и чуть поднимаясь, вытягивает он шею и долго рассматривает прекрасный край, вдыхает свежий, чем-то особенным пропитанный воздух с наслаждением. С такой надеждой глядит на убегающих степных жейранов, с удовольствием наостраивает свой слух на голоса степных гусей. Душа у него степная, она составляет смысл его жизни, сердцем чувствует величие родной степи.

К полудню спереди показалась густая пыль, которая приближалась. Посреди этой пыли еле слышны отдельные голоса. Через некоторое время показались и всадники, поднявшие столько пыли. Среди большой группы выделились трое и устремились к ним.

- Улу-би, по-моему, они наши братья татары и башкиры, - сказал громко Кажы Мухаммед.

Тем же быстрым ходом они перешли небольшое русло, тысячник крупного телосложения с восточным круглым лицом остановил своего коня, дойдя до Улу-би, и поздоровался не сходя с коня поклоном головы.

- Улу Едиге-би, - ясно прозвучал его голос, - это воины ваших братьев татар и башкир. Вести от хана Темир Кутлука до нас дошли только вчера. Собрались наспех и двинулись. Думаем, вслед за нами тоже должны подойти наши люди. Примите нас.

Улу-би близко приблизился к тысячнику Рахиму и с большой благодарностью обнял его, сидя верхом на коне.

- Спасибо, брат мой. Родина наша, пожар, возникший в нем, мы должны потушить. Аллах нам поможет.

- В жизни одно зная у нас, Улу-би.

Впереди всех ехал сам Улу-би, в его душе сочетались и радость и горе. Вот и братья заявляют, что пока живы, будут всегда под одним знаменем. Вон Токтамыс постоянно ищет врага на свою родину, на своих братьев. Врага отбросят, а что их ждет дальше?

Улу-би для таких походов выбрал иноходца саврасой масти и сидел в седле, как в молодые годы, не сгибаясь, прямо. В крупном теле и в ясном лице с чуть седеющими усами создает вид и степного сказителя и непобедимого воина. За ним идут вечный его друг Андасын, Кажы Мухаммед, Тунболат. Среди его воинов есть много людей, не однажды бывших в сражениях с ним. Большинство впервые посещают этот край, у них много сомнений, с удовольствием рассматривают все вокруг.

Удачно переправиться через большую реку Едил с большим количеством людей имело большую трудность. Искать переправы,

подготовить баржи не было времени. Очень уверенные в себе жигиты, подвесив одежду и оружие к седлу, сразу вошли в холодную воду реки. За ними заставили зайти в реку подгоняемых лошадей. Среди воинов оказались предусмотрительные, заранее подготовленные. Они надували кожу баранов, подвязывали к своей груди и плыли. Некоторые хватались за хвост, за гривы коней.

В числе первых переправившихся Улу-би быстро переоделся и сказал Тунболату, всегда готовому к любому действию:

- Пока мы целы. Но беспечными быть не можем. Откуда идет и поджидает нас враг, не знаем. Бери с собой людей и отправляйся вперед.

Не дожидаясь остальных около десятка жигитов, наспех высушив мокрую одежду, торопливо отправились вперед. Этот край Тунболату тоже незнаком. Степь здесь лесистая, и из какой чащи леса их ждет враг и внезапно нападет, беспокоит всех. Долго разглядывать любое сомнительное движение тоже нет времени.

Переправившихся воинов Улу-би не остановил, только дал им время пересесть на дополнительных коней, и сотни, тысячи, не нарушая свой строй, двинулись вперед. Выбрал пятерых жигитов с быстроногими конями, отправил их к хану Темир Кутлуку донести его слова.

- Езжайте без остановок. Скажите, пусть терпят. Пусть побольше разузнают о врагах и их помыслах.

Имеющие по два дополнительных коней гонцы сразу вскочили на коней и через некоторое время исчезли, даже не оставая клубов пыли после себя.

Из табуна лошадей воины взяли дополнительных коней и ехали днем и ночью. В конце третьего дня доехали до речки Борсыкты - Ворекала, где остановились войска Темир Кутлука. Приехали не одни, по пути их догнали сотни, тысячи братьев татар, башкир и ногайцев. В течение последних трех дней воины дремали на конях и теперь, осушив по несколько кесешек кумыса, не ожидая других, положив под головы седло, уснули. В походной юрте Темир Кутлук-хан принял Улу-би и его людей. Предложил им напиток. Пятидневный кумыс уже набрал свою силу, некоторые расслабились.

- Есть поговорка, к хорошему делу и жигит явится в свое время, - Андасын внимательно оглядел всех сидящих. Трава зелена, кумыс пятидневный, но пока подают мясо, хочется знать о положении.

Беспрерывный поход, кажется, одолел Тунболата, он лежал, согнувшись, будто хотел воедино собрать свои внутренности, и то поднял голову и сразу напал на своего сверстника Рахима.

- Вот он что скажет? В его бурдюк вмещается мясо целого барана.

- А вот ты, лежишь и печалишься, как женщина перед родовой схваткой, - отшутился Рахим.

Уместные шутки ровесников подняло и отяжелевшее настроение людей. В дальнейшем продолжить шутки не дал Улу-би, обращаясь к Темир Кутлуку.

- Великий хан, извести нас о положении.

- Это река Борсыкты, - Темир Кутлук положил ташпик во всю длину. - На этой стороне мы, на той стороне они. У них невиданно огромное войско.

- О чем говорит разведка? Как вооружены они?

- Обо всем нам известно. Только пушек у них больше десяти. Кроме этого большинство людей имеют ружья огнестрельные. Этим вооружены в основном польские и литовские воины.

- Сколько немцев у них?

- Рыцарей у них целый полк. С головы до ног обуты в железо. Ни одной дырки. Даже своих коней, чтобы не попала стрела и копье противника, они защитили панцирем.

- Что за чудо? - Тунболат удивился.

- Двигающаяся живая крепость, - Андасын покачал головой.

- О чем шла речь между вами? - Улу-би пристально посмотрел хана. Темир Кутлук вручил ему письмо Витовта. Чем больше читал письмо, тем больше мрачнело лицо Улу-би.

- Чем выполнять такое, лучше погибнем. Золотая Орда не лачуга нищего, падающая от ветра, она вечная и великая родина наша, отец и мать всех своих сыновей, желавших удачи на жизненном пути.

- Почему мы и ждем тебя, - Темир Кутлук нахмурил брови. - Если бы не так, мы с врагами бились бы, нашли бы свою смерть здесь.

- Напишем новый ответ Витовту, позови письмоводителя.

Письмоводитель, наклонившись, зашел через порог и сел, подготовив бумагу и перо.

- Пиши! - приказал Улу-би: «Смелый князь Витовт. Нет ничего предосудительного, если наш царь назовет тебя отцом, ты старше по возрасту. Вот я приехал. Ты по возрасту младше меня,

поэтому признай меня своим отцом, склони голову, на свои деньги и знамя ставь мое клеймо».

По приказу письмоводитель опять прочитал письмо, и Улу-би обратился ко всем со словами:

- Есть у кого что добавить?

- Это самое правильное.

- Лучше сказать нечего.

- Столько дней ждал и надеялся на трон Золотой Орды Витовт. Прочитав такой ответ, он как бы не взорвался. Жалею беднягу, - Андасын зло пошутил над Витовтом.

- Ну, тогда прочтем молитву над его усопшим телом, - Кажы Мухаммед довольно улыбался.

Немного вздремнув, Едиге вызвал всех глав туменов на военный совет. Все единогласно высказались за то, чтобы, не отступая от Борсыкты, вести войну до конца. Улу-би слушал всех молча.

- Отступим, - сказал он после всех.

- Почему? - негодовали военачальники.

- Наша цель не закончить войну без выигрыша, и чтобы ушел восояси, а мы должны разгромить их здесь. Местность, где расположены наши войска, невыгодна для нас. Пусть враг переправится через реку. Вот тогда удастся вести бой и бить их со всех сторон.

- Самое правильное решение, - сказал Рахим, руководивший силами татар и башкир.

- Что мы предпримем против пушек? - сказал, стиснув зубы, Кажы Мухаммед.

- Войско Темир Кутлука не будет участвовать в сражении, - все в недоумении обернулись к Едиге. - Ими командовать будешь ты, Кажы Мухаммед. В глубокой ночи бесшумно отойдешь от нас и спрячешься за этими лесами.

- Хорошо, - сказал Кажы Мухаммед, рассматривая тащпих, положенный в длину, рисуя вид реки. - Этот участок?

Улу-би склонился над мелкими камешками, разложенными в виде лесного массива. Лес, показалось, расположен немного дальше реки.

- Да, чем дальше расположитесь, тем лучше, вы не попадетесь на глаза разведки Витовта. По мере разгара боя поближе приближайтесь. В это время враг не может уделить вам внимание. А когда поймут, что к чему, то уже не успеют повернуть пушки против вас.

С наступлением вечера силы народа Алаш сняли войска со всех укреплений и начали отступать. Такую неразберуху видел и Витовт и решил для себя, что «татары уже испугались и хотят бы-

стренько бежать в свои степи». Он приказал переправиться через реку Борсы́ты. Переправившись, увидел, ордынцы через хребет опять укрепляются, заново строят своих воинов.

Утро двенадцатого августа, безмятежная тишина. Нет даже мягкого дуновения ветра. С неоглядной высоты неба степной соловей-бозторгай, удивляясь красоте мира, поет песни. Небольшое облачко на небе медленно уходит куда-то. Воины, позавтракав, начали строиться, за это время солнце поднялось на высоту шеста. Улу-би долго рассматривал строение противостоящих сил врага. В середине их сил часто появляется блеск от солнечных лучей, значит там расположены рыцари, обутые в железо. Наверное, пушки тоже там. Витовт основные силы сосредоточил в середине.

- Газиз, сын мой, - сказал Улу-би, - я тебя прямо посылаю в объятия смерти. Вон смотри, со своей тысячей нападешь на них. По мере приближения к ним из пушек будут стрелять по вас. А вы к этому времени тоже скачите врассыпную. Как услышите гром пушек, тоже из лука обстреляйте их и поверните коней назад.

- Хоп, отец. Не переживайте. Смерть от Аллаха.

- Рахым, - повернулся Улу-би, - твой тумен будет скакать, отступая от них на расстояние полета стрелы. Когда передние скажут назад, вы тоже создайте картину бегства. Только заранее готовьтесь повернуть коней назад.

Видно, что Витовт сам хочет начать сражение. От скрипа железа в ушах звенит, полк рыцарей, железная крепость, медленно шагает вперед. Железным острием носа они будто бы хотят расколоть войска Орды. Застучали барабаны.

- Ур! Ур!

- Бей! Бей!

С возгласом «Аллаху Акбар» скачут тысяча воинов Газиза. Поднятые тысячи сабель блестят в лучах солнца, как будто в открытом небе сверкает молния. За тысячей Газиза с боевым криком отправлен тумен, поднявший пыль до небес. Вдруг рыцари отступили в сторону. От открытых жерл пушек, спрятанных за рыцарями, вырывались куски черного дыма. Рассеявшаяся тысяча воинов Газиза еще скажут вперед. От прямо попавшего в них ядра пушек жигиты падают вместе с конем, сердце Улу-бия кровью облилось. «О, сыночек мой Газиз, наверное, твоя смерть тоже здесь», - сказал он поневоле. Воины успели повернуть коней и, обстреляв врага, скакали обратно. Воины тумена Рахима остановили коней, показывая, будто испугались, повернули назад. От копыт коней и упавших

ядер пушек поднялась пыль, и что-либо разглядеть на поле битвы стало невозможно.

Рыцари увидели бегущих обратно воинов Орды и у них в сердце играло торжество победы. Нельзя в таком случае упускать добычу. Кроме этого, настало самое лучшее время для показа своей храбрости. О нем, о его отваге будет говорить вся Европа. Он заслужит самый высокий почет. И каждый рыцарь, отстраняя другого, устремился вперед. Подвижная железная крепость начала распадаться. Стремясь догнать убегающих татар, бичуя своих коней, рассыпаясь, они скакали вперед.

Этого и ждал Улу-би. Сам возглавил тысячу, сабли сверкали, как молния, и они ударили сбоку полк рыцарей. Одетые в тяжелые панциры рыцари, тяжело поворачивались и повернуть своих коней не успевали. Их били дубинками, таранили грудью коней, опрокидывали рыцарей вместе с конем, за короткое время растоптали, и мало кто из них остался в живых. Опять начали греметь пушки, смертоносные ядра падали, и за ними началась атака огромной силы Витовта.

После разгрома полка рыцарей Улу-би взял с собой сотню и поднялся на небольшую возвышенность, наблюдая за ходом битвы. Пушки перестали бомбить ядрами, но вооруженные огнестрелками на ходу обстреливали ордынцев и были неодолимы. На некоторых участках даже бои шли в их пользу. Возникали очень тревожные моменты. Кажы Мухаммед, отправленный в тыл врага, молчит. Что случилось с ним? Уже наступает решающее время исхода битвы. Наступило послеобеденное время, а от него никаких вестей. Вдруг за спиной вражеских войск произошел пожар.

В самый разгар битвы часть сил Кажы Мухаммеда напали на врага и растоптали пушкарей, опрокинули пушки, обстреляли обозы стрелами на конях. Полк, охранявший обозы, кинулся тушить пожар. Наконец, они убедились, что потушить пожар они не в силах, и бросились на сотню, обстреливающую обозы. Сотня сразу обратилась в бегство. Однополчане решили догнать сотню и уничтожить ее, вдруг из леса вышедшие войска перерезали им путь и окружили. Бой длился недолго. Полк за короткое время был полностью разгромлен. Воины Кажы Мухаммеда сразу вышли в тыл войска Витовта и вступили в ожесточенное сражение с ним.

Яростную битву с ужасающими криками ясно слышали Улу-би, его окружение, горячились, беспокоились их кони, жестко начало звенеть их оружие. Горят глаза младшего сына Жаксыбая, его руки часто хватают рукоятку сабли. Битва часто меняет их мест-

ность, вот она приближается к сопке, где стоит Улу-би. Невольно его взгляд падает на противника крупного телосложения с синими глазами, руководившего движением вперед, он хочет открыть путь к той сопке, где находится Улу-би. Нависшую угрозу над ним увидел Тунболат и со своей сотней перерезал наступление противника. Яростный бой не на жизнь, а на смерть проходит перед их глазами. Эта сотня врага ведет неотступную битву. Они посередине сотни Тунболата пробили путь и подошли очень близко к сопке. Жаксыбая, схватившегося за ручку сабли, остановил Улу-би.

- Не торопись, - Улу-би обернулся назад к сотнику, подбородком указал на врагов.

- Я тоже хочу! - будто спрашивая, воскликнул Жаксыбай.

- Иди тогда.

Ударил коня камчой и, как стрела, умчался вперед. Началась яростная битва, противники опрокидывали друг друга и среди них оказался Жаксыбай, через минуту он перестал узнавать, который из них его сын. Его внимание перекинулось на врагов, оказавших еще большее сопротивление, несмотря ни то, что они уже полностью окружены. Нет надежды им остаться в живых. Изредка слышатся выстрелы из оружия, бой идет к концу.

Группа людей переправилась на другой берег реки и помчалась в безлюдную степь. За ними не видно преследователей, но они бьют своих коней камчой, удирают без оглядки.

- Это же Витовт, - сказал Андасын, пристально приглядевшись к ним. - Оставил войска на волю судьбы, сам удирает, спасая свою голову.

- Эх! - Улу-би сказал с сожалением. - Надо было поймать его.

Витовт со своим единомышленником Токтамысом спасались бегством, а воины, попавшие в окружение, были разгромлены. Да, ордынцы дрались с превосходящим по силе врагом, противником, у которого в руках было огнестрельное оружие. Улу-би увидел потери своих людей, их очень мнош. И молодые парни и воины с побелевшими усами отдали свою жизнь за Золотую Орду. Всех их похоронили по мусульманским обрядам, прочитав молитвы. Большую добычу поровну разделили между живыми и между теми, кто отдал свою жизнь за победу. Войска разошлись. Сам он с этого добра-добычи себе даже нитки не взял. Непокойно его сердце: дойти бы до Сары-Арки, хочется отдохнуть в своей Орде.

Хочется мира, но в этом, чем уверенности, больше сомнений. Как бы не преследовала смерть Токтамыса, он успевал ускользнуть и, говорят, он уже в Сибири. Теперь он не дает покоя жителям тех

краев. Сыновья его Жалаладдин и Керимберди ютятся в Москве. Война на Борсыкты ясно показала, за кого воюет улус русских. Теперь оба сына оказались среди русских, не это же показывает, кто зажигает огонь вражды. После кровавого побоища в Борсыкты они не имеют сил, напасть на улус русских и наказать их как следует. Придется ждать лет десять, десятилетний сын алаша пусть наберет силу поднять копье. Так хочется укрепить основы Золотой Орды, чтобы не чувствовать колебаний, дал бы ему Всевышний время.

- Из Орды прибыл гонец, - сказал его жигит.

- Пусть заходит.

- Улу-би..., - гонец пал перед ним. - Хан наш... Хан покинул сей мир.

Улу-би вынес всякие трудности, но на этот раз проявил слабость. Дернулись его плечи. От тяжелого известия молча присел, чуть покраснели глаза. Не хотелось ослаблять свое тело и душу, покачал головой, подпер рукою лоб, сидел и думал, не решая трудную задачу. Да, надо принять срочное решение. Ошибок здесь не может быть. Опять судьба Золотой Орды находится на лезвие сабли, на кончике кинжала.

Сел на саврасого коня и на полном ходу направился в гору Улутау. В полдень гора была в объятиях марева. Поднялся до середины высоты горы и оставил повод коня подоспевшему жигиту, дальше продолжал подъем к вершине. Усталое поднялся к скалистой вершине, ветерок, пробежавший по хребтам Улутау, обласкал его тело и всю усталость до ниточки начал уносить с собой вдаль. С этой вершины на восток однообразно тянется хребет горы. Величину этой горы Сары-Арки, теплоту, исходящую от нее, всегда чувствовал Улу-би каждый раз, когда поднимался к этой вершине. Она покрыта блестящими каменными плитами. Подогнув ноги, сел на эти камни и долго смотрел на Малую гору, Алтын шоки, Ешки олмес, на многочисленные сопки-хребты, на мир, наполненный необъяснимой мечтой. Вот исчезло перед ним все это, из марева возникают силуэты последующих пыльных событий, бесконечно длится цепь грядущего.

Никак не верится ему в смерть Темир Кутлука. С дальних, далеких времен они перенесли всякие события, был он верным другом. Улу-би печалился не потому, что у него скончался родственник по материнской линии, кто только не покинул этот мир. Он вместе с ним вел борьбу за укрепление мощи Золотой Орды. Твердо владел троном хана и, когда наступило время для осуществления всей мечты, оставил его одного в этом суетном мире. Да,

как теперь бороться с теми, кто за трон не брезгает кровью, продают честь и совесть. Их не интересуют ни дела государства, ни положение народа. Как быть теперь? Как ему найти такого хана, как Темир Кутлук, с полслова понимающего его думы, стойкого в любых событиях.

Улу-би понимал, что его ждут часы испытаний, времена больших изменений. Кто как воспользуется этими изменениями? Кто о чем думает, какие намерения у них, как они кроют карты, никому это не узнать кроме великого Создателя. Никто не изменит судьбу, но все-таки надо опережать некоторые события. Неуместно и торопится, медлить тоже нельзя. В этом возрасте, эту высоту он достиг, пройдя через трудные события, перенося немало сражений с врагом. В тяжелые часы его вел блеск мечты из тьмы и тумана суетной жизни. Такую мечту обосновал его отец и очень многознающие старики-аксакалы, встретившиеся на жизненном пути. Мечта его, белое облачко на святом куполе Золотой Орды, целостность Орды, куда вмещались народы разных стран. И теперь он не упустит с глаз достигнутое.

- Нельзя допустить борьбы за трон, - сказал он, возвращаясь в свою Орду.

- О, боже, неужели опять такие появились? - Шаушек-би сожалел.

- Не сегодня, так завтра появятся.

- О, судьба, нам дано жить во времена кровопролитной борьбы за трон, - Кажы Мухаммед загрустил.

- С печалью дела не закончишь. Завтра рано отправимся. Пусть берут дополнительных коней, - Улу-би дал поручение Кажы Мухаммеду.

Поспешным походом ехали, наконец добрались до главного города Золотой Орды. Оказалось, Темир Кутлук уже погребен. Неспойно в народе. Начали спорить, кто должен владеть троном хана. Нашлись и такие говоруны, если не сам Токтамыс, то один из его сыновей должен стать ханом. Возможно, такие слухи распространяют тайные осведомители Токтамыса и его сыновей, вечные мечтатели- злодеи трона. В такое время кого-то посадить на трон хана нелегко. В то время, когда ханом стал Темир Кутлук, Улу-би сам возглавлял это дело, с другой стороны, опирался на Амир Тимура. В этом он не видел ошибок. Великий Амир считал Темир Кутлука своим человеком и никогда не зарился на степи Дешти Кыпчак. А как теперь?

- Как теперь поступим? - с таким вопросом обратился Улу-би к тем, кто всегда находился с ним.

- Этот вопрос мучает меня, - Шаушек-би погладил бороду. - Не очень знаком с ними.

- Не вижу такого воздержанного, умного человека, как Темир Кутлук, - Андасын повернул голову в сторону.

- Тот, кто хочет взять узды правления огромного государства, должен быть и умным и храбрым, - мечтательно сказал Кажы Мухаммед. - Мы победили, но враг не разгромлен.

Улу-би долго думал. Через веса веры и сомнений оценил всех, кто околачивался около трона. Кто же может управлять этой страной, людьми, - волновался он. Думал, ходил, еле терпел многих, иногда чуть не взрывался. Ходил один около трона, от него исходили одни только сплетни. Посмотрев на его мясистый, как у бугая, затылок, чрезмерно большие уши, вытаращенные, как у лягушки, незрачные глаза, он поморщился: «О, боже, неужели такие надеются овладеть троном, править страной»? После Темир Кутлука около дворца собрались одни невзрачные личности.

В долгое время эти люди жили в мире и спокойствии. Как бы теперь не случилось непоправимое, не раскачалась Орда, не разбегались люди. Да, во главе народа должен находится человек, кого слушает народ, доволен его делами. Без этого, как в поговорке «криком не сдерживает умная старуха, окриком не успокоит хозяин», разбредется народ. Чего ждать от тех, кто спит там, где сидит, любит полежать там, куда дошел. От такого хана любой враг на голову народа наденет ошейник и уведет с собой. На следующий день Улу-би сказал.

- Шадибека посажу на трон хана.

- Шадибека..., - усомнился Кажы Мухаммед.

Не ослышался ли? Кажы Мухаммед еще раз взглянул в лицо Улу-би. Шадибек... Чуть не проговорил народную поговорку о биях. Как бы не случилось плохого. Наверное, у Улу-бия есть какие-то намерения, расчеты.

- Если мы не передадим правление троном по наследству, побоища не миновать. Шадибек - старший сын Темир Кутлука. Пусть он владеет троном.

- Если так, - Шаушек-би сомневался.

- Пусть сидит. Мы готовы исправлять его ошибки.

- Вот так, - Шаушек-би покачал головой

- Для безопасности страны мы должны считаться с Амиром. Амир всегда поддерживал Темир Кутлука. Он признал его силу против Токтамыса. Токтамыс еще жив. Против этого живого вра-

га выступит Шадибек. Чтобы рассеять сомнения Амира, завтра же пошлю посла с большими подарками.

Улу-би торжественно провел обряд передачи трона Шадибеку. Нового хана ознакомил с положением внутри страны и помыслами других стран и находился в его Орде несколько недель. Вернулся в свою Орду в середине лета. Вот прошло лето. То туман, то снег с дождем, начался и быстро прошел месяц Караша. На небо поднялась звезда Лошадей. Ребятишки от холода надевали шубы. За лето скот сильно ожирел и теперь их пригнали ближе к зимним пастбищам, а сами расположились в разных кишлаках. Зима в Сары-Арке тяжелая. Между аулами общаются только верхом на коне. Степь, покрытая белым снегом, блестит и, кажется, она во сне. От летнего праздного крика и шума остались только беркут в небе, на земле лиса и волк. В снежную зиму и коням не переступить и волки торжествуют, подходят близко к домам и мчатся. Так проходит и зима.

От Шадибека нет известий. В год два-три раза проводили совет хана. Нет, ничего такого тоже. Вот прошла зима, и у Улу-би возникло подозрение: «не опрокинул ли этого хана какой-то злодей»

- Разузнай! - приказал он Тунболату.

Полмесяца ходил он туда и обратно, но изменений нет. Шадибек на троне. Жизнь проходит в празнестве. Вокруг него точно такие, как он, знать. Прежние знаменитые би, кого слушал весь народ, теперь сидят в своих домах, бездельничают. После утверждения на трон через некоторое время Шадибек их отстранил от дел.

Улу-би только теперь полностью осмыслил натуру Шадибека. Прежде, до ханства, он гордился, что он сын хана, и тогда не здоровался со старшими, не признавал младших за людей. Теперь что? Да, Бог не дал ему понятий, а он захотел, посадив его на трон, превратить в умного правителя. Пожелал же Кажы Мухаммед «У хана должен быть и ум и храбрость». Этими словами как опережает его. А где взять, если нет такого. Искал же, не мог найти достойного, - успокаивал себя Улу-би. Дурак останется дураком, хотя он хан. Одна из двух стерв, злых баб, рождает героя, говорят в народе. Батыр на батыра не похож, большинство из них неразумны, сила есть - ума нет. Только у некоторых сила соответствует разуму.

Тревожился, как бы Шадибек не раскачал основы Орды. Теперь что делать-то? Сам же посадил на трон, неужели придется своей рукой снять его с того же трона? Он, посадив его на трон, запретил кровавую борьбу за трон. Неужели снова начнется борьба? Уа, Алла, как поступить дальше?

Встревоженность Улу-бия не осталась без внимания его жены Кагаз. В этой жизни она никогда не перечила ему, никогда не говорила, где он прав, а где ошибается, когда придет, встречает с большой лаской, готовила ему и умела накрыть дастархан. Она поправила головной убор и сказала:

- В последнее время волнуешься слишком много, Улу Едиге.

- Недорослей хотел довести, чтобы они стали людьми, вот моя мечта и тревога. Говорили, молодым - дело, старикам - почет. Молодой, но далек от дел, не пожелал освоить то, что усвоили старики на жизненном пути. Думал, он вырос, оказалось, он не дорос. Печалюсь, что теперь мне-то делать. Не только со страной, но, оказавшись во главе своего очага, молодой жигит думает о будущем, скинет тяжесть со спины и возгордится. Надеялся я, думал вождем станет, а он не справится. Груз моего народа в этой арбе, сам тянул, сам надел на свою шею хомут, а теперь этот недоросль роет ему яму перед ней.

- Ой, глава наша, - сказала Кагаз-байбише. - Из лисы волка захотел, из клячи скакуна хотел вырастить. Из ничего получить что-то нелегко. Пусть Бог бережет то, что у нас есть. Не печалься. Грузу твоему Аллах поможет. Все это твое дело, твоя жизнь. Народ смотрит только на вас. Не теряйте мощь и силу.

Слова его жены заточили его, как лезвие ножа, взбодрили. Народ вчера уважал, то же настроение и у него сегодня. С этими людьми судьба объединила в трудные времена, и они поняли и осуждали хана за недоброе отношение и намерения его. После тех новостей Тунболата народ более теснее объединился вокруг него.

Оказавшись в Сибири, Токтамыс теперь начал возбуждать тихих людей тех сторон и в поисках добычи частенько нападать на жителей Орды на востоке. Кроме этого, дошли слухи, что Токтамыс с вечно враждующим Амиром о чем-то договариваются. Будто бы главным послом Токтамыса является Кенжен. Едиге хорошо знал, что главная мечта Амира покорить Китай. Об этом ему было известно еще в годы нахождения в Туране, когда находился около Амира. Тогда Амир подчинил себе народы Персии и Индии и не мог осуществить свою главную мечту, ему мешал Токтамыс, нападая, как вороватый волк, часто хватая его за ноги. Вот теперь, когда все успокоилось, за последние два года Амир усилил разведку на Китай и готовил войска для этих целей.

Говорят, Токтамыс послал письмо Амиру Тимуру, - и Анда-сын наизусть пересказал содержание письма: «Великий Амир, ты много доброго сделал мне, но мой ответ был нехорошим и это до-

вело меня до позорного положения. Осталась одна надежда - ваше прощение. Если вы простите, я даю клятву, в дальнейшем буду покорным вашим слугой».

- Да, в этот раз Токтамыс, как лиса, начал ворожить людей, - засмеялся Улу-би. - Как ответил Амир?

- После свершения удачного похода на Китай займусь делами Улуса Жошы, - ответил Амир.

Улу-би простому обещанию Амира не верит. Токтамыс достаточно надоел Амиру, а теперь, когда он находится в Китае, этот злодей Токтамыс может совершить опять свое злодеяние. С этим он может преградить его поход, может напасть со спины, бить в затылок. Так Амир хочет пока успокоить Токтамыса, договор на словах - политика Амира, думал Улу-би. Все-таки с целью обезопасить страну посылал Амиру большие подарки и уведомил его о готовности оказать военную помощь. Амир принял с благодарностью. Но...

Но Амир Темир в день возвращения его послов скончался после тяжелой болезни. Пошел слух, чтобы Амир Тимур не совершил поход в Китай, один из злых людей добавил яд к его пище. Слухи-слухи. Все-таки до этого дня не имевший ни одной болезни Амир, в тот день, когда он должен был сесть на коня, внезапно умер от неизвестной болезни. Засомневались все. Да, кто не покинул сей мир. Великие личности, великие знатоки-ученые дожили до определенного времени и ушли из этого мира. Смерть Амира Тимура не дала исполниться его мечте.

Если хочешь жить, то будь добр, трудись. Что делать, если труд этих дней приобретает форму вражды с новоявленными врагами. Так хочется жить мирно, спокойно, но нет, кто-то тебя трогает, кто-то натравливает и ты теряешь покой. Боролся с врагами, победил, уничтожил. Но все равно, как в сказке, отрубил одну голову змеи, вырастает другая. Думаешь, вот все завершил, достиг своего, но окажешься в кругу других забот. Сам же выбрал козла и он же хочет бодать его.

Лицо Кажы Мухаммеда, переступившего порог, выглядело как после пожара. Злость на его лице.

- Ну, скажи, что случилось?

- У этого хана Шадибека голова не работает.

- У кого сколько ума, один Аллах знает, - Улу-би начал успокаивать его.

- Не могу сказать умным, если он не знает врага, поэтому к вам пришел.

- Ех! - Улу-би вздохнул. - Считаешь его другом, а он твой враг. Скажи, что произошло?

- Что сказать, хан Шадибек дал русским два полка. Они же вчера только выступили против нас. Русские хотят воевать с Витовтом. А что мы выиграем?

- Ты лучше считай, что мы проиграем.

- В наши дни возникают дела, а конец туманный.

- Вот от этих туманных дел ты тоже остерегаешься. Что делать, если появились люди, садившиеся на коня задом наперед? Дурной козел не может нести внезапно появившиеся рога.

- Концом будет или я, или ты.

Сложив камчу вдвое, зашел Андасын, глазами сверил потолок, обошел купол-шанырак, после всего бросил взгляд на Улу-бия и Кажы Мухаммеда.

- Этот мир опять разбушевался. Если хан не взглянет на чернь, нужен ли черни хан, если чернь не слушает хана, нужна ли хану такая чернь.

- Говорят, от несчастного нитки не бери, - добавил Кажы Мухаммед.

- От счастья к несчастью не бегут. Я тоже слышал о многом.

- Каковы твои выводы?

- Выводы... Шадибек поступает хуже врага.

- Ну, покой! Нет такой вражды, чтобы поднять знамя Бату-хана. Да, это просто дурачество, - Кажы Мухаммед по-своему успокаивал Андасына. - Будь здоров наш народ.

Андасын чуть успокоился, но все равно с ожесточенным видом сел по правую сторону Улу-бия. Вид усталый, будто решал споры целых краев, шапку жестом натянул на колено, открыл грудь.

- Думал, вот освоим все, дадим народу волю, мир и спокойствие, а выходит... - загрустил опять он.

Улу-би опять отправил Тунболата к Шадибеку, для безопасности дал еще около десяти жигитов. «Скажи этому хану от дальнего врага ближний враг опасен. И дальние, и ближние только об одном думают, как раскатать купол Золотой Орды. Помогать ближнему врагу, чтобы обессилить дальнего, дело несерьезное. Ближний враг, набирая мощь, раскатает остов твоей Орды. Почему не учел это? Наоборот, пусть дерутся меж собой дальние и ближние враги и обессилят друг друга. Вот тогда наступает нам покой. Только тогда укрепится Золотая Орда. Посланные на помощь русским полки надо возвратить. Нечего нам терять кровь сына Алаша за русских. Улус русских показал себя, кто они в день битвы на Борсыкты. Пусть слушает меня. Если не так, то...»

Спешно отправленный Тунболат в конце недели вернулся. Вид усталый. Поздоровался и не пошел на почетное место, уселся, где ему захотелось. Улу-би молча слушал Тунболата. Сидящие наблюдают за Улу-бием, он не кинется за дешевым, если за страну поднимает голову, то он и себя и других не шадит, об этом его характере все знали. Наступила тяжелая тишина. Хан Шадибек даже не хотел слушать Тунболата. Вскикивал, еле дослушал еш.

- Слушай меня, если не так-то... - Когда дошел до этого он, как вздутая кишка, чуть не взорвался. Вскочил с трона, взял камчу с криком:

- Ой, твоеш...

- Уау, хан Шадибек, я только изложил слова Улу-би, - успокоил его Тунболат. Но все равно сказал.

- Смотри-ка, умничают.

- Какой ответ? - спросил Тунболат.

- Скажи ему, пусть земля пухом будет ему.

- Как сказали?

- Не нуждаюсь в его советах. Свое дело, сам решу.

- Нет лишнего в совете, это дело страны.

- Вон отсюда, не попадайся на мои глаза, - Шадибек-хан выгнал из Орды Тунболата.

- Этого Шадибека дальше так пускать нельзя, - Андасын потерял покой.

- Каждого тянет своя основа. Вчерашняя кровавая борьба за трон, это плохой пример перед глазами Шадибека. Не будем к крику добавлять крик. Нам не стоит заново зажечь искру борьбы за трон. Будем ждать. Хватает без Шадибека людей с темными мыслями, - Улу-би так вынес свое решение.

- Все-таки... - Андасын, недосказав свою мысль, остановился.

- Токтамыс в Сибири. Но восточным областям Орды не дает покоя. Его сыновья Каримберди и Жалаладдин ютятся в Москве. О чем они думают? Вот они натравливают улус русских против Орды. Хотя бы это понял бы Шадибек. Не надо быть нам двусторонними, правильнее будет, если сначала решим с Токтамысом в Сибири.

Улу-би дал своему сыну Нуралы пятьсот жигитов и отправил против Токтамыса. За каждым шагом Улу-би следили внешние враги. Весть о том, что интересуются Сибирью и отправил воинов против Токтамыса, дошла и до них. Этим временем решил воспользоваться сын Токтамыса Жалаладдин и поспешно прибыл в Орду, выгнал Шадибека, уселся за трон Золотой Орды. Через неделю об этом узнал и Едиге.

- Е, - Улу-би закачал головой. - Шадибек сам же просил такую боль.

По велению Улу-би вышедшие на поиск Токтамыса воины под началом Нуралы в течение двух дней спешно ехали без остановок и решили дать коням небольшой отдых. Впереди отправили разведку. Сколько бы ни шли, встречали только следы разгрома Токтамыса, а его самого не видать. Аулы, подчиненные Токтамысу, говорили, что он в степях Сары-Арки, часто перекочевывает, меняя пастбища. Токтамыс пополнил ряды своих воинов, всегда сопровождающими его, новыми людьми, и искавшими добычи, взбесившимися от безделья жигитами. Стало известно, что немало воинов следует за ним. С ними угнал скот аулов, не подчинившихся ему, грабил караваны торговцев, проходивших около его владений. Да, они понимали, за это могут наказать их и не забывали, приняли меры безопасности. Все-таки он не думал, что Улу-би без проведения совета ханов, без приглашения воинов из других улу-сов решился на поиск его.

Для жигитов Нуралы это тоже очень выгодно. Не преградили путь тем, кто откочевал, пугаясь Токтамыса, но пришлось взять с собой скот тех, кто бежал, оставив их на произвол судьбы. Народ был напуган грабежом и бежал, как степные сайгаки. Нуралы не гнался за ними, посылал своих людей и не переставал объяснять

им цель прихода в этот край, не устал возвращать им скот.

По течению реки Есил, в местности Караоткел обосновался аул Токтамыса с белой и пребелой юртой. Около аула нет скота. Чуть дальше расположены аулы, для красоты натянуты аркан-желе, куда привязаны только одни белые жеребята от белых кобыл. За стеной каждой юрты на стоянке стоят кони без единой родинки белые. Вот здесь, своим торжеством, безграничной властью любовался Токтамыс. Кто против него, наказание готово. Вот на этих основах, покрытых войлоком, в его тюрьме лежат виновные, с привязанными руками и ногами. Ждут повеления хана.

- Тащи этого бородатого, - сказал Токтамыс.

- Какого?

- Ей, сколько у нас бородатых, того бунтаря.

Жигит, исполняющий приказ, притащил старика с привязанными руками.

- Ты почему не подчиняешься нам?

- Золотая Орда вон там, - старик бородкой указал вдаль, - хан там. Я тебя не знаю.

- Тогда будешь знать, этому всыпьте сто палок.

Торжество летовки на Караоткеле Токтамыса было нарушено неожиданной вестью. Его взял испуг, когда узнал о приближении сына Едиге Нуралы. Он переспросил и узнал, идет не сам Едиге, а его сын Нуралы, и чуть успокоился. Знал же, что творимые им дела приведут к сражению и готовился неплохо. Быстро собрал войска.

В сражении у Караоткела Нуралы не смог одержать победу над Токтамысом. Обе стороны бились целый день и отступили. Токтамыс откочевал со своими аулами подальше и решил до конца вести сражение с Нуралы. Часто, внезапно нападали друг на друга, и долго продолжалась взаимная стычка. В одном из таких сражений Токтамыс чуть не разгромил все войска Нуралы. Нуралы вынужден был отступить к реке Тобыл, для того чтобы отдохнули воины, и привел их в порядок. Через пару дней догнал их Токтамыс. В дневном сражении не осилили друг друга, обе стороны устали, варили ужин в вырытых ямках и отдыхали.

Нуралы провел немало сражений, не раз выходил на поединки, был закален в боях и понимал, на этот раз решается судьба их, останется один из них: или он, или враг. Уменьшилась его сила, но как донесли разведчики, и к Токтамысу не прибывают свежие силы. Ему тоже теперь деваться некуда, на этот раз не сможет сбегать с поля битвы, спасая свою голову. А он может в любое время отступить. Используя ночную тьму, Нуралы взял с собой сотню и обошел врага с тыльной стороны. Оказалось, там тоже выставлена охрана. Кажется, они приняли их как прибывшую дополнительную силу, подпустили очень близко и спросили:

- Кто вы?
- А ты кто?
- Я Бахадур Етам, - ответил один из воинов Токтамыса и вытащил саблю.
- Смерть настигла тебя, Етам. Я Нуралы.

Бой длился недолго. Пал Етам Бахадур, слышно было, как он хрипит и спускает свою душу. Около двадцати жигитов, бывших в охране, не оказали сопротивления, сложили оружие. От них узнали, что впереди стоит еще один пост. Сложившие оружие обязались вести переговоры со следующей охраной.

- Ей, кто вы? - издалека спросили охранники Туал-батыра.
- Свои.
- Кто свои?
- Мы люди Етим Бахадура.

Все-таки эти охранники оказались осторожными. С утренним рассветом выяснилось их количество - около пятидесяти человек.

Пришлось срочно напасть. В короткой битве все кончилось. Только в начале сражения удалось сбежать одному с криком «аттан» - «тревога». Остальные все погибли.

Войска Токтамыса, находящиеся дальше их, тоже подверглись нападению воинов Нуралы. От доносившегося оттуда шума-грохота, крика уши звенели. Токтамыс успел одеться, пристегнуть свое оружие. С ним находилась караульная сотня.

- Токтамыс! - Как гром, прогремел голос Нуралы. - Хватит бежать с поля битвы, спасая свою голову. Бедствия, принесенные тобою сыновьям Алаша, выше твоего роста. Мы могли настичь тебя в постели, но дали возможность одеться. Если такой герой, выходи на поединок.

- Кто ты такой, чтобы вызывать меня в бой? А ну, дурак, быстро проси прощение, пока душа не покинула твое тело. А то твои глаза ослепнут от тысяч мух.

- Тебе по заслугам, Токтамыс, смерть настичет тебя.

- О, бедный, защищайся тогда.

Хлестнули камчой, кони поднялись на дыбы. Раздался звон бьющихся копий, удары щитов и скрип железа. Бьются за жизнь. Кони испуганно фыркают. Наконечник копья вонзился в грудь Токтамыса и он упал. Нуралы выкинул наконечник, вонзившийся в ляшки.

Токтамыс погиб. Так окончился произвол Токтамыса в Сибири. Нуралы пришлось обратиться к лекарю-тауыпу и он с остатками своих воинов возвратился назад. В пути встретился с отцом Улу-би. Улу-би следил за ходом каждого сражения сына и вот сам вышел в поход для оказания помощи ему. Успокоились наконец.

- Спасибо, сынок, завершил одно трудное дело.

- Со спины теперь не будет враждующих с нами.

- Было бы спокойствие, - чуть протяжно прозвучал голос Улу-би.

- Почему так сказали?

- Да, об этом ты еще не слышал. Золотую Орду опять захватил Жалаладин.

- Шадибек...

- Разве Шадибек считается с народом, вот и дошел до этого.

Улу-би со своим небольшим войском не остановился в своей Орде на Улутау, направился к основному городу Золотой Орды. Теперь на очереди стоял сын Токтамыса Жалаладин. Не доехал еще до назначенного места, как ему доложили последние новости. Жалаладин, оставив трон Орды, сбежал. Ему кто-то донес, что

Улу-би срочно едет сюда со своими воинами. Пока он находится между реками Яик и Едил.

Воины Улу-би отправились по следам Жалаладдина. Он нигде не останавливался. Как лиса, убегающая от охотника, он бродит и туда и сюда между Едилом и Яиком и наконец перешел на башкирские земли. Улу-би считал недобрым делом пройти по башкирским аулам со своим войском. Известные старики этой страны тоже уверили их, что они не предоставят жилище сыну Токтамыса.

- Жаль, что не сможет гнать этого злодея до края земли, - сказал Кажы Мухаммед.

- У нас сил мало. Жалаладдин нашел защиту у русских и нашел поддержку. Пойти туда с небольшим войском и отступить, это дать ему новую возможность. Надо и такое учесть, - успокоил его Улу-би.

- Теперь куда?

- Теперь в Золотую Орду. Надо увидеть своими глазами, что творится там.

В пути услышали последнюю новость.

- Когда сбежал Жалаладдин, Шадибек опять сел на трон.

- Ну и дела, - Улу-би прыснул.

- Надоела драка этих, они, как бабы, после смерти спорящие, кому какое полотенце достанется, - улыбнулся Кажы Мухаммед. - Что за нескончаемая песня? Как собаки, ждущие, когда котел останется без крышки.

Улу-би не ответил. На лице его печаль. Он никак не может поверить нескончаемому переходу власти от одного к другому и обратно.

- Узнав, что Улу-би едет к Орде, Шадибек тоже сбежал.

- Вот это да.

- Куда?

- В Крым подался.

Улу-би доехал до столицы Золотой Орды и установил свою походную Орду. Назавтра собрал всех уважаемых людей, с кем он делился своей тайной и мыслями. Последние события изрядно надоели народу и они встретились с Улу-би со слезами на глазах. Им так хотелось установления мира и спокойствия.

- Уа, мой народ, если мы продолжим борьбу за трон, то мы сдадим страну врагам. Кто ищет защиты от врага, кто идет сюда с воинами врагов, тот кто бы он ни был, предатель. Если мы будем обороняться от предателя всем народом, тогда мы достигнем благополучия. Слышал, Шадибек тоже умер. Надо продолжить

наследственность владения тронном. Хан Болат более подходящий для трона. Дайте ему свое благословение.

Безмятежная жизнь, казавшаяся Улу-би красотой этого мира, прекрасное вдохновение жизни теперь стали остывшими, неинтересными. Вот наступает преклонный возраст, мало что ждет его впереди, надежды туманны. Никак не кончается борьба не за народное благосостояние, а за трон, которым он может владеть несколько минут, часов, дней. Литовцы, русские, используя это, как кошки, приближаются к своим целям. Как опередить их?

Улу-би в тысяча четыреста восьмом году, осенью с большим войском отправился в поход. Подштовились к походу очень тайно. Слухи о Литве и русских князьях остались без вести. Князю Москвы от имени хана Болата отправили письмо. «Отправляюсь в Литву отомстить и наказать их за их зло, творимое на русской земле. Поторопись благодарить нас». Князь Москвы был напуган. «Кто знает», - думал он, тоже собрал войска. Отправил боярина Юрия к Болат-хану, чтобы в точности разузнать дальнейшие планы Едиге. Юрий без вести пропал. В середине пути Едиге князю Москвы отправил второе письмо. «Что мы слышали о тебе, все подтвердилось. Ты защищаешь сыновей Токтамыса, нашего врага, поэтому иду к тебе со своим войском».

Мухи мельтешили перед глазами князя Василия. Защиту города поручил своим братьям Андрею и Петру, а сам со своей семьей сбежал в Кострому. Он уверил жителей города, Москва имеет каменноплитную неприступную курган-крепость и очень много пушек. А его братья, оставленные для организации защиты города, сожгли сотни домов, близко стоящих к стене крепости, заявив, что «эти дома затруднят защиту города», и в Москве запылал пожар. Десятки тысяч русских, потерявших свои дома, без защиты, со своими детьми хотели зайти в город, их не пропустили через ворота, сказав, что с увеличением жителей в городе не будет хватать продуктов. Русские, оставив все, сбежали в леса, искали защиту в других городах.

Этот край, эти дороги хорошо знакомы Улу-би. Южная сторона испокон веков степи Дешти Кыпчака, а дальние русские леса. В далекие годы в этих местах неожиданно сражался с русскими воинами, не раз показав грозную силу сабли Золотой Орды. Участвовавшие в тех сражениях воины с седеющими волосами еще есть среди своих людей. Андасын, Кажы Мухаммед рядом с ним. Не раз ходили по руслу реки Едил и искали переправу.

Андасын постоянно наблюдает за происходящими событиями и изменениями. По его мнению, в прежние времена в степях Деш-

ти Кыпчака и на побережьях реки Едил полно было народу, а теперь их стало совсем реже. Многие стоянки, пастбища пустуют. К Литве примкнули русские и продолжали нашествие, жители этих краев погибли или, спасаясь, уходили в другие области. Не счесть народ, уходивший к Уральским горам, Дону, Куану, Яику.

В последние годы москвичи быстро поднимают голову. Кажется, какие-то силы их натравливают. Неустанно увеличивают огнестрельное оружие. Люди Орды донесли, они такое оружие покупают из стран Запада, особенно в Литве и Польне. Золотая Орда не раз просила эти страны продать им тоже оружие. И послы и их купцы, ходившие туда с золотом и серебром, вернулись ни с чем. Не все ли равно, чьи эти золотые монеты, ханские или русские. Но нет, такое оружие не продается «татарам». Даже русские, обманом получившие месторождения железных руд у Токтамыса, перестали продавать чугуны караванам, пришедшим из Орды. Так они начали сжимать Орду со всех сторон. А целей и надежд у них еще больше.

Улу-би на этот раз хотел встретиться с известными людьми татар, отличившимся в сражении на Борсы́ты. Рахим знал об этом походе и искал пути присоединения к ним. Не встречались около десяти лет, Рахим немного постарел. Ростом не согнулся, по волосам и бороде пробежала белизна, на густые брови, сползающие на глаза, иней сел. Не очень спокойно и в стране. Московские разбойники-воры нападают часто, иной раз пользуясь безмятежностью, грабят и угоняют скот. Страдает народ, иной раз не бывает возможности защитить их. Держать постоянно войска тоже возможностей мало. Страдающий народ оставляет земли Московской стороны и переселяется к городу Казани и в ее окрестности.

- Нам тоже надоели постоянные стычки, переселение с одного района в другой, - Рахим высказал свое переживание. - Хотим мирную жизнь. Удастся ли это? Хотелось бы укрепить дружественные связи с братскими народами, не дать пути к раздорам между ними.

- Самая правильная мысль, - одобрил его Улу-би.

- Огонь ссоры разжигать легче, поддержать огонек дружбы не легко, - ответил поговоркой Рахим.

- Нам как бы суждено видеть эти трудности. Братья борются за трон, враг предвкушает наше добро.

- Скажи-ка, что за нескончаемые ссоры, что за честолубие?

- Не было бы ссоры и честолубия, если не трогали и не притесняли москвичи людей Алаша, проживающих по реке Едил. Сами завели эту болезнь внутри себя, а теперь на можем найти пути лечения, - Улу-би выложил то, что у него внутри нагорело.

- У нас говорят, от великого тоже рождается такой, за чашку супа не возьмешь-поддержал его Рахим.

- От ничтожного рождается такой хороший, не увидев, не поверишь, - Улу-би продолжил поговорку Рахима. - Верно говорят наши казахи: «хороший жигит от рода матери».

- Да, у нас тоже так говорят.

- Умельчение потомков великого Чингизхана нечем объяснить, кроме ослабления, нечистоты их крови. Держали трон, захотелось взять красавицу для теплоты постели, несмотря на ее род и кровь. Есть поговорка, что чем безвестная красавица, лучше известная, родовая рабыня. Наконец святую, величественную кровь Чингиза замешали на бесчестную кровь и родились не знаменитые потомки хана, а козлы-драчуны.

- Улы-би, ваши слова - чистая правда, - Рахим, одобрительно махнув головой, продолжил разговор. - В нашей стране известный богатырь женился на очень красивой девушке, на свадьбу известный старик не явился. После, когда наступил момент, батыр высказал недовольство аксакалу, и ответил почетный старина: «Чему радоваться, не в ту воду вошел клинок, на вид красна, внутри дурь». Она не будет рожать такого сына, как ты.

- Лучше не скажешь, жесткий, но справедливый ответ.

- Не знаю? Или правда, или нет просто не узреть, - Рахим опять высказал свою печаль.

- Правда в том, чтобы не допустить холодок между братьями.

- Да, это правда.

- Смогли бы эти мысли внедрить в душу каждого сына алаша, - В голове Улу-би прозвучало сожаление.

- Поэтому мы с нашими соседями, братьями башкирами, зачастили свадьбы устраивать.

- Думаю, это тоже правильный шаг.

- Хотелось бы смешаться так, чтобы мы стали единым народом. Это наша мечта.

- Всем так надо объединиться под одним куполом.

- Я делаю свои шаги.

- Вот спасибо за это, - улыбнулся Улу-би.

- Сыну исполнилось семнадцать лет. Недавно побывали у свата башкира.

Улу-би начал собираться в поход, Рахим подарил ему целый косяк лошадей и сказал:

- Это моя помощь твоим воинам.

Сам тоже отправился в поход, собрав войска из людей алаша, живущих в окрестностях Казани. Улу-би был рад, что он посетил один из святых домов алаша. Рахим, присоединившийся со своими людьми - не простолюдин, а один из знатных людей этих краев. Улу-би попросил Рахима:

- Хотелось бы осмотреть Казань.

Построенная по течению великой реки Казань ошеломила своей красотой. Радует каменностенная крепость своим величием. Величаява крепость своим видом подчеркивает, что здесь проживает честный гордый народ. Улу-би про себя сказал: «Жив будет твой благородный народ, целью будут твои стены». В середине города оказался высокий минарет, стены окрашены, как в Багдаде и в Бухаре, заполнены словами святого Корана. Да, Аллах создал прекрасный мир, а этот прекрасный минарет - творение человеческих рук. Улу-би был очарован. Да, кто тогда знал, что этот недоброжелательный враг злыми путями захватит город, прекрасная, святая молодая Сулубике поднимется на вершину прекрасного минарета, бросится вниз, приговаривая: «Пусть не тронут мое тело грязные руки неверных».

Улу-би к дальнейшему походу не спешил. Слышал, что князь Василий удрал из города. Испугавшись беркута, как степные звери, очень напуганные люди улуса русских, по их силам и возможностям подались в бегство. Да, не хочет Орда уничтожить их всех подряд. Если бы хотели, то во времена могущества Золотой Орды никто не мог бы остановить воинов Орды. Сейчас Золотая Орда хочет только показать грозную силу, на колени их поставить, чтобы они не возомнили себя богатырями и непобедимыми.

В этом походе он искал своих друзей единоборцев, сражавшихся в те далекие времена на реке Пьяне. В яростных битвах они, не боясь, бились, казалось, они сами ищут смерти, их теперь не оказалось в живых в этом бренном мире. Смерть настигла каждого из них в своем доме, склонив пояс, наклонив к земле, покрыв седьмой волосы.

Показалась Москва, обнесенная высокой каменной стеной. Каменная стена обшарпана дымом пожара. Ветки, полусгоревшие стволы деревьев, как пальцы опаленных птиц, растопырены к небу.

- Эти русские в поспешности как бы не опалили свои известные места, - засмеялся Андасын.

- Да, ты пожалей их, большинство из них - дети наших баскаков, переименованные в русских, - улыбался Тунболат.

- Ну вот, по заслугам, - Кажы Мухаммед указал на полусгоревший город.

- Ну какие они герои, сами себя сжигали, - Рахим, хлестнув коня, поехал дальше.

С небольшой возвышенности наблюдали город, обнесённый крепостью. Угловатые местности крепости построены для удобства огнестрельных оружия. Оттуда же видны стволы пушек и ее обслуга.

- Вот почему они начали гордиться, - Кажы Мухаммед своей камчой показал огнестрельные оружия.

- Найдем и на это выход, - обнадежил Рахим спокойно.

Войска Орды подошли к Москве и взяли город в окружение.

Взятие города не начали. Не раз приходилось Едиге нападать на укрепленный город. Он знал, что лучше всего изморить город окружением, вызвать недовольство горожан, показать свою силу и неизбежность падения. Будут ли теперь терпеть братья Василия такое долгое окружение. Может, эти братья сами выдержат, но городское население сможет ли долго находиться в безвыходности между смертью и жизнью. Нет, тогда они выступят. Когда голод охватит город, нужны ли будут эти пушки.

Улу-би послал веление князю Твери Ивану, сыну Михаила, прибыть со своими пушками в Москву для взятия города. Князь Твери с ответом послал своего гонца, что он выехал со своей пушкой и небольшим отрядом. Дошел слух о возмущении Тверского Ивана: «Народ страдает от того, что эти москвичи в мирное время сами ищут врага на русских».

Для поиска и поимки Василия, удравшего, оставив трон, Едиге выделил тумен войск во главе со своим сыном Жаксыбаем.

Известно было, сколько воинов охраняют Москву и какое оружие они имеют. Защита города усилена, но захватить его тоже не очень трудно. Улу-би не желает лишнего кровопролития. Какую бы радость не принес, какое бы добро не захватил, все проходное. Такие радости не стоят слёз родственников погибших людей.

Другие города русского улуса, боясь многочисленных войск Алаша, с хлебом и солью открыли ворота. Проходят бесчисленные годы, кто тогда знал, что сын Карамурзы напишет «В помине не было сопротивления. Русские были, как бараны, попавшие в лапы волка. Они на колени вставали перед степняками и ждали своей участи».

Через пять-шесть дней вернулся Жаксыбай, отправленный на поиски Василия.

- Сквозь землю провалился.
- Наверное, дальше Новгорода подался.

Стало заметно и волнение городских жителей. Имеющиеся продукты бояре не могли делить поровну, и народ начал шуметь. Об этом тоже донесли Улу-бию. От голода начала плакать детвора, за это простолюдины готовы были взять оружие против бояр. Испуганные бояре обязались платить триста тысяч золотых и на вечные времена признать Золотую Орду.

- Этого мало, откройте ворота города, - требовали люди Орды. Бояре попросили три дня для проведения совета.

- Ладно, - ответили державшие слова люди Алаша.

В тот же день из далекой Золотой Орды прибыл гонец от хана Болата. Хан требовал поспешно, днем и ночью, гнать коней, возвратиться в Орду. В Орде не все спокойно. Узнав, что Улу-би отправился походом в русские земли, внезапно сын Токтамыса Жаллаладин с войском из западных стран прибыл к Орде. Там идет резня. Улу-би помрачнел.

- Победили же, смогли же взять все огнестрельные ружья... Эх! - сел, скрипя зубами.

- Какие вражеские помыслы можно совершить против своего народа? - Кажы Мухаммед бил камчой землю.

- Надо же... - Андасын закачался, - надо же, когда Мамай побеждал русских, его с затылка ударил Токтамыс. С того времени как отправляемся в сторону Москвы Токтамыс или его сыновья организуют что-то против нас. Опять они что-то натворили. Когда же кончатся дни предательства?

На следующий день Улу-би вынужден был согласиться с московскими боярами, они заплатили триста тысяч золотом и дали клятву на вечную покорность. С этим он поспешно возвращался назад. По пути один из его разведчиков наизусть прочитал письмо Витовта Ливонскому Ордену, где говорилось, что он помог одному из сыновей Токтамыса Жаллаладину стать царем своей страны.

Москвичи никак не могли поверить, как они остались целыми и невредимыми.

- Едиге возвратится, накажет нас, - говорили многие.

Чтобы удостовериться в возвращении войск Золотой Орды, бояре посовещались и четыре-пять бояр во главе с сыном Иона Ильей пошли проводить Улу-би. Подарки для Улу-би были особенные. Через три дня проводов они попросили разрешения возвратиться. Улу-би вызвал писаря и при боярах написал письмо князю Василию. «Василию, думе и князьям от Едиге. Слышали,

что Токтамысовы дети у тебя и того ради пришли сею ротою к вам. Царевы послы и гости из Орды к вам приезжают, а вы послов и гостей на смех поднимаете, а прежде сей улус перед царем страх держал, пошлины платили, послов царя уважали, гостей гостили без обиды. А ты понимаешь, что делаешь? Вот Темир Кутлук сел на царство, ты сам в Орде не бывал, царя в очи не видел, ни князей, ни бояр не присылал. И потом Шадибек царствовал, у того таки не бывал. Ныне царь Болат хан уже третий год, ты как главный князь улуса русских опять не показался. Неправильные твои дела. При бояре Федоре Кошке ваши мысли и поступки были правильны, он всегда напоминал тебе доброе отношение к вам хана. Теперь его плохой сын стал твоим другом, ты выполняешь то, что он тебе сказал, и не слушаешь многовидавших аксакалов. А что выиграл? Улус твой разграблен. Хочешь жить мирно? Тогда на совет зови многовидавших старых бояр Илью, сына Иона, Петра Константиновича, Иона Никитина и других таких людей. Одного из них пошли к нам с выполненными налогами по Жанибек-хану. Только тогда твой улус цел, власть на месте. Ты, оказывается, от одного плуга по рублю собираешь. Тогда куда уходит это серебро? Если вовремя исполнишь налог хана, земля русских будет спокойна. А ты, как раб, прячешься и убегаешь. Думай и делай по разуму».

Улу-би велел писарю перечитать письмо, после своих слов поставил свою печать. В тот момент, кто знал, что через века письмо это окажется в архивах. Письмо отдал в руки боярина Ильи.

- Слышали, что написано?
- Слышали, слышали.
- Что неправильно в моих словах?
- Нет слов, все правильно.
- Если все это правда, почему не сказали об этом дураку Василию?

Он перестал слушать нас.
К чему приводят горделивость, сами увидели. Этого мало ему.

- Не говорите, они сами же сожгли город.
- В следующем месяце все налоги с недоимками не будут в Орде, эти же воины растопчут земли улуса русских от Нижгорода до Новгорода. Я противник работорговли, но чтобы вы вперед не заблуждались, тысячи людей, в том числе бояре, станете рабами.

Услышав это, глаза бояр вылезли на лоб. Пали перед Улу-би.

- Прости нас. Этого Василия бес попутал.
- Сказали, не послушал.

- Теперь умнее станет. Бегаёт же как раб.

Да, после этого князь Василий до конца своей жизни без никаких проволочек своевременно платил дань. Об этом свидетельствует старина - история.

Улу-би, не дожидаясь падения перед ним врага и их коленопреклонства, поспешно отправился назад. Заставила его безысходность. Без его возвращения не останутся насилие и грабеж Токтамыса и его сыновей и ужасные события в Орде. Как теперь пресечь путь Жаллаладина. Улу-би советовался со своими людьми.

- Самый храбрый и смелый сын Токтамыса Жаллаладин, - сказал Андасын.

- Похвалил очень хорошо, теперь скажи, что нам делать.

- А как его можно поймать, об этом нужно думать всем, - Андасын бросил взгляд на других.

- Его натравил Витовт, убежище тоже в Литве, - начал Улу-би.

- Тогда, - в разговор вмешался Тунболат, - всех жителей русла реки Едил и жигитов, кто может нести копье, посадить на коней и обрезать путь к его отступлению.

- Витовта и его дубинку Жаллаладина интересует трон Орды. Трон в их руках. Тогда будут ли убегать, оставив власть? - сказал Андасын с подозрением.

Он, как голодная собака, во двор входит обманчиво, виляя хвостом, и где ходит и когда сможет возвратиться этот злодей, никто не может предугадать. О, судьба! Сказать нечего, судьба связала его со злодеем и предателем. С этого мира отправляется на тот мир один из ненасытных предателей, высказывает такой же другой. Когда же кончится борьба с ними? Улу-би тяжело вздохнул.

- Если мы быстро не соберемся и не поедем, его поймать нам не удастся, - говорит Тунболат.

- Сражаться с нами, столькими воинами, он не сможет, - сказал Кажы Мухаммед.

- С того хана Болат мы только получили одну весть. На месте ли он? - Андасын обернулся к Едиге. - Как бы не опоздали.

- Да, прошло время, как бы не сидел, как пень, тот злодей.

Рука Тунболат, как бы готовая к рубке, схватила ручку сабли.

- Бесперывно протекают перед нами скорбные события, жаль, что живем в такое время. Что написано в судьбе, придется пережить. Плохое не едет на верблюде, а незаметно заходит, говорили старики. А эти идут с саблями, с кровью, - сердито сказал Кажы Мухаммед.

- Начальные помыслы у них плохие, поэтому от них хорошего не жди, - добавил Андасын. - Плохое начало с матки матери у них.

Улу-би решил, чтобы перехватить обратный путь его, лучше посылать войска. Едиля во всю длину сеткой не закроешь, а следить за переправами необходимо. Срочно отправился Кажы Мухаммед со своей тысячей.

- Отец, разреши мне тоже, - просил Жаксыбай, - хотя бы изгнать из себя ярость на врага.

- Не торопись. Обо всем мне известно. Одним сражением печаль не изгонишь. Да, сохранит Аллах вас от смерти, не достигая своей желанной мечты.

- Хорошо, отец, - Жаксыбай задумался и удивленно посмотрел в лицо отца.

Поздно прибыл Улу-би к Орде. Борьба за трон кончилась смертью Болат-хана. Не только сам Жаллаладдин, даже его отец Токтамыс не смогли одолеть Едиге, и его сердце не выдержало угрозу Улу-би, оставив трон, бежал без оглядки. В верхнем течении Едиля нашел переправу и опять прибежище у Витовта. Пустует трон Золотой Орды. Уселись бы сыновья торе, потомки великого хана, но все они остерегаются Улу-би.

Кому достанется святой трон? Как сохранить наследственность? Да, есть сыновья Болат-хана. Не созревшего одного из них посадить на трон опасно, Улу-би обдумывал. А если Темир? Темир - родной старший брат Болат. В далекие молодые годы что же ждал Темир Малик, поручая Темира Едиге. Да, тогда, взяв внука Темира он просил: «Не спускай с него глаз, помоги». Молодой, еще ничего не знающий, что его самого еще ждет, Едиге дал свое обещание. Кажется, вот наступило время исполнения обещанного. Темир не такой, как Болат, горделивый, честолюбивый. Но Улу-би никак не мог найти другого и посадил его на трон. Остальные люди, зная тоже признали его своим ханом, а он, Улу-би, возвратился к своей Орде на Сары-Арке.

На трон хана по наследству посадил еще одного торе. Можно сказать, есть владетель трона, но Улу-би не может верить, что новый хан сможет заботиться о народе, дальне продолжит дела страны. Куда не помотришь, настигают трудности, чувство недостатка берет за горло. Те мечты, когда он хотел выиграть время, чтобы заново поднять Золотую Орду, пока еще далеки. Нагрузив себя мечтой длинной человеческой жизни, не слезал с коня и волосы в седине. Чего достиг, чего нет? Медленно, как кошки, ползая по земле, захватывают русские, что же ждать в будущем от беженцев, людей Алаша. Все следят за троном, всем им хочется власти. С такими помыслами они глубоко топят трон. Об этом они не задумываются. Из-за вражды на троне пустует Сарай. А почему так,

опять никому нет дела. Во многих городах Золотой Орды развивалось рукоделие, мастерство по железу, по золоту, покрой одежды, все производства. С одним кочевым скотоводством не может пойти далеко его страна. Хотя бы один из этих сидящих на троне задумался бы об этом.

Кажется, Темир-хан тоже глух. Много вестей доходит до него. Все говорят о шуме-гаме вокруг трона хана. Все, как муравьи, нашедшие пищу, околачиваются около трона, все они потомки великого хана. Пустое бахвальство. Хвалят и подкладывают подушку. А под подушкой может быть кончик копья, хану Темиру это не понять.

- Хан Темир объявил членов совета хана.
- А кто туда вошел?
- Сам только знает их, а другим они не знакомы.
- Значит, незрелые.
- Может быть.

Среди членов совета не оказался Улу-би. «Как хочет, так поступает», - думал Едиге. Его волновало только то, что среди людей совета нет ни одного человека, отдавшего свою жизнь за людей Алаша. Многие люди думали: «Улу-би с этим не согласится, взбунтуется».

Да, первоначально хорошо знающий положение людей страны, он не хотел согласиться, потом думал, да не буду вмешиваться в их дела, может быть, им суждено найти новый путь, народ пойдет за ними, и из этих трудностей сможет найти выход. Ну, если совсем станет на путь заблуждений, то даст о себе знать.

- Отец! - говорили его сыновья.
- Что он творит? - возмущался Кажы Мухаммед.

Всех остановил. Надо уметь ждать, говорил им. Но время не дало долго ждать им. Воспользовавшись ссорой между Улу-би и Темир-ханом, за одну ночь захватил трон Орды. Улу-би на этот раз не спешил. Так рвется к трону Жаллаладин, может, он найдет путь истинный и совершит доброе дело для Орды. Но за его спиной стоят русские и Витовт. Одолевает сомнение, не захватят ли землю враги, не станут ли сыновья Орды чьими-то рабами?

Через открытые двери Орды видел отдельную вершину Улутау и на эту высоту, облаченную белым облачком, долго смотрел. Свою жизнь в этом мире начал не ради собственного благополучия, а с заботой об этой стране. Нагрузив себя этой мукой, проходит и жизнь. Всегда с народом, какие бы трудности ни были, он не отошел от народа. Но все равно он чувствовал свое одиночество в этом мире. Да, судьба не раз сжимала его до последнего вздоха. Из

всех мечтаний ему достался созданный им казахский улус. Будь то судьбою начертено забота за него, тревожится за его благополучие, следить за ростом поколений. А он хочет, чтобы таким благополучием, созданным в этом улусе, овладели все народы Алаша. А вот судьба связала его с недорослями хана, как скакуна с клячей. К судьбе его смерти и прощался он с жизнью с большим сожалением.

Зашел Андасын. Оглянувшись пару раз и на один бок лег.

- Что нового?

- Все по-прежнему.

Спасибо судьбе, что он соединил его с этим другом. Ни от кого ума не просит, за совет тоже ничего не просит, лишнего ничего не говорит, попусту тоже не спорит. Далекие, позади оставшиеся времена, дал руку помощи и так продолжает всю жизнь. На необузданного коня судьбы сели вместе и едут, не отставая друг от друга. Но что-то неладно с его здоровьем. Не отстает кашель, вид немного изможден. «Хотя бы ты будь со мной», - думал Едиге с какой-то тревогой.

- Что за кашель?

- Сказать коклюш, я не ребенок, сказать, хворь старческая, не одолела меня старость, да это просто так. Печалиться не за что, - Анасын подальше отодвинул болезнь от себя.

- Обратись к лекарю-тауип.

- А что лекарь? Здоровье - это не серьга, продырявил уши и надел, отрезать что, этого тоже нет. Будем пить кумыс и все сойдет.

- Чего тогда ждешь?

Андасын, как бы говоря «что мне делать», бросил измученный взгляд и солгал. Не сказал бы лишнего, думал Улу-би, и ему стало не по себе. Из-под бровей взглянул в лицо друга, нет обычных красивых оттенков, вид тоскливый. Самый близкий друг его с людьми умел вести беседу, с младшими мог найти общий разговор. Только Андасын был рядом с ним, когда впервые остановились здесь в Улутау. Они вдвоем собрали народ сюда, казахов, бежавших от насилия надменных ханов, приютили всех под одним куполом.

- Где Шауешек-би? Что-то не видно его? - Улу-би поменял разговор.

- Е, несладкая его жизнь тоже.

- Все-таки...

- У казахов, наверное, не отстанут споры за вдовствующих.

- Дед был сыном, а мать девушкой, что же делать.

- Наш би устал за решением таких споров.

- Людям не всегда понадобится богач, а би всегда необходим.

Усталость за народные дела - это даже не присесть.

Жигит стремительно едет с Улытау на блестящем черном коне, покрытом белой попоной, и резко остановился.

- Что за езда такая?

Переступив порог Орды, поздоровался, сел на колени. Чашку кумыса выпил одним глотком, протер рот.

- В Золотой Орде опять смута.

- Дальше скажи.

- Хана Жаллаладина убил его брат Керимберди. Хан теперь он. Группа эмиров поддерживают его. Люди бывшего хана убежали в Литву.

Опять началось побоище. Улу-би сожалеет. Жаллаладин владел тронем хана год и три месяца. Известен и Керимберди. Один из сыновей рос среди русских. Он сторонник русских. Могущественному Витовту это не нравится. Опять войной пахнет. Никто ничего не теряет, кроме Орды, как бы она не распалась.

Месяц не прошел. Для изгнания престола Керимберди Витовт на Вильно признал ханом Бактыбека, надел на голову корону, шапан с золотым поясом. Бактыбек с войском Витовта зашел на земли Орды. Часть честолюбивых поддержали его, часть остались с Керимберды. Произошел раскол. Битвы за трон между братьями происходили несколько раз в разных местах и закончились смертью Бактыбека. Его родной брат Еримберди со своими сторонниками бежали опять в Литву, и их приютил Витовт.

После длительной болезни скончался Андасын. Перед смертью, тяжело вздыхая, он сказал Улу-би: «... Один ... остаешься».

Улу-би тяжело переживал смерть друга. Потеря друга, пережившего все тяготы с ним, оказалась самой мучительной из всех трудностей, перенесенных им. Около небольшой крепости у речки Каратал на возвышенности похоронили неразлучного друга. Проводили по обычаю семидневку и сорок дней. Так прошло еще пять месяцев. Опять со стороны Золотой Орды прибыл гонец.

- Хан Керимберди ушел из этой жизни.

-Что сказал..?

- Владеет тронем его брат Кепек.

- Как умер Керимберди? - допытывался Кажы Мухаммед.

- Смерть хана от людей.

- Кто же убил его?

- Кепек.

Не видать конца этой борьбы. Теперь ждать-то нечего, чего хочет враг, всем известно. Во внутренние дела Золотой Орды вольно вмешивается внешний враг. Кто слышал, что враг по своей воле ставит на трон хана своего любимца. Жаллаладин делал то, что

хотел Витовт, а Керимберди - кукла-дубинка Москвы. Кто позаботится о людях Алаша? Витовта поддерживали люди, продавшие свою душу за золото-серебро, сторонники Москвы тоже такие продажные. Враг разделил людей на противоборствующие группы.

В далекие годы и хан Узбек пришел к власти в таком трудном положении, думал Улу-би. Тогда на трон хана должен был сесть потомок Чингиза, а завладел троном кто-то другой, без рода и племени. Его изгнал Узбек-хан и собрал потомков Чингиза.

- Святой трон не смогли уберечь от простолюдина, вы достойны только черной работы. Говорят, по его велению эти потомки хана пасли скот.

Вот так бы поступить. Но кто может совершить такую необходимую, трудную задачу. Ханам-недорослям не под силу. Им только власть нужно. А за что? Их гнать-то некуда. Выгонишь, бегут в Литву, ищут покоя среди русских. Продать бы их всех в рабство, да он сам противник рабовладений. Нет, нельзя сидеть сложа руки.

Улу-би думал о Шынгысе. Он один из сыновей Токтамыса. Но в отличие от других он вырос в другой среде, воспитание другое. От русских далек. Шынгыс вырос среди детей Амира Темира, и для него Витовт - капир - неверный. Он пару раз бывал и в Орде. Показался умным, разборчивым в трудном деле, легко общается с людьми. Да, он лучше других потомков хана, которых не разберешь, какому врагу продал душу за трон Золотой Орды.

Улу-би выгнал Кепеке, бежавшего между Русью и Литвой, и посадил на трон хана Шынгыса. На душе его стало спокойно. Шынгыс, уверен, будет бороться с нависшей опасностью с Запада. Он народа, прозванного узбеками, состоящими из жителей степи алшын, аргын, найман, дулат, конырат, от Турана такой опасности нет. Спор может быть, но дело до смерти не дойдет.

Витовт теперь тоже не остался в стороне. Он понял, новый хан Золотой Орды Шынгыс получил другое воспитание, мечты и думы его совершенно другие, и ему, Витовту, достичь своей цели теперь невозможно. Витовт связался с шыринцами в Крыму и объявил ханом Еримберди, вручил ему саблю Токтамыса. Хорошо подготовленный к следующим событиям царь Литвы вооружил своих воинов огнестрельным оружием, назначил главнокомандующим своего Радзивила и немедленно отправил в поход. Золотая Орда осталась без вестей. Враг переправился с реки Едил и внезапно оказался у стен Орды. Шынгыс не успел собрать войско и с небольшим отрядом вышел навстречу. Яростно бились. Гремели пушки врага, их оружие плавилось дымом и свинцом. Хан Шынгыс бился рядом со своими людьми и погиб.

Еримберди, получивший трон хана, грязным путем, с грязными намерениями, доволен Витовтом. Грабил свой народ, всю добычу вместе Радзивилом отправил Витовту и торжествовал. Вести дошли до Улу-би поздно. Узнав о смерти Шынгыса, он отправился в поход. Напуганный грозным Улу-би, Еримберди, взяв то, что ему попало в руки, спасся бегством, переправился через реку Едил.

На трон хана в 1417 году посадил султана Дербиса. Улу-бию было больше шестидесяти лет, но это его не остановило. Считал нужным наказать Еримберди-змею как следует. Пошел по следам Еримберди. Еримберди ютился у генуэзцев, давнишних сторонников Витовта. Улу-би захватил город Тана, наказал венецианцев.

Беглец Еримберди подался в Кофе. Они дали слово, что защитят его. Но по мере приближения Улу-би жители города начали возмущаться, и Еримберди бежал из города. Народ Кофа признали ханом Дербиса.

Еримберди стало некуда деваться и он отправился к своему последнему убежищу в Литву. Горделивый, ни за что лезущий в драку Еримберди надоел и своим спутникам, и они в пути убили его.

Мирно прошел еще один год. В продолжении мирной жизни не был уверен Улу-би. Потомков Токтамыса изгнал с земли Алаш. Но многие из них нашли приют в Литве, остальные среди русских. За трон они сегодня терпят наказание, а завтра, как волки, находят друг друга. А врагу это и надо. Что теперь-то предпринять надо?

С Витовтом враждуют уже более двадцати лет. В битве на Борсыкты он смог удрать, спасая свою голову. По его следу пошел Улу-би и окружил Киев. Жители города признали свою вину, поклонились и оплатили золотом-серебром, признали власть Орды. Да, в тот раз не смог долго преследовать Витовта и дойти до Вильно. В кровавом побоище на Борсыкты сильно поредела численность войска его, да и усталость не дала возможности продвинуться дальше. Прошли времена, Витовт опять стал более мощным. Огнестрелками обеспечил всех воинов. Ему помогают страны Запада — немцы, франки, румы. Все они остерегаются Золотой Орды. Витовта он в жизни не видел, но он представляется ему человеком с белобрысым лицом, охапкой волос, свирепыми глазами, вечно отдающим духом водки и одеколоном. Окружение его тоже такие же люди и они во все орудия расстреливают сыновей алаша. От такого представления сердце шемит, иной раз воздуха не хватает.

В возрасте шестидесяти трех лет Улу-би отправил письмо Витовту «не могу утаить от внимания пресвятлейшего князя, ведь мы оба с тобой идем к закату жизни, поэтому следовало бы остаток нашей жизни провести в мире, а та кровь, которая между нами

была пролита, всосалась в землю, ветер развеял слова укора и гнева, пламя войны очистило сердца от зла, а вода погасила пламя».

Между ними установился мир, подписано соглашение. В следующем году в Крыму появился сын Токтамыса Кадирберди. Его поддержали ширинцы, Витовт опять объявил ханом. Да, за этого Кадирберди в возрасте тринадцати лет заступилась дочь Токтамыса Жанике, ставшая женой Едиге. Воспитала тайно, потом отправила в одну из далеких стран, об объявлении Кадирберди ханом в Крыму Улу-би слышал в свое время.

- Нет будущего для Крыма, раз он отделился от Золотой Орды, - сказал Улу-би Кажы Мухаммеду, - почему он этого не понимает. Издалека Крымом интересуются Венеция и Генуя. Почему он не думает, что с Крыма поляки и литовцы не спускают глаз? Как черная туча, опасность надвигается с русских земель. Года два отсидит на троне, будет торжествовать, потом отделенное от Золотой Орды маленькое ханство проглотят иные страны, а народ станет рабом этих господ. Неужели этого не видит этот молодец?

У Кадирберди мысли были далекие. После завладения троном, в первую очередь он от своего покровителя Витовта взял хорошо вооруженные войска, к ним добавил войска, собранные из народа Крыма и без объявления войны переправился через реку Едил. Улу-би исполнилось шестьдесят три года и он поручил командование войска али Кажы Мухаммеду. На притоке Уш Борте реки Елек воины алаша встретились с войском противника, вооруженного огнестрельным оружием. Обе стороны остановились на небольшом расстоянии. Вперед вышел Улу-би:

- Уа, братья крымчане, подождем с кровопролитием, сперва вспомним духи предков и давайте подумаем, что ждет впереди наш великий народ. Пусть выйдут вперед те, кто осмысливает слова, те, кому судьба народа небезразлична.

Не было ответа на его слова. Воины стоят как каменные истуканы без движения и молчат. Вперед продвинулся Кадирберди.

- Слова впустую не трать, мы насытились словами. Мечтали, когда ты попадешь в наши руки. Ты отсюда живым не выйдешь! - Кадирберди обернулся и показал на свои войска, где каждый держал огнестрельное оружие.

От яркой злости лицо Кадирберди позеленело. Он Улу-бия и людей алаша считал своими кровными врагами. Он считал виновными их за свое несчастье и это зашло в его душу. Сколько он потерял в жизни, и вот наступил момент расплаты, думал он. Это оружие, которое в его руках, и войско, вооруженное огнестрельным оружием, он получил от Витовта, друга своего отца. Что он

просил от него, теперь рядом с ним, Едиге с седеющими волосами стоит перед ним. Со своими воинами и воинами Литвы он договорился никого не жалеть, добыча, попавшая в их руки, это их доля. Пусть грабят, насилуют безжалостно. Кровью пропахнет степь.

- Братья, - сказал опять Улу-би, - степи чужда кровь. Кто победит, тоже неизвестно. На сражении при Борсыкты Витовт, имея столько пушек и ружья, потерпел поражение. Свидетель Аллах, мы братья одной крови и религии. Сражаясь друг с другом, мы становимся жертвой других.

Среди крымчан, стоящих за Кадирберди, послышался одобрительный гул. Кадирберди понял, ждать нельзя, могут победить ордынцы, и он с криком призвал всех на бой.

- Вперед! Бей их!

Горячих коней еле держали на местах и они с первым криком вздыбились в небо и бросились вперед, окрикивая всех в пути. Вынули сабли. Настал момент, никто никого сейчас жалеть не будет. От залпа огнестрельных орудий первый ряд воинов алаша залегли, но они не остановились, пристреливая луком, кромсая дубиной, сеча саблей, вошли в середину кровавой бойни. Улу-би на белом коне перепрыгивал через убитых, вместе с рядовыми воинами яростно бился, ужасая всех, как безжалостный тигр. У какого-то врага вырвал саблю, и имея в обеих руках меч, рубил и двигался вперед. Противостоять ему стало невозможно.

- Они не думали шадить нас. Тогда не жалейте их, бейте! Особенно тех, кто с ружьем, - крикнул в один из удобных моментов Улу-би, - Аллах с нами!

Улу-би, как в молодые годы, кинулся туда, где огнем горела человеческая плоть. Там, где он бился с обеими саблями, оставался проход. Несколько раз враги хотели его окружить, но умный конь Акбоз своевременно уворачивался от удара сабел и дубин, никого близко не подпускал.

В один из моментов он вспомнил сына Нуралы. Рано ушел из жизни. Был бы он, как повернулось бы сражение. Вспомнив о нем, сердце защемило. Судьба же, он тоже погиб за эту страну, за будущее народа.

- Отец! Отец! - откуда-то прибыл сын Жаксыбай.

Нет, он не такой, как Нуралы, у него не хватает сил и умения зайти в самую середину яростных сражений. Нет, пусть он останется в живых. Вывел Жаксыбая из середины и поручил ему:

- Скажи Кажы Мухаммеду, пусть теперь ударит их по бокам.
- Отец, не заходи же ты в середину.
- От судьбы не убежишь, сынок, не такое повидали.

- Все-таки...

- Иди! - приказал Улу-би, нахмутив брови.

Да, думал Улу-би, сегодня судьбу решает сабля. Если святая сабля Золотой Орды опрокинет врага, тогда поколение будет жить. Если... Ну, тогда зачем жалеть душу. И раньине никогда не жалел душу, а когда у него жизни осталось как у старого барана, он ради страны на все готов.

- По крайней мере шеитом буду, - произнес он про себя.

Сражение в середине еще продолжалось. Какое-то зло охватило Улу-бия и он пристегнул коня Акбоза. Его боевой конь завел его в середину битвы. Тот рыжебородый целился в Тунболата, как бы эта собака не погубила его. Быстро вынув кинжал, целясь во врага, кинул. Кинжал вонзился прямо в горло врага. Ствол ружья поднялся вверх, и черный дым накрыл близкостоявших. Тунболат жив, о Аллах, благодарю тебя за это.

Кажы Мухаммед с двумя сотнями воинов, которых держал напоследок, ударили врага сбоку. Враги тоже поределели, но кое-где сражаясь группами, продолжали бой. В середине еще слышны огнестрельные залпы, ожесточенные крики, выстрелы из ружья, скрип бьющихся сабел и удары по щитам. Оттуда испуганные кони выбегают с телами убитых хозяев. Улу-би бросился туда. В один из моментов увидел Кадирберди. Он, кажется, тоже его узнал. Улу-би вступил в сражение с теми, кто преградил ему путь, и стремительно направлялся к Кадирберди. Рядом с ним стояло двое вооруженных, кажется, Кадирберди что-то сказал им, и двое свое оружие сразу же нацелили на него. Приближался Кажы Мухаммед и он крикнул:

- Ложитесь в бок коня!

Но произошел выстрел. Что-то, как огонь, прожгло, глубоко зашло в тело, и все внутренности как будто обожгло пламенем. Какой-то враг еще хотел ударить дубиной, но Акбоз быстро увернулся и вывел его с середины кровавого побоища.

Кажы Мухаммед не дал врагам перезарядить оружие. Со всей силы ударил одного из них саблей, и голова врага слетела с тела. Дрыгание тела без головы напугало второго и он попытался защититься, подставив ружье, но меч проткнул его насквозь. Спасая голову, бежал Кадирберди, но стрела из лука Кажы Мухаммеда, со смертоносным свистом вонзившись в спину, кончиком вышла через горло. Кажы Мухаммед бросился на поиски Улу-бия. Алтын Бахадур с боевым топором отрубил голову Кадирберди, упавшего с коня.

Все вокруг кружилось, все было как в тумане, Улу-би, обняв гриву коня, еще находился в седле. Знает это, остальное как во сне. Через некоторое время пришел в себя. Тунболат остановил коня, Кажы Мухаммед с другими людьми снимали его с коня. Неистерпимая боль одолевает, но он не хочет показать это своим, заскрипел зубами.

- ...Враг, - тяжело произнес он.

- Врага победили. Многие попали в плен, - ответил Кажы Мухаммед.

- ...Наши?

- У нас немного потерь.

- Тунболат...

- Улу-би... брат... брат мой.., - Тунболат еле сдерживал слезы, - Не переживайте за нас, лишь бы вы были целы, остальное наворачстаем.

- Отец! Отец! - с плачем упал с коня Жаксыбай. Его удержал Кажы Мухаммед.

- Жив! Жив Улу-би! Не беспокой его!

- Отец, зачем же ты зашел на середину битвы?

- Жа! (стой) - Улу-би поднял руку.

- Теперь что делать? - тихо спросил Кажы Мухаммед.

- Лекарь... Тауйпа вызывайте.

Окровавленную одежду Улу-бия лекарь отрезал по частям и при помощи жигитов очистил тело. Место, пробитое пулей, помазал лекарством и завязал белой тканью. Вид лекаря тоже смущенный, не хочет открыто смотреть на окружающих.

- Как? - спросил Кажы Мухаммед, отведя от других лекаря.

- Грудь пробита пулей, от этого он может выжить...

- А дальше?...

- Вторая пуля поразила печень, почки.

- Мы можем что-нибудь сделать?

- Все в руках Аллаха, дальше, что будет, не знаю, - лекарь покачал головой.

Улу-би тоже осознавал, что его состояние тяжелое. Врага победил, кажется, последний раз. Мечтательное марево играет в этой степи, как красива она. Дай Бог, чтобы в великой степи вечно играли дети алаша, казаха. Время пройдет, придет другое время, будут ходить в степи храбрые, умные сыновья, прогнавшие врагов с этих земель, будут те дни с высоко поднятыми знаменами. Достичь бы этих дней!

- Кажы...

- Я здесь.

- Довези меня до Улутау. Хочется быть на высоте той вершины, - еле проговорил Улу-би.

Выбрали иноходцев с самым мягким ходом, объединив их по два, нагрузили мягкими тюками, сверху положили Улу-би и тронулись. Часто останавливались, подавали ему воду, поглядывали, узнавали состояние. Прошли половину пути. Показалось, что Улу-би в прежнем состоянии, еще надежда есть. Подул утренний ветерок, в небо поднялся соловей степей - бозторгай и запел чистую, как синее небо, песню.

- Кажы... - послышался голос Едиге - Жаксыбай...

Едиге держал обеими руками их руки, на Тунболата смотрел долго и покинул сей мир. В Орду Алаша-казаха, жене Кагаз, к бию Шауешеку отправили срочных гонцов.

Тело Улу-би одну ночь оставили в Орде, у небольшой крепости у реки Каратал и на следующий день отправили на вершину Улутау. Любимый конь Акбоз тело своего хозяина донес до того места, где могут ступать его копыта. Потом построенные в четыре ряда до скалистой вершины сыны казаха передали из рук в руки его тело и подняли до скалистой вершины, объятый, обласканный лучами солнца. Там, на скале, вырыли яму. Люди долго не могли распрощаться с ним, не могли скрыть от своих взоров его, хоронили долго. Белоголовый беркут, обитающий на этой скалистой вершине, с небесной высоты падал вниз и, бросив воинствующий крик, резко поднялся в высоту. Погребение со всех сторон мастерами была заложена камнями, и была построена четырехугольная могила, похожая на колыбель казахских детей.

Вдруг в ясном небе загремел гром, засверкали молнии, разрезая небо, и небольшое белое облачко, прослезившись кратким дождем, исчезло бесследно. Чистое синее небо с прозрачной, наивной тоской взяло каменную могилу в свои объятия.

Историк того времени писал: «Он был человеком со смутным лицом, плотным телом, грозным взглядом, нагоняющим страх, бесстрашный, несравненно мудрый, вместе с тем с мягкой улыбкой, щедрый, понятливый, быстро принимающий решения, близкий к ученым и хорошим людям, шутливо ведущий беседу, держащий оразу, не пропускающий намаз, строго державший шаригат».

Так покинул сей мир потомок святого Шашты Азиза, храбрый, мудрый воин Золотой Орды.

Оглавление

ЕДИГЕ

I. Смутное время	3
II. Распутье.....	55
III. Преследуют одни... ..	138
IV. Тяжелые времена.....	164
V. Защитник степи Улу-би.....	206

КӘМЕЛ ЖҮНІСТЕГІ
ВЕЛИКИЙ СЫН
СТЕПИ
ЕДИГЕ

Перевод с казахского *Данияра Рашиди*
Верстка *Ставер Р.*
Дизайн обложки *Максұтов А.*

Подписано в печать 03.07.2020 г. Формат 84х108 $\frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Объем 17,5 п. л. Условно-печатный лист 14,7.
Тираж – 3 000 + 20 экз. Заказ №394.

ТОО РПИК «Дәуір», 050009,
г. Алматы, пр. Гагарина, 93а.
E-mail: priemn1@dauir.kz, zakaz@dauir.kz

ISBN 978-601-217-687-2

9 786012 176872

Камел Жүнісегі, родився 27.01.1939 г. в с. Аксу-Аюлы Шетского р-на Карагандинской области. После окончания средней школы получил среднее техническое образование. В 1961 году поступил в Карагандинский педагогический институт. В 1962 году за создание подпольной политической партии «ЕСЕП» был осужден.

Является автором, свыше двадцати книг, среди них пять романов, выпущенных издательствами «Жазушы», «Фолиант», «КазАқпарат», «НұрАстана».

Произведения К. Жүнісегі в основном посвящены трагической истории казахского народа. Благодаря его исследованиям были найдены и сохранены произведения кюйшы-композиторов Каддарбека, Жолди, Сембека, Макаша, расстрелянных в 30-х годах.

К. Жүнісегі внёс большой вклад в восстановление жизненного пути народного сказителя Шортанбай жырау, творчество которого было запрещено советской властью.

В 2019 году издательством «Фолиант» была выпущена книга «Қалғып кеткен халықтың намысын оятқан» о жизни и творчестве К. Жүнісегі.